

НОВЫЙ Журнал

№301

НЬЮ-Йорк

**THE
NEW REVIEW**
Новый Журнал

Основатели М. Алданов и М. Цетлин – 1942
С 1946 по 1959 редактор М. Карпович
С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев
С 1966 по 1975 редактор Роман Гуль
С 1975 по 1976 редакция: Р. Гуль (главный редактор)
Г. Андреев, Л. Ржевский
1976 – 1981 редактор Роман Гуль
1981 – 1983 редакция: Р. Гуль (главный редактор),
Е. Магеровский
1984 – 1986 редакция: Р. Гуль (главный редактор),
Ю. Кашкарров, Е. Магеровский
1986 – 1990 Редакционная коллегия
1990 – 1994 редактор Юрий Кашкарров
1994 – 2005 редактор Вадим Крейд

Семьдесят восьмой год издания

Главный редактор – Марина Адамович

Редакционная коллегия:

Сергей Голлербах, Марина Гарбер, Елена Дубровина, Мария Рубинс, Владимир фон Цуриков.

Ответственный секретарь – Наталья Бернадская

Редакция: Владимир Гандельсман, Наталья Гастева, Рудольф Фурман

The New Review, Inc.:

T.Bobrinsoy; T.Chebotareva; S.Hollerbach; G.Glinka; M.Jordan;
P.Khlebnikov; V.Kreyd; G.Mesniaeff; A.Neratoff; I.Sikorsky;
P.Tcherepnine; V. von Tsurikov; M.Adamovitch.

Обложка художника М. Добужинского

THE NEW REVIEW

№ 301, декабрь 2020

© 2020 by THE NEW REVIEW

Рукописи не возвращаются

Перепечатка материалов «Нового Журнала» без письменного разрешения редакции запрещается. Размещение материалов «Нового Журнала» он-лайн без письменного разрешения редакции запрещается.

Редакция не несет ответственность за содержание публикуемых материалов. Авторы несут ответственность за достоверность приводимых ими фактов и цитат.

THE NEW REVIEW (ISSN 0029–5337) is published quarterly
by The New Review, Inc., 1216 Broadway, 2nd floor, New York, N.Y.
10001. Periodical postage paid at New York, N.Y. Publication No.
596680. POSTMASTER: send address changes to The New Review,
1216 Broadway, 2nd floor, New York, N.Y. 10001

СОДЕРЖАНИЕ

ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ ИМ. МАРКА АЛДАНОВА

О лауреатах 2020 года	5
<i>Владимир Гржонко</i> – Повести Скворлина	7

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

<i>Григорий Стариковский</i> – Стихи	45
<i>Наталья Разувакина</i> – Стихи	50
<i>Владимир Салимон</i> – Стихи	55
<i>Игорь Гельбах</i> – Опоздавшие. Роман	60
<i>Ганна Шевченко</i> – Стихи	119
<i>Дмитрий Веденяпин</i> – Стихи	122
<i>Анастасия Юркевич</i> – Стихи	125
<i>Александр Радашкевич</i> – Волны дней. Стихи	128
<i>Василий Львов</i> – Я –зык. Стихи	132
<i>Ара Мусаян</i> – О стихах, тропах, размерах... Эссе	140
<i>Юрий Колкер</i> – Шалун и ворчун. Стихи	151
<i>Татьяна Ананич</i> – Из цикла «Подкрепи вином меня на дорогу» ...	154
<i>Сергей Золотарев</i> – Стихи	158
<i>Рудольф Фурман</i> – Стихи	163

ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

<i>Д. Ф. Левицкий</i> – Воспоминания о ложе «Белый Лотос» (Публ. – <i>Ю. Сандулов</i>)	166
<i>Борис Чичибабин</i> – «Я не знаю, как любить людей...» Из писем поэта (Публ. – <i>П. Брейтер</i>)	174
<i>Г. Евграфов</i> – «И всех, кого любил...» Д. Самойлов. Н. Коржавин. К 100-летию <i>Давида Самойлова</i>	192
<i>Юрий Мандельштам</i> – Александр Куприн. Две статьи. К 150-летию писателя	226
Избранные статьи (Публ. – <i>Елена Дубровина</i>)	236

КУЛЬТУРА. ЛИТЕРАТУРА. ИСТОРИЯ

<i>Е. Дубровина</i> – Творческая мастерская Юрия Мандельштама	256
<i>Елена Кулен</i> – Иван Елагин. Материалы к биографии	281
<i>Наталья Колодзей</i> – ID – искусство и технологии	325

ОЧЕРКИ. ЭССЕ. ЗАМЕТКИ

<i>Андрей Мартынов</i> – Корниловское выступление в контексте дипломатических отношений	344
--	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Юлия Горячева</i> – Кублановский Ю. М. Стихотворения. В 3 кн.; <i>Лиана Алавердова</i> – Игорь Джерри Курас. Стихи. / «Крещатик», «Этажи», «Новый Журнал», 2020; <i>Кира Сангир</i> – Владимир Батшев. 1948. Роман; <i>Марта Шарлай</i> – Павел Глушаков. Мотив – структура – сюжет: Литературные заметки; <i>Виктор Леонидов</i> – Русская эмиграция во Франции и средневековая культура Европы. Материалы конференции; Книги русской диаспоры, 1945–1979. Библиография	351
--	-----

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

<i>Борис Пушкарев</i> – Ираида Легкая. 1932–2020	366
Переводы Ираиды Легкой (<i>Публ. – Л. Оболенская-Флам,</i> <i>М. Темкина</i>)	368
Аркадий Ростиславович Небольсин. 1932–2020	374
ОБ АВТОРАХ	376
УКАЗАТЕЛЬ №№ 291-300	380

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМЕНИ МАРКА АЛДАНОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМ. МАРКА АЛДАНОВА посвящена памяти Марка Алданова (1886–1957), выдающегося писателя русской эмиграции, одного из основателей «Нового Журнала».

Премия утверждена во имя сохранения и развития традиций русской литературы в контексте мировой культуры и призвана поддерживать писателей русскоязычной диаспоры, живущих в рассеянии по всему миру. Премия присуждается прозаикам, создающим свои произведения на русском языке и живущим вне Российской Федерации.

В 2020 году в конкурсе на соискание звания лауреата принимали участие прозаики Русского Зарубежья из десяти стран, в том числе из Австралии, Германии, Грузии, Израиля, Испании, Канады, Латвии, Приднестровья, Турции, США. Особенно активно участвовали писатели Израиля и США.

ШОРТ-ЛИСТ ПРЕМИИ:

Лев Альтмарк – Проклятая полукрона (Израиль)

Полина Брейтер – Бирюзовый дождь (США)

Владимир Гржонко – Повести Скворлина (США)

Сергей Захаров – Аккуратно застеленный эшафот (Испания)

Александр Казарновский – На стенах твоих поставил я стражу (Израиль)

Решением членов жюри Премии призовые места распределились следующим образом:

1-е место

Владимир Гржонко – Повести Скворлина (США)

2-е место

Сергей Захаров – Аккуратно застеленный эшафот (Испания)

3-е место

Лев Альтмарк – Проклятая полукрона (Израиль)

Победителям конкурса присвоено звание «Лауреат Литературной премии им. Марка Алданова». Всем лауреатам будут высланы дипломы и подарена бесплатная подписка на «Новый Журнал» на 2021 год. Тексты лауреатов будут опубликованы в «Новом Журнале» и на сайте журнала.

Корпорация, редакционная коллегия и редакция «Нового

Журнала» поздравляют лауреатов Литературной премии им. Марка Алданова и желают им новых творческих успехов!

Членами жюри в 2020 году были: Наталья Бешенковская (Червинская), лауреат Премии им. Марка Алданова, 2012 (США); Антонина Буа (Antonina W. Bouis), американский переводчик (США); Алла Макеева-Ройланс, Specialized Research Services / Russian and Slavic Studies, NYU (США); Марк Уральский, литературовед, историк, журналист (Германия); Марина Адамович, главный редактор НЖ (США).

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПОДАЧИ РУКОПИСЕЙ В 2021 ГОДУ:

1. На соискание Премии могут быть присланы тексты на русском языке на следующие темы: история России, история русской эмиграции, жизнь современной русскоязычной диаспоры. Жанр – короткая повесть.

2. Рукописи, присланные на конкурс, не должны быть нигде опубликованы (в том числе – он-лайн).

3. Принимаются рукописи только от авторов, живущих вне пределов Российской Федерации.

Прием рукописей на конкурс «Литературная премия им. Марка Алданова. 2021» начинается с 1 марта до 30 июня (включительно) 2021 года. Рукописи принимаются только в электронном виде (с указанием: «Премия Алданова» / Aldanov Award):

newreview@msn.com

Оргкомитет просит участников указывать свой обратный почтовый адрес. Итоги конкурса будут объявлены в сентябре 2021 на сайтах НЖ и ЖЗ. С историей проекта можно ознакомиться на сайте НЖ: www.newreviewinc.com (ПРОЕКТЫ. ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ им. МАРКА АЛДАНОВА)

Оргкомитет Премии им. Марка Алданова и редакция «Нового Журнала» благодарят коллектив Журнального Зала за помощь в освещении конкурса на звание лауреата Премии им. Марка Алданова.

Владимир Гржонко

Повести Скворлина

Как за крайнею радостью следует печаль, так бедствия кончаются с наступлением веселья; за краткой грустью последуют вскоре утеха и удовольствие, которые я вам наперед обещал и которых, после такого начала, никто бы и не ожидал, если бы его не предупредили.

Джованни Боккаччо

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ГОСПОДИНА ИЗДАТЕЛЯ

Не буду обманывать читателя, по сложившейся традиции утверждая, что рукопись эта попала ко мне после смерти автора. Нет, он передал мне ее сам, впрочем, при довольно странных обстоятельствах. В бытность мою главным редактором журнала «Андеграунд» на одной из литературных вечеринок мне случилось познакомиться с господином Скворлиным. Это был невысокий и полноватый немолодой человек, изрядно облысевший, с дряблой кожей на круглом бабьем лице. В общем, далеко не красавец.

– Ну что, – сказал он, воинственно глядя на меня, – давайте угадаю. Вы, господин редактор, новых авторов, конечно же, не ищете, а все полученные от незнакомых людей рукописи заранее считаете графоманией?

Я – человек легко раздражающийся и потому тут же ответил, что, действительно, не печатаю графоманов, причем исключительно из милосердия – как по отношению к своим читателям, так и к этим неизлечимо больным людям.

Скворлин вдруг сник. Мне даже стало неловко за свою резкость.

– Да-да, – пробормотал он, – кажется, вы правы. Мне не стоило...

Тут к нему подошла женщина настолько красивая, что у меня перехватило дыхание. Улыбнувшись, она так нежно прикоснулась к рукаву чуть возвышавшегося над ее плечом Скворлина, что не осталось никаких сомнений относительно их отношений.

– Ты забыл флешку, – по-матерински укоризненно сказала она, – вот она.

Красавица вынула из сумочки серый пластиковый прямоугольник и протянула мне.

– Нет! – взвизнул Скворлин и выхватил из ее рук флешку, – какого черта ты лезешь? Всё правильно, и ничего хорошего из этого не получится! Ты же знаешь!

– Ну послушай... – умоляюще заговорила женщина и страдальчески скривила губы. Что, впрочем, не испортило ее красоты. Но в уголках ее глаз сверкнули слезы, и я вдруг почувствовал себя лишним. Быстро отойдя от этой странной пары в другой конец зала, я заговорил с кем-то из знакомых журналистов. Большие никогда я не видел ни самого Скворлина, ни его удивительной спутницы. Позже, когда я попробовал расспросить о нем коллег, выяснилось, что никто этого Скворлина не знает и, что еще более странно, никто не запомнил красавицу, которая была с ним в тот вечер.

Спустя несколько дней, вынимая из пиджака бумажник, я нашел в кармане ту самую флешку. Как она могла попасть ко мне – ума не приложу. Разумеется, это подхлестнуло мое любопытство. Прочитав пять написанных Скворлиным текстов, я вынужден был признать, что при всех слабостях и недостатках, свидетельствующих о неопытности автора, текст обладает и некоторыми литературными достоинствами. Впрочем, судить об этом я предоставляю читателю.

В. Г.

ОТ АВТОРА

Мои самые заветные, самые выстраданные мечты не осуществлялись никогда! Зато с самого детства легко сбывались мелкие – вроде болезни училки в день, когда я не выучил урока, вовремя подьехавшего в дождь автобуса, места у окна в ресторане... Но глубокие, настоящие желания – те, которые были бы способны круто изменить мою жизнь, – нет, не сбывались...

Когда я был еще мальчишкой, старший брат часто читал вслух стихи. Особенно он любил запрещенного в ту пору Бродского.

...как будто будет свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнется вправо,
качнувшись влево.

Я был впечатлительным подростком. Эти строчки навсегда поразили меня своей горькой обреченностью: *как будто* будет... Такой, наверное, видят свою жизнь после победы погибшие на войне солда-

ты. Яркий, бесконечный, как поле, летний день – и беззаботная тишина... Так вот, такого у меня никогда не было. Как я уже говорил, судьба отделялась от меня только мелкими подачками.

Но когда я приехал в Нью-Йорк, всё стало еще хуже. Как многие, я мог выучиться на бухгалтера или помощника аптекаря. Наверное, тогда жизнь потекла бы размеренно и спокойно. И я уже собирался было найти подходящие курсы. Но тут со мной начало твориться нечто необъяснимое.

Вдруг стали открываться какие-то невероятные возможности жить богато и интересно, заниматься чем-то столь непохожим на ежедневные походы на скучную работу, что просто захватывало дух. Эти возможности неизменно обещали в самое короткое время и свет, и славу, и удачный день, и вдоволь хлеба...

Ну, например, неожиданно находил меня человек, владевший целым телеканалом, который предлагал мне, недавно приехавшему из России, вести цикл передач под условным названием «Свежим глазом». И полагались мне за это такие деньги, по сравнению с которыми жалование бухгалтера казалось ничтожной подачкой.

Потом случайно знакомился я с другим человеком – богатым владельцем сети домов престарелых. Ему так нравилось, как я рассуждал о социальном устройстве в крупных государствах мира, что он тут же предлагал мне должность куратора всех, как он называл их, своих «объектов» с такой достойной зарплатой, что я даже поперхнулся кофе, который в тот момент отхлебнул.

Потом звонила некая дама, которая слышала обо мне от общих знакомых. Ее американский муж-миллионер собирался затеять съемки шпионского фильма, и требовался серьезный консультант по канушему в небытие Советскому Союзу. Дама была уверена, что я – идеальный кандидат на эту должность...

Всякий раз эти разговоры кончались ничем, оставляя после себя разочарование, неотвязное, как изжога. И всякий раз я давал себе слово отказываться от любых соблазнительных предложений и искать скромное, но верное пропитание. Но судьба, как недобрая женщина, играющая с влюбленным мальчишкой, не отпускала меня от себя, тешась моими восторгами и разочарованиями.

Вскоре появлялся новый соблазн, перед которым я опять не мог устоять. И хотя понимал, что, скорее всего, и этот проект окажется болтовней, фата-морганой, не мог же думать ни о чем другом... Ну почему, спрашивается, именно меня находили эти пустые безответственные люди, почему именно мне обещали они золотые горы? Ведь я не искал их и ничего у них не просил! Не знаю... Возможно, они угадывали во мне мечтательность и отвращение к рутине. Но абсурд-

ная вера в «свет и славу» сделалась для меня наркотиком. Да что там, хуже, чем наркотиком.

В результате я метался, пытаюсь найти хоть какие-то деньги, чтобы дожить до момента, когда наступит тот самый удачный день, и, вопреки очевидному, верил, что уж в этот раз... Я уже не мог представить себя в роли обычного человека, которым, на самом-то деле, безусловно являлся, не мог искать обычную, но постоянную работу и жил только надеждой, великой надеждой игрока...

Я стал больше спать... вероятно, началась депрессия. Очень скоро я уже почти не вставал с постели, научившись уходить от ненавистной действительности в сновидения. Подспудно я понимал, что однажды могу не проснуться, и это не пугало, а радовало меня. Кто знает, может быть, умереть – это просто уйти в какой-нибудь из своих снов...

А потом я стал видеть не обычные сны, а целые истории, никакого отношения ко мне не имевшие. Как будто кто-то, неизвестно с какой целью, показывал мне фильмы о совершенно незнакомых и, по-моему, не совсем нормальных людях. Их истории порой наполнялись каким-то потаенным смыслом, а иногда ничего, кроме недоумения, не вызывали. Но всё равно были яркими и запоминающимися. После некоторого колебания я решил их записать. А записав, показал кое-кому из приятелей. Потом меня пригласили в гости, где я познакомился с Матильдой. Оказывается, она прочла мою рукопись и почему-то нашла ее талантливой. Теперь она называет меня писателем и предрекает большое будущее, хотя сам я в него не очень верю. Она ведет себя со мной, как влюбленная женщина. Но этому я тоже не верю. Я теперь вообще ничему не верю... Это Матильда уговорила меня предложить рукопись одному известному журналу. Вот, собственно, и всё.

Ну и, как принято говорить, все эти истории придуманы от начала до конца, а всякие совпадения случайны.

ВЫСТРЕЛ

Тем утром Петр Моисеевич проснулся, как просыпался в последние лет пятнадцать, около пяти. Он встал и, осторожно ступая босыми ногами по плиткам паркета, отправился в туалет. Петр Моисеевич точно знал, что жена на соседней кровати тоже проснулась и теперь молча копит гнев, чтобы потом обвинить его в черствости и нежелании думать о других. Так начиналось почти каждое утро в эти самые последние пятнадцать лет. Когда он вернется в спальню, жена раздраженно спросит его, почему нельзя было не

шуметь. А он не менее раздраженно ответит, что и так крался по собственной квартире, как вор...

Петр Моисеевич понимал: вроде бы беспричинное раздражение жены, да и его собственное – давнее, не сегодняшнее. Оно накопилось за многие годы совместной жизни. Хотя причина все-таки была. Она скрывалась там, в далеком прошлом. Конечно, ни он сам, ни жена не помнили об этом постоянно. Но всё же в минуты раздражения Петр Моисеевич думал о том, что старая рана то и дело дает о себе знать...

Тридцать с лишним лет проработал Петр Моисеевич сначала в цирке, а потом в Ленконцерте. Двадцать семь из них вместе с ним на сцену выходила его жена. Петр Моисеевич всегда думал, что сцена сближает людей больше, чем просто брак, но знал и то, что все их с женой внутренние противоречия и даже маленькие трагедии родились на сцене – от необходимости идти в одной упряжке. Жена никогда не одобряла его стремления подняться выше обычного артиста, разъезжающего со «сборниками» по области. Всё могло кардинально измениться, если бы он рискнул. Ему не просто стали бы давать «солнышки», как некоторым. Нет, он мог попасть в элиту, выйти на союзное телевидение, несмотря на свое компрометирующее отчество. Но жена... Как и все остальные, она не верила в *его* номер...

По профессии Петр Моисеевич был фокусником. Последним настоящим фокусником, по его собственному мнению. Он окончательно убедился в этом, когда уже в Америке посмотрел выступление Дэвида Копперфильда – эффектное, но пустое, рассчитанное на простодиль и не имеющее никакого отношения к *настоящему* мастерству. Копперфильд, так же как и Кио, – всего лишь иллюзионист. А это другая профессия. Ну что такое иллюзия? Так, создание видимости, обман, на который сознательно идет публика, замороженная световыми эффектами, кучей дорогой аппаратуры и полуголыми красотками... Петр Моисеевич снова искоса взглянул на жену и вздохнул про себя.

Пора было вставать и одеваться. Потому что довольно скоро за ними придет машина, и они с женой отправятся в свой детский садик. «Детским садиком» все русскоязычные пенсионеры Бруклина называют центр для пожилых людей. Место, где стариков кормят и по мере сил развлекают, а они, собираясь вместе, хвастаются, злословят, дружат, иногда даже заводят романы. А еще подлизываются к начальству, стучат друг на друга... Как будто возвращаются во времена своей молодости и советской власти, в места и ситуации знакомые и привычные, по которым соскучились в чужой малопонятной Америке. Что поделаешь, старики... Хотя лично себя Петр Моисеевич стариком не считал. Поэтому записался в «детсадовскую» художе-

ственную самостоятельность и сегодня – он решил это окончательно! – тряхнет стариной...

Петр Моисеевич сел, спустил ноги с кровати и теперь уже открыто посмотрел на жену. Пора было и ей вставать. Почувяв, что папа проснулся, к нему прибежал поздороваться-поласкаться Ося – ярко-рыжий красавец кот, разбалованный Петром Моисеевичем до полного безобразия. Вообще-то котенка принесла домой жена, но именно Петр Моисеевич назвал славного голубоглазого малыша Осей. Петр Моисеевич давно знал силу и важность слов. Назови он кота каким-нибудь Пушком, это был бы совсем другой зверь. И отношение к нему было бы другое. А так получился добрый и веселый Ося. Жена надеялась, что из него вырастет большущий пушистый котяра, но Ося оказался хоть и очаровательным, но мелким и худеньким, с тонкой интеллигентной мордочкой. Он напоминал Петру Моисеевичу его самого в детстве.

Детство. Раннее утро. Он стоит посреди двора. Потом из рассказов родни он узнает, что *той ночью* в их местечке был погром. Но что годовалому малышу до погрома? Утром он научился ходить. Сам. Петр Моисеевич точно помнил тот момент, когда, неожиданно для себя поднявшись на ноги, полез по ступенькам вверх из подвала, где они жили. Как он умудрился тогда открыть дверь во двор, не знает никто. Но умудрился.

Мирное летнее утро. Гуляющие на свободе куры. Много кур. Ему запомнилось их громкое кудахтанье. А может быть он был просто совсем еще мал, и две-три курицы казались ему целым выводком. Наверное, в суматохе мать позабыла запереть дверь сарайчика, и теперь куры расхаживали по всему двору. Он до этого никогда не видел кур вблизи и потому совсем не испугался, когда одна из них, желтовато-белая, подошла поближе и, смешно вывернув голову, посмотрела на него любопытным карим глазом.

Петр Моисеевич протянул было руки к курице, но тут неожиданно во дворе появился кто-то очень большой, заслонивший от него солнце. От пришельца пахло чем-то настолько острым и страшным, что он испугался и хотел зареветь. Но пришелец шагнул поближе и ловким движением сунул курицу под мышку. Этот маневр заинтересовал Петра Моисеевича, и он раздумал плакать.

– А-а, – протянул пришелец, и Петр Моисеевич удивился несоответствию его размеров и писклявого голоса. – Надо же, жиденок... Ну смотри тогда, че я шас сделаю...

Пришелец ловко обхватил ладонью куриную голову и, выпустив птицу из-под мышки, резко встряхнул, как будто выбивал из курицы пыль. Курица заскребла когтями воздух, суматошно захлопала крыль-

ями, но куда не улетела, а бестолково подергавшись еще немного, покорно повисла в руке пришельца.

– Во-от, – удовлетворенно сказал он, – теперь твоя очередь.

Петр Моисеевич представил себе, как пришелец будет встряхивать его в воздухе, и это показалось ему забавным. Старший брат Семен тоже иногда подбрасывал его и ловил, ласково называя всякими домашними именами. Семен был на двадцать лет старше и, хотя всё еще жил с родителями, успел завести свое дело – маленькую мастерскую по ремонту всего механического, что нуждалось в ремонте. У Семена были замечательные руки. Его даже звали чинить велосипед к русским богачам в соседнем городке.

И вот когда пришелец, держа неподвижную курицу в руке, шагнул поближе, наклонился над Петром Моисеевичем и протянул к нему другую руку... именно в этот момент на крыльце появился Семен.

– А ну оставь киндэлэ! – крикнул он пришельцу. – Генуг!

Несмотря на свои связи с русскими богачами, по-русски Семен говорил все-таки хуже, чем на идиш. Пришелец вздрогнул, инстинктивно сунул убитую курицу за пазуху и только потом поднял голову.

Конечно же, пришелец не испугался Семена. Тот не был богатырем, и никто в их семье не отличался физической силой: сказывались жизнь в сыром подвале и скудное питание. Да и кого было бояться пришельцу? Мальчишку-еврея? И вообще, стоило ему только кликнуть своих друганов с улицы... Так что пришелец только усмехнулся, схватил Петра Моисеевича за рубашку так, что тому стало трудно дышать, и, волоча его за собой, двинулся к Семену.

– Ну че, жидок, щас порву! И дом сожгу! Расплодились, твари!..

И оборвал себя на полуслове, потому что по лицу Семена прошла судорога, он шагнул навстречу пришельцу и вытащил из-за спины большой черный пистолет. Пришелец оторопел. Но лишь на секунду. Испугался он пистолета, как же! Кишок у этого жидка не хватит, чтобы человека убить! Этой веселой ночью он еще раз убедился, что все они трусы... Отбросив Петра Моисеевича, пришелец зарычал и кинулся на Семена. И тогда Семен выстрелил. Да, выстрелил.

Беда заключалась в том, что пистолет у Семена был ненастоящий. Незадолго до погрома его отдал в починку фокусник из недавно приехавшего в местечко бродячего цирка. И как раз этим утром Семен должен был отнести починенный пистолет обратно. Фокусник использовал его в своем номере, чтобы выстрелом отвлекать внимание почтенной публики от «перекладки» в пиджаке. Поэтому стрелял пистолет громко, но не пулей, а безобидным серпантинном.

Но вместо того, чтобы растерзать Семена, как обещал, пришелец вдруг покачулся и оторопело посмотрел на собственную грудь. На грязно-белой ткани рубахи начало быстро набухать яркое красное пятно. Пришелец повел рукой, как будто хотел достать из-за пазухи спрятанную там курицу, но закончить движение не успел. Икнув, он упал лицом вниз, гулко ударившись о пыльную землю. А на него, медленно кружась в неподвижном утреннем воздухе, плавно ложилась блестящая обрезка серпантина. Пришелец был мертв.

Конечно, проще всего было предположить, что он умер от чрезмерной дозы алкоголя, от разрыва сердца, наконец. Ну а кровь на рубахе вполне могла оказаться куриной. Но Петр Моисеевич был уверен, что пришелец, всю ночь сам легко и безнаказанно творивший насилие, сразу *поверил* в выстрел. И поэтому умер от пули, которой не было.

Этот давно канувший в прошлое выстрел спас его еще раз... Однажды концертную бригаду, в которую Петр Моисеевич, как фокусник-престижиджигатор, попал летом сорок третьего, вызвали в штаб дивизии и приказали ехать на выступление в прифронтовую полосу. Там только что вышла из боев на переформирование войсковая часть. И бойцам требовалось поднять настроение. Уже начинало смеркаться, и по-доброму поездку следовало бы отложить до утра. Но распорядившийся артистами политработник подполковник Кнец схватился за пистолет, что он делал при каждом удобном случае, и потребовал немедленно отправляться. Конечно, артисты были людьми гражданскими, но все они – и Петр Моисеевич, и певица, и аккордеонист, не говоря уж о младшем сержанте-водителе, – вынуждены были подчиниться. Старательный дурак Кнец расстреливать их, конечно, не стал бы, но донос «куда надо» накатать точно мог.

В общем, поехали. По дороге, как ни хвалился Кнец, что отлично знает, куда ехать, изрядно заплутали. Так что на месте оказались только под утро. Кнец убежал разбираться с начальством, а Петр Моисеевич с певицей и аккордеонистом заснули прямо в кузове грузовичка, благо стояло лето. Когда артисты открыли глаза, то Кнеца и след простыл, а грузовик был окружен толпой небритых вооруженных мужиков. Они молча и как бы равнодушно разглядывали приехавших, но ничего хорошего их взгляды не обещали. Петр Моисеевич решил было, что, заблудившись ночью, грузовик случайно пересек линию фронта и оказался то ли у партизан, то ли у бандитов. Впрочем, судя по слухам, одни мало отличались от других. Но всё же лучше бандиты, чем немцы, подумалось ему. Хотя... как знать.

От толпы отделился огромный детина с маузером, засунутым за брезентовый ремень без бляхи. Он лениво подошел к борту грузович-

ка и заглянул в кузов. Петр Моисеевич хорошо запомнил его лицо – тяжелое, сонное, как будто не совсем живое. Мужик подержал нижней губой, словно собирался заплакать, но вместо этого вдруг рассмеялся.

– Слышь, мужики, тут эти... актеры, что ли, – сказал он, обращившись к остальным. И в том, *как* он говорил, и в его жестах было что-то скоморошье, но опасно непредсказуемое. Он был похож на дрессированного медведя – ленивого и смешного увальня, в любую секунду готового безжалостно задрать жертву. Однажды в цирке Петр Моисеевич видел, как медведь запросто смахнул лапой поллица дрессировщику...

Сидя в кузове грузовичка, окруженного вооруженными мужиками, он понял, что вот-вот произойдет трагедия и что спастись можно только чудом. Ну а чудеса, что ни говори, были по его части. Петр Моисеевич собрался с мыслями, встал в кузове во весь рост и кивнул аккордеонисту: давай! Аккордеонист удивленно расширил и без того выпученные глаза, но, получив пинок от оказавшейся более сообразительной певицы, стал судорожно щелкать замками футляра. Толпа одобрительно зашевелилась и придвинулась поближе. Не до конца понимая, что происходит, аккордеонист без разбега заиграл какой-то вальс.

– Э-э, – протянул стоявший у борта детина, – так у нас вон и Сидорыч умеет. Нет, пусть вот эта споет...

Певица охнула. Подбадриваемая взглядом Петра Моисеевича, она встала во весь рост, скинула ватник, которым ее снабдил исчезнувший вместе с Кнецом водитель, и запела... Певица была уже молодой и опытной, в начале войны пела чуть ли не у Утесова, но потом рассорилась с начальством и попала в эту бригаду. Но всю ночь она тряслась в открытом кузове, ей нужно было распеться или хотя бы просто умыться с дороги и выпить кипятка. А еще ей было очень страшно. И поэтому у нее совсем пропал голос. Певица честно старалась, но голосовые связки вдруг стали будто картонными, и звуки только царапали ей горло.

– Так вы че, не актеры? – подозрительно спросил детина, и толпа разочарованно загудела. – Может, тогда комиссары? Савецку власть агитировать будете? Только бабу зря привезли. Ох, зря!

Детина повернулся к толпе и, подражая ораторам на митингах, заорал, что бабу они реквизируют прямо щас, поскольку вот уж года полтора как ни одной не видели. Толпа одобрительно захихикала. Видно было, что детину здесь любят, считают своим вожаком, хотя и немного шутом.

Тогда Петр Моисеевич понял, что настала его очередь. Он, как

был в галифе и гимнастерке, вскочил на ноги и балаганным голосом завопил так, что даже детина отшатнулся.

– Внимание, поштенная публика! Маг и волшебник! Проездом из Житомира в Женеу! Только для вас и только сейчас! Внимание сюда! Фокусы!

Петру Моисеевичу требовалось время, чтобы подготовиться к выступлению, «зарядить» реквизитом фрак и шляпу, которые он возил с собой в чемодане, размять руки и вообще проделать массу мелких, но важных манипуляций, без которых ни один фокусник не выходит к зрителям. Ситуация усугублялась еще и тем, что толпа бесцеремонно полезла прямо к грузовику, мужики с любопытством в упор пялились на Петра Моисеевича, заглядывали ему под руки, не оставляя «слепых» зон, необходимых для любого фокуса. Но деваться было некуда.

Показав несколько простеньких фокусов, Петр Моисеевич стал успокаиваться. Мужики одобрительно хмыкали, хотя несколько раз самые въедливые и недоверчивые хватали его за руку в самый неподходящий момент. Аккордеонист наконец-то пришел в себя и заиграл попурри, которым обычно сопровождалось выступление. Зрители, перевесив оружие за плечи, хлопали. Петр Моисеевич даже начал подумывать о том, как бы завершить выступление и под шумок уехать куда-нибудь подальше от этой страшной толпы. Только вот водителя нигде не было видно. И он продолжал работать.

Но тут в передние ряды пробился худой невысокий паренек лет восемнадцати в грязной нижней рубаше с висевшим на шее немецким автоматом. Острым насмешливым взглядом он с минуту внимательно следил за Петром Моисеевичем и вдруг, коротким движением подняв автомат, выстрелил прямо над его головой.

– Ты чего, Серега? – удивленно спросил детина, и Петру Моисеевичу стало понятно, что Серега, хоть мал и хил, но, видимо, местный баловень, которого толпа, пожалуй, уважает больше, чем самого детину.

– А то, – сказал Серега, и Петр Моисеевич увидел, что на самом деле это не мальчишка, а мужик лет за пятьдесят. – Фуфло вам гонят, вот что! Я сам в цирке работал и такое могу показать... А это, – он презрительно махнул рукой, – халтура для дуриков. Тоже мне, Калиостра нашелся!

Услышав про Калиостро, Петр Моисеевич понял, что Серега, скорее всего, действительно бывший цирковой, иначе где бы ему было узнать про великого мага и авантюриста. Неприятность заключалась в том, что настроение Сереги было самым мрачным. Петр Моисеевич уже встречался с такими вот «коллегами».

Обстоятельства, при которых их выгоняли из цирка, могли быть самыми разными, но сами они всегда были убеждены, что причина их неудач – зависть и интриги бездарных соперников. Конечно, в другое время Петр Моисеевич и внимания бы не обратил на этого жалкого Серегу. Но сейчас он прочел в его глазах столько ненависти, что понял – нужно срочно доказать, что сам он не «фуфло». Иначе... Ведь понятно, что они живы только лишь до тех пор, пока эти бандиты относятся к ним как к артистам, то есть существам немного другой породы, блажененьким, что ли... В общем, Петру Моисеевичу нужно было немедленно переиграть этого озлобленного Серегу. Но Серега его опередил.

– Слышь, клоун, сюда смотри! – приказал он. Скинул рубаху и автомат, развел руками, приказывая посторониться, и достал из-за спины два немецких штык-ножа. Примерился, ковырнув сбитым сапогом глинистую землю, и воткнул ножи остриями вверх на расстоянии метра друг от друга. Потом опустился на корточки, оперся руками о землю и аккуратно лег на штык-ножи грудью и животом. Помедлив секунду, приподнял и вытянул крестом руки и ноги, телом балансируя на остриях. Толпа охнула и сдвинулась ближе. Растерявшийся аккордеонист продолжал наигрывать попури...

Это не было фокусом. Петр Моисеевич с первого взгляда понял, что никаких уловок Серега в своем трюке не использовал. Тут была совершенно другая техника, о которой можно было только гадать. Серега *действительно* лежал на острых, как бритва, штык-ножах. И ничего ему не делалось.

– Ну что, клоун, понял, как работать нужно? – Серега наконец-то неторопливо встал. Мужики удивлено цокали языками и разглядывали грудь и живот Сереги. На грязной коже не осталось никаких следов, кроме неглубоких вмятин.

– Ну че, – дурашливо заголосолил детина, – слабо повторить такое, а? Зассал, фокусник? Вон Серега кровь тут проливает, а эти в тылу отираются непонятно за какие такие таланты!..

Толпа придвинулась еще ближе. Вдруг в ушах Петра Моисеевича зазвенело. Как тогда в детстве – от выстрела. Ему даже показалось, что вокруг медленно кружат блески серпантина... Он нашел глазами Серегу и спрыгнул с грузовичка на землю. Певица в кузове проводила его обреченным взглядом. Петр Моисеевич начал стягивать с себя гимнастерку. При этом вывалилась запасная колода карт, которую он впопыхах засунул за брючный пояс. Но ни сам Петр Моисеевич, ни окружившие его мужики не обратили внимание на разлетевшиеся карты.

Петр Моисеевич встал на то место, где только что стоял Серега,

оглядел мужиков, остановив взгляд на презрительно скривившем рот Сереге. А потом медленно заложил руки за спину и вдруг упал всем телом на штык-ножи. Толпа не успела ахнуть, как он снова был на ногах. Как будто штыки были не штыками, а резиновыми мячиками, – и оттолкнули его, не причинив никакого вреда...

Певица в грузовике издала странный булькающий звук, и следом за ней онемевшая было толпа разом заговорила и испуганно подалась в стороны, увлекая за собой пытавшегося что-то сказать Серегу.

...Потом, когда Петр Моисеевич пытался объяснить, *как* он проделал этот фокус, ему никто не верил. Да, знали из рассказов певицы и аккомпаниатора, что их случайно занесло к штрафникам и там им поневоле пришлось выступить. За что Конец получил серьезный втык. А вот про его падение на штык-ножи – нет, не слышали. А после войны так и вовсе никто не хотел верить. Особенно коллеги. Просили показать. Но Петр Моисеевич уже не был уверен в себе. Ведь его секрет состоял в том, чтобы в последнюю секунду – перед тем, как тело упадет на ножи, – выставить вперед руки и, оттолкнувшись от земли, снова убрать их за спину. Так быстро, что зритель этого движения просто не замечает, ведь его внимание сосредоточено на ножах...

Сделать это можно было, только отключив голову и полностью доверившись инстинктам. *Поверить*, что успеешь... Попытки повторить трюк с картонными ножами ничего не дали. Для этого фокуса нужна была *настоящая* сталь... Всю оставшуюся жизнь Петр Моисеевич доказывал, что сделал *это*, но решиться снова упасть на ножи не мог. Боялся не поверить. И ему никто не верил. Даже жена...

Петр Моисеевич улыбнулся, погладил кота Осю и пошел ставить чайник. Сегодня жена наконец-то увидит, на что он способен. Сегодня он больше не будет бояться.

БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА

Дело было при Хрущеве, в ту самую пору, когда только-только поменяли деньги со старых на новые, а за валютные операции по восемьдесят восьмой статье стали давать срок вплоть до расстрела.

Жила в ту пору в маленьком городишке на севере Кировской области девушка Жанна. Лет ей было восемнадцать, и работала она в столовой, заведовал которой некий Имран Керимов. Темный тип, надо сказать.

Жизнь у Жанны была самая скучная, как, впрочем, и у всех жителей этого городка. Не случалось здесь ничего – никаких интересных историй, которые показывали в кино. Жанна любила кино как раз за такие истории, где сначала любовь, потом разлука, потом герои

ищут друг друга и попутно становятся ударниками социалистического труда. А потом снова встреча... ну и всякое такое. Но то – кино, а в жизни всё казалось Жанне совершенно обычным. Была она детдомовка, жила в общежитии и поэтому видела жизнь такой, какая она есть. Без фантазий. То есть, конечно, как и всем девушкам, ей хотелось выйти замуж. Но не за кого попало, а за красивого молодого парня вроде киноактера Николая Рыбникова. Да только Рыбников ни в столовке, ни вообще в городке ей никогда не встречался, а встречались, в основном, алкоголики или, как их называли, алконавты. Эти по пьяни могли и жениться, но радости от такой женитьбы было мало. Жанна уж навиделась.

В общем, катилась ее жизнь мало-помалу и, наверное, все-таки вышла бы она в конце концов замуж. За алконавта, конечно же. Потому что больше не за кого было. И покати́лась бы жизнь дальше – такая же, как у всех, с детишками, драками, милицией и, в конце концов, отправкой мужа в психбольницу для излечения от запоев. Но случилась с ней необычайная, прямо-таки фантастическая история.

Однажды, уходя с работы, Жанна увидела лежащий прямо на пороге их столовки кошелек. Будучи совсем не душой, она сразу сообразила, что, скорее всего, выронил его кто-то из пьяных посетителей, который, может, никогда и не вспомнит о том, где его потерял. Поэтому Жанна быстро схватила кошелек и, не оглядываясь, прошмыгнула через дорогу, в щель между двумя приземистыми домами из серого, под цвет неба, кирпича. Быстро добежала до своей общаги и уже только в подъезде обнаружила, что в кошельке не совсем обычные деньги. С виду они были вроде как деньги – двадцать пять новеньких зеленых бумажек, – но деньги не советские. На каждой бумажке стояла цифра «сто», еще что-то было написано не по-русски, и нарисован длинноволосый дяденька с откормленным лицом, больше похожий на бабу. И если бы по телевизору, который стоял у них в ленинской комнате, не рассказывали про проклятых валютчиков, то – как знать? – может быть, Жанна выбросила бы и деньги, и кошелек. Но опять-таки, Жанна была не дура.

Она быстро сообразила, что это – доллары. Конечно, как комсомолка, она должна была сразу же отнести их в милицию. Но Жанна хорошо знала местного участкового – подлого гада, который на халыву подъедался в столовке да еще всё время норовил залезть к ней под юбку. Отнесешь ему доллары, так он еще на тебя же и оформит дело. Он и не на такое способен.

Можно было, конечно, просто выбросить их в уборную. Но отчего-то Жанне стало жаль этих иностранных и, в общем-то, ненужных ей денег. Двадцать пять бумажек по сто долларов – это же две с поло-

виной тысячи! Если считать в рублях, даже в новых, так за такие бабки ей больше года на Имана горбатиться нужно. И это если еще приворовывать.

И тогда Жанна стала мучительно соображать, куда бы спрятать такое богатство. Но в комнате в общаге, которую она делила с еще тремя девчонками, не было ни одного укромного местечка. Прятать же их где-то в другом месте было страшно: городишко маленький, все друг у друга на глазах. Увидят – застучат, потом не отвертишься.

Решение пришло неожиданно. Потершавшись среди посетителей столовки, Жанна много раз слышала от опытных людей, как проносят деньги на зону. Но место, куда их обычно прячут ээки, представилось Жанне неприличным для такой огромной суммы. Жанне даже показалось, что похожий на бабу сто долларовый дяденька с верхней бумажки взглянул на нее с осуждением. Да и свернутая трубкой пачка вышла слишком толстой. К счастью, Жанна вспомнила, что она, как никак, женщина. Недолго думая, она обернула получившийся рулон кстати подвернувшимся под руку куском целлофана, примерилась да и засунула деньги именно *туда*.

Сначала ходить было неудобно и даже немного больно. Несколько раз, запершись в вонючей будке уборной, она бережно вынимала рулон и, развернув, в свете мутной лампочки любовалась своим бесполезным богатством. Теперь ей казалось, что сто долларовый дяденька смотрит на нее одобрительно и даже как будто подмигивает с намеком. Обычно так ей подмигивали поддатые посетители столовки, хотя Иман никогда ничего такого не разрешал.

– Здесь ты не давалка, а подавалка! – говорил он, грозно играя сросшимися на переносице бровями. – Шуры-муры дома делай, а здесь толк работай и всё!

Иман был женат на Жанниной подружке Людке, которая и устроила ее на работу в столовку. Это сдерживало пыл Имана. Но когда Жанна пробивала чеки в кассе, у него всегда находилась причина протиснуться у нее за спиной в узком пространстве между стойкой и полками с бутылками крепленого вина и водки.

Вообще-то Жанна, как говорится, путалась с мужчинами лет с двенадцати. Но делала это только для того, чтобы не слыть белой вороной. Потому что никакого удовольствия сам процесс ей не доставлял. Все они, от сопляков-одноклассников до взрослых мужиков, одинаково наваливались на нее, дергались пару-тройку раз, охали и тут же отваливались. Слушая рассказы девиц про то, как они классно провели время с парнями из соседней общаги, Жанна только пожимала плечами.

Правда, была еще Людка, которая умудрилась выйти замуж за

этого самого Имрана. Имран водку пил умеренно и, по словам Людки, был мужиком хоть куда. Но всё равно, на *ту самую* любовь их отношения никак не были похожи. Иначе с чего бы Имран всё время терся вокруг Жанны? Да и вообще, был он какой-то мутный. То щедрый, то жадный до невозможности. Это Жанна на себе не раз испытала.

Чем дольше Жанна всматривалась в лицо дяденьки на стодолларовой бумажке, тем меньше казался он ей похожим на бабу – а стал как будто напоминать именно киноактера Рыбникова. Это было просто удивительно.

Жанне начали сниться сны, в которых стодолларовый Рыбников оживал и превращался в настоящего мужика. Он ложился рядом и крепко, по-настоящему, был с нею, доводя до крика. Даже девчонки в комнате косились. А с Жанной происходило странное. Свалившиеся на голову доллары приносили ей куда больше удовольствия, чем обычные деньги, – хоть старые, хоть новые. Хотя понятно, что Жанна не могла потратить из них ни копейки. Объяснить это другому она бы не сумела, но чувствовала, что стала сильно меняться. Как будто бы где-то там, внутри, загорелась лампочка – и высветила совершенно другую Жанну. Подлинную, словно из кинофильма, где она вместе с Рыбниковым...

Только кино это было не тем, советским, где Рыбников играл всё больше работяг, хоть и непьющих. Нет, это было совсем другое кино! Новый стодолларовый Рыбников нашептывал ей об удивительной жизни. В этой жизни были пальмы и яхты, которые она как-то мельком видела в журнале «Работница»; напитки вроде советского шампанского, только вкуснее, и еще что-то, чего сама Жанна не могла бы описать, поскольку ни о чем таком не знала, но теперь поняла, что имеет на всё это право.

И эта, вторая, Жанна неожиданно почувствовала себя разведчицей... а может быть, наоборот, шпионкой в своей собственной жизни. Она не очень-то задумывалась об этом, а просто знала, что если нужно, то ради *своего* Рыбникова пошла бы на казнь. Как Зоя Космодемьянская...

Как-то раз, сверившись со своим женским календариком, Жанна поняла, что вот-вот будет вынуждена расстаться с Рыбниковым почти на неделю. Это привело ее в ужас. Еще в детдоме ей объяснили, что в *это* время девушке следует воздерживаться от тесного общения с мужчинами. Как же она раньше-то не сообразила?! Нужно было срочно что-то предпринимать, и от отчаяния Жанна решила открыться Людке. Должна же Людка помочь подруге, тем более, сама-то она замужем. Конечно, с тех пор, как она стала женой этого Имрана,

Людка здорово изменилась, но всё ж таки подругу не забывала. И самое главное, Жанне больше не к кому было обратиться. Конечно, она не собиралась посвящать Людку в свои переживания. Еще решит, что рехнулась. Она просто попросит подругу поберечь доллары с недельку. И всё. Чтобы без вопросов.

Людка тоже не была душой. Иначе не выскочила бы замуж за Ирана. Поэтому без вопросов не получилось. Пришлось Жанне рассказать про находку – ну и про то, где она ее прячет. Куда тут денешься, когда пришла одалживаться?

– Блин, – сказал Людка, – ну ты даешь, подружка. Между прочим, людей за такое расстреливают...

Людка помолчала, сверля глазами развернувшийся рулончик. В отличие от Жанны, она сразу поняла, какое богатство представляет собой эта находка. И стала быстро подсчитывать в уме. Значит так, сунуть этой дурехе рубликов пятьдесят, чтобы не орала. А там... Даже если по полтора рубля всё отдать, даже новыми, огромные деньги получаются. Правда, придется Ирана привлекать, без его дружков-знакомых можно и вляпаться. Но этому кобелине совсем не обязательно знать про *все* деньги. Скажем, полторы тысячи продать через Ирана, а тысячу заныкать подальше: в жизни всякое бывает.

Так думала опытная Людка. Но Жанне сказала, что да, конечно, подержит доллары сколько угодно, без проблем. У нее, Людки, как-никак, вот эта своя двухкомнатная квартира в панельной пятиэтажке. Здесь, слава богу, есть где спрятать хоть миллион. У нее не пропадет, можно не волноваться! Разве она подведет подругу?

Отчего-то Жанна не очень поверила Людке. Как-то нехорошо забегали у той глазки при виде денег. Но всё же пришлось доверить своего Рыбникова подруге. Другого выхода не оставалось. Возвращаться в общагу было непривычно. Она ощущала безнадежную пустоту: гревшая ее изнутри лампочка погасла. Ну что делать, нужно будет потерпеть. Жанна пришла в свою комнату и, бухнувшись на кровать, неожиданно для себя разрыдалась.

А Людка еще раз пересчитала деньги, отложила в сторону десять бумажек и задумалась над тем, куда бы их, действительно, спрятать понадежнее. Иран ведь тоже не пальцем деланный, может и найти заначку. Так что Людка сбегала на кухню, принесла кусок вошеной бумаги, который берегла для пирогов, и спрятала деньги точно так же, как и Жанна. Вот ведь тоже – дура-душой, а соображает, когда нужно. Вспомнив Жаннины сопли про Рыбникова, Людка мстительно улыбнулась. Получалось, она сейчас изменяет одновременно и подруге, и мужу. Хотя Иран всё равно только со своими шлюхами путается. А от нее шарахается. Худая, говорит, совсем как палка,

какой тут любов? Любов... Столько лет в России живет, а говорить по-русски так толком и не научился. Он, кажется, и женился-то на ней только ради прописки. А то пришлось бы ему ехать обратно в родной аул в Азербайджане... Правда, хоть и «зверек», зато не пьет, и дома всё есть, как у людей. И вообще... человек со связями.

...К сожалению, всё у Людки пошло не так, как она запланировала. Как только Иман увидел доллары, то не обрадовался, а заорал как ошпаренный.

– Ай, ты-ы-ы, – кричал он, – адиетка проклятый! Клянусь, убью! Сян-улюм-сян!

Выяснилось, что кошелек с долларами потерял в столовой у Имана один очень важный человек. Настолько важный, что вах... Иман закатила пронзительные черные глаза и звонко шлепнул ладонями по лысине. И вот теперь этот человек, этот ограш... ахзывы сиким, повесил долг на самого Имана, и если он до понедельника не отдаст бабки, то... Иман еще сильнее шлепнул себя по голове и замычал.

Людка посмотрела на руку Имана с короткими толстыми пальцами, которой он плотно прикрыл развернутые веером полторы тысячи долларов, и поняла, что проиграла. То ли действительно какой-то бандит потерял эти деньги, то ли соображалка у Имана работала лучше, чем она думала, но... И тут ей в голову пришла хорошая мысль. Она шевельнула узкими бедрами и, почувствовав заначку, осторожно спросила:

– Слышь, Иманка, а сколько денег-то этот твой важный тип потерял? Может, это и не его доллары-то.

– А? – не понял Иман. – Как не его? Точно его! Кто еще доллары мог потерять? Что у нас, Чикаго, что ли?!

Ну конечно, Иман оказался намного хитрее, чем думала Людка. Не зря же он заведовал этой своей столовой. Даже удивительно, как быстро он разгадал Людкину хитрость. А вот остаток денег нашел не сразу. И только когда, окончательно рассвирепев, заехал ей по лицу так, что у Людки зазвенело в ушах...

В общем, деньги пришлось отдать. Иман удовлетворенно хрюкнул, выругался, забрал деньги и ушел. Якобы возвращать долг.

Ну а дальше всё было просто. Узнав об утрате, Жанна поняла, что это конец. Так с ней больше уже никогда не будет. Но не впала в отчаяние. Подлинная Жанна вдруг заслонила собой прежнюю Жанну, которая мыкалась в общаге, терпела лапанье Имана и всю эту пустую грязную жизнь. Поэтому новая Жанна немедленно отправилась в столовую, где первым же попавшимся под руку ножом зарезала Имана. Случившиеся на месте происшествия свидетели расска-

зывали, что, увидев направленный на него нож, Имран испугался и попытался всучить ей пачку сторублевок. Но, видимо, изображенный на них Ленин вызвал у Жанны такое же отвращение, какое вызывали алконавты, она презрительно отпихнула деньги и ударила Имрана ножом в бок.

Потом Жанну, конечно, судили, но, учитывая все обстоятельства и то, что ни она, ни Людка ни словом не обмолвились про валюту, дали ей всего восемь лет строгого режима. Она их отсидела... А потом еще отсидела, но уже по восемьдесят восьмой. К счастью, расстреливать за валютные операции тогда уже перестали. Постепенно Жанна стала легендой в уголовном мире. О ее приключениях рассказывали совершенно невероятные истории. Говорили, что даже среди валютчиков – людей корыстных и хитрых – она отличалась особой ловкостью и страстью к столларовым купюрам...

ГРОБОВЩИК

Увольнение было внезапным, как преждевременная смерть. И так же, как в смерти, в нем таилась жутковатая сладость. Леве даже показалось, что в кабинете начальника вдруг запахло увядающими цветами и нагретой землей. Как у папы на кладбище... Был Лева бухгалтером, а теперь стал безработным. И все только потому, что задал хозяину простой вопрос...

Дела были откровенно плохими. Денег в запасе у Левы было немного. На большую квартиру с двумя спальнями в Бруклине, которую ему приходилось снимать, уходила большая часть его зарплаты. Или, как говорил Левин папа, жалования.

Квартира, а вместе с ней и двухгодичный договор на аренду, остались Леве от семейной жизни: жена Милана хотела начать новую американскую жизнь в человеческих условиях. К сожалению, сам Лева этим условиям не соответствовал. Поэтому жена Милана ушла от него через несколько месяцев после приезда в Нью-Йорк. Она быстро выучила модное среди русских эмигрантов слово «лузер». При этом она прикладывала ко лбу разведенные на девяносто градусов большой и указательный пальцы. Английская буква «Эл». Больше всего это было похоже на «козу», которую в шутку показывают детям. Детей у них не было, и поэтому жена Милана показала «козу» самому Леве.

В маленьком украинском городке, откуда они приехали в Нью-Йорк, Левин папа был известным человеком – каменщиком в мастерской при городском кладбище. В мастерской всё время громко визжали пилы, под струями воды нарезаая камень ровными ломтями.

Поэтому папа, почти оглохнув от шума, часто объяснялся знаками. Знаков было много. То, что в Америке обозначало презрительное «лузер», среди каменщиков считалось каким-то особенным и важным знаком. Каким именно, Лева не знал, а папа, поняв однажды, что каменщика из Левы не выйдет, на все вопросы только махал руками и произносил непонятное из профессионального лексикона каменщиков: «Сапиенти сат»...

Но главное событие в папиной жизни случилось еще до рождения Левы. Много лет назад папе заказали вырезать из камня надгробный памятник самому товарищу Сталину. По легенде, которую рассказывали в семье, папу, как лучшего каменщика, тогда срочно вызвали в Москву. Там с него взяли подписку о неразглашении государственной тайны, и он, работая без перерыва, в несколько дней высек бюст вождя. А потом этот бюст поставили на могиле у Кремлевской стены. Уже позже папа говорил, что только работая над Сталиным, он понял всё до конца. Всё-всё... Сапиенти сат, как говорится!

Что именно понял папа, осталось неизвестным, но сам он мгновенно стал в их городке человеком, намного возвышавшимся над остальным населением, включая мамину родню и даже городскую администрацию. Человек работал над самым товарищем Сталиным! Это же понимать надо!

К сожалению, Лева не мог стать продолжателем профессии. Во-первых, из-за слишком хлипкого телосложения. Кроме того, он от рождения приволакивал правую ногу, да и вообще боялся покойников и на кладбище появляться не любил. Ну и самое главное, у Левы с детства появлялись странные, иногда просто неприличные вопросы. Причем, на первый взгляд, все выглядело вполне невинно: ничего такого особенного Лева не говорил. Но всякий раз, когда он спрашивал о чем-то, окружающим становилось не по себе.

Обнаружилось это, когда Лева исполнилось восемь лет. Он был тогда худеньким мальчиком с большими серыми глазами, которому больше всего подошло бы играть на скрипке. Лева и хотелось играть на скрипке. Как это делал носатый Паганини из фильма, который тогда показывали по телевизору. Но скрипки не было. Наверное, потому что мама давно умерла, а папа и сестра, которая была намного старше Левы, – оба высокие и массивные, словно памятники, которые изготовлял папа, – говорили о скрипке презрительно, как о глупости, которую некоторые вбили себе в голову.

По случаю приезда из Москвы старого папиного друга, тоже каменщика, в доме был накрыт стол и приглашены другие папины друзья-каменщики. Когда все положенные тосты были произнесены, гостям позволили немного отдохнуть от еды и питья. На принесен-

ную из кухни табуретку папа поставил Леву. Ему полагалось читать стихи. Но вместо стихов Лева обратился к приехавшему гостю – толстому дядьке с красным лицом.

– Вы из Москвы? – робея, спросил его Лева.

– Ну, – кивнул дядька.

– Тогда скажите, пожалуйста, – вежливо, как учили в школе, попросил Лева, – вы должны знать...

Тут Лева замялся, а дядька весело фыркнул.

– Вот она, твоя провинция, Сёма, – сказал он папе. – Раз из Москвы, значит, всё знать должен.

– Ну да, ну да, – обрадовался такому пониманию Лева. – Скажите, пожалуйста, вы Гитлера ненавидите?

– Э-э-э, – протянул дядька и растерянно оглянулся на папу, – ну как все, конечно. А при чем тут Гитлер?

– Ну Гитлер – это так, для примера. Просто я тут подумал: если вы Гитлера ненавидите, то смогли бы его убить?

– Я? – дядька окончательно растерялся и даже привстал, что при его комплекции далось ему нелегко.

Задавая этот простой, в общем-то, вопрос, Лева смотрел на приезжего дядьку чистыми, какими-то особенно пронзительными глазами. И дядька вдруг увидел высокий крутой обрыв над рекой, человека на коленях на самом краю, и как тот в безнадежной надежде плачет и старается ухватить край его одежды теплыми живыми руками... Дядька почувствовал отвратительный ужас от того, что должен был совершить, замотал головой и тяжело плюхнулся обратно на стул.

– Да как же, – пробормотал он, – это чтобы мне мальчишка вот так вот... Что значит убить Гитлера? Почему? Руки у него теплые, главное! Это что, провокация? Семен, мы так не договаривались...

Что там было дальше, Лева не знал, потому что в этот момент папа опомнился, схватил его в охапку и унес в другую комнату.

Спустя несколько лет, когда Лева немного порос, он обратился к учительнице литературы Светлане Ивановне.

– А можно вопрос про попа и работника его Балду? – спросил он как-то на уроке.

– Это ты про сказку Пушкина? – Светлана Ивановна неплохо относилась к Лева, а еще лучше к его папе, который на все праздники дарил ей разные дорогие подарки. Разговор этот случился весной, как раз перед праздником Восьмое марта, поэтому Светлана Ивановна была особенно благодушно настроена.

– Да, дети, – наставительно сказала она, – помните, мы с вами проходили Пушкина, «Сказку о попе и работнике его Балде»? Так что ты хотел спросить, Лева?

– Как вы думаете, Балда – хороший человек? – спросил Лева, глядя на учительницу своими пронзительными глазами.

– Ну да, поп был жадный, а Балда его проучил...

– А почему?!

– Ну-у, у Пушкина же ясно сказано: «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной...» – протянула Светлана Ивановна, благодаря большому педагогическому опыту предчувствуя какую-то неприятность.

– Вот смотрите, – сказал Лева, обращаясь к классу и подражая интонации Светланы Ивановны, – встречаются два человека, договариваются, что один будет работать на другого целый год за три шелобана. Ну, то есть, за три щелчка по лбу. Дешево, конечно. Но, заметьте, это Балда сам предложил! А потом, как стали рассчитываться, от первого щелчка поп до потолка подпрыгнул, от второго – глаза на лоб, а третьим Балда его убил... Семью без отца оставил. Ту самую, между прочим, в которой стал родным. И жене попа он нравился, и старшей дочери. А попенок, ну то есть, маленький сынок этого попа, и вовсе его тятей, то есть, папой называл. Ну, допустим, поп был жадный, но не убивать же его за это? Это же садизм какой-то!

Чутье Светланы Ивановны взвыло, как пожарная сирена, она метнулась к Лева, силой усадила его на место и потребовала полной тишины. Никто в классе не знал слова «садизм». Но по реакции учительки все решили, что это жуткое ругательство. Класс издевательски заржал, радуясь начинавшемуся скандалу. А Светлана Ивановна растерялась. Она не ко времени ясно увидела оставшуюся без кормильца большую дружную семью, которую предал ставший им таким близким человек. А уж как безжалостно и подло умеют предавать мужчины, Светлане Ивановне было хорошо известно...

Скандал, конечно, замяли, но потом вспыхнул новый, на этот раз на уроке биологии. Лева спросил, что такое пол.

– Ну это просто, – улыбнулась биологичка Вероника Васильевна, которая по совместительству была еще и учительницей физкультуры. – Все высокоразвитые живые организмы делятся на два пола – мужской и женский.

– Значит, это нормально, и ничего стыдного в том, чтобы быть мальчиком, нет? – спросил Лева, и класс замер в предвкушении.

– Нет, конечно, вот глупый какой!

Вероника Васильевна немного завидовала Светлане Ивановне, потому что не получала от Левиного папы подарков к праздникам, но тоже относилась к Лева неплохо: обычно он сидел на уроках тихо и не хулиганил.

– А почему тогда нужно прятать в трусы то, что нас отличает от девочек? – Лева улыбнулся и прямо взглянул на учительницу.

Вероника Васильевна вдруг задышала так, как будто только что пробежала стометровку. Она, сама того не желая, увидела эти самые отличия, скрываемые в мужских трусах. Их было бесконечно много – и в самой школе, и напротив, на стройке. Укрытые от посторонних глаз, они вели себя отвратительно. Вероника Васильевна ясно понимала их намерения, ведь уже лет тридцать была замужем... Спас ее школьный звонок. Но она всё равно вызвала в школу Левиного папу.

– Сапиенти сат, – вздохнул папа, когда биологичка-физкультурница возмущенно рассказала ему, как Лева практически сорвал урок. Папа просил оставить всё между ними и без последствий. Учительница сочувственно покивала головой и обещала не предавать этот возмутительный случай гласности.

Тем не менее, по школе, а потом и по всему городу поползли слухи. Школа была маленькой, и город был маленьким. Одноклассники, разобравшись, в чем дело, стали считать Леву чудиком, а учителя перестали вызывать его к доске – и вообще старались не замечать. Однажды на уроке истории, когда Лева поднял руку, чтобы спросить про реформы Петра Первого, учительница замахала руками и бросилась к двери. Никому не хотелось отвечать на неожиданные и опасные вопросы. А главное, отчетливо, как будто это происходило на самом деле, представлять себе все те нелепости, которые выдумывал этот ужасный мальчишка.

Папе даже предложили перевести Леву в специальную школу, где его странности ни у кого не вызывали бы сложностей. Но папа, хотя и был огорчен Левиным поведением, от спецшколы категорически отказался. Зато задействовал свои спецсвязи – и дело спустили на тормозах. Лева доучился до аттестата в обычной школе. Потом пошел в техникум и стал бухгалтером. А чуть позже, когда всё завертелось, и народ бросился уезжать в Америку, Лева неожиданно для себя женился и оказался в Нью-Йорке.

Однажды весной, когда Лева уже больше полугодом жил в Бруклине, ему приснился давно умерший дедушка, мамин папа. О занятиях дедушки в семье всегда говорили шепотом. По словам мамы, дедушка отрезал младенцам кое-что лишнее. Он носил на голове маленькую шапочку с вышитыми на ней значками, что-то вроде туркменской тюбетейки, а из-под его черного пиджака свисали пучки белых шерстяных ниток. Пахло от него сухими травами и вишневым наливкой.

Папа не любил дедушку и не хотел его видеть. Папа обвинял его в жутких преступлениях, в частности, в том, что дедушка – и такие, как дедушка, – сжили со света товарища Сталина. А Лева, слушая папу, думал о том, что если бы не сжили, то как бы тогда папа про-

славился? Ведь живой товарищ Сталин вряд ли позволил бы ему над собой работать.

Но когда Лева был маленьким, а мама – живой, дедушка однажды все-таки приехал к ним в гости.

– Еще бы, – сказал ему дедушка, и погладил Леву по голове. – Еще бы, ты не такой, как все. Это хорошо... Твой папа – большой человек, слов нет, хотя и не признает себя нашим. Он работал, как ты знаешь, над самим товарищем Сталиным. А это чего-то да стоит. Но я открою тебе одну большую тайну. Ты будешь смеяться. А может быть, плакать, как знать...

И дедушка рассказал Леве, что давным-давно они были в рабстве у одного подлого фараона, из которого потом сделали мумию. И она теперь лежит где-то в музее как экспонат, чтобы другим неповадно было мучить людей... Но когда дедушка поведал ему, что всё вокруг было построено за какие-то шесть дней, Лева забеспокоился. Он уже знал, что сама планета Земля сделана, в основном, из камня. Значит, делал ее тоже каменщик, как папа. А Левин папа говорил, что за шесть дней и памятник-то толковый не сделаешь.

– Сначала, – говорил дедушка, – ничего не было. Вообще ничего. А потом всё разделилось на черное и белое...

И это показалось Леве странным.

– Да как же так, – спросил он дедушку, и дедушка неожиданно закрыл глаза и увидел маленького мальчика, державшего в руках только что раскрашенный акварельной краской листок. Половина его была выкрашена белой краской, а вторая – черной. И этот скукоженный от воды кусок бумаги показался мальчику таким невыносимо скучным, что ему тут же захотелось размазать черное и белое, да еще капнуть сверху и красного, и синего, и зеленого... И мальчик стал смеяться и тыкать кисточкой в разные краски, превращая строгое черно-белое в безобразную, по мнению дедушки, многоцветную мазню.

– Ой, гевалт! – испугался дедушка. – Так быть не должно! Только черное и белое! И *Он увидел, что это хорошо!* И не спрашивай меня больше ни о чем! Что *они* сделали с ребенком?! Ой, амак ин дер ин пунэм!..

Дедушка так обиделся на Леву, что сразу уехал и больше не приезжал, потому что умер, и папа, как раз за шесть дней, сделал ему большой красивый памятник из мрамора. Почти такой же красивый, как маме...

Теперь дедушка неожиданно приснился Леве. Одет он был почему-то в военную форму, и пахло от него кожей и ваксой.

– Когда я был маленьким, – сказал ему дедушка и хитро подмиг-

нул, – я тоже совсем не верил в Бога. Наоборот, мы были юные безбожники. Ну, так называлась тогда организация, куда принимали детей бедняков, вроде меня. А потом, когда я вырос, меня приняли в другую организацию, куда тоже предпочитали брать выходцев из бедных семей.

И вот много лет назад, когда ты еще не родился, а я был еще довольно молод, вызвали меня к начальству и приказали отправиться в важную командировку, в самую Москву. Было это при Хрущеве в шестьдесят первом году. В ту пору как раз только что прошла денежная реформа, народ лихорадило. А тут еще перебои с хлебом начались. В общем, время было тревожное.

Дедушка поправил фуражку, на секунду приставил к козырьку ребро ладони, чтобы проверить, ровно ли сидит головной убор, и стал рассказывать, как он и еще четверо товарищей сопровождали специальный секретный груз под кодовым названием «Грааль». Дедушке было известно только, что груз этот им нужно получить ночью где-то в центре Москвы и отвезти на станцию Москва-Товарная, где их будет ждать спецвагон. Конечный пункт назначения ни дедушке, ни его товарищам не сообщили. В их обязанности входило охранять груз до конца маршрута. И только позже дедушка узнал, что груз следовало доставить на подземный объект в районе засекреченного города Челябинск-14.

Дедушка до этого случая никогда в Москве не был, поэтому не сразу понял, что оказался на Красной площади, и только увидев мавзолей, почему-то окруженный высоким фанерным забором, сообразил, куда попал. Дедушку с товарищами пропустили за забор, сотрудник в костюме и шляпе проверил их документы и повел в проём между мавзолеем и Кремлевской стеной. Почти сразу же откуда-то из-под мавзолея возникли рабочие в спецовках, которые вынесли «Грааль» – громоздкий длинный и, по-видимому, очень тяжелый ящик. Дедушка расписался в получении, груз с трудом задвинули в закрытый кузов армейского ЗИЛа и поехали.

На товарной станции они нашли спецвагон, который оказался обычной теплушкой, перегрузили в него «Грааль» и после пары часов ожидания поехали. Когда за приотворенной дверью теплушки потянулись пригороды, дедушка, как старший по команде, расстегнул воротничок и приказал подчиненным чистить личное оружие – два автомата АКМ и два пистолета Макарова. Чистку своего именного ТТ дедушка решил оставить на потом, что, как выяснилось чуть позже, спасло ему жизнь, хотя и изменило ее в корне.

Потому что, когда его сотрудники, разложив газетку на охраняемом ящике, разобрали оружие и приступили к чистке, откуда-то с потолка раздался грохот, вниз упала выломленная доска, а в образо-

вавшееся отверстие просунулась сначала усатая физиономия, а потом и рука с пистолетом.

– А-а-а, – закричала физиономия, – шени дэда!..

Несмотря на хорошую подготовку, дедушке удалось открыть стрельбу только после того, как его сотрудники уже были расстреляны в упор. Трудно сказать, попал ли он в нападающего. Тот исчез в проломе, а спустя короткое время дедушка услышал топот ног по крыше вагона и чьи-то гортанные голоса. Стрелять в потолок он не стал, решив поберечь патроны до выяснения обстоятельств. Неожиданно скорость вагона стала снижаться, и дедушка понял, что бандиты – а кто это мог быть, кроме них? – отцепили вагон от состава.

Дальше дедушка, перескакивая с одного события на другое, рассказал, как бандиты, которых оказалось всего двое, вели с ним переговоры, как предлагали сдаться, а потом оставили в покое, боясь, что он, как обещал, уничтожит груз. Скоро вагон подцепили к другому составу и снова поехали. Из всего услышанного дедушка понял, что оба бандита были грузинами и, судя по всему, он со спецгрузом едет теперь в Грузию. Трудно сказать, как бы сложилась его судьба, попади он туда. Но то ли бандиты что-то напутали, то ли была виновата обычная неразбериха на железной дороге, только вместо теплой Грузии вагон, на крыше которого обосновались бандиты, свернул в сторону и шел всю ночь без остановки... Довольно скоро стало понятно, что поезд на всех парах мчится на восток, по Уралу, через перевалы и дальше по Сибири.

Дедушке пришлось выбросить на ходу трупы своих погибших товарищей, оставив при этом их оружие, боезапас и сухой паек. Кроме того, в теплушке была печка-временка и небольшой запас дров. Так что ехал он с относительным комфортом. О том, что станется с ним, когда они все-таки куда-нибудь приедут, дедушка старался не думать. Бандитам, так и сидевшим на крыше вагона, пришлось куда хуже. Как-то ночью в проломе на потолке снова появилась рука, но вместо пистолета в ней был засаленный белый платок.

– Эй! – закричал усатый бандит, успевший уже зарости черной бородой. – Давай мириться, слушай! Пусти нас в вагон, мамой клянусь, не тронем! Совсем, панымаэш, замерзли здесь... Э-э, не думай, генацвале, тебе тоже хорошо будет. Когда узнаешь, что везешь...

Дедушка снял автомат с предохранителя и разрешил бандитам спуститься внутрь теплушки только после того, как они разоружились, бросив ему два своих стареньких нагана. Даже непонятно, как они умудрились убить из них четверых дедушкиных товарищей.

Бандиты так замерзли и проголодались, что ни о чем, кроме печки и еды, думать не могли. Но когда немного пришли в себя, то

выяснилось, что никакие они не бандиты, а работники грузинского отделения той же конторы, в которой работал и сам дедушка. Стреляли же они по особому распоряжению своего руководства, которое приказало изъять вынесенный из мавзолея сверхценный груз и доставить его в Тбилиси. Временно, до выяснения всех обстоятельств. Потому что есть подозрения, что тех, кто приказал вывезти *этом* груз, скоро самих вынесут ногами вперед.

– Вот так-то, дарагой, – сказал второй бандит в звании капитана, – адно дэло дэлаэм, панымаэш? Теперь вмэсте надо дэржаться, куда пападем – неизвестно. Сибирь едем... Шэни дэда мовтхан!

В общем, им пришлось доехать до Владивостока, где по еще одной несчастливой случайности их теплушка попала в торговый морской порт. Дедушка и до сей поры не знает, были ли грузинские товарищи замешаны в этом темном деле или нет, но однажды, когда дедушка вышел, чтобы немного размять ноги и попытаться связаться с местным начальством, они бесследно исчезли вместе с вагоном. Чуть позже дедушку за утерю груза выгнали из организации, да и вообще отовсюду, и он, радуясь, что не расстреляли, стал заниматься любимым делом...

– Так вот, – сказал Леве дедушка и снова поправил фуражку. – Есть мнение, что «Грааль» уехал сначала в Японию, а потом и в Америку. Говорят, его купила какая-то подозрительная мадам Тюссо... Сапиенти сат!

МЕТЕЛЬ

Эту историю я услышал несколько лет назад, когда из-за отвратительной погоды застрял в Белых Горах Нью-Гэмпшира. Места эти любят горнолыжники, поэтому зимой там особенно оживленно. Но в снегопад все подъемники закрываются, и трассы пустеют. Народ пережидает непогоду в гостиничных барах и кафешках, с нетерпением поглядывая за окно: когда же серая снежная муть уйдет за перевал и снова выглянет солнце.

В баре гостиницы, где я остановился, было относительно немного народа. Обстановка располагала к тому, чтобы провести здесь часа полтора, запивая плохо сваренный кофе хорошо выдержанным коньяком. К тому же и место мне досталось удобное – в углу у окна. По левую руку от меня горел камин, а справа, за стеклом, кружила метель.

Сидевшая неподалеку компания говорила по-русски, и я поневоле прислушался. К моему удивлению, разговор шел совсем не о лыжах и не о качестве трасс, как это принято у всех здешних горно-

лыжников. Собственно, говорил только один из пятерых. Это был крупный пятидесятилетний мужчина с короткой седой бородой. Две молодые женщины, сидевшие рядом, и их мужья внимательно слушали его низкий красивый голос. Рассказчик называл женщин дамами, и в его устах это старомодное обращение звучало вполне естественно и исключительно галантно.

Скоро стало ясно, что познакомились все они недавно, может быть, в этот же день. И что мужьям не нравится внимание, которое их жены оказывают этому породистому мужику. Но они и сами подпали под его обаяние. Я знал по опыту, что такое обаяние, чаще всего, как бабочка-однодневка – яркое, но недолгое. Уже на следующий день обе супружеские пары найдут в своем случайном собеседнике массу недостатков. Мужья – просто из ревности, а жены – чтобы не мучить себя пустыми иллюзиями, в которых всё в их жизни случилось бы по-другому: ярче, сильнее и разнообразней...

Наверное, эти же мысли пришли в голову и самому рассказчику.

– В жизни каждого человека, – сказал он и с улыбкой оглядел своих собеседников, – происходит множество странных, трудно-объяснимых с точки зрения привычных понятий и законов событий. Чаще всего погруженные в свои заботы люди их просто не замечают. А если и замечают, то объясняют простыми совпадениями. Или вообще никак не объясняют. Наверняка вы слышали о неожиданных опозданиях на самолет, который взорвался при взлете. А сколько людей вдруг совершают несвойственные им поступки, опять-таки, кардинально меняющие жизнь. Или, наоборот, не делают того, что вроде бы были должны... В общем, как сказал классик, кирпичи никогда просто так на голову не падают.

Но кирпич – это пример, так сказать, негативный и объясняется простой причинно-следственной взаимосвязью. Которую можно изменить. Перешел на другую сторону улицы или остановился, чтобы завязать шнурок на ботинке, – и всё, кирпич падает мимо. Но тут-то и кроется самое главное. Если не полениться и разобраться, то обнаруживаются куда более сложные цепочки причин и следствий. В некоторых ситуациях вообще трудно понять, где причина, а где следствие. Возможно, они меняются местами. И тогда у человека появляется совершенно иной взгляд на мир...

Было бы наивным предполагать, что существует метода, позволяющая управлять Случаем. К сожалению, это невозможно. Но зато вполне возможно научиться узнавать, когда этот Случай может представиться. Потому что Случай напрямую связан с вашими желаниями... Да-да, милые дамы, вот именно так.

Обе милые дамы как зачарованные слушали рассказчика. Слово

«Случай», да еще произнесенное уверенным мужественным голосом, казалось им волшебным зовом судьбы.

– Но это так, скучная теория, – заключил рассказчик, посмотрев на скептически улыбавшихся мужей. – Лучше давайте-ка расскажу вам занятную, но совершенно правдивую историю, участником которой я стал много лет назад. Вам она может показаться пустяковой, но...

Он неожиданно замолчал и задумался. Дамы выжидающе смотрели на него. Метель за окном завывала всё сильнее. Мастерски выдержав паузу, рассказчик заговорил.

Когда ему было лет тринадцать и жил он в маленьком украинском городке, среди мальчишек в его школе ходила легенда о некоей волшебной субстанции, исполнявшей желания. Что это такое, никто толком не знал, но мальчишки называли этот волшебный порошок конским возбуждателем.

Нужно понимать, что это грубое название вовсе не было проявлением подросткового цинизма, как могло бы показаться на первый взгляд, а только подсознательным детским желанием *приземлить* эту фантастическую субстанцию, сделать ее реальной хотя бы в разговорах друг с другом. Назови ее кто-нибудь «исполнительницей желаний», ни один мальчишка в округе не поверил бы в ее существование. Кроме того, ну какие могли быть желания у терзаемого пубертатом подростка из маленького советского городка второй половины двадцатого века? Из игрушек он уже вырос – какие тогда были игрушки? – а про джинсы и прочие радости западного мира еще не слышал. Да и вообще, о чем, по большому счету, мог тогда мечтать нормальный семиклассник-комсомолец? Ну не о мире же во всем мире?

Разумеется, никто и в глаза не видел этого порошка, но почти у каждого находился приятель, которому каким-то чудом перепадала шепотка этого самого возбуждателя. И тогда...

Тогда бесценный порошок рассыпался в классе перед уроком. По словам очевидцев, свидетельствам которых безусловно доверяли, он практически таял в воздухе, не оставляя после себя никаких следов. Только легкий, ни с чем не сравнимый приятный запах. А дальше... Дальше все девочки класса, в ту давнюю пору скромные, в массе своей закомплексованные и неиспорченные интернетом, вдруг превращались в разнузданных вакханок. Конечно, в чем, собственно, это выражалось, никто из мальчишек толком не знал, но предположения строились самые фантастические. Например, все девчонки, как одна, тут же показывали мальчишкам свои трусики, а те, кто уже носил лифчик, даже и лифчики. Дальше этого мальчишки в своих фантазиях не шли. Дальше начиналась *такая* великая тайна, что даже самые отпетые из них побаивались прикасаться к ней...

Мальчишки ведь в то время тоже были бесконечно наивными. Да что мальчишки! Многие учителя, а вернее, учительницы имели тогда смутное представление о тайнах пола. Что уж говорить о семиклассниках... Поэтому, несмотря на самые смелые и безрассудные намерения, можно твердо сказать, что для мальчишек этот вожделенный порошок никакого отношения к собственно вожделению не имел. А имел прямое отношение к желанию чуда, настоящего большого чуда, не укладывавшегося в рамки скучной жизни молодого строителя коммунизма.

И вот однажды главный заводила класса Костя Тимофеев по кличке Тимоша сказал, что один его дворовой приятель пообещал достать немного конского возбуждителя. Не бесплатно, конечно. Сумма в двадцать пять рублей показалась мальчишкам настолько огромной, что у всех опустились руки. Впрочем, в то время двадцать пять рублей действительно были большими деньгами. Но и отказаться от идущего в руки чудо-порошка тоже было невозможно. Подумав и подсчитав, мальчишки поняли, что за неделю-другую экономии двадцать пять рублей они соберут. Тем более, что тут же произошла утечка информации, и к мальчишкам, сгорая от нетерпения, присоединилась некая Светка Симонян. Про Светку знали, что она любит играть в футбол и дерется, почти как мальчишка, поэтому не удивились. Вернее, удивились только тогда, когда эта Светка спустя два дня внесла в общую кассу целых восемь рублей и семьдесят три копейки.

Светку тут же подвергли безжалостному допросу. После нескольких тычков и угрозы никогда больше не принимать ее в футбольную команду Светка созналась. Оказывается, о конском возбуждители знали не только мальчишки. Девчонки тоже были прекрасно осведомлены о его существовании, и им тоже было очень любопытно. Но в девчоньем представлении чудесный порошок действовал, наоборот, на мальчишек, понуждая их совершать всякие постыдные действия, над которыми потом можно было бы посмеяться. По крайней мере, так Светка объяснила желание девочек поучаствовать в покупке порошка.

Мальчишки растерялись. Объединенными усилиями можно было значительно быстрее собрать необходимую сумму, тем более, что Тимошин приятель торопил с деньгами. С другой стороны, если девчонки правы, то тут было о чем подумать. Но соблазн испробовать порошок, то есть проверить, существуют ли чудеса на самом деле, всё же был слишком велик...

Спустя еще несколько дней на уроке физкультуры смущенная до слез Светка вручила Тимоше еще десятку. Отвечать, откуда у нее такие деньги, она категорически отказалась. Не подействовали ни угрозы, ни тычки. Посоветовавшись, мальчишки решили, что десятку Светка просто где-то сперла. В результате искомая сумма была собра-

на в рекордно короткие сроки – и тут же передана Тимошей своему приятелю. Оставалось только ждать.

Пока ждали, обе группы – мальчишки и девчонки – свято хранили тайну и друг перед другом делали вид, что ничего *такого* не происходит. Кроме того, в каждой из групп объявились скептики, которые заявляли, что не верят в существование каких-то дурацких порошков, а в дело вошли исключительно для того, чтобы доказать свою правоту остальным.

Несколько томительных дней спустя Тимоша сообщил, что порошок уже имеется, и что не далее как сегодня вечером он его получит. Обе группы жутко разволновались. Одно дело – представлять себе, как всё это будет, и совсем другое – испытать чудесный порошок в действии. Кроме того, никто не знал, на кого именно подействует конский возбуждатель. Некоторые девочки на всякий случай готовились надеть что-нибудь «взрослое» – из маминого белья. Мальчишки не готовились никак. Но заметно нервничали. Занятно, но никому не приходило в голову, что чудесный порошок может подействовать в равной степени и на мальчишек, и на девчонок.

Конский возбуждатель действительно оказался порошком, по виду более всего напоминавшем стиральный. Те, кто отважился его понюхать, говорили, что и пахнет он вроде как мылом. На двадцать пять рублей порошка оказалось совсем немного – спичечный коробок. Да и то неполный. По утверждению Тимошиного приятеля, этого количества должно было вполне хватить. По крайней мере, на один раз. Приходилось верить.

Но тут опять вмешалась Светка. Рыдая и исходя соплями, она потребовала отсыпать ей порошка на те десять рублей, которые она принесла в последний раз. На сей раз разговор с ней был долгим и трудным. Зажатая в угол школьного двора не только мальчишками, но и девчонками, которые тоже не могли понять, зачем ей отдельная доля возбуждателя, Светка, наконец, призналась во всем.

Оказывается, Светка была стукачкой. Обо всем, что происходило в классе, она исправно доносила классной руководительнице Людмиле Александровне. Узнав о готовившемся коллективном приобретении чудо-порошка, Людмила Александровна заволновалась. Ей было хорошо за тридцать, и про конский возбуждатель она, оказывается, тоже слышала от подружек. Учительницу обуревали сложные чувства. Как педагог, она должна была остановить этот неприличный и даже опасный эксперимент. Но еще она была женщиной, причем одинокой и, увы, не очень привлекательной. А пара отдаленных кандидатов в мужа не проявляли никакой активности... Нет, Людмила Александровна, может быть, и не настаивала бы на штампе в пас-

порте. В конце концов, она современный человек. Но ее репутация блюдущей себя старой девы заставляла кандидатов держать дистанцию, не удаляясь, но и не приближаясь... Это было мучительно.

Пережив бессонную ночь, Людмила Александровна решила. Она тайно вызвала к себе Светку и, стесняясь, передала ей десять рублей. Конечно, она объяснила, что немного порошка ей нужно для отсылки на анализ, чтобы знать, чем балуются ее ученики. Но Светка была не такой уж глупенькой, чтобы не понять, зачем Людмиле Александровне конский возбудитель. И вот теперь, зареванная, оказавшаяся между двух огней, Светка умоляла, чтобы ей отсыпали порошка для училки. Как стукачка, она вызывала только отвращение, но Людмила Александровна, честно заплатившая свою долю, вроде как имела право на часть порошка. С другой стороны, получив возбудитель, училка, конечно же, устроит им такие чудеса, что мало не покажется. Мнения разделились так кардинально, что минут через пять началась самая настоящая драка, в которой участвовали все, считая девочек и не считая зареванной Светки Симонян.

В результате, когда коробок с порошком стали вырывать друг у друга из рук, он раскрылся, и драгоценное содержимое безвозвратно высыпалось прямо на грязный асфальт. По инерции мальчишки и девчонки еще продолжали толкаться и кричать, но потом застыли в ужасе. В первый момент им просто стало жаль потерянного порошка. А потом они решили, что, просыпавшись, он начнет действовать прямо сейчас, прямо здесь. А они не были готовы к этому. И вообще, оказывается, совсем этого не хотели. И все они, вместе с предательницей Светкой, ужасно испугались и бросились бежать по домам. И как раз вовремя. Потому что сразу же началась гроза, и полил проливной дождь...

Разумеется, на следующее утро в углу двора невозможно было найти и следов злосчастного порошка. Как уж там выкручивалась перед классным руководителем Светка, никто толком не знал. Но самое удивительное, что вскоре после этого случая Людмила Александровна вышла замуж, причем не за одного из своих двух кандидатов, а за служившего на Северном флоте красавца-мичмана, и навсегда уехала из их городка. Может быть, верная Светка всё же умудрилась наскрести с асфальта порошка в количестве достаточном, чтобы составить ее счастье... а возможно, это было просто совпадением. Теперь об этом судить трудно. Но никто из их класса больше уже не пытался собрать денег на новую порцию. Всем было страшно.

– Вот так, – рассказчик галантно улыбнулся, – при том, что никакого конского возбудителя, конечно же, в природе нет, получается, что некий механизм исполнения желаний всё же существует...

– Так это был такой наркотик, что ли? – покраснев, как невеста, спросила одна из дам.

– Ну, – рассказчик перевел взгляд на ее мужа, – людям всегда свойственно сводить сложное к простому...

– Ах, – кокетливо протянула вторая дама, – когда я училась в школе, таких ужасов уже не рассказывали, а просто торговали кокаином и экстази...

Я допил коньяк, встал из-за столика и вышел в метель.

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

Когда я только приехал в Нью-Йорк и еще никого здесь не знал, по независящим от меня обстоятельствам пришлось мне однажды провести ночь – благо дело было летом – под знаменитым брайтновским променадом или, как его зовут местные жители, «бордвоком». В зазоре, образованном деревянным настилом и песчаными дюнами, между сваями, часто живут бездомные, среди которых на удивление много русскоговорящих. Это, как правило, сошедшие с круга алкоголики, а потому существа не агрессивные и сочувствующие несчастьям других таких же бедолаг. И если не быть особенно безрелигиозным, то с ними легко можно поладить.

И вот там-то, у костерка, разведенного так, чтобы его не было заметно снаружи, я познакомился с бывшим миллионером Валериком.

Наверху, на бордвоке, как обычно, сустились люди: обедали в ресторанах, гуляли, сплетничали... В общем, жили настоящим. Под бордвоком обитали те, у которых в наличии имелось только прошлое. Интересно, подумалось тогда мне, а где здесь водится будущее?..

Бывший миллионер Валерик встретил меня радушно. Он уже третий год обитал на улице и чувствовал себя хозяином гостиницы, принимавшим сбившегося с дороги путника. В каком-то смысле так оно и было.

– Давай иди, не бойся, – сказал мне Валерик, когда я на четвереньках подполз к костерку. – Сюда многие приходят, потом уходят. А я тут живу. Моя территория. Так что – располагайся...

Но, предоставив мне кров, Валерик лишил меня покоя. От него я услышал историю, которая не оставляет меня до сих пор. Я, конечно, знаю, что психические заболевания распространены среди бездомных так же широко, как и вши, но этот человек не был похож на безумца... Несмотря на всю фантазмагоричность, есть в его истории что-то такое, что заставляет задуматься всерьез.

Бывший миллионер оказался под бордвоком в результате цепочки невероятных событий. За пять лет до нашей встречи Валерик при-

ехал из глухой белорусской провинции. Профессии у него не было никакой, а идти учиться не хотелось. Кроме того, для успешной карьеры нужно было выучить английский. А как его выучишь с нуля? Поэтому Валерик мыкался, перебиваясь случайными халтурками и, как это часто бывает, мечтал заработать много и сразу. Но зарабатывать получалось только на то, чтобы не помереть с голоду. Хотя, в общем-то, Валерик кое-как перебивался. По случаю снял недорогую квартирку на Пятнадцатом Брайтоне и даже купил в рассрочку старый мерседес. Так что по белорусским меркам он очень неплохо устроился. Но сам-то Валерик понимал, что ведет униженно нищенский образ жизни.

Однажды, когда его в очередной раз уволили с очередной халтурки, сидя в полупустом вагоне метро, Валерик задумался над тем, что же делать дальше. Вскоре предстояло вносить деньги за мерседес и страховку, а также платить за квартиру. Валерик быстро подсчитал свои запасы и понял, что в этом случае придется голодать до следующей – еще неизвестно когда светившей ему – халтурки. Конечно, можно было бы отказаться от мерседеса, но...

– Понимаешь, – сказал Валерик, подбрасывая в костер доску от ящика, – хорошая машина для меня – это...

Он закатил маленькие близко посаженные глаза и горько рассмеялся. Когда он подруливал на своем «мерсе» к дому, неторопливо парковался, покидал роскошное, поскрипывавшее кожей сидение и, ни на кого не глядя, шел к своему подъезду... О, испытываемые им ощущения полностью компенсировали все неудачи, недоедание и прочие тяготы его нищей эмигрантской жизни. В этот момент Валерик чувствовал себя успешным, состоявшимся, удачливым, высоко приподнявшимся над унылой действительностью. То есть, на самом деле, получалось, что Валерик владел совсем не подержанным мерседесом, а настоящей волшебной палочкой. И расставаться с ней не собирался, каких бы жертв ему это ни стоило.

От размышлений Валерика отвлек появившийся в вагоне нищий. Это был несуразно высокий худой человек, слегка приволакивавший при ходьбе правую ногу. Время было неурочное, немного за полдень, народу в вагоне оказалось совсем мало, и нищий тут же направился к Валерику. Обычно Валерик не подавал нищим: тогда он, как и многие, был уверен, что эти попрошайки живут лучше него. Но тут... Трудно даже сказать, что произошло. Возможно, погруженный в мысли о волшебной палочке-мерседесе Валерик и вправду почувствовал, что богат... В общем, неожиданно для самого себя он полез в задний карман джинсов и достал бумажник.

А дальше случилось совсем уж непонятное. В бумажнике была

всего одна купюра. Причем двадцатидолларовая. Последняя. Валерик поднял голову. Нищий ждал, деликатно соблюдая дистанцию. Он смотрел на Валерика с необычным для попрошайки выражением, как будто бы говорящим: «Гляди, приятель, решение за тобой...»

Когда Валерик, холодея от собственно щедрости, протянул ему двадцатку, нищий чуть заметно улыбнулся, но тут же скорчил комически-удивленную мину и затараторил по-русски.

– О, сэр! Мне! Целых двадцать долларов! Спасибо, сэр! За это я... – нищий оглянулся, – я дам вам кое-что... Да-да, вы сможете... Я вижу, о-о, я всё вижу!

Нищий закивал головой и захихикал. Валерик снисходительно усмехнулся. Ну что мог ему дать этот несчастный псих?

– Закройте глаза, сэр, – сказал ему нищий таким тоном, что у Валерика невольно опустились веки. – А теперь представьте себе город, любой город, но лучше незнакомый. Просто *город*...

И Валерик сразу же увидел улицу незнакомого ему города. Он стоял на перекрестке, а улица спускалась вниз, к видневшемуся вдалеке морю – свинцовому от низко нависшей над ним тучи. Голос, который уже не напоминал голос нищего, приказал ему не торопясь идти вниз по улице и внимательно присматриваться к перекресткам. Оказывается, улицу пересекало множество других улиц. Нужно было выбрать такую, на которую ему *хотелось бы* свернуть. Но следовало быть осторожным и сворачивать не на первую попавшуюся, а именно на ту единственную, пройти мимо которой невозможно.

Валерик медленно двинулся вперед, довольно скоро обнаружил узкую кривую улочку с невысокими домами и почувствовал, что именно сюда ему *очень хочется* свернуть.

– Хорошо, – произнес Голос, когда Валерик сделал несколько шагов по своей улочке. – Очень хорошо. Теперь выберите дверь. Но только ту, которая вам нужна!

Улочка была довольно короткой, в конце ее возвышалась стена. Поразмыслив несколько секунд, Валерик подошел к одному из домиков с облупившейся бледно-желтой краской на фасаде. На уровне глаз он увидел завешенное шторой окно с ящиком для цветов, из которого печально свешивались два наполовину засохших стебелька. За стеклом, на подоконнике стоял недопитый кем-то стакан чая с плавающим в нем сморщенным кусочком лимона. Повинуясь Голосу, Валерик открыл скрипнувшую дверь и увидел длинный полутемный проход во внутренний дворик. Проход загораживали стоявшие одна за другой черные прямоугольные панели высотой в человеческий рост. Приглядевшись, Валерик понял, что более всего они напоминали поставленные вертикально костяшки домино. Только вместо точек

на них белой краской были изображены контуры людей и животных – и еще какие-то символы, значения которых Валерик не знал.

– А теперь, – сказал Голос, – толкайте!

Валерик замешкался, ему отчего-то стало страшно, хотя он прекрасно понимал, что всего-навсего сидит в вагоне метро, и какой-то нищий просто развлекает его своими фокусами.

– Ну-у? – насмешливо протянул Голос, и Валерик, устыдившись, толкнул стоявшую перед ним костяшку. Она была тяжелой, как будто отлитой из чугуна, хотя на вид казалась куском обычного пластика. Тогда Валерик толкнул сильнее, и костяшка стала медленно заваливаться назад. Стоявшие за ней костяшки дрогнули и тоже начали падать одна за другой, всё быстрее и быстрее. Валерику показалось, что фигуры, изображенные на костяшках, взмахивают руками, как будто пытаясь приостановить падение, но всё равно падают...

Дорожка из поваленных домино уходила вглубь двора. Валерик почувствовал, как задрожала земля под ногами, и инстинктивно отскочил от двери на середину улочки. Как оказалось, вовремя. Потому что только тут он увидел, что и дом, перед которым стоит, и вся остальная улочка, и весь город, и море, и туча над ним... всё это сложено из разноцветных костяшек домино и всё быстрее и быстрее рассыпается, оставляя за собой страшную бессмысленную пустоту. Всего через несколько секунд Валерик обнаружил, что нет уже никакого города, и только земля всё сильнее дрожит под ногами. Но то была не земля, а пол вагона. А вместо Голоса над ухом Валерика раздавался гнусавый и невнятный говорок объявлявшего остановку кондуктора.

Валерик открыл глаза. Нищий уже успел выйти на платформу и теперь смотрел на него через стекло, делая руками какие-то таинственные жесты. Валерик пожал плечами и отвернулся. Двери вагона тотчас же закрылись, поезд двинулся и стал набирать ход.

Вернувшись домой, Валерик рассказал о странном нищем навещавшей его по пятницам девушке Нине, которую он, согласно местным традициям, называл «герлфренд». Герлфренд Нина посмеялась над легковерным Валериком, ни за что отдавшим хитрому попрошайке целых двадцать долларов. Тем в тот вечер дело и кончилось. Нина была не слишком хороша собой и пыталась компенсировать этот недостаток чрезмерной пылкостью...

Странности начались через день. Валерик неожиданно получил по почте чек на тысячу семьсот девяносто девять долларов и шесть центов. Чек был выписан на его имя, и адрес на конверте тоже был указан правильно. Но стоявшее на чеке название компании ничего Валерику не говорило. Кроме того, Валерик, у которого каждая копейка была на счету, никакого чека ниоткуда не ждал. Вероятно,

произошла ошибка. Тем не менее, деньги эти были как нельзя более кстати. Поразмыслив, Валерик положил чек на свой банковский счет, решив, что возвращать его было бы просто глупо.

А еще через пару дней ему прислали чек на сумму в две тысячи триста сорок пять долларов и десять центов. Но уже от другой компании. Валерик недоумевал и несколько дней медлил класть чек в банк. Может быть, его имя случайно попало в список субподрядчиков, выполнявших какие-нибудь работы для этих компаний... Теперь ведь всё компьютеризировано, поди разбери. А ошибку могут и не заметить никогда. Главное, что чеки выписаны на его имя. Значит, всё правильно! Валерик отнес в банк и второй чек.

Со следующей недели чеки стали приходиться почти ежедневно. Суммы были разными, но всегда достаточно крупными. Валерик почувствовал, что жизнь дает ему передышку. Он стал лучше питаться, а еще через пару месяцев продал старый мерседес, а взамен завел себе мечту – белый красавец-«бумер» последней модели. А чеки всё шли...

Валерик стал привыкать к валившимся на него деньгам. Он уже без трепета заглядывал в почтовый ящик и, если чека в тот день почему-то не было, только качал головой. А потом чеки потекли непрерывным потоком – по три-четыре конверта в день. Денег стало много. Так много, что Валерик старался не думать, откуда они берутся. Вернее, подумав и не найдя никакого объяснения источнику своего благополучия, решил, что всё это каким-то образом подстроил тот самый нищий в вагоне метро. В глубине души Валерик не верил ни в какие чудеса, но *такое* объяснение всё ж таки было лучше, чем никакое. И главное, давало ему уверенность в том, что эти деньги он заслужил, что получает их в качестве вознаграждения. Ведь отдал же он тому нищему свою последнюю двадцатку!

Валерик хоть и чувствовал, что теперь богат, не сразу сориентировался в открывшемся ему новом пространстве бытия: покупкой «бумера» на тот момент все его мечты ограничивались. Но постепенно, как подросток, донашивающий вещички после старшего брата, Валерик стал вращаться в свое новое положение.

Осваивался с тем, что ему не только не нужно больше заботиться о куске хлеба, но и вообще работать. Что имеющиеся у него деньги дают ему возможность не просто жить, а жить хорошо. Даже лучше, чем хорошо.

От герлфренд Нины Валерик избавился и обзавелся другой – недавно приехавшей из Узбекистана симпатичной молчаливой Фирузой. Кроме того, он познакомился с бизнесменом Кешей. Кеша оказался человеком умным и опытным. Он предложил Валерику вложить деньги в бизнес. К тому моменту Валерик уже приобрел неболь-

шую двухэтажную квартиру-пентхаус в новом доме на Третьем Брайтоне, обставил ее красивой мебелью и собирался с Фирузой в отпуск – в пансионат «все включено» на Ривьера Майя в Мексике.

Вернувшись из отпуска, Валерик по Кешину совету открыл прачечную-автомат. Но несмотря на все коммерческие способности Кеши, который взялся вести бизнес, дела в прачечной пока шли неважно. Валерика радовало только то, что чеки от неведомых компаний исправно продолжали приходить, и суммы на них становились всё крупнее.

– Ну что же, всё правильно, деньги к деньгам, – удовлетворенно думал Валерик, засовывая очередной чек в бумажник из крокодиловой кожи.

Как-то неожиданно быстро на его счете скопился целый миллион. Валерик решил отметить это дело и на радостях пригласил Кешу в шикарный ресторан на Брайтоне, где, не удержавшись, рассказал, откуда у него взялись деньги. Кеша заволновался.

– Ни хрена себе! – сказал он и, опрокинув на скатерть салатницу с оливье, потянулся за бутылкой виски «Джонни Уокер». – И че, ты так до сих пор и не знаешь, кто шлет эти бабки? Круто! И никто никаких претензий не предъявлял, денег назад не просил? Значит, нищий, говоришь? Да-а...

Реакция Кеши Валерику отчего-то не понравилась. Как-то уж очень заинтересовался он Валерикиными деньгами. Ну какое кому дело, откуда они берутся? Но отступать было поздно. Подробно расспросив Валерика, Кеша вдруг успокоился и стал задумчиво жевать зубочистку. Это спокойствие не понравилось Валерику еще больше. Впрочем, ни в тот вечер, ни позже Кеша к разговору о таинственных чеках не возвращался.

А потом Кеша пропал. Не отвечал на телефонные звонки и не появлялся дома. Две недели спустя Валерику пришлось закрыть прачечную. Начав разбираться с приходом-расходом, он с удивлением обнаружил, что бизнес находится в глубоком минусе. Более того, получалось, что Кеша, который клятвенно заверял, что не сегодня-завтра прачечная станет приносить приличный доход, просто обворовывал его, Валерика.

– Ну и черт с ним! – решил Валерик. Зачем ему бизнес? Ему и так хорошо.

А дальше события стали развиваться с такой стремительностью, что потрясенный Валерик не всегда мог уследить за ними. Началось с того, что последний присланный ему чек на сумму тысяча восемьсот тридцать семь долларов и два цента оказался необеспеченным. Потом на его счет наложили арест. Валерик бросился в банк, где

выяснилось, что никакого миллиона у него больше нет. Это были *чужие* деньги – и теперь их нужно было отдать. Более того, он должен был выплатить огромный штраф. В противном случае ему грозил серьезный тюремный срок. Идти в тюрьму Валерику не хотелось, поэтому пришлось срочно продать квартиру, отдать ставший ему родным белый «бумер» и еще толстую пачку наличных, которую он, по наущению Кеша, держал дома в сейфе на всякий случай. Фируза ушла сама. Сказала, что возвращается обратно в Узбекистан, где ее, оказывается, ждали муж и трое детей.

Однажды, в полном отчаянии бредя по Брайтон-Бич авеню, снова ставший нищим Валерик вдруг увидел Кешу. Тот сидел на заднем сидении огромного автомобиля, в котором опытный Валерикин глаз тотчас же распознал «роллс-ройс». Заметив Валерику, Кеша презрительно отвернулся и отхлебнул из бокала, который держал в руке. На его пальце острым недобрым огнем горел крупный бриллиант...

– В общем, – Валерик подбросил в костер еще пару дощечек, – дальше катилось всё, катилось, ну и вот я теперь тут... Это я только потом уж сообразил, как всё получилось.

Ходил к ним под бордвок один православный священник. Ну типа помочь бездомным пытался. Так вот, он рассказывал, что человек создан по образу и подобию Бога. Валерик подумал-подумал и вдруг сообразил: тогда получается, что и всё остальное – тоже образ и подобие. Значит, вообще всё, что происходит на земле, – только отражение происходящего в небесной канцелярии, так сказать. Поэтому удивляться нечему. Бардак он и есть бардак. Что здесь, что там... Сначала дали, потом отняли. Это ж не только с ним, с Валериком. Миллион раз такое случалось. Миллион... При слове «миллион» Валерик горестно вздохнул и втянул голову в плечи. Мысль о том, чтобы снова устроиться на какую-нибудь работу и выбраться из-под бордвока, казалась ему теперь совершенно абсурдной. При таких порядках об этом нечего было и думать.

Тут у костра появился еще один бездомный. В отличие от Валерику, одетого хоть и бедно, но опрятно, этот был в самых настоящих лохмотьях и, кроме того, зарос бородой по самые глаза.

– Пушкин, – проворчал он вместо приветствия, – вот же сука этакая! Всё знал, а прямо сказать не мог! Старуха, разбитое корыто... Бред! Обман трудового народа! А того нищего я еще поймаю, гада! Я ему устою домино!..

– Познакомьтесь, – сказал Валерик и грустно улыбнулся, – это Кеша...

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Григорий Стариковский

* * *

я пришел домой, сел на табурет,
и смотрел на дождь сквозь окно дождя,
как отплясывал он по наклону дня,
как подкармливал складки вороньих луж,

водосток мычал, и звалась вода
антигоной, и вздрагивала она,
разбиваясь о слепой бетон
в лупоглазый выводок пузырей.

и с карнизов, их лиственности, свисал
слой дождя истертою простыней,
и деревья сутулились и звались
хором, вкопанным в немоту,

а когда внезапно под светом фар
вспыхнула на асфальте прель,
я ее узнал, как судьбу свою,
это – гроздь дождя, что жила во мне,

но ужалась вся, будто жалость и
залежавшийся перегнивший страх,
да и некого мне теперь жалеть
и бояться нечего мне совсем.

* * *

tu ne quaesieris...

Гораций, Оды 1.11

не спрашивай, знать немислимо,
чем это всё для тебя, для меня закончится,
сожги свои графики и прогнозы;
что будет, то и вынесем, много ли весен
достанется, или в последний раз
эта, цветущая, гнет океанские волны
береговым базальтом;
будь умницей, разливай вино,

не думай, что будет длинен
отрезок недолгий.
пока мы беседуем, время
завидует нам и скользит отсюда,
крепко сожми этот день, а дальше –
не надо туда смотреть и верить.

* * *

по улице длинной, по главной, под вечер
встают горловые постройки, рдеют их звенья,
и город вдруг весь на ладони, отчаянно точен,
и гнезда вороньи, как чаши в руках у деревьев,

и ямки, как лунки, родятся, и водится рыба,
прозрачная рыба сквозь глину идет косяками;
над лункой склониться, насыпать вчерашнего хлеба,
но вишня цветет, и расходится ветер кругами.

на улице ломкой хоккейные шлемы в витрине,
ловись на живца осторожности, верткая шайба;
гидрант раскурочен, и горлом идет гиппокрена,
гидранту я тоже насыплю лежалого хлеба.

и два манекена друг к другу припаяны лбами, –
«мы с вами, мы с вами, нам тоже непросто», –
как скользко сближаются глупые куклы,
им самое место в облупленной яме погоста.

есть тихая тяга, как песня, – к подкладке обочин,
к тому, что не дышит, лишь трется о травы и стены...
по улице главной уходишь, никем не замечен,
тебя провожает цветения горькая пена.

* * *

крапины света
на водонапорной башне,
в этой пепельной азбуке морзе
есть что-то легкое, жалкое,
очень родное.

ткань заходящего солнца изношена,
как я этого раньше не видел?
всё, что из ветоши, трется о свет,
обмирает, уходит в небо,
дым, это тоже от ветоши.

жгут прошлогодние листья,
их хрупкие вороха, змеиные гнезда
заливают бензином; там, под камнем,
вьется зеленая в крапину кожа,
дым густо пахнет

можжевеловой срезанной веткой,
вестью о времени года, в сумерках
предметы, сближаясь, становятся
больше, чем близкими, – башня и дым,
тени и гнезда, где мертвые змейки живут.

* * *

от подстанции склон каменист,
бурый тростник и шиповник,
птичьего голоса бы,
воробьиного «чирк»... человеческий,
охотничий, пепельный шепот.

ветер вплетается в
решетчатых вышек пустоты,
и деревья сквозные
втиснуты в стылое мясо земли, –
время отстрела оленей,

время в оранжевой куртке ходить
по ничейному лесу,
греть озябшие руки
над рваным костром,
хрусткий бег на прицеле держать.

КИНО

трое сидят в купе, поезд к морю
тащится через полстраны,
избы, овраги, дальше с близким
сходятся посередине, пейзаж –
глядящий затылок родины.

волоокая женщина
примеряет блузку, поворачивается
наливными боками, стесняется,
ее губы – яблочное повидло;
тесное тело, как неродное.

попутчик разливает коньяк,
говорит, что он – конструктор,
проектирует новый вид поезда
на воздушной подушке,
остановка, областной центр.

девочка в коротком платье
стоит на перроне, прислонилась
к перилам, смотрит в сторону,
люди сходят по лестнице,
теряются за кустами сирени.

я знаю, что с ними будет,
со всеми, когда остынет лето
и чайки отстунут над молом –
тряские танцы с притопом,
щепоть носового платочка,
чаепитие на веранде.

* * *

белки носятся по стволам,
но река у тебя одна,
студнем стоит в берегах,
лепится к ним отечностью плеч.

это как после отлучки приезд домой,
плащ пахнет фиалками,

здравствуй, говоришь, вот я и дома,
а тебе отвечают, – это не твой дом.

ты здесь не числишься, ты – вода,
обмелевшее небо, много чего еще,
но не тот, кто стоит в дверях,
как весенний цветок в земле.

никто не протянет руки, не скажет,
пустив слезу, – проходи в комнату;
скомканный дым над кровлей,
он тоже – не о тебе.

ты – это то, что осталось
помнить глазам, губам,
беличий бег, одышка реки,
серого солнца осколок.

Нью-Йорк

Наталья Разувакина

* * *

Эти очи яснее к ночи.
Эти пальцы – живой тростник.
Звездным порохом оторочен,
к смуглой пропасти мир приник,
прикипела его тужурка
к коже, выданной на износ,
но шагреневого рыжей шкуркой
догорает его кино,

и пылает по-человечьи –
вести, шёпоты, кувырки –
вечер вечности, воск овечий...

У меня на столе – две свечки.
Лисьи хвостики – огоньки.

* * *

Идут снега вперед, как звери шли
Железными шеренгами из ада.
Нам выключили небо, веришь ли,
Решив за нас, что нам его не надо.

Ах, ручки-ножки, смайлик-человек,
Ломай лепешку, рожица кривая.
Коррозия снегов – уже не снег,
А недолёт последнего трамвая.

Что рельсы, что скупые провода –
Разметка документов преисподней...
В одном исподнем прадед завсегда
Рисует крест и крестит города,
Подписываясь ангелом Господним.

* * *

Если в горле погибнет декабрь и погибнет июль,
Если полутона разольются в слепую палитру –
Оловянный солдатик взойдет миллионами пуль

Над страну, привыкшей в рублях исчислять миллилитры.
 Оловянный солдат со звездой Давида во лбу –
 Или с дырочкой для золотого гвоздя преисподней –
 Прошивает Вселенную треском округлых табу...

Ты печать – отпечаток копыта – увидел сегодня
 У подъезда, в дурацком азарте мотая круги
 От вороньей березы до той же березы вороньей.
 Ты корыстен, корытен, копытен – и жмут сапоги,
 И в родной стороне посторонний и потусторонний.

* * *

Я не знаю, что это такое,
 Почему я Господу шепчу:
 Выведи мне Костю из запоя –
 Ничего я больше не хочу.

Больше – обязательно большее.
 Нет покоя в море кораблю,
 Если рядом звездочка синееет.
 Я его до ужаса люблю.

* * *

Славянские Ключи накрылись медным тазом.
 Мы не доедем, нет – но грусть моя, молчи,
 Как в огненном окне умолкла Франсуаза,
 Как чаек череда с повадкой саранчи

На брошенной земле, в зашторенном Париже...
 Разбавить грустью жизнь, раз жизни – на глоток.
 Касания нежней – и небеса всё ниже,
 И выстелена даль, и выстрелы в висок.

И только на мосту железные ступени
 Как зубы под ногой простуженно стучат.
 А рядом из кустов выглядывает Ленин
 И черные рога рогатиной торчат.

Славянские ключи ты мне приснил наличкой
 На связке проливной, блаженный Гераклит.
 А на мосту рыбак, и синяя плотвичка,
 И отраженный мир ветвями шевелит.

* * *

соль апостолов на камне лосином
солнце солоно кристаллами с неба
мой мужчина это нежность и сила
внутривенного движения снега

не ладонями не ладанным дымом
долгим трепетом тележного зноя
снег укутает застигнувшим домом
всё земное до оскомины зная

лоси вылизжут последние камни
и уйдут рогами небо качая
только бабочкой слетит с языка мне
слово родинкой меня помечая

у плеча где будет ляжка-котомка
на потом на милость Божьего сына
океана колокольного кромка
эта снежность эта нежность и сила

* * *

И кротость твоя, и крылатость,
И старообрядческий крест
Притянут чугунные латы,
Потянут на первый арест.

Язык завяжи в узелочек,
Зело тебе нужно оно.
Но пар над землей позолочен
И музыкой всходит зерно,

Но глазки младенчески мутны –
Котенка в ладони держи!
...Вот так умирать поминутно –
Слезой благодарности жить.

* * *

дохлых кошек боялась всегда сколько помню
вздрагивала внезапно увидев
деревянные лапы бессильные ветки
или от табуретки ножки

или плоский шерстяной коврик
в грязи и с пятнами темной крови
и возвращалась другой дорогой
не видеть не знать но знала конечно
теперь день плохой и завтра чуть лучше
теперь изживать забывать
наслаивать новое солнце

а утром сегодня по солнцу по солнцу
летела и пелось само это солнце
и виноградные плети
что оказались живыми как странно
зеленые бусины почек
мы же знали сухое и мертвое свисает с заборов
и пела да что там молилась
здесь же не врать не стесняться
не то место
молилась про нас как всегда и про всех понемножку
хотя вру же только про нас
и тут на обочине горькая строчка
лежит как у Блока и смотрит живою
и лапки скрестила
и шубка червонное серебро
ветерок
и я вместе с ветром омыла словами
лети же лети кисуля летяга
и дальше скользила по солнцу о солнце
и виноград он же тоже про нас

обратной дорогой из магазина
халва сигареты две башки лука
нет правда каждая с голову новорожденного
человека конечно кошачья куда мельче
вот она отвернулась и вроде не смотрит
улетела выходит лети же лети

а вдруг это я серебристая шкурка
и луна ты же видел с примесью крови
кармин говоришь уточняя
а я втихаря девяностый псалом
опасаясь споткнуться забыть хоть слово
не надо дней долготы

только бы вместе
лежать на обочине
лететь мимо солнца
свисать виноградом
живым
живым

* * *

Птица раскрыта, как наспех конверт и карточка.
Чайка над озером – отзвук больного Хичкока.
Мы идиоты, мой мальчик. Немедленно б сжечь –
И продолжать, одинаково и одиноко.

Берег. Береза. Тверёзого Бог бережет.
Лампа, лампада, ломоть... Неужели забыли?
Чайка, чудачка, взлетай – не собьет, не сожжет!
Белая весточка – как мы друг друга любили.

Переславль-Залесский

Владимир Салимон

* * *

Земля вокруг зашевелилась,
когда живая сила в ней
от зимней стужи пробудилась
и прет теперь из всех щелей.

Ростки травы, жуков личинки
торопятся опередить
друг дружку в честном поединке,
поскольку всем охота жить.

В борьбе за жизнь как все похожи!
В пылу сраженья, как змея,
готова вылезти из кожи
лозы зеленая струя.

Она фонтаном из-под снега,
как под напором кипятка,
бьет, где наметилась прореха, –
подтаял грунт, осел ледок.

* * *

Старался вида не подать,
что дальше собственного носа
не вижу,
но взгляни в тетрадь,
как в ней слова я ставлю косо.

Как флотоводец, что забыл
судовождения законы,
и ветер на бок положил
трехмачтовые галионы –
тяжеловесные слова.

Слова помельче – днищем кверху
перевернул,
швырнув сперва
на скалы слово-маломерку.

* * *

Так задумчивы и тихи
бабки с кошками в окошках,
как на черных досках лики,
потускневшие немножко.

Лоб крещу я ненароком
встретившись глазами с ними,
словно в храме одиноком
с мучениками святыми.

И становится мне сладко
на душе от встречи этой.
Светит лампа, как лампадка.
Стол в саду покрыт газеткой.

Ветер край газеты треплет,
словно парус на просторе
раздувает,
как окрепнет,
унесет кораблик в море.

* * *

Ходуном ходили стены дома,
как при катастрофе планетарной,
из-за близости аэродрома,
автотрассы, станции товарной.

Так или иначе, но зависим
мы от самолетов расписанья,
как мы пишем, чувствуем и мыслим
от вагонов ржавых громыханья.

А зависимость такого рода
что-то вроде рабства в Древнем мире,
когда раб таскает год от года
камни тяжеленные, как гири,

строит храмы, крепостные стены,
пирамиду выше Эвереста,
втихаря лелея план измены,
слабое отыскивая место.

* * *

Весна была столь долгожданной,
полна молодеческих сил,
что, как об отчизне державной,
я в миг о зиме позабыл.

С весной, словно с девою юной,
себя не жалея ничуть,
сходился, любовник безумный,
целуя ей руки и грудь,

ее ароматы вдыхая,
окно распахнув широко,
безропотно ей потакая
проникнуть в себя глубоко.

Я чувствовал, что между нами
идет перекрестный обмен,
и как молодею годами,
и как поднимаюсь с колен.

* * *

Навроде свежего червя,
что глупых рыбин соблазняет,
в крошечной тьме – свет фонаря,
умерших души привлекает.

Когда по саду с фонарем
идешь, боясь с дороги сбиться,
вокруг тебя к плечу плечом
сонм сумрачных теней толпится.

Как много горестных потерь
в их списке значится огромном.
Я многих помню, чьи теперь
томятся души в царстве темном.

От плевел зерна отделить,
должно быть, не доходят руки.
Как тут от ужаса не взвять,
не возопить:

Держитесь, други! –
узрев на что походит ад.

На легендарную Бутырку,
где без разбора все сидят:
лицо в лицо, как под копирку!

* * *

Снегопад выходит за границы
места, отведенного ему,
он уже добрался до столицы
и в Москве затеял кутерьму.

Началось внезапно – вьюжит вьюга,
поднялась пурга, метет метель.
Транспорт встал.
Трамвай, сошедши с круга,
перекрыл движенье, сев на мель.

Такелаж студеный ветер треплет.
Склянки бьют.
Трамвай идет ко дну.
Как корабль, он катастрофу терпит,
погибает в ледяном плену.

Чудом уцелевшие матросы,
чтоб согреться, развели костер.
В зареве костра видны торосы,
а вдали – вершины снежных гор.

* * *

Распутники, ничем не выдавали,
что за игру мы скрытую ведем,
когда диван раскинувши, нас клали
на нем с сестрой троюродной вальтом.

А между тем два юных сильных тела
влекло друг к другу, гнуло в хлад и зной,
худые ноги наши то и дело
переплетались в ярости слепой,

как змеи, что явились из пучины,
чтоб задушить в объятиях детей,
неведомые миру исполины,
что гнезда вьют себе на дне морей.

Они, шипя, скользят под простынями,
играючи покусывают нас
и хлещут нас без устали хвостами
по спинам, по бокам за разом раз.

Ласкают плоть, покрывшуюся нежным,
едва заметным кое-где пушком,
взгляд услаждая телом белоснежным
и темным треугольным островком.

* * *

Наутро океан воздушный
разбушевался,
самолет
дотоле вполне рулю послушный,
бросало, как на море плот.

Что чувствовали пассажиры,
на нем летящие?
Слышны
несчастным людям звуки лиры,
когда они обречены?

Иль трубы ангельские, звуки
все остальные заглушив,
поют, трубят в часы разлуки
один божественный мотив?

Когда «Прощание славянки»
звучит, мне видится перрон
на незнакомом полустанке.
И уходящий эшелон.

Поручик, запоздав, не в силах
его догнать, через кусты
бежит, бежит.
А на могилах
солдатских – черные кресты.

Игорь Гельбах

Опоздавшие*

Часть четвертая

ГЛАВА 9

– Ну что ж, – сказал мне отец позднее, – тебе придется пожить здесь. Не знаю, сколько лет это продлится, но знание русского языка никак тебе не помешает. Надо бы как-то подтянуть его.

В тот же день мы приступили к занятиям. В библиотеке нашлись собрания сочинений русских классиков, а также отдельные издания известных повестей и романов. Начали мы с Пушкина, с «Путешествия в Арзрум»... «Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моей любимой мечтой», – фразу эту я помню по сию пору.

Отец с матерью оставались со мной в Коджори до осени, а осенью 1939 года началась мировая война, и они уехали.

Позднее я иногда задумывался: отец и мать, кто они были? Почему и как случилось с ними то, что случилось? И не могу найти точного, не допускающего сомнения ответа. Ясно одно: это были люди живого, может быть, даже несколько авантюристического склада, оказавшиеся среди родившихся в один год со Сталиным и Троцким, между жерновами сталинизма и троцкизма, принужденные сделать однозначный и вполне определенный выбор. Причем выбор сделан был в силу внешних обстоятельств и случайностей. И если в отце я вижу продолжение той же закрытости и стремления к самоопределению, которое, как говорят, наблюдалось в поведении деда, – настойчивости стремления к утверждению собственной отдельности и независимости, усиленных стремлением противопоставить себя и деду, то в матери я ясно различаю, насколько ее личность отличалась от отцовской. Это история самостоятельной, смелой и решительной до дерзости женщины со склонностью к разного рода авантюрам. Помоему, Гринфельд был в нее влюблен еще со времен своего первого

---

* Окончание. Начало см. НЖ, №№ 299, 300, 2020.

визита к нам, в Берлине. Впрочем... вспоминаю батумский причал и Annette в костюме от Баленсиаги... Все эти, встречающие нас, в темных костюмах и шляпах, как того требовал их шпионский протокол, явно испытывали благоговение перед нею, им казалось, она вышла из другого мира. Но ведь так оно, в сущности, и было! Из мира, уничтоженного в России и Грузии, и, как этим людям представлялось, обреченного на гибель.

Приезжая к нам на дачу в Коджори, Гринфельд каждый раз привозил букеты цветов и плетенные корзины со спелыми, ароматными фруктами.

– Ну, не ездить же вам в город на базар за цветами, – говорил он.

Иногда Гринфельд приезжал с женой Кристиной, сестрой отца и моей теткой. В таких случаях он всегда подчеркивал, что цветы и фрукты выбирала сама Кристина.

– Мне нравится жить в Грузии, – говорила та, – здесь много цветов и зелени. Здесь много света.

– А как же красные косынки и синие блузы комсомолок, Гринфельд? – смеялся иногда мой отец, обращавший внимание на то, как менял галстуки, костюмы и запонки всегда безупречно выбритый и благоухающий мужскими духами Оскар Григорьевич.

Мать моя ухаживания эти воспринимала со смехом, но однажды заявила отцу, что не будь Гринфельд ценителем женской красоты и красивой жизни, неизвестно еще, как сложилась бы наша судьба.

– Ведь он сделал всё, чтобы нас не вызвали в Москву, – говорила она. – И, наверное, это было непросто.

– Твоя мама – совершенно замечательная женщина, – красивая, с острым и пронизательным умом, – сказал мне отец незадолго перед отъездом.

В тот день мы узнали о подписании пакта Молотова – Риббентропа, об этом нам сообщил Оскар. Он был мрачен и на вопрос отца, что он думает обо всем этом, выдал из себя:

– Ну, к этому всё шло с момента ухода Литвинова.

– Ты считаешь? – спросил отец.

– Литвинов был сторонником сближения с Англией, – ответил Оскар. – К тому же Литвинов – еврей, а жена у него – англичанка. А это – проблема, если ты хочешь установить хорошие отношения с Гитлером. Секретные переговоры с Берлином начались в апреле, а в мае Литвинов покинул свой кабинет в МИДе, и на его место сел Молотов. Я тогда спросил Берию, что делать с вами, – и тут Лаврентий засмеялся своим особенным смехом: «А что ты об этом думаешь, Гринфельд? Это ведь твои люди, а?» – и хихикнул. Я пред-

ложил перевести вас в запас, оформить как «спящих» и отослать во Францию, на родину Annette.

– И что же? – спросил отец.

– «Не сразу, – ответил он. – Для начала пусть они приедут сюда, а мы подумаем, что делать. В Москву им ехать не стоит, иначе их возьмут, Гринфельд, а потом и у тебя могут начаться неприятности. Ты думаешь, у тебя нет врагов? Враги есть у всех. Пусть они приедут в Грузию», – потом он задумался на мгновение и добавил: «Мне кажется, Гринфельд, их надо послать в Латинскую Америку. После поражения испанских республиканцев Хосе Диас и его люди находятся в Тбилиси. Со временем эти революционеры уедут в испаноязычные страны, в Мексику или Аргентину, может быть, в Чили. И мы должны быть к этому готовыми.» Всё остальное вам уже известно...

После чего Оскар уехал, попросив родителей не обсуждать с нашими знакомыми с соседних дач визит Риббентропа в Москву и подписание Пакта о ненападении.

– Но если всё обстоит именно так, как говорит Оскар, то мы провели там лишний год, – заявила Annette.

– Ну почему же, мы участвовали в борьбе до тех пор, пока это было возможно, – ответил Аксель.

– Но это была борьба против Гитлера. Теперь она закончилась.

– Кто знает, надолго ли?

– Мы могли бы бросить всё и уехать, мы можем жить вполне независимо от всех, Аксель. Почему наша жизнь должна зависеть от каких-то недоучек и жалких чиновников? – ответила моя мать. – Только потому, что они оказались на своих постах благодаря случаю или собственной подлости?

– Но как же можно так говорить о людях, совершенно их не зная? – возразил отец.

– Люди, манипулирующие чужими жизнями, не могут быть людьми достойными, – ответила мать процитировав Монтеня: – *Il n'est pas mal de naître à une époque gâtée, car en comparaison avec d'autres, vous pourrez passer pour l'incarnation de la vertu. Celui qui n'a pas fini son père et volé les églises est déjà un homme honnête et honnête**. От этих людей зависят судьбы Европы. Они теперь вместе. Один установил диктатуру нацистов в Германии, объявил евреев людьми второго сорта и отправил их в концлагеря. Другой установил диктату-

---

*Неплохо родиться в испорченный век, ибо по сравнению с другими вы сможете сойти за воплощение добродетели. Кто не прикончил отца и не грабил церквей, тот уже человек порядочный и отменной честности. (Пер. с фр. А. С. Бобовича)

ру в СССР и сделал всех остальных граждан своей страны заложниками, которых расстреливают и сажают в лагерь. Теперь эти бандиты объединились и хотят поделить Европу между собой. Пойми, Аксель, нам надо уехать отсюда как можно скорее.

– Но нам придется оставить здесь Рихарда... – начал, было, отец.

– Он остается у родственников. Этого понятия, я думаю, здесь еще не отменили.

– Но тебе будет трудно без него.

– А что предлагаешь ты? Остаться? У нас есть такая возможность?

– Я мог бы поговорить с Оскаром.

– Ты хочешь, чтобы мы все вместе проходили по одному делу о саботаже?

– Тебе будет трудно без Рихарда, Annette.

– Merde! Пускай, – ответила мать, – но зато мы все трое останемся живы. Оставаясь здесь, мы подвергаем опасности нас вместе с Оскаром и твоей сестрой. Я не шучу. *Ça me fait chier!* Меня это бесит! Мне совершенно наплевать на идеалы. Мы должны выжить, Аксель.

Через неделю Германия напала на Польшу, а Англия и Франция объявили войну Германии. Затем, еще через пару недель, советские войска вошли на территорию «панской Польши», а мои родители уехали в Южную Америку, как и планировал Оскар Гринфельд. Ехали они, должно быть, через Францию, так как мама размышляла о том, чтобы посетить родину, свой город, повидаться с родственниками. Кроме того, им надо было отрегулировать определенные финансовые и имущественные вопросы. Так, во всяком случае, мне казалось в то время.

Итак, началась война. Это была «странная» война. В то время как на Востоке Гитлер и Сталин делили Польшу, на Западе военные действия не велись. Добравшись до Марселя на борту «Петра Фомичева», родители сумели воспользоваться этим молчанием орудий и побывали в Лионе и в Париже. Судя по всему, им удалось отрегулировать все оставшиеся неразрешенными вопросы еще до того, как в мае 40-го года окончилась «странная война», и немцы, обойдя «линию Мажино», вторглись во Францию.

Какого сорта вопросами им следовало заниматься в Южной Америке, я не знаю, не знал и никогда не пытался узнать у Гринфельда. Ибо, несмотря на всё его родственное, дружеское и даже приятельское отношение ко мне, он никогда не вел со мной разговоров, касавшихся его тайных дел.

– Тебе совершенно не нужно всё это знать, – говорил он, – даже

ИГОРЬ ГЕЛЬБАХ

догадываться не стоит. Всё это только осложняет жизнь, а она, поверь мне, и без того сложная.

Есть и еще одна тема, которая не перестает волновать меня. Я думаю об определенном типе людей, которые в силу обстоятельств оказались вовлечены в эту необычную и достаточно опасную деятельность... Нет, нет, я говорю не о палачах, дознавателях, следователях или прокурорах тех кровавых времен... Я говорю о тех, кого использовали для «особых поручений» или для создания «декорума». И в этом смысле Гринфельд, в доме которого я прожил немало лет, почти столько же лет, сколько с родителями, представлял собой, пожалуй, наиболее яркий пример такого типа людей. Они никогда не принадлежали к бедным слоям населения и занимали свое место в разворачивающейся вокруг борьбе то ли из симпатии к обездоленным, то ли из внутреннего стремления к пограничным ситуациям, порожденного модой, самообманом, заблуждением, желанием самоутверждения... да мало ли чем еще. Или просто – по прихоти слепого случая. Одно, пожалуй, можно сказать уверенно: эти люди не убивали своих отцов и не жгли церквей, т. е. ни по темпераменту, ни по поступкам они не были персонажами, которые могли бы захватить внимание... – ну, скажем, Достоевского. Пожалуй, то были люди, более всего преданные «живой современности». То есть, по сути своей, лишенные даже намека на ощущение или переживание того, что мы называем «вечностью». Что же до «живой современности», то содержание ее объяснялось законами материалистической диалектики, включавшими в себя «единство и борьбу противоположностей», «отрицание отрицания» и, наконец, безбрежную и плоскую, как водяная гладь, мысль о том, что «всё течет, всё меняется».

Вернемся, однако, к вопросу о «революционном насилии». Итак, родителей своих такие «гринфельды» не убили бы, а вот лидера анархистов Андреаса Нина в Испании или Льва Троцкого в Мексике – пожалуй, да... Но даже самый простой анализ отношений, на которых построено сообщество людей, преданных идее «современности», показывает, что оно обречено, – ибо страх, на котором это сообщество основано, – единственный – и не лучший – фундамент. (Писал же Троцкий о недостаточном интеллектуальном ресурсе отца-основателя этого общества.) Конечно, мне хочется думать, что родители мои в убийствах этих не замешаны, что речь должна идти лишь о тех, кто воспринял и усвоил надиктованную и вбитую им в сознание идею ответственности «живой действительности» и требования «диалектики классово-борьбы» по отношению к «врагам» – да и, что греха таить, ко всем вокруг...

ГЛАВА 10

Мы жили в Тбилиси, и я изучал сразу два языка: русский и грузинский. Осенью меня отдали в хорошо известную в Тбилиси русскую школу на Барнова, под горой Давида, иначе ее называли «Мтацминда», «Святая гора». В этой школе учились и жившие по соседству ребята, и дети из семей номенклатурных работников, – знать русский язык было требованием времени.

Жил я вместе с Оскаром, которого именовал дядей, и его женой Кристиной, моей теткой, с которой я старался говорить по-немецки. Между собой мы всегда говорили по-русски. Позднее, когда началась Отечественная война, Оскар разъяснил, что нам с Кристиной не следует говорить по-немецки. И тогда Кристина обратила все свои усилия на улучшение моего грузинского, которым я, в конце концов, до какой-то степени овладел. Помимо языков, мы изучали еще и историю Грузии, и все те предметы, что преподавали школьникам в ту пору.

В школе мы внешне все были как бы равны, но так только казалось; на самом деле было важно, чем занимаются наши родители. Я рос в привилегированной семье, принятой местным «обществом». Частично – из-за поста, который занимал Оскар. Но и благодаря тому, что Оскар и Кристина были достаточно гибкими, да и интересными людьми, с хорошим знанием грузинского языка и умением принять то, что лежит в сердце иной культуры.

Жили мы в сером шестиэтажном доме для советской номенклатуры, выстроенном в конце 30-х годов, под горой Давида. В шестикомнатной просторной квартире на четвертом этаже было два балкона и лоджия, откуда открывались обширные виды на город, его красные крыши, сады, церкви, на убегающую в сторону гор Мтквари (Куру) и впадающую в нее речку Вера. Точно так же назывался район города, лежавший ниже, под горою.

Обстоятельства – или случай – создали достаточно приятную нишу для вполне комфортного существования этой семьи, хотя она целиком и полностью зависела от воли и стабильности положения одного человека. Именно поэтому их *modus vivendi*, как и *modus operandi*, сводились к искусству дипломатического балансирования. Никто никогда не знал, что может произойти завтра. «Живи сегодня, ибо никто не знает, перед чьими очами ты предстанешь завтра», часто говорили в Тбилиси того времени.

Интересно, что подобного же рода настроения можно обнаружить и в написанной на русском языке книге Фридриха Гаазе-Амирэджиби «Грузинские страницы». Вполне возможно, что

настроения моего деда были до определенной степени обусловлены не только его собственным жизненным опытом, но еще и нелегкой ситуацией, в которой оказались покинувшие Грузию люди. Обнаружил я книгу в личной библиотеке Оскара. Ее привез из Парижа один из сотрудников ГОКСа и передал Оскару вместе со своим отчетом о поездке. Рядом на полке в кабинете Оскара стояла книга Лиона Фейхтвангера «Москва, 1937», «Возвращение из СССР» Андре Жида и другие подобные книги о первой стране социализма.

В книге побывавшего в Грузии Андре Жида меня поразили подчеркнутые синим карандашом строчки о посещении колхоза-миллионера рядом с Сухуми: «...Я был в домах многих колхозников этого процветающего колхоза... Мне хотелось бы выразить странное и грустное впечатление, которое производит 'интерьер' в их домах: впечатление абсолютной безликости. В каждом доме та же грубая мебель, тот же портрет Сталина – и больше ничего. Ни одного предмета, ни одной вещи, которые указывали бы на личность хозяина. Взаимозаменяемые жилища. До такой степени, что колхозники (которые тоже кажутся взаимозаменяемыми) могли бы перебраться из одного дома в другой и не заметить этого. Конечно, таким способом легче достигнуть счастья. Как мне говорили, радости у них тоже общие. Своя комната у человека только для сна. А всё самое для него интересное в жизни переместилось в клуб, в 'парк культуры', в места собраний. Чего желать лучшего? Всеобщее счастье достигается обезличиванием каждого. Счастье всех достигается за счет счастья каждого. Будьте как все, чтобы быть счастливым.»

Из книг, написанных в казенно-оптимистическом тоне, внимание мое привлекла книга Лиона Фейхтвангера, особенно же запомнился мне параграф, где излагалось рассуждение Сталина о том, что процессы, проводимые по всем правилам буржуазного правосудия, могут сбить с толку простых русских людей и оттого-то так важны признания вины, сделанные подсудимыми на процессах.

Всё это мне довелось прочесть, сидя в глубоком, обтянутом черной кожей кресле в кабинете Оскара, при свете старой, возвышающейся над круглым мраморным цоколем настольной лампы под старинным китайским абажуром. Однажды Оскар увидел меня в своем кабинете с книгой в руках. К счастью, это был сборник пьес Мольера, читал я пьесу о Дон Жуане.

– Ну что ж, – усмехнулся Гринфельд. – хороший выбор. Как раз для твоего возраста.

В ту пору я увлекся чтением пьес. Занятие это оставляло большой простор воображению. Более того, читать пьесы и не использо-

вать свое воображение – попросту невозможно. И что еще важнее, это наделяет читателя ощущением свободы.

ГЛАВА 11

Постепенно я привык разгадывать разного рода загадки, окружавшие меня. Случайно услышанные слова, следовавшие за ними события и становившиеся известными факты – всё это сложное плетение действительности, прояснявшееся с течением времени, – нет, не во всем и не полностью, но частично, отдельными сюжетами, – вновь и вновь заставляло меня задумываться о необходимости внесения изменений, порой довольно радикальных, в тот образ мира, что жил в моем сознании. И постепенно я привык сохранять в памяти множество разрозненных фрагментов реальности – слова, фразы, движения рук и особенности мимики, взгляды, скользящие по лицу тени и т. п., – всю ту тайнопись эмоций, порожденных уже случившимися или ожидаемыми событиями. Да, я привык сопоставлять все эти частички и, доверяя своей интуиции, выстраивать мозаичную картину действительности. Иногда интуиция вела меня по ложному пути, но я не оставлял своих попыток завершить построение мозаики. Мне довелось обнаружить реальность за проекциями, мелодию за хаосом будто бы случайных звуков, и даже развить что-то вроде археологии человеческих чувств и отношений в семье, где двое взрослых пытаются утаить что-то от мальчика, но, с другой стороны, не желают оттолкнуть его, да и, в сущности, не могут это сделать, ибо живут в едином пространстве отношений, желаний, чувств и намерений. И, главное, оттого, что они любят друг друга, испытывают приязнь друг к другу и хотят быть вместе, разделяя свое существование с близкими.

Благодаря услышанным в свое время фрагментам разговоров родителей, я даже представляю, как они объяснили родственникам в Лионе свои планы и обстоятельства, в том числе и мое отсутствие.

Путешествие в Турцию, поясняла мать, навело их на мысль о том, что им, возможно, следует уехать из Европы и начать новую жизнь в Америке или в Канаде, где проживает множество компатриотов. Или, быть может, в Южной Америке, в прекрасной Аргентине, подарившей миру танго. В настоящее время, поясняли они, им следует дожидаться ответов на отправленные в эти страны запросы. Что же касается Рихарда, то мальчик, в легких которого врачи обнаружили затемнения, направлен в небольшую горную страну Грузию, рядом с Турцией, где есть несколько прекрасных горных санаториев для страдающих легочными заболеваниями людей и где

его бездетная тетка Кристина, профессор местного университета, и его дядя Оскар, известный деятель культуры, с удовольствием будут присматривать за ним до тех пор, пока здоровье его не пойдет на поправку.

Насколько я смог понять по каким-то маленьким, как будто незаметным знакам, которые я, наблюдая за Гринфельдом и родителями, уже умел различать, путешествие из Стамбула в Марсель должно было занять у них около недели. Проблема, однако, заключалась в получении визы. Транзитной? Деловой? Иммиграционной? Не знаю, но благодаря помощи Рауля и Франсиско (ни людей этих, ни их должностей я никогда не знал; помню лишь, эти два имени постоянно упоминались в разговорах) все вопросы были быстро решены.

В Марселе, куда прибыли из Лиона отец и мать, в одном из южноамериканских консулатов, возможно даже в мексиканском, их уже поджидали визы. Через две недели родители мои покинули Марсель на итальянском теплоходе «Città di Genova», направлявшемся в мексиканский Веракрус (основанный в свое время самим Кортесом!) и далее – в колумбийский порт Барранкилья. Эти детали я узнал годы спустя. И больше ничего о передвижениях родителей я не знаю и не знал никогда – мог только догадываться, строить гипотезы, гадать.

ГЛАВА 12

Недавно я узнал от Илоны, прочитавшей полученную из спецхрана книгу Х.-А. Вундерлиха «Завещание Троцкого», что в 1936 году художникам Диего Ривере и его жене Фриде Кальо удалось убедить президента Ласаро Карденаса предоставить Троцкому политическое убежище в Мексике.

Лев Троцкий и его вторая жена Наталья Седова прибыли в Мексику 9 января 1937 года. Диего Ривера находился в тот день в больнице из-за болезни почек. В порту Тампико изгнанников встречала Фрида Кальо с группой друзей и единомышленников. Затем специальный президентский поезд *El Hidalgo* повез их в Мехико, где они пересели в автомобили и в сопровождении полицейского эскорта на мотоциклах отправились в столичный пригород Койоакан, где за высоким голубым забором стоял полуторазэтажный *La Casa Azul*, «Голубой дом», где жили Диего и Фрида.

Ко времени встречи с Фридой Кальо в порту Тампико Троцкому было чуть больше шестидесяти, он поседел, но не выглядел старым. Вундерлих приводит понравившийся ему фрагмент из отчета американской журналистки Маргарет Гаррисон о встрече с Троцким.

Отметив его высокий лоб и густую шевелюру, она продолжает: «...я увидела широкоплечего мужчину среднего роста, несколько склонного к полноте, но с прямой спиной и военной выправкой. У него были серо-зеленые глаза, слегка выдававшийся вперед подбородок, что подчеркивалось острой каштановой бородкой и коротко подстриженными усами. Выражение его лица показалось мне жестким, циничным, почти угрожающим, пока он не стал говорить. И тогда я неожиданно поняла, что в его личности было нечто магнетическое, захватывающее».

Троцкий и его жена прожили в La Casa Azul до апреля 1939 года, когда отношения между Львом Троцким и Диегой Ривера испортились из-за вопросов личного и идеологического характера. Диего не нравилось, что писал в то время Троцкий, да и, кроме того, он был не в восторге от романа, случившегося у его жены с русским революционером.

Итак, в апреле 1939 года Троцкий и его жена покинули La Casa Azul и переехали в виллу на улице Венской во всё том же Койоакане. Покидая «Голубой дом», Троцкий не взял с собой свой, написанный Фридой Кальо, портрет, очевидно, не желая усложнять отношения с женой.

Рассказывая о событиях этого периода в последнем, расширенном и дополненном издании своей книги «Завещание Троцкого», профессор Вундерлих, не раз бывавший в «Голубом доме», писал, что Троцкий не желал расставаться с требовавшей у него развода Натальей Седовой и сумел убедить последнюю, что отношения с Фридой не оказали какого-либо значительного влияния на него. Что же до Фриды, то она, как утверждает Вундерлих, мстила своему мужу за его роман с ее младшей сестрой.

Пишет профессор Вундерлих и о том, что известный невозвращенец, генерал Орлов, резидент НКВД в Испании, организовавший во время Испанской войны похищение и убийство лидера испанских анархистов Андреаса Нина, а также транспортировку золота из Банка Испании в СССР, уже после своего успешного побега в Штаты направил письмо Троцкому, в котором предупреждал последнего о грозящей ему опасности. Письмо дошло до адресата, но Троцкий, похоже, не придавал ему значения. Вундерлих полагает, что причиной подобной беспечности Троцкого было ложное ощущение безопасности, связанное с географической отдаленностью от Советской России, на фоне чего и возникло его увлечение Фридой Кальо.

Однако после переезда Троцкого с женой и внуком в особняк на Венской улице, в нескольких кварталах от «Голубого дома», всё изменилось.

В конце мая 1940 года, следуя разработанному резидентом НКВД в Мексике Эйтинггоном плану, художник Давид Альфаро Сикейрос, участник Гражданской войны в Испании, офицер Республиканской армии, собрал отряд из 25 человек, переодетых в полицейскую форму, и ворвался на виллу Троцкого во главе отряда. Ворвавшиеся связали пятерых полицейских, охранявших виллу, и устроили беспорядочную стрельбу, но Троцкий, его жена и внук сумели уцелеть, лежа на полу одной из спален; пули пролетели выше.

Что же до мировой истории... она неслась с ошеломляющей скоростью. Куда? В конце 39-го года началась и в марте 40-го окончилась советско-финская война, а уже летом в столицы Балтии вошли советские танки.

В конце июня 40-го года была разгромлена Франция, а 20 августа в далекой Мексике, в Койоакане участник Гражданской войны в Испании Рамон Меркадер смертельно ранил Троцкого в его собственном доме, раскроив ему череп спрятанным под плащом ледорубом.

Двадцатисемилетний Рамон Меркадер был завербован НКВД при содействии своей матери, Каридад дель Рио. Рожденная в 1892 году на Кубе и получившая прекрасное образование в Европе, испанская анархистка, мать пятерых сыновей, жена богатейшего человека Испании, бросила мужа и вместе с детьми переехала во Францию. В поисках свободы – или возможностей для самовыражения – она попала в Москву, где стала яркой сталинисткой, свела близкое знакомство с Лаврентием Берией и была завербована разведкой НКВД.

Операцию по внедрению Меркадера в окружение Троцкого разработал и проводил сорокалетний Наум Эйтинггон, в то время любовник Каридад, – представительный, плотный и темноволосый, с карими глазами мужчина, один из лучших специалистов НКВД по организации актов террора и ликвидаций, известный в годы Гражданской войны в Испании как генерал Котов, заместитель резидента НКВД генерала Орлова.

Сын Каридад дель Рио, аристократичный Меркадер, отличавшийся хорошим ростом и внешними данными (его роль в 1972 году сыграл красавец Ален Делон), оказался в доме Троцкого благодаря знакомству с Сильви Ангелофф, сестрой секретаря Троцкого.

Рамон познакомился с Сильви в Нью-Йорке, куда прибыл под именем бизнесмена Фрэнка Джексона, и через некоторое время убедил ее переехать с ним в Мехико, куда он направлялся якобы по делам торговой компании, ранее открытой Эйтинггоном для поддержания его легенды.

Познакомившись с Троцким, Фрэнк Джексон сумел убедить его

в том, что он – эксцентричный бизнесмен, испытывающий определенный интерес к марксизму.

20 августа 1940 года Рамон Меркадер привез Троцкому написанную им статью о текущей политической ситуации. Охрана его не обыскивала, и он прошел в кабинет Троцкого в плаще, под которым был спрятан ледоруб.

Наум Эйтингон и Каридад дель Рио ждали возвращения Меркадера в автомобиле с работающим мотором, припаркованном у виллы Троцкого в Койоакане. Эйтингон рассчитывал, что если Меркадер нанесет удар по голове сзади, то Троцкий не сможет оказать сопротивление, и Меркадер благополучно покинет дом. Однако на деле всё пошло не так.

Троцкий, усевшись за письменный стол у себя в кабинете, начал читать статью. Меркадер ударил его ледорубом по голове, удар был нанесен сзади и сверху. Меркадер надеялся бесшумно убить Троцкого, но тот закричал, набросился на убийцу и повалил его, приказав появившимся на крик охранникам не убивать Меркадера. Охранники скрутили и избili нападавшего и вскоре сдали его вызванной по телефону полиции. Окровавленного Меркадера провели мимо автомобиля, в котором сидели его мать и Эйтингон, которым ничего не оставалось, как пуститься в бега.

Рана на голове у Троцкого была глубокой, но он прожил еще почти сутки и был похоронен во дворе своей виллы в Койоакане.

Его могила находится среди агав и кактусов, которые он выращивал. Над ней вывешается надгробная стелла с серпом и молотом.

В своей книге профессор Вундерлих утверждает, что, согласно ряду источников, поначалу Меркадер был внедрен в окружение Троцкого в качестве агента-информатора. И только отчаянная ситуация, в которой оказался Наум Эйтингон после провала покушения Сикейроса, заставила Рамона Меркадера предложить себя в качестве исполнителя покушения на жизнь Троцкого.

К этому шагу его подтолкнула мать, опасавшаяся, что Эйтингон будет ликвидирован, если не выполнит задание Сталина. Его матери было в то время 48 лет.

...Скорее всего, если верить Гринфельду, родители мои не имели никакого отношения к этому убийству.

– И это к лучшему, – мельком заметил Гринфельд через много лет, рассказав мне о том, что встречался в Вашингтоне с моими отцом и матерью, сумевшими, как оказалось, получить въездные американские визы.

Встреча произошла в то время, когда Гринфельд находился в

США с делегацией Еврейского Антифашистского Комитета (ЕАК). Целью поездки была организация финансовой помощи СССР в его борьбе с фашизмом.

ГЛАВА 13

Долгие годы — ибо в юности годы тянутся долго — жизнь наша протекала вполне размеренно и упорядоченно, даже несмотря на войну. Каждое лето ездили мы в Сухуми, где жили в унаследованной Оскаром части дома старого Ионы Гринфельда и регулярно навещали мою бабушку Агнессу; она была всегда рада нашему появлению и, усадив за стол с чаем и пирогами, начинала свои нескончаемые рассказы о театре того времени, когда жила в Москве.

О том, что происходило вокруг, она предпочитала не высказываться, опасаясь какой-либо оплошности, которая может обернуться «неприятностями», — именно это слово она употребляла чаще всего. Она привыкла к отсутствию моих родителей и, как я понял, задавала вопрос-другой о них ради проформы.

Все годы войны в городе было немало военных, а больницы, дома отдыха и курортные учреждения работали как госпитали. Купались мы на городском «собачьем» пляже, рядом с устьем впадающей в море реки Беслетки, как ее называли местные.

Многие местные дети уезжали в те годы со своими тетками и бабушками на отдых в горы, в Цебельду или Цабал, где сохранились развалины старой византийской крепости на холме, под которым далеко внизу течет от ледников к морю река Кодор. Крепость эта — одна из цепи сторожевых укреплений, защищавших от набегов племен Северного Кавказа колонизованное греками побережье. Не раз выезжали мы в горы на пикники у развалин крепости или у Багатских скал, и вот тогда-то, в мирные еще времена, да и позднее, ближе к концу войны, довелось мне купаться у скал в прохладных и чистых водах Кодора, стоять под невысокими водопадами, нырять в прохладные озера на пути разбегающихся ручьев. Помню я и то, как бродил по ближним к городу предгорьям вместе с местными соседскими мальчишками. Иногда доходили мы до ближайших деревень, собирая с надрезов на деревьях светлосерую «смолу», которую медленню жевали. Мы бродили по Чернявке и поднимались на гору Трапация, на плоской вершине которой располагались неогражденные в ту пору помещения Института экспериментальной медицины и патологии и вольеры, где жили привезенные из Африки обезьяны. Старая часть города у подножья горы Чернявского и та, что продол-

жалась вверх по горе от здания Британской миссии в сторону Горского училища, всегда представлялись мне дремлющими над сверкающим округлым пространством залива с голубой пеленою над его краями.

Из других событий предвоенного периода запомнилось мне разрушение кирхи Петра и Павла в Тбилиси в 1940 году. Летом 1941 года, вскоре после начала войны, тбилисские немцы были выселены в Казахстан. Правда, с ними обошлись достаточно мягко: каждой семье разрешили взять до тонны движимых грузов. К тому времени тбилисские немцы давно уже потеряли свое бывшее привилегированное положение. Во второй половине 30-х годов все, кто встречался с германским консулом, востоковедом Отто фон Везендонком, были арестованы по обвинению в шпионаже в пользу Германии. Несколько знакомых ребят исчезли вместе со своими семьями – с тем, чтобы вернуться в Тбилиси из Казахстана позднее, уже после смерти Сталина. Но до этих, невообразимых в ту пору времен, было еще очень далеко.

Весной 1942 года на Верийском кладбище был с почестями похоронен Хосе Диас, руководивший коммунистами во время Гражданской войны в Испании. Он выбросился из окна больницы после операции, так как не смог перенести послеоперационные боли. Во дворе под его окном росло несколько магнолий.

Иногда я попадал в дома обычных тбилисцев, родителей мальчиков из моего класса, жилища которых отапливались железными печками с выведенными в окна трубами. Готовили в ту пору на керосинках, и в квартирах стоял неистребимый запах керосина. На печках обычно лежало несколько кирпичей. Их брали с собой в кровать. Они согревали постель в длинные холодные ночи. Я помню керосиновые лампы и свечки. Помню чадившие фитили из скрученной ваты в блюдцах с тонким слоем растительного масла. В таких квартирах было обычно очень холодно. Часть полов и деревянных лестничных ступеней уходили в печи в холодные дни. Дырки заделывались, чем придется. И так до следующих холодов. Непременной частью кухни был умывальник – бачок с хвостиком вниз; его то и дело наполняли водой из кранов, если она была, или набранной загодя водой. И, главное, в каждой квартире была черная круглая тарелка радио. Время от времени по радио передавали важные новости.

Война постепенно приближалась к Тбилиси, и в городе оказалось множество беженцев с Севера и раненых. Появились просившие милостыню безрукие и безногие инвалиды. Воды практически не было, трамваи не ходили, до места работы добирались пешком. Я

запомнил название военной операции «Эдельвейс» и разговоры о приезде в город Берии, руководившего битвой с рвавшимися к перевалам немцами. Около двух недель Оскар не ночевал дома, но по завершении операции всё постепенно вернулось к старому распорядку жизни. Многие голодали, спасались как могли – что-то продавали, меняли, как-то выкручивались. Мастеровые в те годы часто расплачивались не деньгами, а натурой – сколоченной табуреткой, сшитыми туфлями; другие – те, у кого были родственники в деревне, расплачивались привезенными оттуда припасами, – кошелкой фасоли или бараньей ногой. Впрочем, нас и других жителей нашего дома всё это не сильно затронуло.

По утрам шофер Оскара отвозил меня в школу. Я всегда приносил в школу еду – аккуратные бутерброды, сделанные Кристиной, – и делился с товарищами. Иногда по окончании занятий за мной заходила Кристина, и тогда мы направлялись на прогулку в сторону проспекта Руставели. Мы спускались на Веру и шли в сторону массивного здания из темного камня, к выстроенному в стиле модерн дому Арамянца, и оказывались на Земеле. Проходили мимо основанной Зиммелем аптеки, оставляли позади площадь Руставели и знаменитый ресторан «Гемо» и, наконец, выходили на проспект Руставели и шли в сторону Оперного театра, Театр Руставели располагался чуть дальше.

На обратном пути мы проходили по проспекту на Веру, заглядывая иногда на Верийский базар. Не пропускали мы и книжные лавки. На базаре же мы обычно покупали цветы, зелень и фрукты. Всё остальное нам привозили домой.

Дома на кухне нас поджидала домработница Вера Ивановна. Приходила она несколько раз в неделю, то реже, то чаще, в зависимости от того, собирались ли мы принимать гостей или нет. Вообще же, и Оскар, и Кристина не любили гонять ее попусту. И она была благодарна им за это.

Кристина любила театр, и Оскар обычно сопровождал ее на спектакли. Меня стали брать в театр сразу же после того, как я начал учиться в школе на Барнова. Иногда Оскар бывал занят, и тогда мы направлялись на спектакли вдвоем с Кристиной. В ту пору я полюбил ходить на одни и те же спектакли по многу раз – так, слушая одни и те же монологи и диалоги, я улучшал свой грузинский язык и учился наблюдать за тем, что происходит на сцене.

Через несколько лет после приезда в Тбилиси я познакомился с дочерью Веры Ивановны. Между нами что-то возникло, какое-то взаимное притяжение; произошло это совершенно внезапно и для меня, и для нее, я полагаю. К тому времени я уже знал город и иногда ухо-

дил из школы на *шаталó*. Так это называлось в Тбилиси в то время. Иногда, в дни, когда Вера Ивановна работала у нас дома, я устремлялся на Батумскую, где в маленькой квартирке на втором этаже жила Зоя со своей матерью. Она уходила из школы в эти дни и ждала меня. Посреди большой комнаты с диваном и трюмо у окна стоял рояль, и однажды Зоя рассказала мне, что, когда она была совсем маленькой, мама ей играла, пела и рассказывала истории под музыку.

Оказалось, что дед Зои со стороны матери был в царское время полицейским. И мать, вполне образованная русская женщина, закончила в свое время гимназию и очень боялась, что рано или поздно это раскроется и приведет к ужасным последствиям для нее и Зои. Она боялась заполнять анкеты и предпочитала работать на кухне и убирать квартиры у людей, которые могли оценить ее умение готовить, воспитанность и такт. Об отце своем Зоя никогда ничего не говорила, но, судя по ее внешности, отец был грузин.

Однажды весной, накануне Пасхи, я встретил Веру Ивановну с веточкой вербы в руке у церкви Михаила Тверского, расположенной на склоне горы Давида. Она, как и другие прихожанки, вышедшие из церкви после службы, была в платочке, завязанном под подбородком, и в темном платье, и я не сразу ее узнал.

«Стройная, как козочка, и гордая, как коза», – сказала о Зое Кристина, как-то раз встретившая нас за рекой, на Плехановском проспекте. Дело было ранней весной 1945 года. Война шла к концу, и я надеялся, что родители мои скоро вернуться. К концу войны Зое было семнадцать лет, и однажды осенью сосед по дому, шофер Шахро, лет на пятнадцать ее старше, пригласил ее покататься в его грузовике. Так он увез Зою в деревню к своим родственникам, и оттуда она вернулась его женою. Об этом мне рассказала Вера Ивановна, когда я вернулся из армии. Лицо у нее при этом было каменное. Свадьбу играли во дворе дома, где жили Зоя и Вера Ивановна, и Кристина подарила молодым набор привезенной из Германии «трофейной» посуды. Слово это было в большом ходу в то время: «трофейные» фильмы с Марикой Рокк, «трофейные» посуда, обувь, одежда, мотоциклы, автомобили «Опель-адмирал», «Хорьх», «Мерседес-Бенц» и много чего еще... Помню, я слушал Веру Ивановну, и мне пришло в голову, что Зоя тоже оказалась чем-то вроде военного трофея. Но это никак не противоречило местным обычаям того времени.

Меня призвали в армию сразу же после окончания курса в театральном институте, где я учился в группе студентов, которых готовили для будущей работы в русском театре. По просьбе администрации

института нас оставили служить на территории Грузии, и я попал в команду призывников, отобранных для прохождения службы в батумском погранотряде. После сильного приступа астмы, когда я вместе с другими первогодками красил суриком корпус стоявшего в ангаре пограничного катера, предварительно ошкуренный и зашпаклеванный нами, медицинская комиссия сочла необходимым освободить меня от дальнейшего прохождения службы. Гринфельд, приехавший из Тбилиси в Батуми, где я лежал в окружном госпитале, получил запечатанный конверт с документами, которые он в качестве моего сопровождающего должен был передать в тбилисский райвоенкомат. По прибытии в Тбилиси я получил новый военный билет и вернулся в театральный институт. Окончив, наконец, институт, я стал членом труппы театра имени А. С. Грибоедова.

Однажды вечером – дело было осенью, через год после окончания войны – Гринфельд сказал Кристине:

– Я уезжаю в Сухуми на несколько дней. Должен отчитаться. В Синопе и в Агудзерах открываются два объекта, там будут работать немцы из института Кайзера Вильгельма. Их работа – важная часть проекта, которым руководит Лаврентий. Всего их несколько сотен ученых, некоторых привезли с семьями и даже с роялями, картинами и библиотеками.

Вернувшись домой через три дня, Гринфельд обнял Кристину и спросил у нее:

– И знаешь, что он сказал? – Он сказал: я знаю, ты любишь этот город, Гринфельд. Я его тоже люблю, – когда выйду на пенсию, перееду в Сухуми. И ты тоже сюда переедешь, но не раньше, чем я...

Однажды осенью, в середине октября 1947 года, Оскар взял меня с собой на охоту на дикого кабана в одном из охотничьих хозяйств в Кахети, на юго-востоке Грузии, несколько в стороне от склонов полупустынного Гареджийского кряжа с его пещерными монастырями. Туда мы выехали вместе с двумя товарищами Оскара по работе – высокими, крупными мужчинами из Москвы, приехавшими в Грузию в командировку. Один из них – седеющий брюнет, слегка экспансивный, со звучным баритоном, с небольшими темными глазами, с узким, плотно сжатым ртом и крутым упрямым подбородком. Второй был моложе – широкоплечий, с запоминающимися темными глазами и хорошо вылепленными, крупными чертами лица. Имен своих они не называли. Одеты они были, как и мы с Гринфельдом, в обычные кожаные куртки и заправленные в кожаные мягкие сапоги галифе, на головах – темные кавказские фуражки. Были с нами и двое

сотрудников Гринфельда – из тех, что называли его «батона Оскар». На этот раз сопровождающие были в полувоенных костюмах – охотничьи френчи, галифе, в сапогах и без шляп, в круглых серых шапочках-сванках. Я поинтересовался у Оскара, отчего они не в шляпах, и он объяснил, что в горах шляпу легко может унести неожиданный порыв ветра. Еще он сказал, что охотник должен всегда учитывать направление ветра, а одежда его не должна иметь специфического запаха – и в тот день никто из участвовавших в охоте не курил, так как кабаны хорошо чувствуют запах табака.

Ехать было километров восемьдесят по дорогам, что шли через лес и рощи, через степь и кустарник, медленно поднимаясь в гору. Располагалось хозяйство в горах на высоте в полторы тысячи метров над уровнем моря, а охоту на дикого кабана здесь вели со специальных наблюдательных вышек, так как кабан – чрезвычайно сильное и мощное животное. Рост его может быть выше метра, тело достигает длины в два метра, весом до ста пятидесяти килограмм.

Дикий кабан, как об этом рассказал мне Оскар еще в Тбилиси, – очень осторожное животное, у него хорошо развито обоняние и слух, несколько хуже зрение, но передвигается он быстро и может напасть на любого зверя или человека, на расстоянии тридцати-сорока метров от цели резко изменив направление своего бега. Дикий кабан опасен, и, чтобы смертельно ранить его, охотник должен стрелять в голову, шею или грудь. Благодаря толстой коже и слою жира, кровь кабана при ранении задерживается и появляется не в момент ранения, а позже.

Вскоре после прибытия в хозяйство мы выслушали инструктаж Мито, егеря, – основательного, седого мужчины, который еще раз объяснил нам, что раненый кабан чрезвычайно опасен, ибо очень вынослив и уже раненным может пробежать несколько километров. Даже если дикий кабан ранен в сердце, рассказывал Мито, он способен пробежать еще около сотни метров. Так что не стоит подходить к упавшему раненному кабану спереди, подчеркнул егеря, – это опасно, лучше подойти к кабану сзади или сбоку и сделать контрольный выстрел в ухо или в лопатку.

Я знал, что егеря с собаками выведут кабана на нас; помню, как продрог, ожидая на вышке, хотя и был тепло одет. Но это случилось спустя два часа. Наконец Гринфельд коснулся пальцем моего плеча и указал на кабана, двигавшегося через потрескивавшие кусты в направлении вышек. Издалека доносился собачий лай. Затем Гринфельд вскинул ружье, прицелился и выстрелил, я – мгновением позже; звуки выстрелов почти слились. Раненый кабан метнулся – и тут же прозвучали выстрелы остальных охотников. Через минуту раз-

дался еще один выстрел, а за ним последовал крик егеря. Оказалось, что Мито добил кабана, после чего он разрешил нам спуститься с вышек.

Мы подошли к туше забитого кабана. Крови было немного. Один глаз животного был полукоткрыт. Тушу уложили на две связанные плащ-палатки, и все вместе поташили ее в охотничий домик, где освежали и разделали на куски для всех участников охоты. Голову оставили егерям. Часть мяса решено было пустить на приготовление хашломы с овощами – благо нашлись помидоры, лук, баклажаны и специи. Мясо с овощами и специями поместили в огромный казан и поставили на загодя разожженную печь, сложенную из темно-красного кирпича. Вскоре за ее литой чугунной дверцей загудел огонь.

– Вариться будет часа два-три, – пояснил Гринфельд гостям из Москвы, – потом добавим маринованный в уксусе лук, чеснок и кинзу. Но это уже перед подачей на стол. Ну а теперь посмотрим, что делают с мясом для шашлыка.

Мясо для шашлыка, включая и кабанью печень, замариновали в винном уксусе с добавлением трав, а оставшиеся потроха отнесли на двор собакам.

Гости внимательно приглядывались к тому, что происходило на кухне, и молча слушали объяснения Гринфельда.

Затем все отправились прогуляться под уже поднявшимся в небо нежарким солнцем. Мы прошли через заросли, откуда ранним утром выскочил на поляну кабан, пересекли ложбину и поднялись на поросший лесом холм. Было ясное осеннее утро с желтыми пятнами листвы, голыми ветками кустов, пением птиц и выгоревшей за лето травой.

Вернувшись с прогулки, мы вместе с остальными участниками охоты уселись за большой стол, расставленный во дворе под навесом с разнообразными закусками и соленьями на нем, включавшими и мужужи, холодец из свиных ножек и хвостов в винном соусе. Началось застолье, и Оскар предложил назначить тамадой управляющего охотничьим хозяйством. Тот с достоинством поблагодарил его и выпил стакан вина. Все выпили за здоровье тамады, и пиршество началось.

Тамада, егеря, повар, мой дядя, его коллеги и сопровождающие пили кахетинское наливая его в стаканы из глиняных кувшинов. Светло-соломенной, зеленоватой окраски вино с солнечным весенним привкусом производили неподалеку, на известных виноградниках в Манави из кахетинского зеленого винограда. Запомнил я и вкус мужужи, и сладкого мяса кабана, который, как объяснил Мито, про-

изошел, скорее всего, от винограда. Кабаны, сказал он, любят забегать на виноградники.

Поднято было немало тостов, включая и неизбежные тосты за великого уроженца Грузии, возглавившего нашу великую страну, разгромившую фашистскую Германию. После тоста, посвященного Сталину, пили за Россию и за гостей с Севера, далее последовали персональные тосты.

Гости, назвавшие себя Федором и Андреем, приняли участие в трапезе с видимым удовольствием. Пили они много, но как-будто и не пьянели. Несколько позднее участники застолья запели, и я снова услышал древнее песнопение «Шэн хар венахи» – «Ты есть лоза виноградная».

Ты еси лоза виноградная, только зацветшая,
Ветвь нежная, в раю растущая,
И сама собой ты – солнце сияющее...

На обратном пути я задремал и очнулся только в Тбилиси, когда автомобиль остановился перед нашим домом под горой Давида.

ГЛАВА 14

В конце января 1948 года Гринфельд позвал меня в свой кабинет.

Случилось это через два года после того, как мы вместе вернулись домой из Батуми, где я служил на погранзаставе.

Десять лет нашего знакомства его не изменили. Он по-прежнему выглядел сильным, собранным и бодрым человеком. В те годы я был молодым разгильдяем, числился актером в труппе театра имени А. С. Грибоедова в Тбилиси и время от времени пытался уверить публику, товарищей по труппе и режиссеров в своей гениальности – в нее я в ту пору свято и беззаветно верил. Но, как оказалось, в этот раз Гринфельда никак не волновала мое времяпрепровождение. Разговор пошел совсем о других, гораздо более серьезных вопросах и событиях.

– Ты, конечно, слышал о гибели Михозлса? – спросил он.

– Естественно, – ответил я, – он был великий актер.

– Будет лучше, чтобы ты уехал отсюда, – неожиданно сказал он, – и дело не в том, что я отказываю тебе в моем гостеприимстве, но так будет лучше для твоей безопасности.

– Но причем здесь я? Где имение, а где наводнение? – ответил я, процитировав грузинскую поговорку.

– Пойми, Рихард, – сказал мне Оскар серьезно, – сейчас не время

для шуток. Михоэлс был председателем Еврейского Антифашистского Комитета, а я, как ты знаешь, сопровождал делегацию ЕАК в поездке по США в 1942 году.

– И что же? – недоумевал я.

– Его странная смерть может аукнуться для всех членов ЕАК. Ты слышал выражение: «Лес рубят, щепки летят»? Ну так вот: и я, и Кристина считаем, что тебе лучше уехать отсюда, не быть рядом со мной.

– Уехать? – переспросил я. Мне вдруг стало легко и весело: – Но куда? В Москву? В Ленинград?

– Да нет. Уехать в Ригу, там есть старинный русский театр. Работает еще с... с 1883 года, – сообщил он, заглянув в блокнот. – И как раз теперь в труппу набирают актеров. У меня там есть кое-какие знакомые. К тому же, твоя вторая фамилия, Балодис, будет звучать там как нельзя более к месту. Рига – прекрасный европейский город. Поверь мне, там ты почувствуешь себя в своей тарелке. Ну а летом ты сможешь – и даже обязан будешь – приезжать в Сухуми. Кристина и я – мы будем рады тебя видеть. Ну, а я подъеду туда, если всё у меня будет в порядке. В любом случае, для тебя будет безопаснее уехать. И начать там жизнь заново, с чистого листа.

К счастью, репрессии против членов ЕАК не коснулись Оскара Гринфельда. Но я понимал, что Оскар хотел мне добра. К тому же, мне действительно следовало начать жизнь заново, с чистого листа. Жизнь с Оскаром и Кристиной была, в сущности, продолжением моей жизни с родителями, и я понимал, что наступила пора жить самому. Естественно, я был благодарен Оскару и за идею о том, куда мне стоит уехать, и за ту помощь, которую он сумел оказать мне с устройством на новом месте. Более того, раз в год, а иногда и чаще, он навещал меня, приезжая в Ригу по каким-то делам, связанным с его работой в ГОКСе. Несколько раз он привозил с собой Кристину.

Обычно он останавливался в служебной гостинице – небольшом старинном доме в центре старой Риги, переделанном в отель для гостей Латвийского общества культурных связей с заграницей. Находясь у него в номере, мы никогда не выходили за пределы «туристических» разговоров. Встретившись, мы обычно отправлялись на длинную пешеходную прогулку по городу или уезжали на взморье. И неизменно в завершение прогулки и длительной беседы направлялись в хороший ресторан.

Я поступил на работу в театр весной 48-го года, а в феврале 49-го года, в преддверии очередного празднования дня советизации Грузии, мне в руки попал свежий номер журнала «Огонек». Весь

номер был посвящен расцвету культуры в Грузии. Среди прочих фотографий деятелей культуры республики в номере была и фотография заместителя председателя ГОКСа Гринфельда О. Г., встречающего делегацию прибывших с визитом в Грузию иностранных писателей.

При встречах Гринфельд обычно передавал мне приветы от родителей и давал почитать письма, пришедшие обычной почтой из самых разных стран Южной Америки. Но в 1954 году письма эти, согласно Гринфельду, перестали приходить. Не раз и не два задумывался я о об этом. Отчего письма перестали доходить? Произошло какое-то несчастье? Родители предпочли исчезнуть, воспользовавшись неразберихой 1954 года, когда с политической арены исчез их «хозяин», Лаврентий Берия? Но ведь организация, которую он возглавлял, продолжала существовать. Могло ли быть так, что они сами предпочли разрубить этот узел, – исчезнув? Мне было уже 26 в ту пору – возраст Гамлета, как сказал наш главреж. И если допустить, что их открытый переход на другую сторону мог бы повлечь какие-то карательно-репрессивные акции по отношению ко мне, то что могло последовать за их политически нейтральным исчезновением? А ведь в сущности – иногда приходила мне в голову мысль – многое упиралось в то, как мне относиться к своему «заложничеству». Можно ли считать, что оно продолжается, если одна из сторон сделки – и именно принуждаемая сторона – исчезла? Или всё зависело от того, как на сложившуюся ситуацию смотрела другая, «принуждающая», сторона? Вскоре я понял, что я всё равно не найду окончательного ответа на вопрос о судьбе моей и моих родителей, и, соответственно, у меня не будет ответа на вопрос, являюсь ли я всё еще заложником, пока я не найду их или их могилы. Или всё это «заложничество» – лишь плоды моего воображения? – думал я. Ну да, меня не выпускают за границу, намекая на то, что у меня нет ни жены, ни детей. Но ведь точно таким же образом они ведут себя по отношению еще к десяткам миллионов людей, что означает, в сущности, что *Дания – тюрьма... И притом образцовая, со множественством арестантских, темниц и подземелий, из которых Дания – наилучшее.*

Это была ролл, о которой я мечтал.

Обычно вместе с письмами приходили и фотографии. Что на них было? Иногда отец и мать, сидящие в креслах или на диване. Похоже, фото с диваном было сделано в холле отеля. Фотографии, сделанные в саду. Так же, как и фото родителей, сидящих в кожаных креслах у небольшого столика с пепельницей и полупустыми стаканами на нем. Стаканов три. Фотографии, сделанные на фоне экзотических

растений, агав и араукарий. Фотографии, сделанные в штате Нью-Мексико, о чем свидетельствует надпись на дорожном знаке.

– В этом штате есть место под названием «Лос-Аламос», – сказал мне однажды Оскар, – там сделали бомбу, и в том же штате, в пустыне, ее испытали. Остальное, надеюсь, ты додумаешь сам.

Не знаю, насколько серьезно мне следовало относиться к этому заявлению и следовало ли доверять его словам. Есть у меня и фотографии отца и матери на каком-то приеме, неясно где, в какой стране. Отец в смокинге, мать – в ослепительном костюме, с улыбкой на устах. Отец на фотографиях всегда холоден и несколько отстранен. Возможно, что такое впечатление создано отблеском линз, на фото он всегда в очках. И самое поразительное состоит в том, что, несмотря на различные пейзажи, автомобили и здания, которые присутствуют на снимках, родители кажутся мне неизменными, словно неподвластными бегу времени, они как бы не становятся старше. Я это вижу и сужу об этом не только по их лицам. Меняется окружение, мода, архитектура, а они остаются молодыми. Фотографии охватывают период в пятнадцать лет, с момента их отъезда и до исчезновения прошло почти пятнадцать лет. А они всегда молоды. Это какой-то непонятный для меня эффект, возможно, связанный с нашими странными отношениями. Ведь я вижу их на фото и, одновременно, гляжу на них из прошлого, из того времени, когда мы были вместе. Родители на фото, родители в моей памяти и, наконец, я – мы вместе составляем треугольник. Но у любого треугольника сумма углов составляет всегда 180 градусов. Отчего-то эта поразившая меня школьная теорема никак не покидает сознание. Может ли быть наш треугольник памяти подобен геометрическому?

ГЛАВА 15

Вскоре после смерти Сталина, в июне 1953 года я оказался в Гаграх на съемках фильма о летчиках, готовившихся к рекордному перелету. Согласно сценарию, летчики отдыхают в одном из гагринских санаториев, где знакомятся с девушками-парашютистками...

После окончания съемок на натуре я уехал в Сухуми, собираясь провести несколько дней с Оскаром и Кристиной, а затем уже вылететь в Москву, где должны были начаться павильонные съемки. В один из вечеров Кристина позвала в гости несколько своих сухумских подруг.

В те дни на устах у всех была гибель знаменитой актрисы кино Наты Вачнадзе. В самолет ИЛ-12, в котором актриса летела из Тбилиси в Москву, попала молния. Произошло это в небесах над

Кутаиси. Затем разговор перешел на аварии и катастрофы, и Эльза Авитиди, преподаватель химии, вспомнила о недавней смерти Ива Фаржа, французского писателя и деятеля Сопротивления, друга Советского Союза. Он погиб в конце марта 53-го года в Тбилиси, в автокатастрофе. Другие подружки Эльзы вспомнили и об иных событиях того же рода, следовавших после смерти Сталина. Дальнейшее обсуждение напомнило мне фрагменты из «Жизни двенадцати цезарей», посвященные предсказаниям и знамениям. В конце концов кто-то из гостей произнес следующую, объединившую всех подруг, сентенцию: «Великие люди никогда не покидают этот мир в одиночестве». Мне же пришли на ум ведьмы из «Макбета».

Поздно вечером я вспомнил о случайно услышанном замечании Оскара, адресованном моему отцу. Оскар тогда сказал, что никогда не занимался и не занимается грязными делами. Для этого у *хозяина* – Оскар использовал слово «балабуст» – есть *другие люди*, готовые на всё.

Вообще же, Гринфельд любил такие слова, как «балабуст» и «цимес». Последнее в его употреблении означало не что иное, как *суть дела*. Или *изюминку*. Мне казалось, используя эти и другие словечки, он любил иногда подчеркнуть важность той или иной мысли или ситуации.

Затем, в июне 1953 года Берия, которого Гринфельд иногда по сухумской привычке называл *Пенснэ*, был то ли застрелен на аэродроме после возвращения из Берлина, где он руководил подавлением мятежа немецких рабочих и последующим наведением порядка, то ли был ликвидирован во время штурма его особняка в центре Москвы, то ли арестован на заседании правительства в Кремле.

В конце того же года стало известно, что Берия и его соратники казнены по приговору военного суда. Газеты рассказывали что «заговорщики» планировали арестовать правительство на премьере оперы Ю. Шапорина «Декабристы» в Большом театре.

И уже следующей весной русские люди отозвались на произошедшее словами частушки: «Цветет в Тбилиси алыча / Не для Лаврентия Палыча...»

– Рябого надо было остановить, – сказал Гринфельд, приехав в очередную командировку в Ригу весной, через некоторое время после смерти вождя и казни Берии. – Рябой создал МГБ и готовил новую чистку партийной и советской верхушки, планировал казни евреев на Красной площади, погромы и последующее выселение в Сибирь. А Берия всегда был и оставался рационально мыслящим человеком. Он понимал, что на взгляд Рябого он – уже отработанный пар, как и

Ежов в свое время, и у него нет шансов уцелеть. Ну а после того, как Рябого не стало, сообщники его решили завалить Берию, и дело с концом. *Мавр сделал свое дело*, – закончил Гринфельд и пожал плечами. Он внимательно посмотрел на меня, и я понял, что ему не хотелось бы отвечать на какие-либо мои вопросы, он уже сказал всё, что хотел сказать, выводы я должен был сделать сам.

Был понедельник, выходной день, мы прошлись по центру города, миновали памятник Свободе и Бастионную горку и решили пообедать в кафе «Луна» на бульваре Падомью.

Той же весной Оскар оказался в числе десятков других людей, лишенных наград и уволенных из органов с формулировкой «дискредитировавший себя за время работы в органах...» и «недостойный в связи с этим высокого звания...» Изгнанному из органов Гринфельду дали неделю на то, чтобы освободить квартиру в тбилисском доме для номенклатурных работников.

Через неделю он совместно с Кристиной переехал к себе домой, в Сухуми. Вскоре по городу пронеслась новость о том, что проживавшая в Сухуми семья Кварацхелия, близкие родственники Берии, были высланы в Красноярский край.

– Мне, кажется, повезло, – пошутил Гринфельд однажды в присутствии приехавшего в Сухуми племянника, – я, в отличие от моего хозяина, все-таки буду жить в Сухуми...

В этот приезд Рихард успел встретиться со старыми знакомыми по театральному институту, служившими в Сухумском грузинском театре, и, находясь у одного из них дома, обнаружил, что все фотографии Берии и его сподвижников, украшавшие страницы старых номеров журнала «Огонек», были аккуратно перечеркнуты, и вдоль каждой диагональной полосы присутствовали написанные по-грузински слова «халхис мтериа», что означает «враг народа».

Уже после смерти Сталина и ликвидации Берии я однажды спросил у Гринфельда, как получилось, что страна оказалась не готовой к войне.

Ответ его меня удивил:

– Потому что Сталин не мог вообразить, что Гитлер нарушит подписанный Риббентропом пакт. Он и представить не мог, что кто-то его обманет, тем более немец.

– Но почему, при чем тут немцы? – повторил свой вопрос Рихард, отвечая на который, Оскар сказал несколько устало:

– Пойми, Рихард, немцев в Грузии всегда уважали. Русские принесли в Грузию власть, а немцы – цивилизацию и какие-то элементы

европейской культуры. Именно немцы всегда казались грузинам подлинными европейцами, солидными и основательными.

Сказав это, он направился к книжным полкам и, отыскав, если не ошибаюсь, восьмой номер журнала «Большевик» за 1932 год, открыл отмеченную закладкой страницу. Затем добавил:

– То, что я зачитаю тебе, Рихард, было сказано в редкую для него минуту откровенности, в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом: «Но если уже говорить о наших симпатиях к какой-либо нации, или, вернее, к большинству какой-либо нации, то, конечно, надо говорить о наших симпатиях к немцам». Учти, это сказано уже после Первой мировой войны. Он читал по-немецки, и именно от немцев он воспринял идею Die Ordnung, идею Порядка. Он самостоятельно занимался французским, но выучить этот язык ему не удалось. Естественно, немцы были ему ближе.

– Ну, а англичане?

– В Лондоне, когда он приехал туда в 1907 году, докеры в порту приняли его за индуса и избили. Такие эксцессы запоминаются надолго.

ГЛАВА 16

Вскоре после переезда в Сухуми Гринфельда арестовали, и он провел в тюрьме два с половиной года. После окончания следствия, в ходе которого к нему то и дело подсаживали «наседок», он почти всё оставшееся время просидел в одиночке. В 56-м году следствие по делу Гринфельда завершилось, после чего он провел в камере еще несколько месяцев, а затем вернулся из Москвы в Сухуми, где в доме на горе Чернявского ожидала его возвращения Кристина. Теперь она работала в школе, преподавала языки. После его возвращения она прислала мне телеграмму следующего содержания: «Мы с Оскаром ждем твоего приезда на отдых».

Я прилетел в Сухуми летом 1957 года, как только труппа ушла в отпуск. К тому времени я уже вполне освоился с жизнью в Риге. Прошло около десяти лет со времени моего переезда в этот город.

В тот мой приезд Оскар, который был еще вполне в форме, много беседовал со мной и о многом мне рассказал. Большую часть дня он проводил на веранде, наслаждаясь самыми простыми вещами: видом города, пением птиц и чтением книг. Иногда он просил Кристину сварить ему чашку кофе. Они любили сидеть в плетеных креслах друг против друга и пить кофе. Кроме того, Оскару нравились груши и дыни, обязательно небольшие. Ему нравился их аромат.

– Дыня с рюмкой коньяка – что может быть лучше?.. – говорил он.

Следствие интересовали многие вопросы, связанные с деятельностью ГОКСа. В ходе допросов следователь задал Гринфельду немало вопросов, связанных с моими родителями, их взглядами, вкусами, устремлениями и особенностями поведения.

– И это естественно, – объяснил мне Гринфельд, – они хотят установить с ними контакт. Завоевать их доверие и использовать их, это классическая схема. Или шантажировать их для того, чтобы добиться нужных результатов.

– Но ведь прошло столько лет... – заметил я.

– Чуть больше десяти, это не так много, – ответил Гринфельд. – В разведке бывают интервалы молчания и подольше. Всё зависит от обстоятельств. Но они не ответили на мои послания после ареста Бери, – добавил он.

Я часами расспрашивал его, вспоминая обрывки разговоров далеких времен, когда я впервые вместе с родителями попал в Грузию. Он с удовольствием вспоминал – вплоть до самых, казавшихся несущественными, подробностей. В большей части своей вопросы мои касались обстоятельств того лета, когда отец, мать и я оказались пассажирами «Петра Фомичева». Естественно, мне хотелось побольше узнать и о других людях; он с готовностью делился со мною тем, что знал о Янсоне, о старом Фридрихе Гаазе, Бери, Лакобе... При этом, однако, он четко соблюдал границы дозволенного – я имею в виду то, что он никогда не делился со мною деталями тайных операций, в которые были вовлечены мои родители.

– Надеюсь, что когда-нибудь всё утрясется, и тебе удастся встретиться с ними, – сказал он однажды.

Надо сказать, что всё то время, что я провел на горе Чернявского, приехав в Сухуми летом 1957 года, он не выходил в город. Верхний этаж дома, построенного старым Гринфельдом, – вернее, часть его с глядящей на море верандой, – стала убежищем Оскара.

– Не хочу быть вовлеченным во всё это безумие, – повторял он, объясняя наложенный им на себя обет молчания по отношению к прошлому. – Я подписал бумагу о том, что буду молчать обо всем, что я видел и через что прошел во время следствия и заключения.

Иногда поздно вечером я выводил из гаража старую «Победу», и мы выезжали на прогулку подышать летним ночным воздухом. Ехали мы обычно к ручью в Кодорском ущелье за чистой горной водой.

Я провел в Сухуми чуть больше месяца и улетел в Ригу, совершенно не представляя себе, что следствие в отношении Оскара Гринфельда может возобновиться по «вновь открывшимся обстоятельствам».

* * *

Прошло около года, и однажды, в самом начале весны, за ним приехала черная «Волга», т. е. ГАЗ-21, и вежливый человек в полковничьей форме пригласил его проехать вместе с ним в управление для прояснения некоторых вопросов. Домой Оскар не вернулся. На следующий же день Кристина направилась в местную прокуратуру.

Вернулся Оскар домой через три года. Как оказалось, «вновь открывшиеся обстоятельства» состояли в том, что бывшие коллеги его сообразили: Оскар является одним из наследников тех немалых сумм, что должны лежать на счету старого Ионы Гринфельда в Леуми Банке в Тель-Авиве. Оскару было предложено написать заявление в Инюрколлегию и заявить о своих претензиях на причитающуюся ему долю наследства Ионы. Понимая, что получение своей доли наследства, львиная доля которого перейдет государству, даст ему шанс на освобождение, Оскар подписал соответствующие бумаги, запросы и исковые заявления. Дело, однако, осложнялось отсутствием юридически правильно составленного и подписанного Ионой завещания; представлять интересы Оскара в суде поручили юридическому представителю Амторга, советской торговой организации в Нью-Йорке. Значительную часть сотрудников этой легальной организации составляли работавшие под прикрытием разведчики, но обращение за содействием к юристу этой организации было более чем естественным.

Переписка с Нью-Йорком и Тель-Авивом тянулась несколько лет; камнем преткновения на пути к признанию Оскара наследником оказалось то обстоятельство, что юристы банка сумели каким-то образом выяснить, что Оскар Гринфельд находился в тюрьме в момент подачи искового заявления – более того, продолжает находиться в заключении на момент рассмотрения вопроса по существу. Это обстоятельство подорвало веру израильского суда в искренность ряда утверждений, содержащихся в исковом заявлении Оскара Гринфельда. В связи с чем заявителю было предложено прибыть в Тель-Авив и предстать перед судьей Моше Фейглиным в сопровождении своего адвоката и переводчика. Ничего из этого, естественно, не произошло, дело было закрыто – причем, согласно решению судьи Фейглина, оплата судебных издержек была возложена на истца, а соответствующие бумаги высланы на нью-йоркский адрес представителя Амторга.

Через некоторое время следствие по очередным «вновь открывшимся обстоятельствам» продолжилось: Оскару Гринфельду было предъявлено обвинение в использовании своего служебного положения в личных интересах. Речь шла о его контактах со «спящими аген-

тами». Рассматривался эпизод с организацией приезда моих родителей в СССР, нашими путешествиями по Грузии и содержанием на даче ГОКСа в течение длительного срока – за счет государства. Следствие обещало Оскару облегчение режима и даже освобождение за содействие в вопросе установления контакта со «спящими агентами».

Однако, как указывал Оскар, контакты с ними оборвались через некоторое время после ареста Лаврентия Берии. До своего исчезновения они регулярно выходили на связь и осуществляли свою деятельность, четко следуя инструкциям Центра и в полном согласии с поступавшими директивами. Впрочем, Оскар не упоминал имя Берии в разговорах со следователем, а предпочитал рассуждать о «без вести пропавших агентах» в привязке к тому, что происходило в местах их пребывания.

– Ибо их следует считать «без вести пропавшими», – твердо заявил он, указав на то, как можно проверить его показания: – Это был 1954 год, и они продолжали свою работу в Гватемале, стране, граничащей с Мексикой с юга. Президентом Гватемалы был Хакобо Арбенс. Он национализировал земли, принадлежавшие «Юнайтед Фрут компани», а эта компания принадлежала братьям Даллес. Один был в то время госсекретарем США, другой – руководил ЦРУ, обеспечившим финансирование и вооружение армии наемников, которые вторглись в страну с юга, из Гондураса. В середине июня наемники бомбили Сан-Хосе, главный тихоокеанский порт страны, а к концу июня начали бомбить столицу. Хакобо Арбенс ушел в отставку и нашел убежище в мексиканском посольстве в Гватемале. Множество людей погибло или просто исчезло в ту пору. До нас доходили слухи о том, что они были в числе погибших, однако никаких подтверждений этим слухам не было. Не было и сообщений об их пересечениях с кем-либо из наших информаторов. Они проходят и должны проходить в категории «без вести пропавшие».

– Ну а может существовать какой-то резервный канал для чрезвычайных ситуаций? Или код? Какой-то специальный персональный ключ, которым должно быть помечено послание для того, чтобы на него ответили? – не мог успокоиться следователь-полковник. – Мы предоставим вам все возможности для осуществления связи, – предложил он, – а вы напишите им, что и ваша судьба, и судьба их сына будут зависеть от того, насколько разумно они себя поведут.

Спустя некоторое время Оскар подвел итог последней серии неувенчавшихся успехом усилий.

– Они не отвечают. Они молчат уже почти десять лет, и возникает вопрос, каковы шансы получить ответ? Я думаю – никаких.

Может быть, этих людей уже нет? Кто знает? Мало ли что могло случиться? – сказал он в конце очередного допроса.

– А деньги? Все эти деньги Степанова-Сваровского?

– Может быть, они их растратили, – предположил Гринфельд. – Или вложили во что-то.

– Вы что-то знаете? – предположил следователь. – Ведь это деньги нашего государства...

– А разве эти деньги не принадлежали Annette? – тихо возразил Гринфельд.

– Она ведь была наш агент, – глядя на Оскара, со значением сказал полковник. – И унаследовала их от Степанова-Сваровского, который работал с самим Дзержинским.

– Агент? – переспросил Оскар и, уже после допроса, в камере, мысленно восстанавливая диалог со следователем, вспомнил слова де Ривароля: «Votre chat ne vous caresse pas, il se caresse à vous» – «Не вас ласкает ваша кошка, она ласкается о вас.» Фразу эту он обнаружил в одном из романов Стендаля, копаясь в библиотеке Ионы вскоре после возвращения из Москвы в Сухум.

Затем он припомнил, как говорил с Annette на французском, припомнил ее улыбки и короткие вопросы.

Однажды, желая развеселить ее, он спросил после совместного с Акселем и Рихардом посещения выставки живописи в Тбилиси, изобиловавшей второсортной живописью увенчанных разнообразными титулами художников:

– Il y a encore des artistes en France? А что, есть еще художники во Франции?

– Народные? – спросила она в ответ с иронией. – Artistes du peuple?

На одном из последних допросов он сказал следователю:

– Они молчат много лет, а мы всё обращаемся и обращаемся к ним. А они в ответ молчат... немного похоже на церковь. Правда?

– Поясните вашу мысль.

– Верующие обращаются к Богу, а он молчит, – пояснил Гринфельд.

– Так вы же неверующий? – спросил следователь.

Вернувшись домой после трех лет заключения, Гринфельд сказал прилетевшему повидаться Рихарду:

– Они всё сделали правильно. Но теперь им придется скрываться. Они будут числиться в розыске, ведь они еще достаточно молоды. Я знаю, что в последний период, незадолго до ареста Берии, они были связаны с некоторыми людьми из окружения Хакобо Аарбенса,

президента Гватемалы. Я, кстати, навел о нем справки. После переворота он отказался от гватемальского гражданства и выехал сначала в Париж, а затем в Прагу и, наконец, в 1957 году – в Уругвай. Но с недавнего времени, с 1960 года, он живет на Кубе по приглашению Фиделя Кастро. Может быть, кто-то из окружающих его людей что-то и знает о них. После ликвидации Берии и моего ареста они могли решить уйти со сцены. Они могли изменить свои имена, документы и даже внешность. Для них это мог быть совершенно замечательный момент, открывавший новые возможности. Возможно даже, что были сфабрикованы документы, подтверждающие их гибель, а может быть, они предпочли сохранить ту полную неясность, которая со временем становится самой лучшей «охранной грамотой». Видишь ли, Рихард, иногда люди создают столько доказательств, что это само по себе начинает внушать подозрение, и, кто знает, может быть, полное молчание и отсутствие свидетельств вызывает у людей больше доверия.

Итак, Гринфельду казалось, что они отыскивали safe heaven, убежище. Но где? Этого он не знал, но однажды обмолвился, что слышал о практикуемой в Соединенных Штатах программе защиты свидетелей. Под эту программу попал в 1939 году генерал Орлов (он же Никольский, он же Фельдбин), бежавший вместе с семьей из Испании после того, как НКВД пригласил его в 1938 году в Антверпен на встречу со Шпигельгласом, известным специалистом по «ликвидациям». Встреча должна была пройти на борту советского парохода в открытом море, у берегов Бельгии, так как Шпигельглас не мог спуститься на берег. За ним числилось немалое число проведенных в Европе ликвидаций, за ним охотились. Но Орлов опасался того, что его или убьют, или обманом вывезут в Россию, и решил не рисковать. Он хорошо помнил фразу «Мавр сделал свое дело, мавр должен уйти», с клинической точностью описывавшую отношение Сталина к своим подручным.

ГЛАВА 17

Всё последовавшее освобождению десятилетие Оскар Гринфельд провел, переписываясь с разнообразными инстанциями, начиная от комиссии партийного контроля и заканчивая военной прокуратурой. Все его многостраничные заявления, копии которых он хранил в своем кабинете, были посвящены вопросу его реабилитации.

Каждое утро дома, в Сухуми, начиналось с того, что Кристина варила кофе, и он, сидя на веранде с чашкой кофе в руке, рассказывал ей о своих планах на день. Кристина внимательно слушала, сидя

напротив в кресле, со своей чашкой. Иногда она вставляла в рассуждения Гринфельда фразу-другую. Однажды она спросила его:

– Зачем ты тратишь на это время и здоровье, Оскар? Ведь ты постоянно натыкаешься на отказы? И так будет всегда. Я думаю, что эта переписка потеряла всякий смысл.

– Это не так, Кристина, – ответил ей Оскар, – пока я не реабилитирован или не попал под амнистию, дело мое не закрыто. Ты помнишь тех двоих, с которыми я ездил в Кахети на кабана? И Рихард ездил тогда с нами. За столом, когда тамада спросил, как к ним обращаться, они назвались Федором и Андреем. В свое время они решали важные вопросы в стране и за рубежом, и после ухода Лаврентия их посадили. Оба сидели с 54-го до 64-й. Старший просидел десять лет в одиночке. Тот, что моложе, прикидывался сумашедшим, перенес три инфаркта и ослеп на один глаз. И за мной могут прийти в любой день. Поэтому я должен писать и писать, постоянно требуя реабилитации и выплаты пенсии за проведенные в тюрьме годы. Жаловаться одной организации на другую – и пытаться стравить их с тем, чтобы они оставили нас в покое. Ведь эти деньги всё еще в тельавивском банке, и сумма постепенно нарастает. И кто знает, какие аппетиты у нового поколения этих деятелей.

Обсудив текущие вопросы, Оскар переодевался и уходил в город. Со временем он превратился в одного из заметных городских персонажей. Его узнавали, и кое-кто из людей, знакомых еще по прежним временам, сообщал своим собеседникам в кафе или на лавке о том, что этот пожилой крепкий и, несмотря на возраст, достаточно стройный мужчина в сером костюме, в темных, до блеска начищенных туфлях, светлой сорочке и при галстукe – тот самый родственник старого Ионы Гринфельда, что живет в его доме на Чернявке. Более того, о нем могли сказать, что он – один из тех немногих сотрудников Берии, который спокойно гуляет по городу, не опасаясь ни мести, ни брошенных в лицо обвинений в том, что он кого-то посадил в старые времена. Более того, известно, что «сидел» он достойно. Правда, он никогда не обсуждал обстоятельства или события, связанные с его двумя проведенными в заключении сроками.

– Ну ты посмотри, Марлен, как он держится, – заявил однажды известный в городе вор и грабитель Амиран Цулая своему сопернику по шахматной партии.

– Это поколение видело то, чего мы никогда не увидим, – медленно сказал его собеседник, выигравший пешку, – и закурил. Затем он снял пешку с доски и поставил рядом со своим стаканом минеральной воды «Боржоми».

Разговор этот происходил за одним из столиков кафе против зда-

ния гостиницы «Абхазия», спроектированной и построенной в 1936 году в духе сталинского ампира. Против Амирана стоял доктор Папава, сосредоточенно глядевший на шахматную доску на круглом столике с недопитыми чашками кофе, двумя гранеными стаканами и бутылкой «Боржоми». На другой стороне улицы мимо высаженных в ряд высоких и стройных пальм «Вашингтония» и укрытой от солнца верандой гостиницы, где царил буфетчик Кукури и пили чай пожилые мужчины, шел Оскар Гринфельд, направляясь в кофейню на втором этаже ресторана «Амра», выстроенного на уходившем в море причале.

Проведя пару часов в кафе за неспешным обсуждением вопросов текущей политики и городских новостей, Оскар обычно возвращался домой пешком, выбирая маршрут в зависимости от наличия попутчиков и погоды. Впрочем, попутчиков, как и собеседников, с каждым годом становилось всё меньше.

Ко времени его возвращения Кристина обычно заканчивала готовить обед, приготовлением которого занималась после возвращения домой с базара у Красного моста; часов после трех к ней обычно приходили ученики. Вышедшая на пенсию Кристина продолжала давать уроки немецкого и французского школьникам, а иногда и взрослым, желавшим – это случалось – читать современные журналы, которые иногда попадали в город через организацию «Интурист». Да и помимо этого на приморском бульваре, против всё той же гостиницы «Абхазия», где иногда останавливались приплывавшие на теплоходах иностранцы, стоял газетный киоск, где продавались газеты и журналы из стран Восточной Европы, а также английские и французские газеты коммунистического направления.

Иногда она усаживалась за письмо своему племяннику Рихарду, за успехами которого ревностно следила. Обычно она вставляла в письмо несколько пассажей по-французски или по-немецки, ссылаясь на только им известные детали тбилисской жизни. Иногда она читала принесенные Оскаром журналы или книги. В городе жило несколько бывших, вышедших в тираж разведчиков; они время от времени получали письма, книги и журналы из стран Западной Европы, обычно от родственников или старых друзей. Жила здесь и одна очень старая художница, вернувшаяся на родину, в Россию, из Японии. Однако в Москву или Ленинград ей вернуться не разрешили, и она осела в Сухуми. Ряд ее работ приобрел в свое время старый Иона Гринфельд. Кроме большого количества книг, начало собиранию которых положил Иона, в доме была большая коллекция пластинок. Денег на жизнь Кристине и Оскару, как это ни странно, хватало, поскольку Кристина ежемесячно получала арендную плату с семьи,

которой вот уже полтора десятилетия сдавала дом доктора Балодиса, унаследованный ею после смерти ее матери Агнессы.

Когда Оскар умер, а случилось это в конце 70-х годов, его похоронили на том же кладбище, что и старого Иону Гринфельда.

Я прилетал в Сухуми на его похороны и, примерно через год, на открытие памятника. Посетил я и кладбище на Лечкопском плато, где похоронены моя бабка Агнесса и ее муж Александр Ильич Дубровский.

Через год после внезапной смерти Оскара Кристина продала дом, построенный когда-то доктором Балодисом.

Оскар Гринфельд был реабилитирован в 1989 году, накануне того, как страна и режим, на которые он работал, перестали существовать.

Завершаю этот надиктованный Рихардом и обработанный Илоной текст двумя строками из стихотворения умученного в дальневосточном лагере поэта:

Сухомятная русская сказка, деревянная ложка, ау!
Где вы, трое славных ребят из железных ворот ГПУ?..

Часть пятая

ГЛАВА 1

Вопрос о том, кем он, в сущности, был, и кем были его родители, преследовал Рихарда с той поры, когда он остался один, в стране, именуемой Грузия. Вопрос этот не переставал преследовать его всю его жизнь, до самого того что ни на есть зрелого возраста, иначе нам не объяснить, зачем он отправился в путешествие, из которого так и не вернулся. Отыскал ли он следы своих исчезнувших родителей, мы, скорее всего, никогда не узнаем. Однако, судя по объему вложенных в подготовку этого предприятия усилий, он искренне стремился добиться его успешного завершения.

Более того, полагаю, что он был готов и к возможности самого тривиального окончания первой запроектированной стадии его поисков. Готов был принять почти без напряжения то, что ему самому становилось ясным и очевидным после нескольких секунд не то что раздумий, а просто вхождения в давно продуманную и до определенной степени пережитую ситуацию.

Вот он на кладбище.

Он стоит с непокрытой головой на заброшенном католическом кладбище на окраине одного из городов-спрутов в Латинской Америке. Может быть, это Мехико, Буэнос-Айрес или Монтевидео... Сантьяго, Богота или Гавана... А может быть, это Штаты — Майами, Нью-Орлеан или Сан-Диего? А может быть, Канада — Квебек или Монреаль? Единственно, в чем он был уверен, — в этом городе должно быть немало людей со знанием испанского. Но ведь таким городом может оказаться и Нью-Йорк... Затем на горизонте его сознания отчего-то появлялись горы — и он снова переносился в Латинскую Америку. И вот дальше всё начинало ветвиться: мраморное с трещиной надгробие с датой смерти отца и датой смерти матери, случившейся через несколько лет. Но даты смерти могли и совпадать. И оба этих варианта легко было представить. Речь шла, скорее всего, о паре, проживавшей в этом латиноамериканском городе, и о последовательности смертей — косвенном отражении возможности более или менее нормальной стабильной жизни. Существует также возможность разделенных временем и местом надгробий, указание на наличие драматического перелома в жизни его родителей, разнообразные варианты которого навряд ли можно представить с достаточной полнотой. И, наконец, драматический конец, связанный с погребением в одной могиле с одной и той же датой смерти, ибо не исключена возможность того, что единая дата окончания жизни связана с насильственной гибелью или гибелью в катастрофе, автомобильной или авиационной.

Остается добавить, что подобный, более или менее достоверный исход, не требующий дополнительного анализа и серьезных усилий по идентификации останков, мог бы произойти только в одной ситуации — а именно, когда мужчина и женщина прожили и завершают свою жизнь под хорошо известными Рихарду именами, под которыми эти мужчина и женщина вступили в достаточно долгий союз, как это и было в случае родителей Рихарда. Ну а если они сменили имена, что чрезвычайно часто случается в жизни людей, занимающихся вполне определенными профессиями или попавшими во вполне определенные обстоятельства, требующие от них именно такого решения и поступка?.. И если всё обстояло именно так — что тогда?..

Иногда, я знаю, он просыпался в холодном поту оттого, что снилась ему голая заболоченная равнина, где расстреляны были его родители. Расстреляны и похоронены, без какого-либо надгробия, камня или меты. Но почему, отчего они были расстреляны под холодным, непрерывно льющим дождем на этой пустой, утопающей в

грязном месиве дороге, уходящей к голубым горам через сырую и голую равнину?

– У меня паршивый, деревенский вкус, – часто ругал он себя в разговорах с Илоной, – мне представляется финал из какого-нибудь экзистенциалистского фильма, но, если задуматься, ведь всё было не так. Их вели по коридору по одному: человек идет по коридору, конвоир за ним, и на каком-то повороте конвоир чуть отстает и откуда-то сбоку появляется тот, кто стреляет в затылок...

Но было это так или не было, он, по правде говоря, не знал. Он просто умел представлять себе все эти вещи предельно ясно, до последнего взгляда вниз или вбок, последнего движения губ и страшной, сковавшей ноги тяжести. Но потом он начинал рассуждать: откуда я знаю? и что я знаю? и что же случилось на самом деле?

И тогда, после нескольких виражей воображения и сознания, которые, казалось, скрежетали и рушились, не желая совмещаться, придти к согласию совершенно непростых и нелегких для его души этапов; всё в ней перерождалось, и он вновь попадал в Южную Америку, куда его отчего-то тянуло, – нелегко было понять отчего, но затем он понял: оттого, что это – континент джунглей, континент пираний... Континент смерти, поглотившей инков и майя, и множество неизвестных, погибших навсегда племен, городов и государств с их сокровищами и жертвоприношениями; континент конкистадоров, золота – и смерти; бразильских фестивалей и фашистских диктаторов, континент Анд и Амазонки, самой большой реки, а это – река смерти, вместе с парящими над ней грифонами. И было бы только естественно, если бы они жили, старились и умерли там, вдали от тех, кто за ними охотился. Жили где-то в предгорьях Анд с парящими кондорами, внезапно в поисках пищи низвергающимися к земле, поросшей замечательными широколиственными дубовыми лесами со вкраплениями бука, клена и липы. Ему виделся дом, гасиенда или бунгало с просторной верандой, а потом всё это внезапно отступало, и перед глазами снова возникала сырая с комьями полувспаханной земли карталинская равнина, на которую падал дождь.

Попытаемся ответить на естественно возникающий в вопрос: почему Южная Америка или даже Грузия? Отчего именно там следует искать воображаемую могилу или могилы родителей Рихарда? Скорее всего, ответ на этот вопрос связан не только с биографией самого Рихарда, но и с историями жизни его деда и отца, о которых уже рассказано в этом повествовании.

Со времени отъезда Рихарда в Мексику прошло уже около четверти века и, насколько я знаю, ни в Берлине, ни в Риге, ни в Тбилиси,

ни в каком-либо ином месте ни у кого из известных мне людей нет никаких новых и достоверных сведений о Рихарде. И никто, как я понимаю, пока не обращался в какое-либо из известных издательств с предложением опубликовать что-либо близко или даже отдаленно напоминающее книгу о родителях, которую собирался написать Рихард. Теперь, когда Рихард, скажем так, – пребывает всё еще не с нами, мне пришло в голову: хотя, возможно, нам и не удастся узнать ничего нового и существенного о его родителях, мы можем, тем не менее, собрать в один том всё то, что свидетельствует о его подготовке к написанию *opus magna* его жизни. От публикации ряда материалов и набросков Рихард в свое время отказался, полагая преждевременным, и все записанные Илоной эпизоды и фрагменты его воспоминаний считал рабочими записями для будущей книги.

ГЛАВА 2

Обратимся теперь к действительно неожиданной для всех, знакомых с Рихардом людей, последовательности событий, разыгравшихся в середине 80-х, когда после определенных сложностей и даже неприятностей, связанных с попытками Рихарда «пробить» или довести до «большой сцены» свою сценическую версию новеллы «Марио и волшебник», он ранней осенью 89-го года уехал в Восточную Германию, которая в ноябре того же года перестала существовать. Случилось это вскоре после выхода в свет его книги воспоминаний и размышлений о театральной жизни и того памятного разговора с Илоной, когда он мысленно назвал ее Кассандрой.

Перемены в жизни Рихарда начались спустя некоторое время после его встречи со старым, еще времен тбилисской театральной молодости, другом по имени Франк Аугуст, превратившимся ко времени встречи в довольно известного театрального режиссера из Восточной Германии, происходившего из так называемых «тбилисских немцев», с той разницей, что семья его не подверглась выселению, так как отец Франка преподавал в университете немецкий язык и на протяжении многих лет был сотрудником ГОКСа. В свое время Франк женился на встреченной в Москве немецкой студентке и выехал вместе с нею в Восточный Берлин, где сумел создать небольшой молодежный театр для продвижения «новой драматургии из стран Восточной Европы». С тех пор прошло немало лет. И вот теперь, в 1987 году, он прибыл в Ригу в составе культурной делегации из ГДР и был несказанно рад встрече со старым другом. Рихард принял Франка, с тоской вспоминая старые тбилисские времена – так, как это и подобало человеку, прожившему немало лет в Грузии.

Гость побывал дома у Рихарда, встретился с его студентами в Консерватории и вместе с другими членами делегации посетил закрытый прогон спектакля «Марио и волшебник» в Театре русской драмы. Друзья погуляли по городу, съездили на Взморье и посидели в ресторане «Лидо». Отобедав в «Лидо», они направились пить кофе к Кристине, помнившей Франка еще с тбилисских времен.

Услышав о Кристине, гость спросил у Рихарда, каким образом она оказалась жительницей Юрмалы. В ответ Рихард сообщил, что уже после смерти Оскара Гринфельда несколько раз обсуждал с Кристиной вопрос о возможности ее переезда в Ригу, чтобы она жила поближе к нему, единственному оставшемуся у нее близкому родственнику.

– Ведь она – моя тетка и практически заменила мне мать, – сказал он, и внимательно слушавший его Франк кивнул. – В конце концов, она согласилась покинуть всё это южное великолепие и продать унаследованную ею после смерти Оскара часть дома старого Ионы Гринфельда, что позволило приобрести дом в Юрмале. Правда, она не может позабыть свою старую жизнь в Грузии, но это ведь только естественно, не так ли? – произнес Рихард, глядя на Франка, и тот согласно кивнул.

Обо всем этом Кристина рассказывала Франку с той почти юной непосредственностью, которая всегда была частью ее натуры. Ей нравилась ее жизнь в Юрмале, она любила посещать театральные спектакли, в том числе и спектакли латышских театров. Кристина помнила латышский язык, на котором общалась с Агнессой, и многое, если не всё, происходившее здесь, в Латвии, было ей интересно. Правда, немного не хватало общения с учениками, но в доме у нее всегда работало радио. И еще ей нравилось быть связанной с жизнью ее племянника Рихарда, имя которого пользовалось определенной известностью в Латвии. Иногда она говорила Рихарду, а в этот раз поведала и Франку о том, как сожалеет о ранней смерти Оскара и как хорошо было бы им вдвоем в этом доме.

Франк несколько располнен и даже слегка обрюзг; на следующий после посещения Юрмалы день, допивая свою шестую кружку пива за прощальным застольем, он рассказал Рихарду известную шутку о том, что Карл Маркс оставил Западной Германии – «Капитал», а Восточной – «Манифест».

На прощание он непринужденно, по-тбилисски, обнял Рихарда и, предварительно оглянувшись, сказал ему:

– А все-таки мы, немцы, умеем выживать при любых режимах!

В тот день он прямо с утра начал рассказывать Рихарду, каким

тернистым оказался его путь к созданию театра. Оказалось, что вскоре после переезда в ГДР Франк Аугуст по настоянию своей жены стал гражданином ГДР и вскоре после этого был призван в армию, где ему удалось устроиться на работу в Управление агитации и пропаганды, на небольшую военную киностудию, снимавшую учебные фильмы-пособия для солдат. Именно там ему пришла в голову идея, что снимая порнофильмы и продавая их в Западную Германию, его страна, ГДР, смогла бы заработать определенное количество столь необходимой для ее существования валюты – подрывая, к тому же, мораль в стране по ту сторону берлинской стены. Его докладная и выводы были внимательно изучены, одобрены и рекомендованы к скорейшему исполнению. Первые фильмы, так называемые *пилотные*, были сняты всё на той же военной киностудии. Затем агенты Штази, то есть госбезопасности, успешно продали эти фильмы на Запад, и сам генерал Маркус Вольф, один из руководителей Штази, объявил благодарность Франку Аугусту. Вскоре, попав на прием к генералу, который захотел познакомиться с молодым и перспективным членом СЕПГ, подавшим неплохую, в сущности, идею отделу контрпропаганды, Франк не сдержался и поделился с генералом Вольфом мечтой о создании молодежного театра для продвижения «новой драматургии из стран Восточной Европы и СССР».

– Это будет новый и сильный голос в театральном мире, – обещал Франк генералу Вольфу.

Последний с интересом слушал хорошо поставленный голос молодого режиссера, рассказывающего ему о будущих постановках, в которых строгий, диалектический подход брехтовского метода будет сочетаться с «естественностью и задушевностью» театра Станиславского и экспрессией грузинского театра. Всё это напомнило генералу о его юношеских годах, проведенных в Советском Союзе, куда он попал в 1934 году в составе семьи эмигрировавшего в СССР врача и драматурга Фридриха Вольфа, автора известной антифашистской пьесы «Профессор Мамлок». Упоминание о Грузии навело генерала на мысль, вернее даже, на тень мысли о Латинской Америке, где работали сотни его агентов, пытаясь ускорить приближение социализма в этом далеком, но важном регионе мира, представлявшем собой нечто вроде заднего двора Соединенных Штатов, в то время как передним двором и лужайкой перед самым домом с белыми, псевдоклассическими колоннами представлялась генералу Западная Европа. После победы кубинской революции и прихода к власти Фиделя генерал Вольф и его сотрудники не раз прилетали в Гавану и, слушая объявление пилота о посадке лайнера в аэропорту имени Хосе Марти, генерал вспоминал о том, что погибший в конце

XIX века поэт и революционер Хосе Марти сравнивал Латинскую Америку с Аризлем, а Соединенные Штаты – с Калибаном, хотя, надо признать, думал генерал, его собственное отношение к этому сравнению менялось с годами. Потом он вспомнил своего талантливого агента Таню Бунке, успешно выполнившую задание по сближению с Эрнесто Че Геварой и созданием условий, способствовавших его ликвидации... К несчастью, сама Таня погибла еще до завершения операции, но именно она создала все предпосылки для ее завершения, признался он себе, и ему стало ясно, что в идее Франка действительно есть рациональное зерно. Ведь именно страны Восточной Европы во главе с ГДР представляли тот авангард лагеря социализма, о безопасности и консолидации которого следовало неустанно заботиться. И оттого генерал Маркус Вольф решил поддержать идею Франка Аугуста и даже помочь продвижению и осуществлению ее как идеи весьма полезной с точки зрения проведения ряда оперативных мероприятий внешней разведки ГДР, которую он возглавлял.

– Пойми, Рихард, – говорил Франк, – мы все в кармане у Штази. Просто мне в этом кармане удалось очень удобно устроиться, и я думаю, что нам никто не откажет в праве на постановку пьесы по Томасу Манну, написанной известным драматургом, автором пьесы о Пушкине, идущей на сценах ряда театров России. Это же подлинное культурное сотрудничество! Ты написал пьесу, а я ее поставлю – при твоём содействии, конечно. Ты согласен? Представь себе афишу: «Марио и волшебник», пьеса Рихарда Дубровского по мотивам Томаса Манна. Постановка – Франк Аугуст, а в главных ролях... – тут он задумался на мгновение, а затем усмехнулся и добавил: – Ну, это мы еще посмотрим, кто, собственно, получит главные роли. Не так ли, Рихард?

– Ну конечно, Франк, – согласился Рихард и добавил: – Должен тебе признаться, меня не выпускают за границу, я ведь несколько раз пытался выехать на Запад в качестве туриста, но каждый раз получал отказ. Очевидно, это как-то связано с моими родителями. Хотя я с трудом верю, что они могут быть живы. Ведь прошло почти полвека с тех пор, как они уехали.

– Послушай, Рихард, – остановил его Франк, – не спеши. Обещаю тебе – я сделаю всё, что смогу.

ГЛАВА 3

Через некоторое время после возвращения Франка в Восточный Берлин, Рихард получил письмо, содержавшее официальное предложение принять участие в работе возглавляемого Франком театра над

его принятой к постановке пьесой, переведенной на немецкий самим Рихардом. Театр, как это следовало из письма, приглашал Рихарда для консультаций в связи с необходимостью создания новой редакции пьесы и для участия ее автора в репетиционном процессе.

Получив разрешение на выезд в творческую командировку, Рихард уехал в Берлин в конце августа 89-го года незадолго до начала нового театрального сезона, оказавшегося временем начала народных волнений, краха системы и падения Берлинской стены 9 ноября того же года.

Рихард отметил падение стены телефонным звонком жене и, среди прочего, заявил, что стена, разделявшая Германию, рухнула примерно, а может быть, и точно так же, как рухнул Чиппола после выстрела Марио...

После чего его оставшаяся в Риге жена сказала:

– Теперь он наверняка останется в Берлине.

В этом она не ошиблась. Но Рихард вовсе не собирался бросать ее и вскоре выслал ей персональное приглашение на выезд в новый, объединенный Берлин, – Рихард получил разрешение на проживание в Германии в силу документально доказанного факта рождения на ее территории. От гражданства своего Рихард не отказывался, и жене особых препятствий в выезде не чинили. Через два месяца она уехала в Берлин, предварительно отправив туда контейнер со всем содержимым квартиры Рихарда на улице Лачплеша, включая его библиотеку, архив, мебель, гардины и занавеси, театральные маски, афиши, посуду, фарфор, безделушки, статуэтки и привезенные из Грузии кинжалы. В самой же квартире на Лачплеша она прописала и оставила жить свою дочь от первого брака. Что же до Кристины и ее судьбы, то Рихард надеялся вернуться к этому вопросу позднее и склонялся к тому, что, в сущности, ничего в положении Кристины менять не следует, учитывая ее преклонный возраст и нежелание покидать Юрмалу.

– Мы будем приезжать к Кристине каждое лето, – пояснил он жене, – ведь Берлин находится не так уж далеко от Риги. Ведь приезжала же к ней ее подруга Эльза.

Действительно, вскоре после переезда Кристины в Юрмалу она пригласила к себе в гости свою давнюю подругу Эльзу Авитиди, известную в Сухуми преподавательницу химии, с которой и позднее поддерживала переписку. Согласно сообщениям Эльзы, содержащимся в письме, пришедшем в Юрмалу уже из Салоник, летом 1993 года, через два года после распада Союза, владельцам дома старого Ионы Гринфельда пришлось бежать из Абхазии после начала грузино-абхазской войны, связанной, в основе своей, с желанием абхазского

населения вернуть независимость, утерянную вместе с гибелью Нестора Лакобы и последовавшей волной репрессий.

Начало и продолжение войны привели к интенсивным бомбежкам города, в ходе одной из них был частично разрушен и дом старого Ионы Гринфельда, незадолго до начала войны целиком выкупленный семьей из Зугдиди, затеявшей большой ремонт с тем, чтобы вернуть дом в надлежащее ему состояние. Дом или, вернее, оставшаяся его часть, была незаселенной довольно длительное время, пока на горе Трапезия шло разграбление зданий и помещений Института экспериментальной патологии и терапии и помещений обезьяньего питомника, а обезумевшие обезьяны носились по ближайшим горам и ущельям, появляясь время от времени на улицах полуразрушенного войной города.

Сама Эльза Авитиди вместе с другими членами семьи нашла убежище в Греции, покинув Сухуми на борту греческого корабля, доставившего в сухумскую бухту десятки тонн гуманитарного груза и принявшего на борт около тысячи беженцев-греков.

ГЛАВА 4

Вернемся, однако, к театральной «одиссее» Рихарда в Берлине. Как известно, он прибыл в город своего детства в самом начале осени 1989 года. В первых числах ноября состоялась премьера спектакля в театре Франка Аугуста; спектакль наделал немало шума в общем гуле и грохоте рушившегося социализма.

Впрочем, развернувшееся перед его глазами – как и всякая настоящая революция – изобиловало уникальными и незабываемыми деталями. И нам следует, по возможности не отвлекаясь на частности, сообщить читателю о самом главном событии того времени в жизни нашего героя – а именно о том, что, несмотря на весь шум, грохот и хаос, пришедшей на восток Германии эпохи перемен, поставленная в Берлине пьеса Рихарда по новелле Томаса Манна привлекла внимание не только театральной публики, но и прессы, и в одном из интервью, посвященных его необычной судьбе и возвращению в Берлин, Рихард сказал:

– Я рад вернуться в Берлин, где я когда-то родился и где провел свое детство.

Несколько позднее, на одной из встреч драматургов со зрителями, проходивших в рамках нового Берлинского театрального фестиваля, Рихард поделился с публикой идеей написать книгу о родителях, следы которых он надеялся найти на американском континенте.

– Я полагаю, – заявил Рихард, выступая перед слушателями, – что мои родители были идеалистами и верили, что их борьба носит справедливый и оправданный характер. Однако они не закрывали глаза на те уроки, что преподносила им история. И, уклонившись от участия в убийстве Троцкого, они сумели через некоторое время порвать со своими московскими хозяевами, несмотря на всю мощь карательного аппарата советских органов госбезопасности. И лишь теперь, через полвека после того, как я расстался с родителями, у меня появилась возможность направиться на их поиски и попытаться понять, что произошло с моими родителями на самом деле и как это всё происходило. Боюсь, правда, что я опоздал и уже не найду их живыми, – сказал он, завершая свое выступление. После чего вопросы посыпались градом.

Один из заданных Рихарду вопросов касался его попытки получить сведения о родителях от советских разведывательных организаций. Отвечая, Рихард сообщил, что в полученном им официальном ответе было указано, что компетентные органы не располагают какими-либо сведениями о судьбе его родителей в период после 1954 года. Что же касается сведений о них и их деятельности в период до 1954 года, то они, согласно формулировке, приведенной в письме и подписанной генералом Т. Т. Федоровским, ответственным за связи с общественностью, всё еще засекречены и не подлежат разглашению.

Отвечая на вопрос, надеется ли Рихард на скорое открытие архивов в атмосфере гласности и перестройки, он заметил, что у него нет надежд на то, что в России случится что-либо, подобное падению коммунизма в Восточной Европе или в ГДР. Слишком много времени прошло с 1917 года и слишком много крови пролито с тех пор.

– Homo soveticus – это не выдумка, – добавил он. – Он пришел и останется, как вечная мерзлота, на которой что-то может произрастать лишь несколько месяцев в году. Да, кое-что, безусловно, изменится, но сам театр, состав труппы и, что самое главное, – традиции останутся теми же, – добавил он, переходя на привычный ему язык образов.

Был на этой встрече и Франк, теперь почти неразлучный со своим старым другом. Надо сказать, что этот тбилисский друг Рихарда с немалой пользой для себя и своего театра использовал то обстоятельство, что именно его театр поставил спектакль «Марио и волшебник» в этот уникальный период изменений в общественной и государственной истории Германии. Более того, театр его сумел пережить все сложности переходного периода благодаря этой из вечера в вечер разыгрываемой на его подмостках пьесе Рихарда, а выступле-

ния Франка на театральном фестивале с рассуждениями о миссии театра как провозвестника демократических перемен в стране позволили ему представить и себя, и свой театр преданными и искренними сторонниками демократических преобразований.

ГЛАВА 5

Первая поездка Рихарда за пределы объединенной к тому времени Германии привела его и последнюю жену его Лилиту в Лион, где он обратился в старинную известную нотариальную контору, издавна занимавшуюся составлением различного рода бумаг для представителей весьма разветвленного семейства de Boissieu. Предъявив нотариусу документы, связывавшие его рождения с именем Annette de Boissieu, он узнал, что, согласно составленному Annette в 1939 году завещанию, ее сын Рихард является единственным наследником довольно значительного состояния, хранящегося в одном из цюрихских банков на так называемом «спящем счету». Никаких прямых родственников у Рихарда в Лионе, да и вообще во Франции, как оказалось, не было, встречаться же с родственниками дальними ему не хотелось.

Завершив все дела в Лионе, Рихард с супругой отправились в Цюрих, а уже оттуда, после нескольких дней, ушедших на вступление в права наследования и размещение полученных сумм на вновь открытых счетах, они отправились в Париж, где провели две недели в удобном и вовсе не вульгарном отеле в переулке поблизости от бульвара Сен-Жермен на левом берегу Сены.

За возвращением в Берлин последовала покупка просторной квартиры в знакомом Рихарду с детства районе неподалеку от Курфюрстендамм, после чего Рихард начал готовиться к предстоящему путешествию.

* * *

Позволю себе небольшое отступление...

Не знаю, когда именно посетила Рихарда идея написать книгу для того, чтобы отделаться от преследовавших его бесов – бесов воображения, разыгравших в сознании его ту страшную и странную игру, что заставила Рихарда покинуть европейский континент и направиться на поиски следов своих родителей за океан... Хочу лишь напомнить, что еще во времена совместной с Илоной работы над театральными воспоминаниями Рихард не раз возвращался к своей первоначальной идее начать свою книгу с описания его жизни в Грузии, предшествовавшей переезду в Ригу, однако намерение это

реализовано не было. Можно, разумеется, гадать о том, что послужило тому причиной. Не исключено, что именно эта часть воспоминаний Рихарда имела весьма косвенное отношение к театральным сюжетам, а изданная его книга рассказывает о вполне определенной, конкретной и действенной театральной реальности – притом что жизни Рихарда, взятой в ее полноте, было присуще еще и совершенно другое, не театральное, наполнение, взыскующее и даже требующее совершенно иного типа повествования, и это, пожалуй, слишком сильно изменило бы характер книги, посвященной взаимоотношениям между театром, публикой и той драматургией, к которой театр обращается. Именно поэтому Рихард, инспирировавший и почти что надиктовавший свои записки Илоне, предстает перед нами сегодня не только как драматург, осваивающий ремесло писателя в жанре *faction*, тем самым объединяя в единое целое *fact* и *fiction*, но и как исследователь, пытающийся постичь логику взаимодействия фигур на той шахматной доске, где была разыграна его история.

Что же до голоса или голосов, заставивших его заявить о желании исследовать историю своих родителей и написать об этом книгу, серьезную и основанную на тщательном изучении вопросов, связанных с их миссией и обстоятельствами жизни, то здесь, я думаю, речь идет не только о желании знания, но и о чувстве долга, пожалуй даже о проявлении определенного нравственного императива – того самого, который выражают обычно в серии вопросов: «Кто мы? Откуда? Куда мы идем?» – и который является, в сущности, подтекстом любого дискурса о смысле и содержании жизни. Не говоря уже о не покидавшем его сильнейшем чувстве потери, потери связи с родителями, возвращения которых он, полагаю, ожидал на протяжении десятилетий.

Мысль эта и сопутствующее ей чувство, наряду со стремлением направиться в Южную Америку, овладели им, я полагаю, постепенно, однако получили толчок после завещания, оставленного его матерью Annette в конторе нотариуса Jacques Perrin. Ко времени оглашения завещания контору возглавлял сын Жака Перрена мсье Baptiste Perrin. Голос нотариуса, читавшего текст, произвел сильное впечатление на Рихарда и, никак не проявляя того, он дал себе клятву довести всё дело до конца.

Позднее он рассказал об этом жене, которая, увы, совершенно не знала французского, ясно обозначив тем самым ненарушаемые пределы своих устремлений.

– Да, я понимаю, – сказала она, – ты должен узнать правду о своих родителях. Но ты не можешь оставить меня в Берлине одну, на съемной квартире.

– Конечно, я сделаю всё необходимое. Я куплю квартиру, Лилита. Ведь должен же я куда-то вернуться, разве не так?

Сказав это, он, согласно рассказу жены, улыбнулся.

Впрочем, отъезд Рихарда из Германии в Южную Америку задержался еще и из-за возникшей возможности получения германского паспорта на фамилию Гаазе. Об этой возможности сообщил Рихарду всё тот же старый друг Франк, уже ставший к тому времени обладателем полноценного германского гражданства.

– Тебе нужен настоящий немецкий паспорт и немецкое гражданство, – убеждал он Рихарда, – и тогда ты сможешь без проблем ездить по миру. Никто не знает, как они отнесутся к твоему советскому паспорту там, в Латинской Америке, – убеждал он Рихарда. – Подожди. Мы докажем, что ты настоящий Volksdeutsche, и у тебя будетличный паспорт на фамилию Гаазе, по фамилии деда. А писать ты будешь, по-прежнему используя свой теперь уже псевдоним – Дубровский, или, скажем, Дубровский-Гаазе.

Более того, Франк готов был составить Рихарду компанию в поездке.

– Я возьму с собой камеру, мне ведь приходилось много чего снимать в свое время, – пояснил он, – и мы параллельно с твоими поисками будем снимать фильм о нашем путешествии, который позднее продадим на телевидение.

Рихарду эти соображения Франка Аугуста показались приемлемыми и разумными.

– Еще бы, ведь это его старый товарищ, – с горечью рассказывала позднее его жена, – тот самый, который вытащил его из Риги в Берлин.

Франк Аугуст вернулся в Германию через год с небольшим после совместного с Рихардом отъезда из Берлина. Возвращение его связано было с обострившимся заболеванием печени, которое потребовало не только экстренного вмешательства медиков, но также и длительного наблюдения врачей в стабильных и комфортабельных условиях, которые могли быть обеспечены ему только дома. Путешествие оказалось непростым испытанием для его здоровья. Проблема же состояла в том, что возникновение и развитие заболевания Франка оказалось связанным со специфической южноамериканской диетой.

Южная Америка создана была, по-видимому, не для него, ибо в более поздних рассказах Франка фигурировали истории об авариях на горных дорогах Эквадора, о случайной смерти случайного путешественника в аргентинской сельве от укуса змеи, о нахождении хорошо знакомого журналиста в плену у промышляющих наркотика-

ми колумбийских партизан или о гибели нескольких журналистов от рук неонацистов и агентов Штази в Парагвае – и так далее, вплоть до историй о достижении путешественниками полного внутреннего перерождения и последующего ухода от мира в пустыню Атакама.

Важным, однако, мне представляется то, что весь этот проведенный в Южной Америке год друзья серьезно работали и отсняли большое количество киноматериала, из которого Франк позднее смонтировал двухчасовой документальный фильм о жизни выходцев из Германии на пространстве от Мексики до Огненной Земли.

Расстались они в Мексике, куда вернулись с южного края континента. Франк улетел из Мехико в Испанию, откуда вернулся в Берлин. Рихард же собирался покинуть Мехико и направиться на Кубу, разрешения на посещение которой он ожидал.

А вслед за этим, после нескольких звонков из Мехико, после нескольких пришедших оттуда в Берлин и на Рижское взморье почтовых открыток – на одной из них присутствовало изображение памятника и могилы Троцкого во дворе его дома в Койоакане, открыток, содержавших наскоро набросанные впечатления, приветствия и обещания написать обо всем поподробнее, Рихард исчез и поиски его ничего, по существу, не дали, кроме того, что, по смутным слухам, Рихард будто бы направился на Кубу, где его видели несколько людей, связанных со сценическим искусством. Наличествуют и сообщения о том, что, завершив свой визит на Остров Свободы, Рихард вновь направился в Южную Америку.

Говоря о городах, связанных (опять же – по слухам) с его появлениями, следует, в первую очередь, отметить Боготу, затем Сантьяго-де-Чили и позднее – Буэнос-Айрес, где он, кажется, и обосновался. Однако кое-кто будто видел его на берегу мутной реки Парана, кто-то вспоминает о пляжах Бразилии... Говорят даже об Огненной Земле и острове Св. Елены в полутора тысячах километров от континента. Некоторые эти «свидетели» поговаривают о его влечении к смерти, о Tanatos – вспоминая всем известные пушкинские строки о всем, что «гибелью грозит»...

ГЛАВА 6

Не имея, однако, возможности проследить каждый шаг Рихарда, то есть отправиться в эту удаленную и весьма экзотическую часть света, питающую весь остальной мир идеями карнавального освобождения, ритмами танцев и кокаином, я попытался просто изложить все известные мне факты, связанные с биографией Рихарда

Дубровского, включая и полученные от Илоны материалы... Уже после ознакомления с ними, а также после длительных бесед с людьми, хорошо знавшими Рихарда как в давние времена, еще до выезда его из уже не существующей страны, так и во времена, проведенные Рихардом в Берлине, пришла мне в голову мысль попытаться хотя бы пунктирно обозначить траекторию жизни Рихарда и тех его близких, что оказали влияние на его становление и развитие, ибо и сам Рихард, и его история – часть уже ушедшей эпохи... Не знаю, что сказал бы он сам по поводу данного утверждения, какая улыбка проскользнула бы по его лицу...

Итак, в конце мая 1993 года связь с Рихардом прервалась, и после месяца неопределенности и нескольких месяцев ожиданий ответа на направленные в адрес кубинских властей запросы, в адрес МИДа Германии поступили сообщения, из которых складывалась следующая картина:

Гражданин Германии Рихард Гаазе, 1926 года рождения, прибыл в Гавану 24 мая 1993 года charterным рейсом из Канкуна на борту самолета компании Cancun Air. В аэропорту имени Хосе Марти им был предъявлен немецкий паспорт с туристической визой, выданной посольством Кубы в Мехико.

Из аэропорта немецкий турист проследовал в отель «Varadero», где пробыл три недели. За это время он совершил несколько поездок по острову и интересовался возможностью попасть в Кингстон на Ямайке. Туристическое агентство, связанное с отелем «Varadero», к которому он обратился с запросом о приобретении билета на Ямайку, проинформировало гостя о том, что, поскольку в данное время Куба и Ямайка не поддерживают каких-либо контактов из-за давления Соединенных Штатов и их союзников на правительство Ямайки, то, чтобы попасть на Ямайку, ему придется сначала вернуться в Мексику.

Через три дня после получения ответа Рихард покинул отель «Varadero» и исчез по дороге в аэропорт, не воспользовавшись заказанным билетом в Мексику. В настоящее время, сообщало посольство Кубы, имя Рихарда числится в списках туристов-нарушителей визового режима, и компетентные кубинские органы занимаются вопросом его местонахождения.

Должен также сказать, что существует ряд предположений, связывающих исчезновение Рихарда с судьбою и возвращением Франка в Германию, – предположений самого различного рода, включая и такие, которые мы отбросим без всяких колебаний.

Все же оставшиеся предположения относительно того, что произошло, должны, казалось, быть проверены – но кто мог бы заняться

этим? Детей у Рихарда не было – к ним или, вернее, даже к самой идее завести детей он всегда относился с некоторым опасением; Лилита благополучно проживает в Берлине, ибо перед тем, как отправиться в путешествие, Рихард разместил определенную часть доставшегося ему наследства так, чтобы будущее его жены и самого Рихарда выглядело бы надежно обеспеченным и стабильным.

ГЛАВА 7

Последнее сообщение от кубинских властей поступило в МИД Германии осенью 1993 года и вскоре было доведено до сведения его жены. Как это обычно и бывает, информация эта постепенно стала доступна для всех заинтересованных лиц, даже за границей, вызвав поначалу удивление, сочувствие, а затем, со временем, превратившись в общеизвестный факт, в еще одну деталь какой-то грандиозной и непостижимой мозаики человеческих судеб. Чему трудно удивляться – слишком много драматических событий происходило в то время в мире.

Говоря об остальных героях нашего повествования, следует сказать, что каждый из них пошел по своему пути, быть может не до конца ему предначертанному, но и не совсем случайному. Эрик, например, продолжал жить и работать в Берлине, время от времени прилетая в Ригу для встреч с Илоной, которая обитала в Москве вместе с дочерью. Приватизированная квартира ее родителей в Лиховом переулке была сдана семье работавшего в Москве немецкого бизнесмена, что позволило Илоне не испытывать материальных трудностей и не сдавать свою дачу на Взморье, куда она обычно выезжала на лето вместе с дочерью, а позднее, и с ее семьей.

Что до меня, то я продолжал раз в год прилетать в Ригу на встречу с Эриком, а он заезжал к нам в Тель-Авив, в квартиру на Нордау, в каждый свой визит в Израиль. Прилетал он обычно в конце недели и, проведя выходные в Тель-Авиве, уезжал на север, в сторону Хайфы, повидать своих близких.

Только один раз за всё это время я полетел в Ригу не один, а с Ивой, с нашей дочерью Ханной и ее мужем Давидом. Произошло это на следующий день после сыгранной в Праге свадьбы. Тут надо отметить, что наши молодые выросли, в сущности, агностиками и всем остальным возможностям предпочли регистрацию брака и свадьбу в одном из пражских замков. Мне эта идея понравилась, да и Ива приняла ее с радостью. Что касается родителей жениха, их подкупила идея замка; кроме того, они понимали, что спорить с сыном и будущей невесткой – сущее безумие. Родители жениха были такими же бывшими рижанами и не отличались глубокой религиозностью.

Тем не менее, они бы не возражали и против традиционной свадьбы, но долгое знакомство с Ханной подсказало им, что лучше прислушаться к мнению молодых. В конце концов, они уже отслужили в армии, прошли свои университеты, работали и были вполне самостоятельными людьми. Так что родители и друзья жениха тоже провели weekend в Праге и летели домой, в Тель-Авив, мы же с Авивой – вместе с молодыми – в Ригу.

Ханна и Давид пробыли вместе с нами в Риге три дня и отправились дальше, в Норвегию, где собирались провести еще три недели, путешествуя по фиордам. На три дня мы все остановились в небольшом отеле в Старом городе и постарались показать город молодоженам таким, как он нам запомнился. Днем мы бродили по городу, а ближе к вечеру встречались с Эриком и Илоной.

В Риге я ловил себя на мысли, что непроизвольно обдумываю, как пройти к тому или иному памятному месту, что лучше сказать, как лучше передать то, что заслуживает внимания. Каждый мой рассказ всегда оставлял у меня ощущение неполноты и неоконченности. Это свойственно любым воспоминаниям, говорил я себе, – и, тем не менее, однажды пустился в рассуждения о Мнемозине и ее девяти дочерях-музах. Произошло это ближе к вечеру в день, предшествовавший отъезду молодых, когда мы оказались на Ратушной площади, за столиком небольшого кафе «У Вундерлиха» в нижнем этаже здания, где в квартире на втором этаже жила когда-то семья философа. Помимо кофе-латте, капучино и эспрессо кафе предлагало разнообразную выпечку. Пахло маргарином, масло в этом заведении было явно не в ходу. На полке над холодильником стояли бутылки с молдавским коньяком разных марок.

– Принесите одну бутылку, – попросил я официантку, рослую, коротко стриженую девушку в голубом платье и кокетливом белом переднике. Когда девушка поставила бутылку «Белого аиста» и бокалы на стол, я спросил: – А больше у вас ничего не найдется выпить?

– Всё уже выпили с утра, – ответила она не слишком дружелюбно и отошла.

– Бедный Вундерлих, – сказал я Иве, – а ведь я хотел предложить почтить его память. Verfluchter Beobachter! Память философа, разъяснившего человечеству, из чего оно состоит.

Молодые о чем-то спорили на иврите – что было естественно; по-русски они обычно говорили с нами и родственниками, но сейчас им было не до нас.

Коньяк оказался совсем неплохим и, сделав еще глоток, я сказал что-то о памяти, забвении и Лете. На улице начал накрапывать дождь. Эрик должен был подъехать за нами через полчаса.

– Боже мой, а ведь ты, оказывается, всё помнишь! – воскликнула Ива с удивлением. Оказалось, я рассказывал ей примерно то же, о чем говорил в молодости, в один из таких же дождливых рижских вечеров, когда после окончания спектакля в Театре русской драмы мы сидели в кафе на бульваре Падомью и пили кофе с бенедиктином.

– Ну да, мы сидим с тобой в том же кафе, и я, скорее всего, бес-сознательно, вспоминаю, как это было когда-то. Но ведь и ты всегда вспоминаешь о чем-то, когда мы приезжаем в Рим, – ответил я. – Понимаешь, мы все – немного актеры и, попадая в те же декорации, повторяем знакомые тексты... Ведь память – это то, из чего мы построены, говорил Вундерлих.

Ива предпочла изменить тему и заговорила о предстоящем путешествии молодых. Мне показалось, она опасается, что здесь, в Риге, я произведу на Давида впечатление человека со странностями, – каким я, может быть, и являюсь.

– «Я безумен при норд-норд-весте. Когда ветер с юга, сокола от цапли я отличу...», – прошептал я, обращаясь к Иве. – Ты помнишь Дубровского в роли Гамлета?

На следующий день молодые улетели в Норвегию, а мы с Ивой покинули гостиницу и провели на даче у Эрика еще неделю.

Больше Ива в Ригу не приезжала, ей хватило одного раза, и я всегда устраиваю свои дела так, чтобы они не мешали нашим поездкам в Италию.

Приезжая на Взморье, к Эрику, я иногда при встрече заговаривал с Илоной о Рихарде; жизнь его и исчезновение не переставали интриговать меня. Думаю, что интерес этот родственен знакомому многим ощущению постоянного присутствия в их сознании постороннего, обладающего способностью изменять свой облик Проклятого Наблюдателя (Verfluchter Beobachter), как называет его Вундерлих в одной из лекций цикла «Страдания и время: Траектории сознания» (Leiden und Zeit: Bewusstseins bahnen). Философ связывал существование Наблюдателя с проблемой диалога сознания и языка, наделяя Verfluchter Beobachter одновременно и репрессивной, и творческой функцией.

Однажды Илона рассказала, что когда-то давно собиралась написать сценарий, или, может быть, книгу, положив в ее основу те события жизни Рихарда, что предшествовали его появлению в Риге; замысел этот потребовал от нее в свое время определенных усилий и поисков, но обстоятельства сложились так, что дело зашло не слишком далеко, и ей не пришлось сожалеть о зря загубленном времени или незавершенном замысле...

– Тема была совершенно непроходимая, – пояснила она, – и я решила, что мне не стоит продолжать, ведь одной темы заложничества было достаточно для того, чтобы сценарий закрыли раз и навсегда... И вот, решив остановиться, я тут же поймала себя на том, что сама оказалась заложницей своих собственных страхов... Но ведь заложничество на самом деле и было главным механизмом генерации страха в сознании людей, разве не так? Разве страх и ответственность за судьбы близких не определяли поведение большинства? – похоже, она не ждала ответа.

Итак, работа ее над этим проектом остановилась и примерно через год после того разговора о нереализованном замысле она передала мне свой архив. При этом она пожелала удачи – «в какую бы сторону всё ни двинулось... Я от всего этого несколько устала и потеряла надежду разобраться...», – спокойно призналась она:

– Когда-то это было действительно связано с обстоятельствами моей жизни... Но всё изменилось... И я уже не испытываю к этой истории того интереса, что раньше... и, в конце концов, мне просто не хочется ходить по каким-то коридорам со своим сценарием, я уже не в том возрасте... Другое дело, если бы сам Рихард написал еще одну книгу... Но тебе, может быть, и стоит посмотреть эти материалы, – предложила она.

«Ну что ж, для нее наступила пора разбрасывать камни... Но она произнесла важные слова: ‘в какую бы сторону всё ни двинулось...’, – подумал я. – Похоже, она имела в виду, что ко времени этого разговора первая моя книга уже была опубликована в одном из издательств Петербурга.»

С той поры прошел не один год, и не раз приходила мне в голову мысль о том, что пора бы сесть, открыть полученную от Илоны папку и попытаться во всем этом разобраться. Но... «Мы ленивы и нелюбопытны», писал когда-то Пушкин. И так продолжалось до тех пор, пока Илона не ушла.

ГЛАВА 8

Она стала жертвой тяжелой депрессии, возникшей на фоне развития церебрального атеросклероза. Опасаясь инсульта, поразившего в свое время ее отца, Яна Артуровича Алунана, Илона приняла решение уйти из жизни сама. Свои соображения о надвигающемся инсульте – опасности, которую она считала ясной и неотвратимой, – она изложила в письмах, адресованных дочери Валерии и Эрику, который к тому времени уже знал о ее болезни едва ли не больше, чем

немецкие врачи, на лечение к которым он дважды увозил Илону из Риги в Берлин.

– Эта болезнь, – рассказал мне Эрик, – одна из основных причин смертности в наше время, однако, несмотря на это, точные причины развития заболевания до сих пор не изучены. Говорят о влиянии наследственных факторов, рациона и режима питания, образа жизни на риск появления атеросклероза. Но как определить, что именно оказалось причиной развития заболевания у Илоны?

Ни берлинские врачи, ни Эрик этого не знали.

До какого-то момента Эрик считал, что ей нужно больше отдыхать, меньше работать в саду и не читать книги за полночь, но ему не удалось убедить ее переехать к нему в Берлин.

– Я не хочу привыкать к Берлину, – говорила она, – да, я приезжаю к тебе и мне интересно находиться здесь с тобой. Но ведь ты всё равно уедешь отсюда. И потом, я уже привыкла жить между Москвой и Взморьем, между Москвой и Ригой, но жить еще и в Берлине я не хочу.

Прошло несколько лет; Илона начала жаловаться на повышенную утомляемость, слабость, ей хотелось отдыха. Она пристрастилась к кофе, и Эрик привозил ей множество герметично упакованных кирпичиков кофе «Лаватца». Несмотря ни на что, ощущение слабости не покидало ее. Хотя иногда она снова становилась прежней Илоной – и тогда они улетали куда-нибудь на несколько дней: в Шотландию, в Швейцарию, на Азорские острова и даже на острова Зеленого Мыса. Ей нравились ботанические сады и дендропарки, ей нравилось гулять по лугам и по берегам текущих сквозь леса рек.

– Я рождена дриадой, – призналась она Эрику однажды.

Потом у нее испортился сон. Она начала принимать снотворное и вскоре стала жаловаться на головные боли и шум в ушах.

После чего Эрик увез Илону в Берлин на обследование в известной и дорогой клинике, специализировавшейся на атеросклерозе. Все анализы были сделаны, все возможные лекарства прописаны, приобретены, Илона начала принимать их – что на некоторое время как будто замедлило течение болезни. Прошло два года, и в состоянии ее наступило резкое ухудшение. Повторный визит в берлинскую клинику не привел к радикальным или даже каким-либо ощутимым переменам в состоянии Илоны и по возвращении на Взморье у нее начала развиваться депрессия. Возникли прорехи в памяти – иногда она не могла вспомнить, что, собственно, происходило вчера. Речь ее становилась нечеткой. Разговаривая с Эриком, она засыпала в кресле, жаловалась на дрожащие пальцы и на то, что порой недостаточно остро видит окружающее.

В свое время немецкие врачи с похвальной прямоотой предупредили Эрика о том, с чем он может столкнуться в будущем: снижение интеллектуальных способностей, возникновение провалов в памяти, нарушения речи, появление апатии, неряшливости и полная утрата интереса к жизни.

– Со временем, – предупредил его герр Штойбле, – больной человек утрачивает способность ориентироваться в обстановке и во времени, и всё это сопровождается возбуждением и выраженной тревогой... И в этой ситуации, – добавил он, – велика опасность того, что развивающаяся инволюционная депрессия приведет к суициду...

Однако Эрик считал, что до этого еще далеко, что спокойная жизнь на Взморье под присмотром сиделки, которую он нанял, поможет Илоне бороться с болезнью. Он прилетал в Ригу так часто, как только мог, благо полет занимал всего около двух часов. Более того, он надеялся на появление чудо-лекарства, которое, быть может, спасет Илону.

Несколько раз обращался он к Иве с просьбой проверить, находятся ли в процессе разработки, испытаний или утверждения новые лекарства для лечения церебрального атеросклероза. Прилетали они с Илоной и в Тель-Авив для консультаций с местными медицинскими светилами. К сожалению, ни один из них не сумел совершить чуда.

Илона не стала дожидаться наступления терминальной стадии заболевания и однажды в конце октября ушла из жизни, проглотив большое количество таблеток снотворного с ясным намерением «умереть, уснуть...» – именно так всё и было сказано в ее прощальном письме Эрику, доставленном в Берлин курьерской службой DHL. Сотрудники той же службы доставили ее прощальное письмо дочери в Москву. Следуя полученным от Илоны указаниям, письма были доставлены в оба адреса утром того дня, когда она не проснулась. В каждом из писем содержалась просьба о неразглашении его содержания, так как Илоне хотелось, чтобы причиной ее смерти был указан прием излишней дозы прописанного ей лекарства, связанный, скорее всего, с фатальной, обусловленной ее болезнью ошибкой, а не с решением, принятым в здравом уме и твердой памяти... Именно так и была описана причина ее смерти в заключении, подписанном наблюдавшим ее д-ром Язепом Блауманисом, местным врачом, с которым она прятельствовала много лет. И именно это заключение позволило похоронить Илону там, где она просила это сделать еще при жизни...

ГЛАВА 9

Я пришел на кладбище в Яундубулты вместе с Эриком через

несколько дней после похорон, на которые не успел попасть. Здание кладбищенской часовни с высокой башней, выстроенное в характерном для Риги XVI века стиле, стояло за старыми железными воротами, заключенными в пространство между оштукатуренными каменными столбами и соединяющей их перекладины из того же оштукатуренного камня, что и здание часовни. За воротами начинались аллеи с желтыми кленами, липами и соснами по обеим сторонам. Мы направились к возвышавшимся над кленами соснам и подошли к скрывающемуся под цветами могильному холмику. Эрик принес букет красных гвоздик, я принес белые гвоздики и желтые настурции. Возложив цветы, мы провели какое-то время у могилы в полном молчании. На кладбище было тихо, слышно лишь потрескивание ветвей, дальний гул железной дороги и приглушенный расстоянием шум моря.

Мы вернулись к Эрику, переоделись и решили выпить. Я поймал себя на мысли, что прошло около десяти лет с того момента, когда я впервые попал на эту дачу.

– Валерия, ее дочь, позвонила мне в Берлин и сообщила, что произошло. Но я уже всё знал. Затем мне позвонила сиделка. И всё это случилось накануне моего приезда, – сказал он. – Я должен был прилететь через два дня, через два дня... – он замолчал. После чего выпил еще и продолжил:

– Это несправедливо, понимаешь, это несправедливо... Она не должна была умереть так рано, – он помолчал и добавил: – Но почему всё устроено именно так, а? Какие-то отъявленные мерзавцы, военные преступники часто живут лет до девяноста...

– Но это был ее выбор, – ответил я, уходя от обсуждения, – она знала, что впереди у нее нет ничего хорошего и решила уйти сама, пока еще могла это сделать...

Почему-то подумал я о родителях Рихарда – тоже, по-видимому, самостоятельно выбравших момент исчезновения, своего рода ухода из жизни.

– Ну да, – сказал он. – Она не хотела быть в тягость кому-либо...

Мне стало не по себе, когда я увидел слезы на глазах у Эрика. Я никогда не видел его в подобном состоянии.

– Что ж теперь? – спросил я.

– Теперь? Теперь я продам дачу и вернусь в Берлин. А когда мой контракт в университете подойдет к концу, уеду в Тель-Авив.

На следующий день Эрик вручил мне еще одну папку с распечатками из ноутбука Илоны.

– Возьми, – сказал он. – может быть, тебе это пригодится. Она создала этот файл в начале года.

В отличие от полученных ранее материалов, это были не разроз-

ненные записи, планы и наброски, а, скорее, краткое, конспективное изложение ее биографии, написанное с не ясной для меня целью. Быть может, наедине с собой она попыталась проанализировать основные события собственной жизни. Или же это был меморандум, написанный для дочери, которая после окончания университета быстро вышла замуж и, похоже, посвятила свою жизнь созданию крепкой собственной семьи и воспитанию детей.

Закончив чтение, я понял, что мне нужно отыскать еще одну папку с материалами Илоны – теми, что касались биографии Рихарда и состояли из надиктованных им и обработанных Илоной записей.

Через неделю после возвращения из Латвии, уже по прочтении этой папки с полученными от Илоны записками, сложилось у меня граничащее с уверенностью впечатление о том, что высказанное ею нежелание продолжать работу над переданными мне ранее материалами связано было, скорее всего, с ее уже развивавшимся заболеванием. Возможно, думал я, что именно по этой причине она сначала отложила в сторону, а затем и вовсе отказалась от работы над требовавшим немало сил и времени проектом, и в поисках точки опоры обратилась к собственной, уже начинавшей ускользать из ее памяти, жизни.

Просмотрев оставшиеся от Илоны страницы, я понял, что этот материал следует привести в порядок и подготовить к печати. Тексты из различных папок, включая и мою, посвященную Рихарду, сталкивались и взаимодействовали; это напоминало мне о наплывающих друг на друга облаках из иерусалимской лекции Ханса-Аншеля Вундерлиха, – облака, за которыми я любил следить еще в юности, облака, которые, проходя через разнообразные метаморфозы, приобретают всё более и более величественные и необычные формы; голубовато-желтые облака над заливом, в грозových разрядах с фиолетовым отсветом молний и в потоках дождя, падающего на море, на песчаный берег и на дюны, под соснами которых в юные годы мы пытались укрыться...

Новые, пока еще неясные связи рисовались мне, а люди, ранее не известные, неожиданно казались живыми. Внезапно вспомнилась мне пушкинская строка «И дольней лозы прозябанье» – всегда удивившая мысль и внимание в сторону Грузии... Позднее, уже собираясь приступить к работе, я пришел к заключению, что мне следует попытаться сохранить общий тон записок Илоны – строгий и аскетичный, лишь иногда предлагая большее число деталей, призванных подчеркнуть неординарность места и события или аромат времени.

В текстах, полученных от Илоны, присутствовала и еще одна особенность. Я обнаружил некоторые несоответствия, нарушавшие естественно ожидаемую логическую и событийную связность пове-

ствования. Работая над устранением этих разрывов и лакун, я старался не отступать от общего замысла, которым Илона делилась со мною в свое время. Приняв во внимание всё, что мне удалось вспомнить из наших бесед, я взял на себя смелость реконструировать и воссоздать отсутствующие, но необходимые фрагменты текста, посвященные тем или иным историческим событиям. При этом пользовался я не только общедоступными источниками, но и частными сообщениями, полученными при самых различных обстоятельствах от довольно пестрого собрания персонажей ...

Вполне возможно, что некоторые читатели и даже коллеги осудят меня еще и за то, что я никогда не отвергал сплетни и слухи в качестве источников информации. Надо подчеркнуть, каждый близкий с журналистикой человек знает, что нет на свете ничего более достоверного, чем сведения из неподтвержденных источников. Как часто отношения между непререкаемым авторитетом и пытливым умом напоминают эпизод из жизни Ханса-Аншеля, когда однажды на уроке математики его отец, проводя преобразование формулы на доске, допустил ошибку, которую не смог отыскать, и в отчаянии воззвал: «Вундерлих, ну скажите, наконец, в чем ошибка! Вы наверняка уже давно ее нашли». А иногда наугад сказанные слова являются поначалу ничем иным, как голой, слепящей и неприемлимой правдой, и со временем превращаются во всеми принятую и не подлежащую сомнениям истину...

Признаюсь, кое-что из прочитанного или услышанного мною и по трезвому размышлению все-таки включенного в окончательную версию текста казалось мне первоначально столь же маловероятным, как встреча «Титаника» с айсбергом. Впрочем, мистически настроенные люди, а их немало, считают, что та встреча, скорее всего, была записана на одной из страниц книги Судного дня. Что заставляет вспомнить, в свою очередь, об однажды высказанной Хансом-Аншелем Вундерлихом мысли о том, что «жизнь представляется не лишеной доли странности, возможно, именно оттого, что нам хотелось бы не только познать ее, но и возлюбить...» Именно в этом, полагает Вундерлих, и заключается самый значительный вызов для мыслящего человека, и только его, именно его, память в состоянии этот внутренний конфликт разрешить...

* * *

Я же, мысленно отправляясь изо дня сегодняшнего на пару десятилетий назад, легко могу представить себе Рихарда, бредущего по полупустой Гаване, на фоне стен различных строений, исписанных проклятиями американским империалистам, обещаниям жить стоя, а

не умереть на коленях, портретами Че, Фиделя и Виктора Хара, и названиями популярных песен, исполняемых черными, шоколадными и лимонного цвета музыкантами из Buena Vista Social Club.

Рихард – в потертых джинсах, мятой светлой рубаше, в соломенной, с пятнами пота, надвинутой на лоб шляпе и с фрагментом сигары Portagas Eminentas в зубах. Это рослый пожилой и еще крепкий мужчина, повидавший мир. Кое-где у тротуаров припаркованы старые американские бронтозавры, пожирающие несметные количества бензина. Желтые, кремовые, красные и лиловые – потасканные и кое-где побитые автомобили с роскошными кожаными, в сальных пятнах, сидениями стоят пустые – бензина в городе нет. И Рихард идет пешком из расположенного в центре старого отеля с проржавевшими кранами, из которых редко течет вода, в предместье, где в старинном доме с широкой, открывающейся с тенистой стороны улицы входной дверью с написанными на ней черной краской испанскими словами (часть из них вырезана на дереве) и встроенной в дверь металлической в стиле art deco решеткой, за которой видна уходящая вверх лестница с выложенными мраморной плиткой площадками между лестничными пролетами, где в небольшой квартирке на третьем этаже, еще за одной, невысокой и темной дверью, его ждет Anita, певичка из бара отеля «Varadero».

Он знает, что Anita ждет его у себя, в маленьком уютном гнездышке, украшенном веерами, кружевами и олеографиями с изображениями Девы Марии, на широкой, застеленной зеленым атласом тахте; ожидает, слушая незатейливую танцевальную музыку, доносящуюся из динамиков небольшого транзисторного приемника. Да, его прихода ждет шоколадная, с зелеными глазами креолка Anita, предпочитающая всем остальным напиткам коктейль Cuba Libre со льдом, колой, лаймом и ромом Bacardi Oro. Одета она в синий шелковый с красными драконами халат, привезенный на Кубу из Гонконга ее другом Фабио из Seguridad.

Фабио – человек примерно того же возраста, что и Рихард, – уже не раз Рихард просил ее познакомить с Фабио. Рихард разыскивает очень старого человека по фамилии Гаазе и его жену-француженку. Он ищет этих людей или хотя бы их следы, а повидавший весь мир Фабио знаком со множеством людей и однажды в разговоре обмолвился, что пил текилу не только вместе с Че Геварой, но и с самим Рамоном Меркадером, тем самым, что раскроил череп Троцкому.

Меркадер приехал в Гавану из Москвы в начале 70-х, его пригласил на Кубу сам Фидель. Здесь он и умер через три года от рака легких.

Когда Фабио был моложе, он несколько раз ездил в Мехико –

незадолго до того, как застрелили Джона Кеннеди, и однажды видел там этого сумасшедшего морского пехотинца, которого потом кто-то застрелил.

Об этом рассказал Аните сам Фабио, а, может быть, она что-то напутала. Мужчины любят рассказывать о себе всякие истории, – особенно мужчины, что постарше. А этот безумный Рихард говорит, что ему нравится быть на Кубе и что если всё сложится, он купит Аните маленький дом.

Она раскуривает сигарету из пачки с изображением парусной лодки и надписью *Ligeros* и вопросительно смотрит на своего зеленого с красным попугая *Perito*, сидящего в клетке. Потом она встает с тахты и, не отряхивая пепел с дымящейся сигареты между пальцами левой руки, подходит к старому в овальной ореховой оправе зеркалу, висящему на стене у окна. Покрытые известковым раствором стены комнаты выкрашены в светло-голубой тон, создающий ощущение прохлады. Наконец Anita смотрит в окно, но длинная улица пуста...

Между тем Рихард не спеша идет по направлению к ее дому. Каблуки его кожаных сандалий ритмично постукивают по нагретым солнцем бетонным плитам. Он идет по набережной, прислушиваясь к шуму волн; на глазах у него темные очки, в которых отражается набережная Гаваны, слоняющиеся по ней люди и кучка музыкантов на углу площади Свободы, со страстью отдающихся исполнению бессмертной и безграничной, как океан, мелодии. *Besame, besame mucho...*

Ганна Шевченко

* * *

Небрежно, как бы между делом,
в местах колонии утиной,
лежит, подрагивая телом,
река, затянутая тиной.

Над облаками зреет завязь
погоды цвета абрикоса –
дожди распухли, наполняясь
водою спеющей, раскосой.

Проходит лето в мокром стиле,
и нам бы спрятаться, но снова
мы рядом с тучей поселились,
теперь ответственные за слово.

Освоив радужные ниши
в подкисшей гуще серых буден,
тебя мы, лето, перепишем,
но не забудем, не забудем.

* * *

С водостоков стекала вода
на асфальт, золотой от листвы,
и делилась на лужи. Тогда
я работала в центре Москвы.

Интересной работы такой
мне еще не являла земля –
тут два шага пешком до Тверской,
и двенадцать минут до Кремля.

Проходили сезоны дождей.
Я читателям книги несла,
наблюдая потоки людей
за оконною кромкой стекла.

А на площади Пушкин стоял,
головой уходя в облака,

и недвижно лежала рука,
на застывшем сукне сюртука;

окружали его фонари,
перекресток венчал светофор,
незаметно текли сентябри.
Я работаю здесь до сих пор.

* * *

Грелись у флигеля серые кошки,
дыни в беседке казались шарами,
радио пело и шел над дворами
запах костра и печеной картошки.

А по ночам из садового царства
звероподобна, легка и крылата,
к самому дому являлась прохлада,
капли росы оставляя на астрах.

Ветер накачивал мускулатуру
с треском сбивая плоды водосбора,
груша роняла плоды у забора,
громко кудахтали белые куры.

Там и сейчас во дворе по соседству
лает дворняга на клин журавлиный;
в дальнем краю бузины и калины,
где не кончаются лето и детство.

* * *

Как перейдешь промзону, сверни к реке,
не доходя до сосен, спустишь в овраг,
выбравшись, стой до полночи в ивняке,
как доберутся стрелки – сними башмак.

Так и иди, одною босой ногой
мягко ступай по шелку зеленых трав,
по лепесткам разбросанным, а другой,
обувью скованной, к ветру беги стремглав.

Перевернись. К поселку иди теперь,
не выдавай себя, не зажигай свечу,
не заходи в ворота, не трогай дверь,
слушай или записывай, что шепчу:

в темных кварталах сталинского жилья
мокнет в дожде песочница без песка,
там под столетним дубом лежит тоска –
забирай ее, отныне она твоя.

* * *

Все изменилось: пожелтели
у магазина тополя,
цветами сумрачной постели
теперь окрашены поля.

Понурый дождь хотел, похоже,
сдержатъ обиду, но не смог,
и навалился на прохожих
синдром резиновых сапог.

Вот Мери Поппинс на летучку
спешит в небесный комитет,
я тоже зонт держу за ручку,
на юг пытаюсь улететь –

там никогда не стонут тучи,
к деревьям ластится трава,
и солнце, запонка от Гуччи,
скрепляет дни, как рукава.

* * *

Безмолвие. Что еще надо?
Как был, так и сгинешь ничей.
Затеплится свет, как награда,
за длительность темных ночей.

Промчатся и лепет, и топот,
и шум не оставит следов,
останется личностный опыт,
и жизнь в ожидании Годо.

Дмитрий Веденяпин

* * *

Не невричай...

баба Нюра

Эйнштейн сказал: «Мир нужно объяснять
Так просто, как возможно, но не проще».
Не знаю почему, когда мне было пять,
Я рисовал одни березовые рощи:

Стволы в веснушках, листики вразлет...
Сегодня я еще рисую сосны.
Шаг небольшой, но все-таки вперед,
Хотя, конечно, несерьезный.

А с точки зрения сосен и берез
Вообще назад – в чем их урок недушный?
Не суетись, расти себе, где рос,
Не бойся показаться скучным.

Кого волнует твой диапазон,
Разнообразие тем и всё вот это?
Кто этот вечно недовольный *он*?
А главное, при чем тут *ты* вообще-то?

Не невричай – тебя не предадут!
Кто любит – не разлюбит, – дело в шляпе.
Рисуй себе свой лес и прыгай тут,
Как если б ты вернулся к маме-папе.

В МАЕ 1959 ГОДА

Когда в антракте
она гуляла по театральному фойе,
разглядывая огромные актерские физиономии на стенах,
к ней подошел
импозантный господин средних лет
в лакированных туфлях и с галстуком-бабочкой.
«Простите, – сказал он низким бархатным голосом
карикатурного соблазнителя, –

мне кажется, я вас где-то видел.
Может быть, на вечерах у Гольденвейзера?»

Почему-то мне стало ужасно смешно,
я не выдержал и расхохотался,
и впервые пошевелился так,
что мама это почувствовала
и радостно улыбнулась седоватому джентльмену,
а на самом деле мне,
сидящему у нее внутри.

Потом она засмеялась и зачем-то сказала:
«Может быть»,
хотя никогда в жизни
не была на вечерах у Гольденвейзера.

Тут появился папа,
и господин в бабочке,
выразив надежду на новые встречи,
галантно удалился,

а мы с мамой продолжали хохотать,
повторяя про себя:
«На вечерах у Гольденвейзера», –
и никак не могли остановиться.

* * *

В просторной комнате из слов
На удивленье мало слов,
А те, что есть, стоят, как дети
На танцах to the end of love,
Нет, это взрослые дела:
Кто там в малиновом берете
С послем испанским бла-бла-бла?
Faux pas, фиаско и потери,
Успех, которому не рад, –
Не то, что световой квадрат
Окна на фоне белой двери.
Кино (в ролях Главкон, Сократ),
Экран, естественно, в пещере.
Слова волнуются, дрожат.

АЗ БУКИ ВЕДИ...

Почему – если счастье, то только какие-то крохи,
Что же это творится?
Где тревожность родных, их охранные ахи и охи,
Их защитные лица?

Аз, освоив все буки, споткнулся на твердости слова
И с наказом постичь мирозданье пока не выходит.
Что такое судьба? Wednesday's child's a child of woe,
Но победа возможна, как этот проснувшийся город.

Вот машина проехала, что-то мигнуло-сверкнуло,
Вот из ветхой «хрущевки» старик со своею старухой
Вышли в утренней дымке, и птица над ними плеснула
И в глубокое небо ушла, как бы в синее море.

* * *

На волнах покачивались чайка, дядя Ваня и три сестры.
Пожилая актриса (помню-помню, у Чехова не пожилая),
Полулежа в шезлонге – а что ж ей быть вне игры? –
Ела вишни, понятно что представляя.

Раньше, до Чехова, люди тоже купались,
завтракали, смотрели в окно,
Разочаровывались то в этом, то в том, скучали,
В общем, жили примерно, как мы (плюс-минус), но –
От борта в середину – еще не знали,

То есть, может, знали, но как бы не до конца,
Что пока они передают соль, потягивают –
скажем для рифмы – «Асти»,
Складываются их судьбы, разбиваются их сердца,
Слагается (странное слово, да?) их счастье.

Москва

Анастасия Юркевич

* * *

С.

Станешь городским сумасшедшим в чужом краю,
Безобидным чудиком где-то в Upstate New York,
Государство составит твою семью,
Выдаст тебе паёк.

Будешь жить. К ноябрю окрестные города
Там заносит снегом по самое не могу.
Там выходишь один на дорогу, звезде звезда,
Хоть убей, ни гу-гу.

Там в кофейне «Три столика» сутками ни души.
Вот и будешь тихонько жить себе, просто жить
На свои казенные, праведные гроши,
Никого не обидев ни разу, ни разу не сделав зла.
Так, как я не смогла.

2017

* * *

Андрюше

Доедай с тарелок, не доедай с тарелок,
Будет так: ты вырос, я постарела.
Доскребешь до конца или оставишь малость,
Всё равно ты уйдешь, а я всё равно останусь.

Седину закрасшу – вроде совсем не видно,
О других подробностях тоже никто не знает:
Отчего же так невыносимо стыдно,
Что у нас с тобой будет так, как у всех бывает?

Что со мною случилось? Время со мною случилось.
Словно Румпельштильцхен, оно мельтешит и скачет.
Кто не плачет? Мама твоя не плачет.
Доедай, давай. Не дави на жалость.

2018

* * *

Москва. Ну, допустим, Москва.
 За термосом термос стоят новостройки;
 Стишок про войну, камуфляжик геройский,
 Подлесок, братва.

Москва. Ну и что, что Москва?
 Посмотришь налево, посмотришь направо.
 Уехали. Может быть, были неправы.
 То есть – я неправа.

Москва под конец ноября.
 Всё те же ошметки кофейного снега,
 Икарус, уткнувшийся мордой нелепой
 В оранжевый круг фонаря.

Так выглядит слепок
 Любви вопреки, несмотря...
 2019

* * *

Папе

Папа с томиком Мандельштама
 На песке, залузганном тополиной шкуркой.
 Что в конце остается от человека?
 Ноль один, растерянность, кучка пепла.

Что в конце остается от человека?
 Цитохром оксидаза, немного скрипки,
 Для того ль должен череп развиваться, лампа
 С красным пластиковым абажуром.

Остается куртка из черной болоньи,
 Звук ночного лифта, немного пепла,
 Человек с портфелем на остановке
 Двести-восемьсот-четвертого и девятки.

Отвернись и скажи, сколько нот ты сейчас услышишь.
 Уходя, ключи положить под коврик.

Сколько нот ты услышишь, когда от тебя осталась
Только горстка пепла в казенной таре?

Вот таков мой кадиш – несына, неиудея,
Заступающего на царство, за неимением.
Песнь любви, которой теперь, когда ты умер,
Ничего, похоже, более не мешает.

2017–2020

Александр Радашкевич

Волны дней

ЛОМАЯ НЕРАВНЫЕ СТРОКИ

Ломая неравные строки и распиная по слогам, меня написали стихи неловким, как юность, верлибром, эпитеты перекроили, метафоры сбили с орбит, швыряя о сизые скалы и в лёт поднимая слепой, сводя с колдунами нагими немых и глазастых пустот. Меня учили неуменью и к неразумию влекли сомнамбулические тропы непроницаемых урочищ и неразгаданных широт. Со мною даже не считаясь, меня не ставя ни во что, они дразнили и глумились, они клялись, кутили, врали, к плечу по-детски припадая под хор оплаканных миров, и возносили до приступий непредрекаемых твердынь. Я их поил росой астральной, единорожьим молоком, прокатил на гондолах и тройках, научил не стенать на прощанье и влюбляться навек, как впервые, над обрывом предвечной весны, проводил анфиладой зеркальной отшумевших безмолвно веков, но ни за что не расставался и никогда не приручил.

АДАЖИО

У времени этого времени нет на адажио для гобоя, на Алессандро иль Бенедетто, на Баха в парике из кучевых германских облачков, на птиц задумчивых на позапрошлой ветке и допотопный ветерок из пасторального ландшафта, на вас и на меня, когда мы вздумаем устаться забвенно на непрописанную точку в густых пустотах бытия. Гобой плывет в незнаемое море вне радений развеянной жизни, минуя нас невозмутимо, до невозвратно лунной стороны, и вот уже надоблачные горы, и вот уже... Адажио безвестного Марчелло на

кипарисовой аллее, преисполненной волглой
отрады, заботливо ведущей в никуда, куда
не вхоже прерванное время, но лишь
заблудшая душа.

БАТАЛЬНОЕ

Когда разобьются твои корабли об отсутствие
призрачных скал, когда на руинах помпезных побед
заплещутся белые флаги, оазис снов на горизонте
поднимется в плюмажах миражей, ты спешишься
с ослепшего коня конкистадором ничейного края.

Когда настанет никогда на петропавловских курантах,
ударит пушка в облака смертельно холостым зарядом,
сорвутся плачущие чайки в непререкаемый полет, и ты
уйдешь рассветным шагом за разведенные мосты, чтоб
опоздать на завтрашнюю встречу с неузнанным собой.

Но вечно занимается заря на полотне отыгранных баталий,
кипят моря напрасных облаков и стыннут перистые стрелы
в отношенных телах, где все сто крат легли во славе под
чуждедальние знамена, не зная в угоду каким небесам
всё это так смертельно было, но ведая, что не было его.

ЕМЕЛЬЯНУ МАРКОВУ

Они там точно что-то знают про всё,
про всё, про всё и денежку считают,
и в тряпочку молчат, и тиражируют
друг друга, и упиваются собой, дают
себе призы и лавры, не допускают
в плотный клан того, кто им не лижет
пятки и смеет мыслить мимо них,
у них ранжир, формат и калька, и
если пикнешь про свое, то на себя
поставить можешь совсем простой
тесовый крест. Литературная бесовка,
как зверь, кормушку стережет от
всяких там таких-сяких, не меченых,

от не своих, кто тщится слыть самим
 собой и облечен в родную речь, как
 в праотческие латы. Так не тужи же,
 брат сердечный по одинокому перу,
 не сетуй всеу на талан, ты честь имеешь
 не считаться у них своим среди чужих.
 Крыла осьмнадцатого века мешают
 нам и нас несут над прахом черного
 квадрата. Ранимей нас тут нет,
 Емеля, и нету здесь
 сильнее нас.

СТАРЫЙ ФИЛЬМ

Старый фильм, такой знаменитый, который еще
 никогда не видел, разительно свежего цвета,
 с молодыми актерами, одетыми в очень модное и
 элегантное, которых нет давно, как и той моды
 наивной, слушать мелодию отлетающих в небыль
 скрипок и доверчивого фортепьяно, от которой
 теперь не заснуть, видеть, как въяве, пламенный мир,
 которого нет и в помине, не знать, зачем всё это было,
 было так просто, ясно и живо, куда ушло, пошто
 и кому оно нужно в море забвенья и вечной измены
 там, за шипящим окном, где под ранимую главную
 тему снизу вверх проплывают финальные титры.

ВОЛНЫ ДНЕЙ

Волны дней перетекают из обласканного утра
 к обомлелым вечерам, чуть журча и спотыкаясь
 на ничейных новостях, на желаньях безжеланных,
 на жеваньях и глотках. Там же мебель, те же полки,
 как ответы без вопросов, как усердья без труда,
 научаемся не верить, практикуемся не ждать,
 принимая томно позы, напуская мудрый вид,
 примеряя те же рожи на помятые черты, прилагая
 тьму усилий, чтоб не сбылось ничего в тьме
 отсутствующих планов и намеченных пустот;
 растворяются порывы, сожалений никнет хор, и

вмерзая в гул безмолвья, в прах накатанного дня,
ты нащупываешь точку, из которой рвались крылья
в лихолетье великих ветров. Волны дней перебегают
из порожнего в пустое, растворяясь в плазме снов,
и одно лишь, как сны, достоверно: что всё это давно
не с тобой. Прилагая святые старанья и нечаянно
сорванный дар, ты возводишь седые руины у
подножия вогнутых гор и, взбираясь тайком на леса
несказанно просвеченным утром, впрок корпеешь
над фресками яви, что любовно стирают дожди.

Париж

Василий Львов

Я – ЗЫК

Моей бабушке, Александре Львовой

ЦАРЬ

азь есмь царевич слова йилисаВ!
я саван тку себе в стихах, я саВ...
я – злак, я – кладезь, я – колосья, лес,
я – ловелас, и я – вассал словес,
я – зеркало, эрзац, зеркало, крез,
азь – ас, я – зороастр, я лев, я прав –
азь есмь рус. яз и азь есмь йилисаВ!

РАБ

я – зык! я – зычник! я ярмо
ершистых ямбов надеваю
на звуки, мысли, налагаю
размера дань и рифм клеймо,
я ерихонской оглушаю
трубой врагов, зовя их в бой,
стихи с штыками ставлю в строй,
веселой битвы поджидая –
вотще! я здесь один, враги сказались в нети –
среди терракотовых стихов гуляет ветер...

ЧЕРВЬ

я – переэшье дивных отголосков,
я – перешеек виршевых вершин,
перегласовок и переголосков
я – перезвон, я соткан из обносков,
я – перегной, но мной язык вершим.

БОГ

Сдвигаю падежи, как тучебровый
Перун сдвигает очи; гляжу,

Как скачут, цокуют, жужжат, свистят
 От дуновенья моего созвучья,
 И блик от солнца в бороду пустив,
 Взираю, умилясь, на *a* и *b*
 На трубах птиц-архангелов моих;
 Смотрю, как каракатятся *ь*, *ь*,
 Как *y* да *ю*, как *d* да *t* по паре,
 Себе нашедши, моему завету
 Послушные, сочлись, из веку в век
 Спрягаясь и во славу мне плодясь.

ГУАНЬ-ИНЬ*

стих –
       штрих
 случайный
 набросок хворостин
 но как в гуань-инь
 в их чехарде свивальной –
 лишь в них –
 почин причин

каля-маля
 родили стилос
 перо птиц стимфалийских –
 меч

врага коля
       моля
 дать милость
 приматы обрета
 речь

и с речью вирш вершится смог –
 пир для глаголей, вир, секир –
 и чтоб глаголом жег пророк
 облекся стих в стихарь стихир

как хворост стих к стиху в строфе
 слагается в аутадафе

---

* Гуань-инь – китайское гадание по разбросанным палочкам.

СТИХ И ЧУВСТВО

1

Когда приходит – а верней, находит – стих, чувство такое же, как при виде электрички, которая вот-вот уже тронется, и бьется сердце – добежит не добежит?

2

Что – стих и что в сравненье с ним лиризм?
 Стихи – аорта, чувство – аневризм.
 Стих чувство в солнечное бьет сплетенье.
 Стих – булка с маком, дырка – вдохновенье.
 Звук – пряжа, смысл – узор, петля – состишья;
 стих – крошки, чувство – сутолока мышья.
 Стих – попрошайка, чувство – подаянье,
 стихи – струна, а чувства – дребезжанье.
 Стихия-буря, стишья-бурелом...
 Стихи – весло, восторг – удар веслом.
 Стих – рельсы, чувство – всхлипы электрички,
 не чирк, но дым и зарево от спички.

МОРЕ МОР

Прошла зима, оттаяли фонемы,
 как из-под снега остов онемелый
 прошлопорожных трав;
 бензоя и бензина очумелый
 пьянит букет,
 и вскоре темы прорастают в ремы,
 как многоточье, смотрят анемоны:
 отточье их – твое начало, время,
 и в море мор пэанами пионы
 рас-цве-та-ют...

ЛАЙК

Хештег #декабрь, хештег #вньюйоркевечер –
 сменяются у хипстера как будто
 с малинового алым на индиго
 за фильтром фильтр в небесном Инстаграме
 и, прежде чем угаснуть, проступают
 как бы преставившегося черты

густые кучевые облака,
туда, наверх, должно, из-под асфальта
попавшие из красно-белых труб,
на леденец рождественский похожих.

Погасли тучи, но не замечает
события взор, Эпплом ослепленный.

Вот мой автобус стал на перекрестке;
с дисплея взгляд бросаю на затылки
попутчиков моих, а с них – в окно:

смотрю, машины как, грузовики,
мигая новогодними огнями,
по пандусу незримому въезжают
в шестой этаж чернеющего дома,

и на душе прекрасно, но тревожно –
кому и где, и как здесь ставить лайк?

ЕЛОЧКА

Чресполосной
чехардою,
часто-часто –
чет и нечет –
пляшут-скачут,
влево-
вправо,
есть и
нету
– как фотоны –
по краям
деревья-древа
и слова – поленья в дровнях.

Вот дымок вдали, вот церковь
в синеву крестом уперлась –
статна – просто доминанта!
гулливерша средь избенок,
понатыканных искусно,

наобум, как гриб-пиррихий,
как опята на пенечке.

За горами, за лесами,
за широкими морями,
за столетьями-веками
мимо хора труб фабричных
проезжаю пассажиром –
гостем еду в город Бостон.

Стук да стук – хореем бодрым
в сердце-наковальне звонко
смыки моста отдаются,
и сворачивает сердце,
и летит ему навстречу –
мужичку, который в дровнях
с кобылкой мохноногой
изумрудную невесту
к торжеству везет Христову.

МГНОВЕНЬЕ

Часы показывают круг
без направления, без станций,
без расписания, без целей –
не лыжный след, но целину
недвижно-пышных вод;

не сыплется, как прах в стеклянных
часах, в пол вросши, созерцая
меня с участием, елка-Аргус,

и серебро в моем проборе –
беспечный дождь из конфетти;

все совершенны потому,
что всё уже совершенно

и опоздать нельзя... куда же?

Сливается, неразличим
и близок, точно грудь иль в яслях

животный пар, жар материнский –
сливается, слегка качая,
плывя, вверх дном неощутимо
глядя, смыкаясь сладко, сверху,

во мне едином растворяясь,
мир

РОЖДЕСТВО В МОСКВЕ

От верблюда –
цепь теней, в пустыне тишь, светила в небе –
до верблюда
путь держали люди, веря в быль и небыль,
по маршруту,
что, искрясь, звезда над ними излучала –
возвещала
о случаемся с минуты на минуту.

Ниоткуда –
только снег, по кромке – грязь – пирог горелый, –
из-под спуда
луч прорезал на мгновенье морок белый,
и – о чудо! –
суматошный и в безверье онемелый
город серый
к жизни возвратил случайный луч как будто.

Как минута,
минет месяц, и адамы, с ними евы
жаться будут
под зонтами – короли и королевы,
и по древу
растечется мыслью снег последний, тая, –
улетая
после к солнцу паром, с городом прощаясь...

ВАСИЛИЙ ЛЬВОВ

МЕСОПОТАМИЯ

междуявье
 междуздошье
 между –
 ДЫШАТ

междословье
 междустрочье
 междуречье –
 НАПАЯТИ РАЙ: ОТТУДУ РАЗЛУЧАЕТСЯ

междустье
 междуручье
 междуножье –
 ДЛАНЬ ВОЗДЕНУ, НАРУБЛЮ НАМ КЕДРА!

межусобье
 междометье
 – ТЫГр!
 – Яфрат!

междунамье
 междушье
 междуцарствие

ДНК

алфавит генный пул братская могила
 излетели слова торчат кости
 утекла вода заржавели вила
 ослепнул Глостер

тебе перечит перо мимолетность
 верба волит да скрип туманит
 масса тела помножить объем на плотность
 с нас станет

что ни скажешь пошло иль колко
 дайте воздуху маху
 по больнице сквозит ты дрожишь как калька
 реорле к реорле'у прах к праху

МЕДУЗА

Наперебой бормоча в ухо что-то,
обступят, как родня на юбилее,
чернея, розовея и белея,
отчаянье, надежда и тошнота –

и ум тогда от них рванется в скачки,
но об себя споткнется на ходу
и запрокинет голову в бреду
младенцем, изнемогшим от горячки;

сознание излучится, как ручьи,
разлитые по кочкам и камням,
и паводок все чаянья, сомненья
с песком смешает, будто бы ничьи,
и вглубь уйдет – питать собой коренья...

Нью-Йорк

Ара Мусаян

О стихах, тропах, размерах...

Джон Мильтон

Об английском эпическом стихе

(предисловие к «Потерянному раю», во французском переводе Шатобриана)

«Английский героический стих представляет собой Меру без рифмы, как греческий стих Гомера и латинский – Вергилия; рифма не есть ни необходимое добавление, ни подлинное украшение стихотворения или поэмы, а лишь нововведение варварской эпохи, для сублимации хилого сюжета или хромого размера. Должно сказать, что с тех пор она была усовершенствована усилиями ряда именитых современных поэтов, которым пришлось прибегать к ней в силу сложившегося обычая; что приводило лишь к их крайнему замешательству, поскольку теперь они должны были излагать уйму вещей (зачастую, гораздо менее удачным образом) *иначе*, чем они это сделали бы...»

Фраза прерывается; видимо, слепому поэту, который, как известно, диктовал дочерям, неудобно было просить их еще и перечитывать написанное – если только он и есть автор этого «предисловия» – о чем ниже.

«И неудивительно, что многие итальянские и испанские поэты исключили рифму из своих как длинных, так и коротких произведений. Точно так же ее давно изгнали из наших наилучших английских трагедий, как штуку, в себе тривиальную, лишённую истинной и приятной гармонии для верного слуха. Такую гармонию создают: правильное число, правильное количество слогов и смысл, разнообразно переходящий с одного стиха к другому; гармония вытекает, конечно, не из поэтизации схожих окончаний – ошибка, которую не допускали древние умы, как в поэзии, так и в ораторском искусстве.»

У Шатобриана эта страница подписана инициалами Джона Мильтона, однако ни текста, ни, тем более, «подписи» в доступных мне русских, английских изданиях найти, по сей день, не удалось. Так что невольно возникает подозрение, что «переводчик» Шатобриан мог, зная себе цену как самостоятельному художнику, и сам пройдя стезю стихотворчества (но быстренько с нее сойдя), позволил себе

вольность приписать собственные эстетические взгляды великому англичанину...

...Хранить весь этот хлам – подобно отработанным компьютерам, мониторам, от которых запросто отделяемся на свалке, – всё равно что отказываться от заложенного в нас свыше долга следовать собственному, вовсе не «капризу», определенно – *пути*, даже если неизвестно, где и когда он кончается и куда нас ведет.

Что лучше: писать «что попало» (у Ёсида Канэёси, как у меня самого: «что на ум придет») или исключительно выборочное, слегка высокопарное, но с обязательными – обязывающими и *обвязывающими* – ограничениями в выборе средств, *обработкой* и – выдержкой, как у тех, кто продолжает отдавать культ богине Поэзии?..

Утверждение Валери, будто поэзия – это обязательно стихи. Стихами постигаются материи, мистерии, *стихии*... недоступные прозе, разве что когда она использует все принятые в поэзии тропы, фигуры стиля, риторические и грамматические отклонения, исключения, обороты...

Нет ничего более несовершенного, чем язык. Не потому ли – поэты?..

Как долго можно продолжать интересоваться, питаться, *воспитываться* – за счет литературы, поэзии: до какого возраста?

Ёсида Канэёси – «Записки на досуге»:

«Ничто так не затемняет сердце, как чувственные желания. Но сердце – глупо. Сколько ни говори о мимолетности запахов, сколько ни тверди о том, что напитавший одежду аромат благовонных курений *летуч*, всё равно он продолжает волновать сердце. Святой отшельник Кумэ увидел с высоты своего полета белые ноги женщины, что стирала белье...»

Леон Вандермеерш (Léon Vandermeersch), «Чему нас учит Китай?» – Изд. «Галлимар», 2019.

Глава первая – О двоякой функции языка.

«То, что больше всего нас поражает в своеобразии Китая – это, без всякого сомнения, письменность, ни с какой другой несравнимая. Особенность ее в том, что хотя она и весьма близка к иероглифической письменности древнего Египта (использованием пиктографии), ее знаки не составляют логограмм, т. е. графических элементов, ото-

бражающих слова разговорного языка, а складывается из более усовершенствованных идеограмм, выработанных путем систематического воспроизведения словесного фонда устной речи. Так что графические символы китайской письменности не являют собой знаки, образованные исключительно для обеспечения четкого соответствия словам, сформированным фонетически, и, далее, значениям, которые последние в себе содержат; они сами по себе знаки, носители значений, но и произношений, весьма утонченно скомпонованные согласно «шести способам письма» (*liushu*), посредством которых было упорядочено построение графической лексики. Эти символы, китайские письмена (порой синтетически называемые *китаеграммами*), представляют собой *графические слова*, составляющие фонд особого в своем роде, поистине *графического языка*, по-китайски *wenyan*, синтаксис которого, как следствие такой лексической рационализации, отличается точностью, отстраняющей его от разговорной речи, структурно оставаясь ей, однако, идентичным. <...>

Вспомним, что изобретение китайской письменности в виде графического языка восходит к XIII в. до н.э., и преследовало вовсе не цели *общения*, а записи гадальных операций. Специализированным чиновникам, осуществляющим эти операции, необходимо было вести их сводку не столько для периодического подведения итогов, сколько для их использования в спекулятивном мышлении, что привело к построению квазинауки гадания, известной в китайской традиции как *наука перемен*, далее нами называемой *манतिकологией*.

Что мы постигаем из этой истории: мышление, приведшее к созданию манतिकологии, т. е. спекулятивное мышление, не только нуждается в письме для своего становления – почему у народов, не обладающих письменностью, спекулятивное мышление топчется на месте и не способно выйти за пределы *мифа* – но еще и преобразует язык так, что делает его действительным в этой совершенно отличной от *общения* функции. Если такое преобразование особенно четко проявляется в китайском случае, это потому, что в китайской культуре оно было доведено до создания специального языка, чисто графического и неупотребимого в устной речи, в то время как устная китайская речь оставалась в стороне от письменности. Эта языковая дихотомия между устной речью без письма и непроизносимой графической письменностью, длилась вплоть до Движения 4 мая 1919».

Откуда появилось обращение на Вы: не *Ты* – барин, барыня, в отдельности, а нераздельно – хозяева, *вы*.

Барин, барыня – в тебе мы одновременно видим супругу(-а), откуда и уважительное *Вы*, через заглавную. С чего и начался, думаю,

долгий, еще незавершенный процесс становления полового равноправия.

Англосаксонские страны – единственные, где все обращаются ко всем на «вы», и где от «ты» остаются лишь крохи...

Говорит ли это что-либо об уровне культуры?

Два до idiotичности идентичных идиоматических выражения, на двух разных языках, – одинаково необъяснимые в своем формировании:

рус. «как ни в чем не бывало» – и фр. «comme si de rien n'était», дословно «как если ничего и не было»;

и – в каждом шесть языковых единиц!..

Ум человеком вырабатывается, примерно, как панцирь – черепахой.

Чувство собственности испытывается в момент приобретения и *утраты*. В промежутке – «чувство» не испытывается.

Вечность – относительное понятие, откуда и рус. «долговечность»...

«Гнет» – гнетет, конечно, давит, угнетает, но и *нагибает*, склоняет к земле – *гнет*.

Предложить новый олимпийский вид: «Марафон до последнего доха» и – мелькнуло: до скольких еще нечитанных книг на полке дотянется рука, перед собственным последним «доходом»?

У каждой горы – два склона, у каждого события – «положительная» и «отрицательная» сторона. У вас обнаружилась опухоль: печальная новость, но – спасительная, если еще не поздно для медицинской помощи.

Народ больше боится Бога, чем его отсутствия, в противоположность буржуа, сокрушающихся, со времен Достоевского, Ницше, – по «смерти Бога»...

Буржуа, или по-русски – мещанин, на древнегреческом – не иначе как «идиот»... Категория, о которой современный россиянин – но и американец – не может составить себе представления, и которую Флобер – автор «Буvara и Пекюше», «Словаря общих мест» – определял: «Буржуа – это тот, кто, удовлетворяясь собственным

мнением, оставляет за вами выбор либо с ним согласиться, либо – вы дурак».

Не потому ли – возвращаясь к религии – люди, как только представлялась возможность, так охотно отказывались от всех этих «страхов», чучел в сутане, крестных ходов и поклонов, предаваясь отныне единственному здоровому занятию – жить, участвовать во вселенской осанне и ни о чем другом не горевать?..

Иллюзионизм, или искусство «показывать» то, чего нет. Но – не удел ли это всякой публичной профессии и, в первую очередь, нас – литераторов, философов, вплоть до историков и ученых всех дисциплин, не забывая самых изощренных фокусников – богословов?

Есть ли в самом факте множественности Евангелий – смысл: указание на высшую степень историчности описываемых событий и лиц, или, наоборот, – на их вымышленность?

Есть ли такие же неопределенности вокруг историчности Заратуштры, Будды, не говоря о Магомете?..

У Паскаля в «Мыслях»: «Множество евангелистов – для подтверждения истины: их благопотребное несходство».

Интересное слово «боговщина». У Даля – синоним баснословия!..

Толстой (Лев): «[Читал] чудного Паскаля... человека великого ума и великого сердца... не мог не умилиться до слез, читая его и сознавая своё полное единение с этим умершим сотни лет тому назад человеком».

Бессмертие – хорошо, но не как простое *продление* («количественное»), а *качественная модификация* мира – путем создания бессмертных произведений (чаще всего, создаваемых на самом хрупком и «горючем» из материалов – бумаге).

Ничто ни в природе, ни в культуре (религии, науке – кроме, разве у Терезы Авильской) не способно доставить такой же интенсивности эффект / *экстаз*, как искра пол(юсов)ого сближения.

Можно – «какой ужас!», и – «ужас какой!» – что невозможно на французском, разве что подменной местоимения – наречием: «Ужас, поистине!», или «...право!», «...честное слово!» и т. д.

Замечательная эластичность русского (славянских?) языка.

Чем нам дорога Италия больше других Европ? Тем, что продолжает коренной Рим, а везде вокруг – лишь заимствования (диковатыми галлами, тевтонами...).

Лишь благодаря Италии Европа может гордиться двумя тысячелетиями истории – что, правда, еще далеко до Китая.

Из человеческой *тины* (фр. «бурб») – выростали вплоть до королевских династий.

Стыд и – студ: заставляет краснеть на поверхности, остужает – внутри.

Жить, или делать всё, что требуется для продления жизни, забывая наотрез, не помяная о возможной нашей близкой или даже, говорят, *неизбежной* – смерти:

разрезать, например, как я, сегодня, ин-кварти, купленное тридцать лет назад «Блуз» Жюля Валеса... так поразительно переключаются с сегодняшними «желтыми жилетами», да и всех времен и стран мятежами бедноты (вспоминаются оперы Мусоргского).

А сегодня, с утра, бросаюсь досматривать начало вчерашнего (по Арте) – российского фильма «Дурак» (во французском переводе – «Идиот»...). Всё та же – всечеловеческая – тематика коренной бедственности рода человеческого.

Этимология «всего»: *всё*, или «у-сё»; «сё» (сие) и «у», т. е. «при» (сим, сём).

Сие, или то, что *тут-при-мне*. Лат. *tot-* (итал. *tutti*, фр. *tout*) – тотальность, цельность, сомкнутость – *всё*.

«Всё», или – всё то, что находится передо мной: *предмет-со-мной-при-нем*. И это – *ВСЁ*: нет (и не предвидится) ничего другого.

Красота!

Жевать и – живать? Ничего общего, конечно...

Ужинать и – пожинать.

Жать и – уминать.

Любовь (пассия), чувство недалекое от траура: потеря родного существа, потеря нас самих в другом. Здоровье – в способности общения; болезнь – в коротком замыкании «сетей коммуникаций».

История с големом: матушка-Природа, породившая монстра, – Человека.

Клеман Россе: случайная конфигурация небесных тел в момент затмений как «иллюстрация» случайности/ничтожности всего – человека, включительно. Но – *затмение*, если оно существует *для нас*, наблюдателей, само по себе не составляет «существа», в отличие от человека, в чем и состоит мой фундаментальный аргумент против материалистов, несмотря на всю мою к ним литературную приверженность (Лукреций, Монтень...).

Не сомневаюсь, что мысль до меня уже была высказана, досконально расследована и окончательно обоснована – о связи двух центральных феноменов XX века: тоталитаризм и перенаселение.

В «Ненавистниках бородатых» Юлиана («Отступника») нахожу тому наглядное подтверждение: издевки, карикатуры, которые Император вынужден был безнаказанно терпеть от паршивых антиохийцев (IV век). За такое – ближе к нам – Мандельштам поплатился от «усатого» жизнью.

Словари дают «утюжить» как синоним «гладить»... А попробуйте «погладить» этак кого-нибудь по голове!

Смерть (видеть, воспринимать, *принимать*...) не как «акт гражданского состояния», утрату родного или близкого человека, а как объективное, природное явление;

попытаться вообразить, а затем, если не «определить», то хотя бы *изобразить* художественно, но *не со стороны* («Смерть Ивана Ильича» или портрет жены Моне на смертном одре...), а как бы внутренне: что есть из себя эта Самая.

И тут, возвращаясь (недолго думая) к более «естественному», изначальному – *внешнему* взгляду (возможен ли вообще «внутренний взгляд?»), смерть вдруг представляется как *полюс* некой пульсации: рождение/смерть, бытие/ничто:

пульсация (волна), а следовательно – не «рождение» и не «смерть», а *жизнь* как нечто волнообразное, где смерть – момент подошвы, рождение – момент гребня.

Так что снимаю вопрос о внутреннем смысле смерти. И, как уверяли учителя и мыслители всех времен, – «смерти нет».

Люблю слово «удалиться», есть в нем что-то *целомудренное*, мне, здесь, на этой странице – где время от времени надо уметь и «честь знать», – особенно импонирующее.

В «вечной жизни» не *вечно* (жа)ждут – боже упаси! – а лишь

«отсрочки»: те, кто, за жизнь не успели до чего-то дожить, что-то «такое» познать, пережить, испытать...

Сегодня, когда перспектива «конца света» начинает обретать конкретные очертания, можно, наконец, серьезно задуматься, как сама эта мысль могла зародиться в умах тех далеких от атомных бомб, климатической, вот-вот, катастрофы, мирных, как будто, – времен!..

«Приближение конца света» – не самая ли ходовая тема всех писаний всех времен.

Из ТВ передачи: Вирджиния Вульф решила на шаг (покончила жизнь самоубийством), превыше всего страшась быть помещенной в психушку.

Шуман, Ван Гог, Ницше... В фобиях скрыто многое судеб.

Но, думаю, есть – должны же быть – случаи более «нейтральные»: никто вас не преследует, не покушается на ваше имущество, жизнь, честь, но – пропал, убыл жизненный тонус, восприимчивость к прелестям жизни – ситуация, в которой может оказаться каждый и которую можно назвать «моментом Экклезиаста»...

(Неизвестно, что случилось с автором этой еретической главы Святого писания: как Эмпедокл, Лукреций, не исключено, что и он мог «пойти на шаг»... Побочно вспоминается случай Наполеона: дожил ли и он – Новый Прометей, Европейский Кромвель, – до такого уровня сознания, где, как на ладони, как на проявляемой фотобумаге, наглядно выказывается вся тщета наших самых сокровенных ожиданий?)

В «свете» и *проявляется* вся тщета существования (которую не познают более «темные» слои общества, не поспевающие за «существованием», не преуспевающие в нем, не пожинаящие те необычайные плоды, блага, напитки, которые подносятся на столы хозяев мира сего, и после которых остается лишь дебош, оргия, Сад:

бьется посуда, хрусталь, опрокидываются девы самых невиданных красот и дальних происхождений, и тут же «погашаются», чтоб не оставалось никакого сальдо, ни на следующий день, и ни для кого другого («Смерть Сарданапала»).

«Одаренный» по-армянски – «приемистый»: акцент на восприимчивость – готовность принять «дар».

Подозреваю в слове «однажды» корень «день». По-французски так и есть: «Один день принц с принцессой вышли погулять...»

День – *дни*; один – *одни*.

Не дознаваться («что есть человек?» – Кант), а *быть* им – без остатка, самоотверженно, до конца... Но –

Остается-таки одно «но»...

Законченный «человек» – это, никак, в итоге, – наш самый сегодняшний преуспевший «рыцарь индустрии», Капиталист?

Человек? – рожден ли он, как предполагает философ – этот запоздалый, прибавивший в росте школяр, – чтоб дать познать себя бессознательной, стихийной Природе или, как это негласно (и неустанно) *претворяет* в жизнь сознательный капиталист – этот прибавивший в росте лоботряс, – махнуть на всю эту историю с «природой», сыграть злую шутку с занудной, изжить с поверхности земли всё живое, чтоб, наконец, оставшись наедине с самим собой, взять хлопушку и – хлопнуться, предварительно рассмеявшись последним...

Ощущение, впечатление, чувство, что живешь «сверхурочно», что достигнут и с лихвой превышен положенный вам срок, и что «пора и честь знать».

Бесподобный – Гайдна оп. 42. Один-единешенек среди сотни с лишком квартетов. Не из самых ранних и не из самых зрелых, ни в один из «циклов», обычно из шести, не вошедший: слишком, не то что «особый», а настолько полный всего, что собой одним смог дать исчерпывающую картину пройденного композитором, в момент написания, – пути...

Каждое лето, на даче, знаю: диск в небольшом летнем заделе, и будет что послушать – в полусвете «маленького салона»...

И, удивительно ли, что помимо всего сказанного, это – и самый короткий, самый собранный из всех – с максимумом неожиданностей в минимуме объема. И – эта сумасшедшая концовка (последние пять-шесть нот)!..

Самые, пожалуй, райские человеческие голоса – не те ли, что доносятся до нас (ветром, и – *уносятся*) – сквозь шум морского прибоя?..

Смерть – волна, от которой, не успев уяснить себе вкус, хлебнем и тут же – захлебнемся.

Странное созвучие между фр. *marî* (*муж*) и Marie (Мария, мать И.-Х.): мужа, или те, кому предписано быть женами, – матерями.

«Сколько еще напишется картин этим летом!..» – Рауль Дюфи, в письме, 22 марта 1953, в канун смерти.

Чем изящней цивилизация (Япония), тем она хрупче, и безжалостней – политика.

На стр. 36 – «Услады моих глаз» Габриэля Мацнеффа, где уже мочи нет продолжать надеяться на что-то сколько-нибудь «литературное», – в этом «дневнике донжуана», каковым представляет ее автор, и где начинало улыбаться окончательное решение отправить том туда, откуда он мне попался вчера: из перевооруженной под уличную библиотеку телефонной будки, где каждому прохожему дозволено отделяться от ненужного книжного балласта и пополнять собственную, – попадаю вдруг:

«Государи и народ испытывают к искусству самое справедливое – равнодушие... То, что государь делает в пользу искусства, он делает в интересах государства». *Рильке*, «Флорентийский дневник»

Шок... Как быть теперь – нам, поверившим кантовскому постулату об *универсальности* прекрасного, отказавшихся, еще не сойдя с университетской скамьи, от миражей недостижимой и убийственной истины (моя истина – твоя смерть) в пользу творчества, когда эта «продукция», как говорили русские футуристы – чужда не только иностранцу, но и самому кровному нашему «земляку» – у которых никакого отклика не могут получить наши, в муках рожденные, – мазки на полотне, строчки на бумаге!..

В ящике письменного стола нашел блокнотный листок с телефонными номерами и записью: «Библиотека – мебель, которая делает комнату обитаемой».

«К вечному миру», Кант, 1795.

Из предисловия: «Оставим открытым вопрос, к кому обращена надпись на вывеске одного голландского трактирщика, на которой изображено кладбище: к людям ли вообще, и главам государств, в частности (которые никогда не могут пресытиться войной), или только к философам, которым грезится этот сладкий сон?»

Проступающие в этих вводных словах старца – ирония, скептицизм к собственному же заголовку (скромного, правда, размерами, но не амбицией – труда: дать завершение триаде «Критик» чем-нибудь *политическим*) – чуть ли не побуждение для сегодняшнего читателя, которому случайно попала вещь, на этом и остановиться... Но для бывшего студента, читавшего и штудировавшего все три «Критики»

и не помнившего за ним особых проявлений юмора, это послужит лишь стрекалом довести до конца чтение – заодно почтив память компаньона юных лет.

Дополнение

Курт Воннегут, «Бойня № 5».

– Знаете, какой бы я дал совет тем, кто пишет против войны?

– Что ж предлагает мистер Харрисон Старр?

– А я вас спрашиваю: почему бы вам не написать что-нибудь анти-ледниковое?

Он, конечно, хотел сказать, что войны будут всегда, и что их будет так же легко остановить, как ледник...

Единственная деятельность, не знающая конца (и начала): *оборона*, защита интересов – личных, национальных, религиозных, профсоюзных...

Религиозные мыслители (Симона Вейль...) противопоставляют этому «эгоизму» – христианскую любовь. Но любовь, увы, рано или поздно, кончается, иллюзия испаряется – и каменеет сердце.

И вспоминается фигура Философа, достигшего своего Грааля «абсолютного знания» и всю остальную жизнь скоротавшего лишь за распространением и повторением (с вариантами) своего учения, утренним чтением газет – что, конечно, не сравнить с бесконечной, кропотливой, нудной заботой политиков о земле, очерченной «условными обозначениями» границ...

Симона Вейль, «Личность и сокровенность»:

«С самого раннего детства и до самого гроба что-то в сердце каждого человека, несмотря на всё прошлое совершенных, испытанных на себе или замеченных над другими злодеяний, необоримо ожидает, чтоб ему делали добро, а не зло».

Чуть дальше:

«Нет других пределов нашим хотениям, кроме неизбежностей материи и существования других людей вокруг нас... Испытываем упоение от всего, что позволяет забыть о материальных препятствиях. Потому и такие катастрофы, как война, в т. ч. гражданская, которые упраздняют реальность человеческих существований и делают из них подобия марионеток, столь опьянительны. Потому и рабство столь сладко хозяевам.»

Сижу, передо мной – океан, – и абсолютно нечего добавить...

Некоторые фотографируют.

Буря.

Юрий Колкер

Шалун и ворчун

Четверостишья

* * *

Шалун говорит: – Купидон!
Я баловень судьбы, я влюблен!
Ворчун говорит: – Купи дом,
А шалости оставь на потом.

К ПЕВЦУ ПИРОВ

О чем печалишься? Неужто это ново,
Что счастье – тоже род товара покупного?
Не вижу, отчего бы нам за счастье жить
Страданием, трудом, *деньгами* не платить.

* * *

Радуешься и глаза отводишь,
Даже если путь далек и труден.
Всякий поцелуй, когда уходишь,
Хоть на миг, а всё-таки иудин.

* * *

...Дожить до смерти всех врагов и друзей,
Дождаться славы и угодить в музей,
Гордиться ласками множества милых жен, –
И не увидеть, что ты убог и смешон...

* * *

Есть много славных мест в счастливом этом мире,
Но было б лучше мне родиться в Хартфордшире,
В деревне Боремвуд харчевню содержать
И никуда вовек отсель не уезжать.

* * *

Сердце в салонных играх больше не подвизается,
Разум в бегах собачьих больше не видит проку.
Будущее кусается, прошлое огрызается.
Споры ничем кончаются. Скука – и бантик сбоку.

* * *

Дворовым сорванцом простым,
 Без барственных затей
 Я рос... ан, вот ведь стал Толстым!
 Чем дальше, тем Толстей.

* * *

Физика твердого тела, прости!
 Муза твоя отлетела.
 Нужно осваивать, как ни крути,
 Физику дряблого тела.

* * *

Жил человек такой и жил человек сякой.
 Потом они оба померли. Наступил покой.
 Что ты мне тычешь в грудь свою изумрудь?
 Мельница не работает. Я уже за рекой.

* * *

Заплачет собака, завоюет жена,
 В окно с перепугу заглянет луна,
 А дел-то на грош! Спи, старый Гаврош...
 Что жил ты, что не жил – одна сатана.

* * *

Звезда полей восходит над трактиром.
 Поодаль Пушкин на суку висит.
 Стяжательство и зависть правят миром.
 Любовь отмучилась, а голод сыт.

ИЗ БОРИСА КУЗИНА

Истина непроницаема, как ядро.
 Два ядра не сливаются никогда.
 Где уж нам о добре, когда бес в ребро!?
 В спорах родится не истина, а вражда.

* * *

Неинтересны люди, неинтересны книги,
 Неинтересны ласки, – вот старости вериги.
 Зато уж не батрачу на хама и урода,
 А на жизнь хватает, – вот старости свобода.

* * *

Пиит, переводи бумагу!
Вертись, Фортуны колесо!
А я продам часы и шпагу,
Как сделал некогда Руссо.

* * *

Евреи несут
Священный сосуд,
Очей не смыкают,
А что в нём, не знают.

* * *

Вы оба слева: сердце и ты.
Вздыхаюсь, преодолев
Уколы мелочной правоты.
Когда я неправ, я лев.

* * *

Без преданности нет предательства, ведь так?
Нам не о солнце ли свидетельствует мрак?
Незаданный урок не требует ответа.
Там не было любви, где не было обета.

* * *

Они прослышали, что есть литература,
И ну себе писать веселою гурьбой.
Гречанка луврская, не куксись, что с тобой!
Неужто на дитя смотреть мы станем хмуро?

* * *

Сердца для чести живы,
А души – пусты, лживы.
Хлебни народной чести –
И ты невольник лести.

ЭПИТАФИЯ

Литературный подёнщик, писавший стихи,
Много воинственной нагородил чепухи.
Был он, к тому же, отчасти Иуда и Брут.
Вдоволь потешатся люди. Но тоже помрут.

Татьяна Ананич

Из цикла

«Подкрепи вином меня на дорогу»

* * *

Подкрепи вином меня на дорогу,
яблок влажных сложи в котому.
Ты отлюбишь меня понемногу.
Вот и ветер попутный от дома
гонит мысли мои попятные,
укрощает слезу скупую.
И слова шелестят невнятные.
И, как в первый раз, я целую
воображаемую тебя.

* * *

Боль и кандалы навыrost, чтобы не жали.
Жизнь – берегиня лыковая по парче, без лица.
Еще бьются в груди плотяные скрижали.
И молчание «под золото» кроме тельца
принимает все бодливые формы.
Междуречный слагаешь в сердцах зиккурат:
за неимением культуры языковые нормы
уматеряешь, чтоб утвердиться. Не брат.
Не сын. Не разводящий амуры.
Там, где макаровых нет коров.
Мысли хлещут, не щадя шкуры.
Неуютно ежишься от чьего-то «кров».
Словарь из тех, что в тайге беспоповцы
имут, не сетуя на нехватку слов.
И английский букварь, где «неправильные» те овцы
перед сном считают своих пастухов.

ЧТО НАША ЖИЗНЬ?

1

Кинуть кости в Курхаусе пока не сыграл в ящик.

2

Неудачный дерюжный образчик
наших ситцевых нравов. Но всё с иголки.
«Домострой» на тесанной полочке.
И о нем ни «му-му» ни в Отцах ни в Детях.
Nihil над всем! Никто не в ответе:
напросился, паскуда, – живи!
Господь Бог не играет, а мы – пожалуйста, –
кто на камеру, кто в рулетку, кто – в аиста.
(Парамоша, где твой былой азарт?)

3

«Вину коей страны вы предпочитаете
в это время дня?» – Мне чаю! Ти-
хо! (Бог, пронеси соотчицей.
А не то закончу «ничьей».)

4

Иван Дмитрич Громов средь ясного моего ума!
Обитатель шестого – куда ни глянь – континента.
Какими судьбами, голубчик? Зима...
(Под белы рученьки «пациента».)

5

Изнанка культуры, вывернутая на лицо.
Вышедшая не из моды, – строя.
«Вам к лицу это клетчатое пальтецо
свободного покроя.»

6

Богу – Богово, кесарю – кесарево, а гурту – гурт.
Говорил Создатель не вкушать от древа!
Первопричина – краеугольный абсурд,
как с пупками Адам и Ева.

7

Что наша жизнь? Каратаевщина, – вот! –
львиная доля ее... – так говорил папа
римской литературы, стоик тот. «Идиот!
Он блефует. Рыба! О-ё! Растяпа...»

8

Вчера меня вез наш земляк-таксист.
Ей-богу, мокиевич – как его?! – кифа:
его «красный» словарь, забубенный свист
мне накапали в два тарифа.

9

Патриотизм квасной на дрожжах...

10

«Но-но-но! Не кропи, школота!»
Своя рубашечка – всё ж ближе к телу.
«Ставки! Ставки делаем, господа.»
«Ну, выкладывай. Ближе к делу.»

11

Так вот, мы с Серегой позавчера...
«Ходи сюда, аккордеонист с ‘Катюшей’..»
«Что наша жизнь, говоришь, – икра?»
«Кушай. Фотографируй. Кушай.»

12

«Я гляжу, ты разгорячился чуток.»
Что там про это «первопричинство»?

13

Скромная истина: нищета –
«Но-но-но! Не кропи, школота!» –
не порок, но большое свинство.

14

Акакию Акакиевичу – слушай – акафист:
«Маленькому сему человеке...»
Пиши, славист, говорю, покамест
в меня вдыхаются эти речи.

* * *

как странно, стоя на почве чужой
ревности, вспоминать о тебе,
далекая! о обещанная!
я, как библейский герой,
исходив все вокруг,
на пороге тебя, за гранью тебя,
единственная, так и не познав
первозданность твою,
плодородность твою,
от тоски по тебе
умираю.

Сергей Золотарев

* * *

по литературе задали о смерти:
на клавиатуре набираю qwerty

так проходит жизнь подушечками пальцев
по затертым кнопкам раз-два-три
всё одно – чего не набери
длинная цепочка приживальцев

* * *

1

свет проглотил жука который не был тьмой
но точкою казался для прямой

умение прощать есть косное искусство
и ночь течет как сок среди ветвей
где маленькое истинное чувство
рождается чуть выше и левей

любовь луча возникла как киста
как сколиоз души и искривленье
пространства и теперь она чиста
как место преступленья

и ты живи затем чтоб пустота
луча который трубка от кровати
могла плевать мякотью плода
рябиновыми ягодами вмятин

2

уходит свет из лучевых костей
как детство из детей

холодное копченье от горячего
копченья отличается и тем
еще что пальцами незрячего
свеченье отдирается от стен

уходит свет из солнечных лучей
и больше он ничей

светлее прядки выбеленных лиц
те пальцы что ощупывают кости
по методу Герасимова лишь
представив существующее в росте

уходит свет но оставляет день
и тень и старика на лавке
который хоть и опустел
но продолжает продвигаться в давке

* * *

Ясли. Сад. В тени под деревом –
сон в кровати грудничка.
Если дом отстроен теремом
из технического термина,
то лепи свою материю
из любого синяка.

Из любой доступной мелочи.
Всё одно твой людоед
скоро женится на Эллочке
и забудет белый свет.

И зачем нам переплачивать,
если плача больше нет,
если слез сухие платица
надеваются поверх?

Надеваются и носятся.
И никто никто никто
эту их черезполосицу
не заметит под пальто.

* * *

Как чешут длинношерстную собаку
в ближайшем к дому смешанном лесу,
так свет далеких звезд, отдавшись мраку,
клочками опадает на весу.

Мы ходим, подчищаем эти клочья,
хозяев неизвестных костерим.
И думаем, что следующей ночью
застанем небо серым и сырым.

Дрожащим, словно рюмка со слезою.
И пахнувшим то псиной, то лучом,
то солнечною сальной железью,
Обломовым Ильёю Ильичом.

* * *

Когда-нибудь язычество подбросит
меня, как истукана своего,
на полку, исповедуя буккроссинг,
как таинство обмена – вещество.

Раз истина направлена вовнутрь,
душевное волнение – вовне,
иду ловить я бабочек на хутор,
от всякого движенья в стороне.

Сачками клеток поймана природа.
А кожный или кожаный покров –
сплошное поле бабочек из рода
чешуекрылых – счесанное в кровь.

И если вдруг в ладоши громко хлопнут,
то в воздух фиолетовый взлетит
всё то, что получало первый опыт –
нагуливать последний аппетит.

Собака, кучерявая донельзя,
и прямоточный выпрямленный ток,
контактно соответствующий рельсу,
имеют тот же самый завиток.

Мой Бог, мой Иисус Христос – язычник,
висящий на языческом бревне,
поскольку Он – единственный наличник,
а верующий в даль – единоличник
в своем неугасающем окне.

Язычество – такое чувство Бога,
когда обрубком слова ветеран
не звуки издает – единорога
вывинчивает из смертельных ран,

Как лампочку из ржавого патрона.
И думает – вот так же он, мой вождь,
неоново страдал во дни Петровых
гонений на обычный русский дождь.

Эбеново потрескивал – покуда
те бабочки взлетали под хлыстом
гонителя, который не Иуда,
но Павлом очутившийся потом.

Вот так же он язычник безъязыкий,
толмач и переводчик с языка
страдания Спасителя – Бузыкин
осенний марафонец, что на стыке
культур на пятку пробует с носка.

С утра бежит за водкой и за хлебом.
И кажется – небесный путь кремнист,
поскольку воздух от земли до неба
последний выстилает коммунист.

Язычество мое, как заблужденье.
Валюта же его, как ни крути,
имеет повсеместное хождение
и замерзает, пьяная, в пути.

Но в самом непотребном озноблении,
где шепчешь в отупенье абырвалг,
ты знаешь, никогда в своем скопленье
под окнами цветов не обрывал.

* * *

будь готов что проиграешь
осень утренняя тишь
ты же здесь не умираешь
а на стульчике сидишь

как цыганка под рассветом
носит сборенный закат
не снимая их планета
миллионы лет подряд

если в этом мало грусти
знает мертвая петля
там о Магиасе Русте
где круглей всего земля

как пошили эту сказку
Пушкин Гоголь Мандельштам
так в одной посмертной маске
и всплывают тут и там

и гадай каким повернут
боком солнечный значок
вроде неба белый ворот
да уж больно черный ворон
подворотничок

* * *

О, только б не со мною! Не со мной!
Береткою надвинутой трагедии.
Еще в саду разучиваешь Гедике,
но ждет уже повсюду Царь лесной.

Пока еще пытаешь Кабалевского,
но пальчики готовы принимать
аккорды тишины, как соблезнования...

Рудольф Фурман

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Жизнь свою почти итожа,
будучи здоров и сыт,
Нет да нет, но вспомню всё же
тот, послевоенный быт.

Помню сумрачное небо,
путь до школы по утрам,
и как жадно запах хлеба
я у булочной глотал.

Забывая про ученье,
на нее глаза косил.
Вровень с ней свое движенье
я невольно тормозил.

И смотрел через витрину,
большеглаз и худоба,
на чудесную картину –
на батоны и хлеба,

на поддоны и на полки,
на весь булочный бедлам,
а поджаристые корки
я глазами поедал.

А потом бежал вприпрыжку,
чтобы в класс не опоздать...
Вот такой я был мальчишка...
Есть о чем повспоминать...

ВЕЧНАЯ ДРАМА

День угасал,
но не желал уйти,
цеплялся то за мебель,
то за шторы,
слабеющий, он всё еще светил,

но тень росла;
отвоевав углы,
на комнатные вылилась просторы.

И я смотрел
на вечную из драм,
в которой очередность
очевидна:
то торжествует мрак
по вечерам,
а по утрам следа его
не видно.

В таком порядке
справедливость есть,
и было бы разумно
и не лишне,
когда бы
неминуемая смерть
во времени
чередовалась с жизнью.

* * *

Этот день ничего не обещал, —
ни хорошего, ни плохого.
Он вставал медленно, не спеша,
будто его молодая душа
с трудом освобождалась от сна ночного.

Будто наперед знала она, —
удивительная догадка, —
что едва ли хватит сил у меня
исчерпать новый день до дна,
без остатка.

Но мне хватало радоваться ему,
следить, как шаг за шагом,
он медленно поднимался,
раздвигая тьму,
над домами и монастырским садом.

Я наблюдал за ним, а он за мной,
И когда он небо заполнил собою,

Я понял, что всё в порядке с его душой,
И то, что и мне хватило сил,
от него не скрою.

* * *

Перестали мучить сны,
но пришла пора бессонья:
в голове толпятся дни –
не остывшие уголья
пережитых драм, невстреч,
неудач и безвременья,
что душа смогла сберечь
для ночного осмысленья.

За окном фонарный свет
проявляет тьмы детали.
Никому и дела нет
до моей ночной печали.
Но приходят чередой
в полусонное сознание
из той жизни прожитой
лица и воспоминанья.

Мучаюсь в ночи, не сплю,
памяти не доверяю,
узнаю – не узнаю,
снова жизнь переживаю.

* * *

Какой же смысл в писании стихов,
откуда эта радость, эта мука –
от дальних предков ли, от тех веков,
от музыки какой, какого звука?

Кто дал мне слух, чтоб слово привечать
и расставлять в порядке нужном,
обычное... Зачем ему звучать
волнующе, светло, неравнодушно?

Какая же убийственная страсть
сбивать слова в табун ли, в птичью стаю!..
Еще не раз мне в эту ересь впасть,
а без нее как жить – не представляю...

ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

Д. Ф. Левицкий

Воспоминания о ложе «Белый Лотос»

О лагерях Ди-Пи (diplased person) – их организации, деятельности и жизни в них – мало известно, однако то, что открыто и продолжает открываться современными исследователями, поражает, – в том числе и удивительная культурная деятельность дипийцев: издание книг, журналов, газет; организация школ, театров, проведение концертов, создание литературных и научных сообществ и т.д. И вот совсем недавно в архиве дипийки, эмигрантки второй волны, художницы Вероники Гаицуровой был обнаружен оригинал «Воспоминаний» ее отца Дмитрия Федоровича Левицкого о теософической ложе «Белый Лотос» в дипийском лагере Шляйсхайм.

В черновике Левицкого упомянута некая А.А. – это теософ Анна Алексеевна Каменская, энергией которой было воссоздано теософическое движение в эмиграции. Уже будучи в изгнании в Женеве, А. А. Каменская начала получать письма от русских беженцев-теософов, и скоро, не без ее содействия, стали организовываться новые ложи. Так, в Таллинне родилась ложа «Китеж», в Риге – «Св. Грааль», в Белграде – «Ярослав Мудрый», в Лондоне – «Единение», в Китае, в Тяньцзине, – «Русская Ложа», в Праге – «Васанта», в Женеве – русская ложа «Джордано Бруно», а позднее группа «Владимир Красное Солнышко». В 1925 году за пределами России было уже семь русских лож, связанных с Каменской. На собрании Международного совета Теософического общества А. Каменская внесла проект о создании «Русского Т. О. вне России», на основании объединения русских лож, рассеянных по миру. В это время Т. О. в Советской России было уже закрыто и стало важно сохранить движение за границей. Это давало возможность продолжать теософическую работу по выработавшимся в России традициям.

До войны Дмитрий Федорович Левицкий работал инженером на Киевской ТЭЦ; из-за стремительного наступления войск вермахта на Украину эвакуироваться с семьей не смог и остался на оккупированной территории. Клеймо коллаборациониста после четырех лет оккупации и заточение в ГУЛаге – вот что грозило теософу Левицкому после войны. И в 1945 году семья оказалась в Германии.

Находясь в дипийских лагерях в Кемптоне, Фюссене и Шляйсхайме, Дмитрий Федорович принимал непосредственное участие в организации русских школ и театральных студий. По воспоминаниям дочери, он любил литературу и поэзию, был активным членом дипийского сообщества.

После переезда в США принимал самое деятельное участие в работе церковно-приходской школы в Флошинге.

В наши дни текст «Воспоминаний» появился в «Вестнике теософии» в № 12, 2014 (источник не назван), однако печатный текст отличается от черновика, хранившегося в архиве дочери Левицкого и позднее переданного ею в мой личный архив. Мы предлагаем широкой аудитории читателей НЖ оригинальный текст «Воспоминаний» с соответствующими комментариями. Печатается по современной орфографии с сохранением стилистики автора.

Юрий Сандулов

От редакции. Этот материал Юрий Аскольдович Сандулов подготовил для июньского номера НЖ; оставалось лишь сделать несколько уточнений по персоналиям. Его неожиданная кончина от COVID-19 остановила эту работу. Редакция журнала взяла на себя обязательства закончить его работу над этой архивной публикацией.

Ложа «Белый Лотос» возникла в 1946 году¹ в одном из самых больших русских лагерей для «перемещенных лиц» (DP) в Шлязгайме² (вблизи Мюнхена, в Германии). Тревожной жизнью жил тогда лагерь. Постоянная угроза репатриации в Советский Союз. Трудность эмиграции в другие страны из голодной и разоренной Германии послевоенного времени. Постоянная неизвестность за свое будущее и будущее своих детей.

И какой радостью было для меня, живущего в этом лагере, когда я нашел среди его жителей людей, так же, как и я, интересующихся теософией. Это были З. П. Козлова и А. Н. Васильев.

Пошли непрерывные беседы; беседы, отрывающие нас от неприглядной, тревожной действительности, дававшие нам возможность не только легче ее переносить, но находить в ней то, чему она должна была научить нас. Однако у нас не было ни одной теософической книги и никакой связи с тем большим теософическим движением, которое, как мы знали, существует в мире. Мы начали искать возможность найти выход из этого положения. И он скоро представился. Одна из англичанок, стоявшая во главе нашего лагеря, собиралась ехать к себе домой в Лондон на время отпуска. Мы написали письмо, адресованное Теософическому обществу в Лондоне, и попросили ее разыскать его адрес и послать по этому адресу наше письмо. Наша просьба была выполнена, и довольно скоро мы к нашей огромной радости получили письмо из Женевы от Анны Алексеевны Каменской³. Оказалось, что Лондонское теософическое общество, зная что А. А. (Анна Алексеевна Каменская. – Ю. С.) стоит во главе Русского Теософического общества вне России, переслало

ей наше письмо. После получения этого письма вся наша внутренняя жизнь резко переменилась. А. А. приняла чрезвычайно близкое и сердечное в нас участие. Мы получали почти еженедельно от нее письма, полные благожелательства и самого подробного разъяснения на те вопросы в области теософии, которые мы ей задавали. Начали приходиться от нее и книги. А. А. присылала нам всё, что было издано в Женеве по вопросам теософии на русском языке, и ряд книг других издательств. Высылала она также и издаваемый ею «Вестник». Высылала она также каждому из нас и вещевые посылки. Была она для нас, как горячо любимая мать, заботящаяся и о духовном, и о материальном нашем благополучии. Вскоре к нам подошли еще несколько человек, интересующихся теософией, и вот, когда нас оказалось 7 человек, А. А. посоветовала организовать нам самостоятельную ложу. Она указала нам адрес Акселя фон Фиелиц Канияра, который жил в Мюнхене и, будучи последним председателем Германского Теософического общества⁴, приступил теперь к его восстановлению. Во время власти Гитлера Общество было закрыто и члены его преследовались. Мы познакомились с Канияром, начали вести переговоры, и он разрешил нам организовать теософическую ложу, которая бы вошла в состав Германского Теософического общества. Это была третья по счету ложа, которая была организована в послевоенной Германии. Назвали мы ее ложей «Белого Лотоса». Первое собрание ложи состоялось в квартире Канияра в Мюнхене. Председателем ложи был выбран я, а секретарем И. Н. Сиротинский⁵. Фактическим же председателем и руководителем ложи была А. А. В своих письмах она указывала нам, как проводить собрания, какие книги прорабатывать и как вести нам себя в своей жизни, чтобы быть достойными имени теософа. Последовательно на собраниях, которые были еженедельными, мы проработали «У ног Учителя»⁶, «Путь к посвящению и совершенствованию человека» А. Безант⁷ и ее же «Древнюю мудрость». Кроме этого мы получали бюллетень Германского Т[еософского] О[бщества] и зачитывали его на собраниях в переводе на русский язык, а также вели этическую работу, принимая на себя выполнение того или иного качества. Свои собрания мы начинали чтением и медитацией известной мантрой, написанной А. Безант:

О сокровенный свет, сияющий в каждом существе,
 О сокровенная любовь, обнимающая всех в единстве,
 Пусть каждый, сознающий себя единым с Тобой,
 Знает, что он един с каждым другим⁸.

А. А. сообщила нам адреса ряда русских теософов, проживающих в Германии и мы вступили с ними в переписку. Особенно плодотворной для ложи оказалась переписка, а потом личное знакомство с Д. П. и Н. П. Рейнке⁹, живущих тогда в Вюртемберге. Для всех нас они оказались вторыми после А. А. и не менее важными и цельными руководителями нашей работы. Они присылали нам книги для прочтения, делали специальные переводы и давали указания и разъяснения на возникающие у нас вопросы. Обычно письма А. А. и Д. П. и Н. П. Рейнке мы зачитывали на собраниях и решали вопросы дальнейшей переписки. Переписывались мы также с С. В. Комар, посетившей нас в лагере, О. А. Ашигловой¹⁰, Р. Лукин[ым]¹¹, Б. Сахаровым¹² и Л. Парамоновой¹³. Кульминационной точкой работы ложи было празднование Дня Белого Лотоса 8 мая 1947 года. Накануне дня празднования к нам в лагерь приехали Д. П. и Н. П. Рейнке и О. А. Ашиглова. Собрание, посвященное Е.П.Б.¹⁴ (Елене Петровне Блаватской. – Ю. С.) мы провели на лоне природы в лесу, около которого находился наш лагерь. Н. П. Рейнке сделал доклад на тему (в оригинале далее пропуск. – Ю. С.¹⁵) а О. А. Ашиглова рассказала о миссии в мире Е.П.Б. Члены ложи сделали также ряд сообщений. Весь день мы провели вместе и тот внутренний подъем и светлое состояние, которое возникло у всех членов ложи, запечатлилось на очень, очень долгое время.

Свою работу ложа проводила без всякой огласки и не делая никаких публичных выступлений или собраний. Объясняется это тем, что русское руководство лагеря было в руках очень консервативно настроенных людей, и это руководство, как и многочисленное духовенство во главе с епископом, проживающее в лагере, недоброжелательно относилось ко всем проявлениям духовных исканий, исходящих не от Церкви. Однажды мы получили журнал «Теософист»¹⁶, издающийся в Адьяре, где были перечислены названия и адреса всех теософических обществ. Желая расширить свои теософические связи, мы написали письмо в Адьяр и ряду обществ Южной и Северной Америки. На эти письма откликнулось лишь Т. О. в Соединенных Штатах Америки. Впоследствии Орден Служения этого общества, хотя мы этого и не просили, выслал каждому из членов ложи по вещевой и продовольственной посылке. С середины 1949 года из лагеря началась усиленная эмиграция в Южную и особенно в Северную Америку. Первым из членов ложи уехал я. Председателем ложи была выбрана З. П. Козлова¹⁷, а после ее отъезда А. Ф. Кратчингер¹⁸. Из-за дальнейшего разъезда своих членов, ложа «Белый Лотос» прекратила свое существование окончательно в 1951 году. Хотя существование ложи и было кратковременным, но всем ее участникам совместная работа

в ложе принесла много духовной радости, помогла легче и спокойнее перенести тяготы лагерной жизни и, безусловно, способствовала их внутреннему росту. Всегда с чувством глубокого почтения и с благодарностью вспоминаю уже покойную Анну Алексеевну Каменскую и с не менее светлым чувством всех членов ложи, между которыми всегда царили полное взаимопонимание, уважение и доброжелательность.

*Д. Ф. Левицкий
New York, Май 1961 г.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Русское Теософское общество вне России» продолжило в эмиграции работу русского Теософского общества, зарегистрированного в России в 1908 году. Эмигрантские отделения общества были местом встреч русских эмигрантов; через эти отделения эмигранты могли поддерживать друг друга.
2. Шлянггайм – или Шляйсхайм (Schleissheim), многонациональный лагерь для перемещенных лиц (displaced person) под Мюнхеном. С 1947 года – мононациональный, русский лагерь. В лагере находилось около 3000 человек. (См. статью Е. Кулен в этом номере. – *Ред.*).
3. Анна Алексеевна Каменская (1867–1952) родилась в дворянской семье в Павловске вблизи Петербурга. Раннее детство провела в Германии (в Баварии и Вюртемберге), с девяти до пятнадцати лет – в Женеве, по окончании средней школы вернулась в Петербург. Здесь А. А. поступила на Высшие Женские курсы. А. А. читала лекции и организовывала кружки для интересующихся теософией. В 1909 г. было открыто Русское Теософическое общество, имевшее ряд отделений в городах России. После открытия общества А.А. начала издавать журнал «Вестник Теософии», выходивший 10 раз в год. В 1921 году советские власти решили покончить с «буржуазными объединениями». Незадолго до предполагавшегося ареста, А. А. с подругой Ц. Л. Гельмбольд удалось перейти финляндскую границу. По приглашению д-ра Анни Безант они поселились в Женеве. А. А. активно занималась воссозданием теософского движения в изгнании. В 1925 году за пределами России было уже семь русских лож, координируемых ею. На собрании Международного Совета Т. общества Каменская внесла проект о создании «Русского Т. О. вне России». Это давало возможность продолжать теософическую работу по выработавшимся в России традициям. «Русское Теософское Общество вне России» к 1935 году насчитывало 13 лож.
4. В 1886 году в Эльберфельде появилось, под председательством Вильгельма Губбе Шлейдена (1846–1916), первое Немецкое Теософское общество; через некоторое время во главе немецких теософов оказывается Франц Гартман (1838–1912). В 1889 он организует теософский светский

монастырь в Асконе. С 1892 Гартман в своем журнале «Цветы лотоса» (1892–1900) печатает переводы индийских священных текстов и переводы Блаватской. Это первое немецкое издание, титул которого украшен свастикой – теософическим знаком. Немецкое Теософское общество было учреждено как национальная ветвь Интернационального Теософского Братства, основанного американскими теософами круга Виллиан Юдж и Кэтрин Тингли. Нацизм и теософия – это особая страница в истории XX века. В Третьем рейхе мистике и оккультизму придавалось государственное значение. Генрихом Гиммлером и Альфредом Розенбергом вырабатывалась новая неоязыческая религиозная идеология. Несмотря на то, что к 1928 году Теософское общество насчитывало 45000 членов, с приходом нацистов к власти все филиалы Теософского общества в Германии и на оккупированных территориях были уничтожены. См. URL: <https://naukatehnika.com/tajnyie-obshhestva-stavshie-predtechami-germanskogo-nacizma.html>

5. Сиротинский Иван Николаевич (1887–1969), один из организаторов теософической Ложы «Белый Лотос» в 1945 году в лагере для перемещенных лиц Шляйсхайм. (Ред.)

6. Автор труда – Дж. Кришнамурти (1895–1986), индийский духовный учитель. Был известным оратором на философские и духовные темы. (Ред.)

7. Анни Безант (1847–1933), теософ, писатель, общественный деятель, активный борец за права женщин. Оставила после себя большое литературное наследие. Второй Президент Теософского общества (1907–1933). (Ред.)

8. В печатном варианте текст исправлен:

«О сокровенная Жизнь, вибрирующая в каждом атоме;

О сокровенный Свет, сияющий в каждом существе!

О сокровенная Любовь, обнимающая всех в единстве!

Пусть каждый, сознающий себя единым с Тобой, знает, что он един со всеми!» (Ред.)

9. Справочники дают ошибочную информацию о том, что Д. П. и Н. П. Рейнке были супругами. На самом деле, речь идет о брате и сестре Рейнке – Николае Павловиче (1891–1975) и Дагмаре Павловне. Николай Павлович познакомился с учениями теософии еще в России в 1914 году, в С.-Петербурге, где он служил в Сенате. После двух лет жизни в лагерях Ди-Пи, как вспоминает Д.П., они «переехали в маленький городок в Вюртемберге и там собрали две группы интересующихся теософией. Одна группа состояла из немецкой молодежи, а другая из более пожилых людей – русских беженцев. В то же время мы начали издавать теософический сборник ‘Альба’. В то время достать русскую пишущую машинку было совершенно невозможно. Этот сборник мы посылали для чтения ‘по цепи’. В 1952 году мы получили возможность эмигрировать в Северную Америку». Рейнке обосновались в Филадельфии; там они основали теософскую группу и продолжили издание сборника «Альба»; Н.П. подготовил к изданию в сокращенном изложении «Тайную Доктрину»

- Е. П. Блаватской в издательстве «Trade Press». См. URL: <http://www.theosophy.ru/reinke.htm> (Ped.)
10. С. В. Комар, О. А. Ашиглова – информации найти не удалось.
11. Р. Лукин/а – судя по всему, родственник/родственница известного рижского оккультиста, теософа Лукина Феликса Денисовича (1875–1934), основателя и первого председателя Общества им. Н. К. Рериха в Латвии, почетного советника по отделу науки Музея Рериха в Нью-Йорке, члена-корреспондента Гималайского института научных исследований «Урусвати», известного рижского врача-гомеопата, сооснователя Латвийского медицинского общества, основателя и председателя Совета Общества борьбы с туберкулезом. Поддерживал связь с Рерихами. Его сын Гаральд и близкие также увлекались теософией. (Ped.)
12. Сахаров Борис Александрович (1900, Ковель, – 1983, Монреаль, Канада) – горный инженер. Первая эмиграция – в Королевстве СХС. После войны уехал в Канаду. Похоронен на русском кладбище в Роудоне. (Ped.)
13. Л. Парамонова – информации найти не удалось.
14. Блаватская Елена Петровна (1831–1891) основала в Нью-Йорке, совместно с полковником Г. С. Олкотом и адвокатом У.К. Джаджем, Теософское общество, которое представляло собой всеобщее братство вне зависимости от цвета кожи, расы, пола и верования. Общество ставило целью выявление истины во всех религиях, которая должна помочь раскрыть сверхчувственные силы человека и познать таинственные явления в природе.
15. В печатной версии пропуск восполнен: «Н. П. Рейнке сделал доклады на тему ‘Материя и энергия’, ‘Жизнь и материя’, ‘Дух и материя’». См. URL: <http://www.theosophy.ru/files/vestnik12.pdf> (Ped.)
16. Журнал «Теософист» (*The Theosophist*) начал выходить в Бомбее в 1879 году под руководством Елены Петровны Блаватской с целью распространения идей теософии. В 1882 году после переезда Теософского Общества в Адьяр возобновляет свою работу. На сегодняшний день журнал «Теософист» является официальным органом Теософского общества «Адьяр». (Ped.)
17. З. П. Козлова – вполне возможно, дочь путешественника П. К. Козлова от первого брака, – знакомого Рериха еще по 1910-м годам (см. материалы м/ж конференции «100-летие со дня рождения Ю. Н. Рериха»), а также по знаковой встрече П. К. и Н. Р. в Монголии в 1920-е годы (1926). П. К. Козлов – первооткрыватель мертвого тангутского города Хара-Хото. «При встрече Н. К. Рерих подарил П. К. Козлову фотографию своей картины ‘Великий Тибетский Учитель’ из серии ‘Знамена Востока’ с дарственной надписью и, по всей видимости, книгу ‘Цветы Мории’ (которая сохранилась в музее-квартире П. К. Козлова (по кн. П. Крылова ‘Индийский путь’)). См.: Музей Рериха: URL: <https://www.facebook.com/793478310803992/posts/1306499442835207> (Ped.)
18. Кратчингер Анатолий Ф. (июль 1897 – июнь 1964, Нью-Йорк). О нем упоминает историк эмиграции Р. В. Полчанинов: «...юморист Ксаверий

Ухарский (настоящая фамилия Кратчингер) – единственный из православной интеллигенции, кто перешел в баптизм (лагерь Менхегоф)». После войны К. находился в лагере Ди-Пи Менхегоф. Эмигрировал в США. Упомянут как автор монархического журнала «Знамя России», органа Общероссийского Монархического Фронта (ОМФ, 1949–1981). См.: Корнилов А. А. Российская интеллигенция и мир перемещенных лиц стран Европы. URL: <http://ivanovo.ac.ru/upload/medialibrary/97a/im-2011-1.pdf> (Ред.)

Публикация – Ю. А. Сандулов

Борис Чичибабин

«Я не знаю, как любить людей...»

Из писем Полине Брейтер

15 декабря 1994 года ушел из жизни русский поэт и мыслитель, мой большой друг, с которым переписывалась много лет, – Борис Алексеевич Чичибабин.

В своих письмах Борис Алексеевич затрагивал важные и интересные темы; его волновали заповеди Ветхого и Нового Заветов, и неудивительно, что он так часто думал и говорил о них. Назвать Б. А. Чичибабина воцерковленным человеком, конечно, нельзя, потому что он никогда не принимал участия в церковной жизни, но он, безусловно, был глубоко религиозен и потому снова и снова обращался к заповедям о любви к Богу и к ближнему. Поэт учил и учился любить людей не по букве закона, не формально, а глубоко, искренне и вдумчиво, относясь к этой любви, как к великой Божьей тайне.

Предлагаю несколько фрагментов из писем-размышлений Б. А. Чичибабина, написанных им в 1977–1981 гг.

...Когда Вы – недавно – в первый раз спросили у меня, как любить людей, и до меня дошло, что Вы спрашиваете всерьез, я растерялся.

Я думаю, что любовь – это Божья тайна, и она не может быть выражена, рассказана, объяснена словами.

Ну давайте немножко порассуждаем. Представим себе хорошего врача-хирурга, который, делая свое дело, каждый день облегчает страдания, избавляет от мук, спасает от смерти, воскрешает из состояния клинической смерти десятки людей, – причем ему, врачу, совершенно безразлично, кто тот человек, которого он спасает, – святой или убийца, добрый или жестокий, симпатичный или отвратительный. Он просто делает свое дело и спасает людей.

Казалось бы, вот он, нынешний подлинный святой, заместитель Иисуса, вот она, истинная любовь к людям. Но ведь нет же! Можно, конечно, допустить, что среди спасаемых им людей есть и кто-то дорогой ему, кого он действительно любит, но это же случай

исключительный, всех остальных он спасает просто потому, что у него такая профессия, – без любви, не любя, не называя этим словом своего профессионального дела. Но ведь это он не называет, это я сейчас в запальчивости рассуждения написал «нет же», а на самом-то деле, может быть, это все-таки и есть та любовь к людям, о которой говорил, к какой призывал Иисус? Ведь он, этот наш предполагаемый врач, своей волей, своим желанием выбрал свою профессию, и, делая свое дело, спасая людей, он же прилагает усилия, вкладывает душу, делает невозможное. Не может же это делаться без души, без Бога. Или может? Я ничего не утверждаю, ничего не отвергаю, я рассуждаю и спрашиваю.

Я не знаю, как любил людей Христос. Но мне кажется, что я хорошо представляю, как любили людей наши русские святые, которые жили в лесах, в пустынях, в скитах, в пещерах, в шалашиках, питались грибами и ягодами и молились за всех без разбора, за добрых и злых, за правых и виноватых, за праведников и великих грешников.

К ним приходили за советом, за напутствием, за утешением страдающие, обремененные, убогие, нуждающиеся – издалека, из-за сотен верст, – и уходили облаканные и просветленные.

Перед тем, как удалиться в свою «пустыню», эти святые прощались с миром навсегда и бесповоротно, обрывали все кровные, семейные, сердечные связи, все «материальные ниточки», и не было уже для них ни отца, ни матери, ни детей, ни друзей, ни любимых, а были все одинаково любимые, и на всех без исключения проливалась их кроткая и нежная любовь. Ни к кому на свете они не питали особенной, исключительной, отдельной любви; такая исключительная любовь была бы для них нарушением обета, который они дали Богу, и «прилепляться душой» к кому-нибудь одному или немногим отдельно «полюбленным», было бы для них великим грехом и несправедливостью перед другими людьми.

Мне кажется, может быть, я ошибаюсь, заблуждаюсь, но мне кажется, что вот такая любовь к людям есть именно то, чему учил и чего хотел Христос, и я завидую этим отшельникам и пустынноикам и сам хотел бы жить, как они.

Но я глубоко уверен, я уже говорил об этом, что для такой любви необходима «пустыня», необходим уход из «мира», от мирской суеты и грязи, от мирского зла и блуда. Чтоб так жить, чтоб так любить людей, – всех одинаково: и насильников, и убийц, и предателей, – нужно забыть то плохое и страшное, что знал о них «в миру», нужно не видеть каждый день их мерзости и жестокости, не слышать их лжи и глупости, – короче говоря, чтоб так любить людей, нужно уйти от

них. Нужно жить не в людском «миру», а в Божьем мире. Только затворив свою душу от людских ежедневных недобрых и суетных дел, можно почувствовать всех людей братьями и сестрами себе.

Я думаю, что не только те пустынноики, о которых я говорю, но и наши святые писатели – Толстой, Достоевский, и великие мировые поэты, и Эйнштейн, и Кришнамурти – могли любить людей так, как они их любили, только потому, что они тоже уходили от них в свои «пустыни», охраняющие их от повседневного, повсечасного общения с людьми, с ежеминутно творимыми людьми злом, грехом, пакостями и гадостями. Так я думаю, и это мое глубочайшее, выношенное, выстраданное, много раз продуманное и прочувствованное убеждение, я никогда не изменю его.

Я знаю, что Вы подумаете о Христе, который не уходил от людей в «пустыню», который жил в самой гуще мирской, народной жизни своего времени, ходил по дорогам, по селам, встречал людей на своем пути, заходил в их жилища, был окружен бедняками, нищими, бродягами, проститутками.

Но я ведь честно признался, что не знаю, не могу представить, как любил людей Иисус. У меня только есть догадка, что и у него была своя внутренняя «пустыня», что своей мечтой, своей сказкой он очень надежно отгородился от мирского зла, от суеты и лжи мирской.

Вы обратили внимание на то, что в Евангелиях ничего не говорится о случаях человеческой жестокости (кроме Голгофы), о тех мерзостях и пакостях, которыми, наверное, была полна тогдашняя жизнь? В отличие от Библии, в которой почти на каждой странице проливается кровь, творятся беззакония и жестокости, Евангелие – удивительно спокойная, светлая и добрая книга.

А ведь время было очень жестокое и страшное. Мы с Вами недавно смотрели по телевизору «Антония и Клеопатру», удивляясь жестокому и грубому миру, который раскрылся перед нами. Это ведь тот же мир, та же эпоха, только восточная окраина, провинциальные задворки империи и, стало быть, еще более темные и страшные. Не мог же Иисус не видеть этого, не знать. Значит, он видел – и не видел, знал – и не знал. Ему для его мечты, для его сказки, для его любви к людям этого не надо было видеть и знать.

Я Вас спросил, знаете ли Вы «всё» (в смысле плохое и страшное) о людях, о жизни. Вы ответили, что многое знаете, но забываете, а потом Вам напоминают. Я думаю, что Иисус примерно так же знал «всё», но тоже забывал за «ненадобностью», а от напоминаний его защищала мечта – и еще любовь учеников. Повторяю, что это только догадка, с которой Вы можете и не соглашаться.

Я не знаю, как любить людей, но мне кажется – простите мне

самонадеянность, но ведь это только сейчас, только в письме, только в минуту откровенности, когда нельзя скрывать свои мысли и чувства, – мне кажется, что я знаю, как ни в коем случае, ни за что не надо любить людей, как нельзя, грешно и страшно их любить.

Человека нельзя любить больше Бога. Человека нельзя любить вместо Бога. А именно так и учат его любить гуманисты.

В детстве, в школе, в юности нас учили поклоняться многим лживым идолам, и мы привыкли верить в них и поклоняться им. Для меня лично сознание того, что идол – это идол, ложный и кощунственный, было очень мучительным и трудным, было страшным кризисом, когда я просил смерти.

И не все сразу они стали для меня идолами. В гуманизм я очень долго верил. Я не мог согласиться с тем, что гуманизм – это плохо. Но моя вера в Бога, мое религиозное чувство подготовили меня к тому, что я согласился. Гуманизм – это плохо. Не то, что, может быть, Вы считаете гуманизмом, – не настоящая, истинная, заповеданная Богом святая любовь к людям, а гуманизм в научном понимании этого слова, гуманизм Возрождения, Эразма, Вольтера, революционеров; гуманизм, учащий любить не Бога в человеке, не Божий человеческий облик, не Дух, а всего человека, плотского, мясного, греховного.

Любовь к людям гуманистов – это преступная любовь, потому что она не оставляет в мире места для Бога. И это слепая и глупая любовь, потому что она считает, что человек изначально, от природы, добр и свят и что если уничтожить и переменить то, что ему мешает, – дурное правительство, плохую экономическую систему, недостаток просвещения, недостаточное развитие науки и техники, – на Земле установится гармоническая, добрая, прекрасная жизнь.

Учение гуманистов (и то, что ему верили, и то, что ему следовали) делало человечество всё хуже и хуже, слабее и высокомернее, подлее и самоувереннее.

Человека нельзя любить вместо Бога. И человека нельзя любить так, как та женщина (из Вашего последнего письма) свою дочь. Это ведь тоже безбожное, бездуховное, отвратительное идолопоклонство.

Я тоже знал таких женщин, и мне от этого было или противно, или жалко, или страшно, или всё это вместе. Наверное, у меня именно поэтому такое нехорошее, я сам знаю, что несправедливо, неправедно, – нехорошее чувство к деторождению, к «беременным девкам» и ко всему, что с этим связано.

Как правило, эти женщины, так слепо и всецело любящие своих детей, совсем не думают об их душе, об их духовном развитии. Во всем потакая их капризам и хотениям, более низменным и материальным, во всем, что касается внутреннего, сердечного, духовного,

нравственного, они не только своим равнодушием оскорбляют своих детей, но и готовы вступить с ними в конфликт, подавить их попытки самостоятельных действий.

Чувство, которое вызывают у Вас такие женщины, мысли Ваши по этому поводу – это и мои чувства и мысли. Я уже писал Вам, что очень может быть, что они пришли к нам в одно и то же время, потому что я много и часто думаю об этом и даже проговариваюсь вслух, за что потом ругаю себя.

Все Ваши рассуждения «о смысле жизни» не только близки и дороги мне, но интересны и правильны. Только в самом конце, может быть потому, что всё это было уже давно и Вы утратили живой интерес к тем давним своим мыслям, Вы, по-моему, поторопились упростить. У Вас очень легкой получилась гармония. В действительности противоречия, разрыв, пропасть между телом и Духом, человеком и Богом, временным и вечным, конечным и бесконечным глубже, сложнее, мучительнее, трагичнее.

Снять противоречие, проложить мостик через пропасть может случай или Чудо, вообще же они не поддаются примирению и совмещению. Но Чудо не может совершаться каждый день и с каждым человеком. Для того, чтобы восстановился космос, чтобы «примирилось» и «совместилось» конечное и бесконечное, нужно было бы, чтобы каждая «беременная девка» осознавала себя Богородицей, Марией, зачавшей от Святого Духа и беременной Божьим Сыном. Но, как Вы сами понимаете, этого нам не дожидаться...

...Я не знаю, как любил людей Иисус. Я думаю, что мы этого никогда не узнаем. Я думаю, что если бы мы это знали, мы не спрашивали бы, как любить людей.

Он любил их не так, как люди любят друг друга, не так, потому что глаза его не тосковали по их лицам, по их нагим телам, губы его не тосковали по их губам, по их телесной сладости, и ему не хотелось пить их, сливаться с ними, переходить «в одну оболочку» с ними. Но он любил их так, как люди любят друг друга, – так же сильно, с той же полнотой и безмерностью, с тем же заполнением всего своего существа этой любовью.

Любовь к людям – это же дар и судьба, призвание и гений Иисуса. И мы, простые смертные, не имеющие этого дара и этой судьбы, никогда не узнаем, как он любил людей.

Это вовсе не означает, что он не «простой смертный» или что я в своем сознании ставлю его на недостижимую, нечеловеческую высоту. Он любил людей, как Моцарт любил музыку, как Пушкин любил поэзию. И если он божествен, то так, как божественны Моцарт и Пушкин.

Я не знаю, любил ли он всех людей. Он говорил о подставлении щеки, прощал и призывал прощать врагов, мучителей, гонителей, но изгонял же торгующих из храма – и не словами, а бил их, колотил, ругал, вероятно.

Из Евангелия видно, что он не любил одинаково всех. У него были ученики и даже, как будто, как помнится, из этих учеников были особенно любимые. Своих учеников, тех, кто был с ним в странствиях и на праздниках, он любил нежнее, больше, особенней, чем остальных людей.

Из того же Евангелия видно, что сыновних чувств у него не было. Своим отцом он считал Отца Небесного. Культ Марии возник позже, в средние века, и происхождения, несомненно, языческого, народного (и, в то же время, поэтического, рыцарского).

Есть у него и коробящие меня поступки, например, как он проклял бедную смоковницу за ее бесплодие, за то, что она не могла дать ему то, что ему от нее было нужно (Будда не проклял бы). Но этот коробящий меня поступок вовсе не умаляет в моих глазах этого самого прекрасного, святого и великого человека за всю человеческую, мировую историю.

А как любить людей? Я давно хочу сказать – наверное, говорил, что тут какая-то путаница со словом: слишком многое и очень разное мы называем одним словом.

Сказано: любить ближнего, как самого себя. Но мы же очень часто самих себя не любим. То есть любим в исключительные моменты, как Пушкин, кричащий «ай да Пушкин, ай да сукин сын!», как в те моменты, когда чувствуем свой Свет. Но вообще то, что имеет в виду Евангелие, – это не любовь, это естественное, врожденное, природное чувство самосохранения, самозащиты от боли, холода, голода, неудобства, неприятности, – чувство бессознательное, животное, инстинктивное.

Мы все – братья и сестры, все с руками и ногами, с глазами и ушами, все, как Вы говорили, плачем, когда нам больно, смеемся и радуемся, когда нам хорошо и приятно. Поэтому и нужно ближнего, ближних любить, как самого себя. Накормить голодного, согреть замерзающего, перевязать раненого, не делать зла, не судить, не гневаться, прощать обиды. Но это же дела, а не любовь. Любовь без дела мертва, но и дела – еще не любовь. Можно всё это делать не только без любви, не только равнодушно, но и с высокомерием, с презрением, с ненавистью.

Так как же все-таки любить людей? Еще сказано, что любить Бога – это и значит любить ближних, любить людей. Но это же разное: как самого себя – и как Бога...

Вы думаете, что Зина Миркина или сам Кришнамурти ответили бы Вам, как совместить 1) «Я знаю про Бога, про Свет, про Добро, и я хочу быть хорошей, я очень плохая, но очень хочу быть хорошей, потому что этого хочет Бог» и 2) «Как же я могу, как я смею быть хорошей, когда кругом все плохие, как я могу хоть какое-то время жить в Свете и радоваться ему, когда все, миллионы, живут во Тьме и даже ничего не знают про Свет?» Они ответили бы Вам – другими словами, конечно, и они, может быть, скорее дошли бы до Вас, – так же, как и я. Ответ уже в вопросе, а другого и не может быть.

Надо очень хотеть быть хорошей, надо очень хотеть быть счастливой (это же одно и то же), надо искать Свет, находить Его, жить в нем (если удастся, если получится, хотя бы на короткое время), но помнить про Тьму, знать, что она есть. Я, кажется, уже говорил Вам это. Да ведь Вы так и живете – уже очень давно, чуть ли не всю жизнь.

А то, что Вы иногда забываете про Тьму, на какие-то часы, дни, периоды жизни, так ведь человеку и не дано иначе помнить и знать: даже те индийские святые, о которых мы знаем понаслышке, могли сосредоточиться на одной-единственной мысли на часы, на сутки, но не на всю жизнь.

Вот так и надо: приближаться к Свету, к Блаженству, к Богу, жить в них и с ними, насколько это дано и можно на земле, но при этом знать, что есть Тьма, есть Зло, Грех.

Вы же каждый раз мучаетесь, когда думаете про это, когда с этим сталкиваетесь, когда это касается Вашей жизни, – значит, не такое уж безоблачное Ваше Небо, не такой отгороженный от мира Свет. Это же, наверное, и называется «строить монастырь, но в миру». Вы же так и хотели, Вы же не хотели другого.

...Со своими вопросами Вы уже, наверное, и сами разобрались, распутались, выпутались потихоньку, тем более, что и убийства, оказывается, не было, и Колька оказался симпатичным и ласковым – правда, Вы сказали, что он уже и не симпатичный и не ласковый, но и такой живой, реальный Колька, который может быть и симпатичным, и противным, во-первых, все-таки лучше того придуманного, воображенного заправленного убийцы, какого Вы собирались любить и жалеть, а во-вторых, такого Кольку и в самом деле можно любить и жалеть.

И можно, и легко – конечно, совсем уже по-другому – любить и жалеть Каина, и Иуду, и самого Дьявола, Люцифера или Мефистофеля, гордых, одиноких, прекрасных, бедных. И любили, и жалели – у Байрона есть мистерия «Каин», а у Бодлера стихи «Дети Каина», а кроме них были еще тысячи любящих, жалеющих, воспевающих.

Я знаю (то есть, по-моему, это так), что Вам совершенно не свойственны, даже чужды, даже враждебны восторг перед злом, любование злом, и костромскую проститутку и бедного затравленного Кольку, против которого все, Вы именно жалеете в отчаянье от своей «хорошести», чуть ли не стыдясь и не проклиная эту «хорошесть», этот «даром доставшийся» Свет. В этом – не в отчаянье и не в стыде, а в жалости, в любовной, хотящей помочь или разделить жалости, – есть религиозная правда, религиозная истина. Любить людей, всех людей, всех без исключения, а в первую очередь и особенно вот таких – жалких, грешных, против которых все, – это Божья заповедь, совпадающая с законом природы. Человеку свойственно любить, свойственно жалеть.

Вы же не потому пожалели Кольку, что прочитали Евангелие или индийские священные книги, а потому, что сердцу Вашему стало жалко, – ну и хорошо, а все-таки тут в Вас сказалось именно Ваше сердце, природа, а не Бог.

Я Вас уже спрашивал: «А что если бы убийство не раскрылось, не узнали бы, что Колька был среди убийц?» Ну представьте себе, что Вы каким-то случаем узнали бы об убийстве, о котором никто не знает, и убийца ходит живой, счастливый, не раскаявшийся, не осужденный людьми. Тогда бы Вы пожалели, полюбили, захотели бы разделить? И потом, убийство же может быть неодинаковым: можно убить в ослеплении гнева, ярости, безумия, – кто же не пожалеет убийцу?

Ну а видели Вы убийц, едущих в обыкновенном трамвае, позднем, пустом, после убийства, с мутными, пустыми, страшными не злостью, не безумием, а именно пустотой – мутной, жестокой, животной пустотой, – глазами, по которым сразу видно, что они – убийцы и только что убили, и завтра или через неделю опять убьют – из-за денег или из-за удовольствия убивать, с такими глазами можно убить и запросто, просто лицо не понравилось или очки носит? Видели Вы такие глаза, в которых нет ничего человеческого, совсем ничего, ни на каком донышке, которые ничем не тронешь, не смутишь, не разжалобишь, мутные, пустые, страшные глаза? Не дай Бог кому-нибудь когда-нибудь увидеть такие глаза. Я это всё недавно видел, лет десять-пятнадцать назад, но я их еще и с лагеря помню. Вы же знаете, что я ни на кого руки в своей жизни не поднял, комара или клопа страшно убить, а таких бы я давил танком без всякого сожаления или раскаяния – по крайней мере, мне так кажется, что давил бы.

Скорее всего, это я наговариваю на себя; скорее всего, что и таких не смог бы раздавить, ведь живые же. Это я просто, чтоб Вам понятнее было, откуда мой крик тогда, в тот день, когда Вы мне подробно о Кольке рассказывали и что Вы его любите.

Понимаете, когда я узнаю о чем-нибудь таком, я всегда становлюсь тем, кого убивают; мне больно, когда меня бьют топориками, тут уж ничего не поделаешь.

Я запутался. Вы сами это уже увидели, да и я это знаю. Но не стану же я лгать, что могу или даже хотя бы хочу любить всех людей, всех, включая этих, с мутными глазами. Не могу и трудно, невыносимо трудно, неестественно хотеть.

Я понимаю, что хотеть нужно и что «неестественно» ни о чем не говорит: многие Божьи заповеди «неестественны». «Неестественно» подставлять щеки под удары, «неестественно» полное целомудрие, «неестественно» любить тех, кто тебя мучает, пытается, убивает, – но мы же стараемся так жить, молимся, чтоб смогли так жить. Но – страшно жить, невыносимо трудно и страшно жить – не оттого, что страшен Божий мир, не оттого, что он устроен «несправедливо», не оттого, что жизнь страшна (я не раз еще, наверное, всё это повторю о мире и о жизни, но и всегда буду знать, что если бы они еще и в тысячу раз были страшнее – всё искупается тем, что в мире и жизни есть Бог, Христос, Любовь, зелень полей и лесов, синее море, голубое небо, Пушкин, Бах), а трудно и страшно жить потому, что мы узнали Божий закон, Божьи заповеди и, зная про Тьму и Зло и ненавидя Тьму и Зло, мы должны любить и тех, в ком эти Тьма и Зло, и жить по Божьему закону, по Его заповедям.

И опять я запутался.

Как-то Григорий и Зина Померанцы в одном из своих писем (у меня их очень много, и очень надо, чтоб Вы их прочитали, – вот кто мог бы ответить Вам на многие Ваши вопросы) прислали мне молитву узников одного из концентрационных фашистских лагерей.

Заключенные, каждый день убиваемые, истязаемые, умирающие от голода и мук, молились за своих палачей и убийц. Но как они молились! В этой молитве не было никакого юродства, никакого мазохизма, никакой патологии.

Я сейчас не помню слов и выражений этой молитвы, а найти это письмо среди моих бумаг невероятно трудно, но дух ее именно в том, что не палачей же, не убийц своих они любили и молились за них, а те возможности, тот свет, который был в них погублен, не состоялся, не сбывся. Вот так только и можно любить всех.

Вы не думайте, что я с Вами спорю или что-то доказываю Вам. Это всё вызвалось Вашим письмом и, по-моему, не противоречит его духу и настроению.

Помните, я приводил Вам чьи-то слова, что настоящий вопрос, правильный вопрос – это вопрос, на который не может быть ответа. Не может быть в нашей короткой человеческой жизни. Ну так вот,

вопрос о любви к людям – это как раз такой вопрос, вопрос для Вечности.

«Возлюби ближнего, как самого себя.» «А кто говорит, что любит Бога, а брата своего не любит, тот и Бога не любит.» Как просто, недвусмысленно, недвузначно! И, конечно, Мира или еще кто-нибудь вправе высмеять наши мучения над этой проблемой и сказать, что, пока мы треплемся, пока мы решаем, мы никогда не полюбим; что любить нужно не раздумывая, не рассуждая, просто любить – не словом, не мыслью, а делами, поступками, любовью. Но ведь и мы с Вами это знаем. И вряд ли это решение или ответ.

Если бы мы даже были безусловно уверены в том, что так, как любит Мира, – это и есть та любовь, которую заповедовал Бог, это значило бы, что ей, Мире, дан такой дар, и для нее, но не для нас, вопрос решен и получен ответ.

Вот Мира говорит Вам – и, наверное, говорит правду, и от этой правды очень грустно и немножко страшно, – что Вы как сильная личность подавляете свободу Володи, ее, Мирину, свободу. Но ведь и Володю, и Миру Вы любите, никакой другой силы, кроме силы любви и добра, от Вас на них не может быть направлено, и вот, оказывается, любовь может подавлять свободу, она может вызывать недовольство, несогласие, неприятие, обращаться во зло.

Конечно же, любить нужно не рассуждая, не разглагольствуя, не терзаясь страхами и сомнениями; любовь проявляется, осуществляется, живет только в действии, в поступке, в акте любви, но нужно же быть уверенным, нужно чувствовать, что это действие, этот акт есть исполнение заповеди, что он есть акт любви, а не соблазна, не искушения, не самовольства, что любя ближнего, как самого себя, мы любим в нем лучшее свое, а не худшее, любим в нем Божье, а не дьявольское, что любя грешника, мы не грех вместе с ним полюбили, а любим в нем ту его часть, которая противостоит греху, или страдает от греха, или, сама того не зная, способна на раскаяние и спасение.

Бердяев пишет о двойственности пути к Богу, нашего пути Любви, о том, что он одновременно, точнее, попеременно, должен быть путем восхождения, взлета и путем нисхождения, спуска к любимым, которые не могут разделить с нами достигнутых Высоты и Света.

Это очень понятно, и в своей личной жизни, если припомните, Вы так и жили, не читая Бердяева. Но это возможно с близкими, с родными, в своем Доме, со «своими». Ну а с «чужими», со многими, со «всеми»?

Вы скажете, что те, к кому мы «нисходим», к кому мы спускаемся со своих светлых высот для того, чтобы поделиться, научить, утешить, перевязать раны, покормить, приласкать, – они перестают (ну

хотя бы на то время, хотя бы на минуту) быть «чужими», мы уже обволакиваем их своим полем, впускаем в свой дом, — да я не об этом. Я о том, что в иных случаях это бердяевское «нисхождение» во имя любви может оказаться падением, да еще таким стремительным, глубоким и окончательным, после которого уже не взлетишь и не поднимешься.

Так что же — каждый раз дрожать и рассчитывать, отмеривать и взвешивать, прицениваться, торговаться, как с возмущением и отвращением говорит одна моя знакомая? Но это же стыдно, шкурно, недостойно, а главное, в таком расчете уже не может быть любви, она оплошится, охладится, поблекнет, отомрет.

Сплошные несовместимости, которые должны же как-то совместиться, — «вот в чем штука»...

...Наверное, Вы, как и я, испытываете иногда чувство своей причастности ко всемирной любви. Тогда мне кажется, что я испытываю любовь ко всему, любовь к Богу, Божью любовь ко всему — и действительно, в те мгновения, в те часы я как бы становлюсь частью Божьей любви, обнимающей, ласкающей весь мир. Весь, кроме человека.

Очень часто я ощущаю переполненность любовью ко всему Божьему миру. Я люблю деревья, цветы, птиц, насекомых, люблю дома и улицы, капли дождя, пыль на асфальте, люблю солнце, даже когда у меня от жары болит сердце, люблю всё, кроме конкретных людей, когда вдруг подумаю о них.

Мне очень легко и естественно почувствовать себя частью Божьего мира, такой же, как дерево или травинка, воробышек или мушка. Но мне мучительно невозможно почувствовать себя частью человеческого мира. Этого я не могу, и это мне не дано.

Я, наверное, с очень раннего возраста чувствую свою соединенность с поэтами, композиторами, мудрецами всех веков и народов, но я не могу чувствовать соединенности, родства, близости с Екатериной Федоровной, с качающимся в троллейбусе пьяным идиотом, с тем хамом, который так спокойно на Ваших глазах оскорблял женщину.

И я не испытываю горечи из-за этого, я радуюсь этому.

Я уже говорил Вам, что в жизни каждого из нас бывали мгновения, минуты стадного или соборного чувства единения с сотнями или тысячами, слияния с ними в одну толпу, массу, коллектив: когда бегаются смотреть на какой-нибудь несчастный случай — кто-то упал, или кого-то сбила машина, или столкнулись машины, — или на праздничный фейерверк, или когда в концертном зале слушают музыку, или когда слушают службу в церкви.

Вы сказали, что в Вашей жизни не было таких минут. Одно из двух: или Вы забыли и не помните, или Вы воистину особенный, единственный человек на свете, потому что такое чувство должен был испытать каждый смертный.

Это может быть чувством общей работы – на субботнике, например, или чувством общего праздника, общей беды, общего горя.

Я не стану продлевать списка, приводить примеры, их можно вспомнить десятки. Мне самое главное, чтоб Вы поняли, почему я об этом заговорил: потому что это чувство единения «со всеми» внешне, чувственно чем-то напоминает то чувство всемирной любви, восстановленного космоса, о котором мы с Вами иногда мечтаем. Как будто уже нет отдельного меня, а есть я как часть большого целого, как ветка дерева или волна в море.

И все-таки я, много раз в жизни испытывавший это чувство и когда-то радовавшийся ему, – не в низменных, физиологических, стадных его проявлениях, как в глазении на чужое горе или даже в ритме совместной работы на субботнике, а в высоких, духовных, соборных, как во время органного концерта или церковного богослужения, – сейчас я не радуюсь этому чувству и не то что стыжусь – чего уж тут стыдиться, если, слушая, как Женя Кисин играет Шопена, я испытываю общее «со всеми» чувство восторга, умиления, причастности к великому, вечному? – но не хочу его. Не хочу быть частью целого, хочу быть отдельно. Хочу любить великое, вечное – пусть не один, один не хочу, всегда хочу разделить, всегда хочу подарить, – но с друзьями, с братьями, с сестрами, с тем, кого люблю, не со «всеми» без разбора, без лица, без личности. Не хочу гипноза – хочу любви.

Короче говоря, я пришел к выводу, что чувство единения, чувство капли в море, о котором я пишу, или прямо унизительно и стыдно, если оно на стадном, физиологическом уровне, или иллюзорно, обманчиво, ложно, как в случае с церковной службой или с Женей Кисиным: тот, кто любит Бога и ищет пути к нему, тот и в многолюдном храме наедине с Богом; тот, кто любит Шопена или Женю или их обоих, тот и в огромном заполненном концертном зале один на один с музыкой и вечностью.

С тех пор, как человек вышел из первобытного, стадного состояния, он тем выше как человек, тем ближе к Богу, чем индивидуальнее, личностнее, отдельнее; и тем ниже, тем хуже и дальше от Бога, чем массовой, безличней, неотделимой от массы и неразличимой в ней. Для меня сейчас это «ясно, как простая гамма».

Наверное, Церковь собирает, как считают церковники, как Вам могли бы, может быть, доказательно и убедительно объяснить Саша

или Наташа, – по крайней мере, для этого она была создана; и, конечно же, искусство объединяет, как утверждал Ромен Роллан, – но собирает и объединяет не в безличностное и безликое стадо, а в нечто единое, где каждая личность возвышена и просветлена.

Любовь – а мы ведь всё время говорим о ней – не может уничтожить личность, ибо она только и возможна при наличии отдельных личностей, только и осуществляется ими.

Любовь, по Божьей заповеди и по нашему чувству, по предчувствию нашему, долженствующая привести ко всемирному слиянию, единству и гармонии, к слиянию в Боге, по природе самой – всегда личное, интимно-индивидуальное, избирательное чувство – в этом противоречии и есть тайна и смысл Любви, Божественная тайна и Божественный смысл. Но, в общем, слияние с человеческой массой не есть исполнение Божьей заповеди любви к людям – в этом я уверен...

...Вот Вы говорите о любви ко «всем людям» – о таком, когда исчезает «я», о слиянии «я» в «мы» со «всеми людьми». А я, помните, написал Вам, что не особенно люблю «всех людей». Вы оставили это без особого внимания, ничего не ответили. А ведь это очень важное и болезненное. Всегда, во все жизни, были Дионисий, Бах, Пушкин, Марина, но это же были единицы, а остальные...

Умом я понимаю, знаю, что любить нужно в первую очередь этих остальных, что и они – мои, наши братья и сестры. Я ведь, как и Вы, верую в Бога. Даже понимаю, опять-таки умом, слияние палача и жертвы в один свет, в одну любовь. Но через какие огромные, непредставимо тысячелетние фильтры перевоплощений!..

И еще. Выход во «вселюдность», всемирность, Вечность, Божью всемирную Вечность-Любовь чаще всего бывает возможен только через единственность, через любовь к единственному, одному. Ведь и те, любившие Христа, живого Христа, человека, зная, от Него зная, что любить Его можно только любя всех людей, любя Бога, что Он и Бог и все люди, любой человек – это одно, всё равно и все-таки зная это и стараясь любить всё это, чувствовали и любили эту его единственность, мучительную, сладостную, святую, невозможную единственность.

Еще о «ниточке»: она не только во времени, она и в пространстве, через океан. Мне как-то рассказали о североамериканских индейцах, об их религиозной философии, удивительно напоминающей индийскую. Вот послушайте речь пророка Смохоллы (девятнадцатый век, вторая половина):

«Мои юноши никогда не будут работать. Те, кто работает, не могут мечтать, а мудрость приходит в видениях.»

Вы хотите, чтобы я пахал землю. Как поднять мне нож на грудь моей матери? Тогда, если я умру, она не даст мне отдыха на своей груди.

Вы хотите, чтобы я извлекал камни. Стану ли я разрывать тело ее, обнажая кости? Тогда, если я умру, я не смогу войти в ее тело, чтобы родиться вновь.

Вы хотите, чтобы я стриг траву на сено и, продавая его, стал богатым, как белые. Но как посмею я отрезать волосы моей матери?..

Это плохой закон, и народ мой не может подчиниться ему. Я хочу, чтобы мой народ остался со мной здесь. Все мертвые оживут вновь. Мы должны ожидать здесь, в доме наших отцов, и быть готовыми встретить их в теле нашей матери...»

Когда я Вам сказал, что для того, чтобы полюбить, непременно надо сначала влюбиться (то есть восхититься, умилиться, залюбоваться, преклониться с радостью и с благодарностью), Вы обещали подумать, но тут же возразили, что любовь, о которой говорите Вы, любовь ко всем людям – это *другая* любовь и что поэтому она может быть и без первоначального влюбления. Но тогда – для меня, по моему, – она может быть только такой, как у наших старцев-пустынников, дряхлых и ласковых, которые за всех молились и всех равно благословляли и привечали, не спрашивая – праведник или преступник, и смотрели на любого и каждого с добротой и нежностью.

Такая любовь – будем называть это любовью – требует прежде всего отрешения от всякой *исключительной*, избирательной, личностной любви, буддийского освобождения от желаний, привязанностей, страстей. Такая любовь – ко всему миру, ко всем без изъятия, – конечно, самое совершенное, чего может достигнуть верующая и жаждущая совершенства душа, это уже и есть нирвана или какая-то последняя ступенька перед ней. Но именно потому, что такая любовь непременно требует освобождения и отрешения, она не может обращаться на «каждого отдельно», как Вам хочется и как Вы молитесь: она не может быть любовью к Марине Ивановне Цветаевой, к Володе, к Жанночке, она может быть только любовью ко всем, к любому как человеку, но не «отдельному», а просто человеку, как просто котенку, просто собачке, – и ко всем одинаково.

Такая любовь не спрашивает имен и вер. Она может спасти от петли (и спасала: от петли, от отчаяния, от безверия) – по-настоящему, не «по-предисловному» только такая любовь и может спасти, но она не может (и не собирается, и не должна) давать деньги на дорогу в Караганду.

Мне кажется, что Вы еще не способны на такую любовь, мне кажется, что Вы – очень земная, очень пристрастная, наделенная потребностью живого, активного доброго действия, – пока и не хотите такой любви, не хотите отрешения, пустыни, незнания о человеке – добр он или зол, праведен или мерзок, – и поэтому, по-моему, Вы хотите невозможного.

...«Нет в мире виноватых» – это прекрасно сказано, и это истина, но это – трагическая истина, от которой хочется умереть; ее нельзя, как ребеночку, повторять и радоваться. И, как все Божьи истины, она в нас, в людях, не вмещается; для нас, для людей – это и так и не так, и правда и неправда, – и всё на лезвии бритвы.

Не так давно, чуть больше месяца, мы с Вами еще раз посмотрели «Начало» Панфилова. Помните диалог Жанны с инквизитором, когда она в ответ на его слова (о том, что человек – «сосуд грехов» или что-то в этом роде) говорит, что «да, сударь, он слаб и мерзок, но вдруг бросается наперерез скачущим коням и ценой своей жизни спасает гибнущего в карете ребенка»? Это взято из пьесы Ануя, историческая Жанна так говорить не могла. Но это мысль о человеке всех гуманистов, это ведь и Ваша мысль.

Да, человек такой, как Вы сказали (не буду повторять), и еще хуже, но в нем есть божественная, прекрасная сущность, она может проявиться, когда он бросается наперерез и т. д., а может и не проявиться, но она обязательно есть, и поэтому и за это его нужно любить.

Или еще проще – как Вы: да, он мерзок и плох, но и у последнего подонка есть или была мама, и кто-то его любил, и, может быть, он любил кого-то, и все на свете плачут, когда им больно, поэтому их нужно любить.

Но это неправда, почему-то и за что-то человека любить нельзя, невозможно.

Жанна не права: человек мерзок и темен, когда он убивает, насильничает, развратничает, и тогда, когда он ценой жизни спасает ребенка из-под копыт взбесившихся коней, и тогда, когда он плачет от боли.

Человек не виноват, но он виновен. Человек виновен, мерзок и темен, потому что он предал Бога, оставил Бога, узнал грех и «увидел, что это хорошо». Это из Книги Бытия: там Бог, творящий мир, каждый раз, когда сотворяет что-то новое, огромное и прекрасное, «видит, что это хорошо» – и радуется.

Человек, оставивший Бога, творит свой мир, по своему образу и подобию, безбожный, бездуховный мир – и тоже «видит, что это

хорошо». Ему, бедному, всё нравится – по крайней мере, нравилось, пока творилось. И мне его не жаль. «Философски» не жаль, разумом не жаль.

Жалеть можно насильно ослепленного, насильно лишеного Божьего Света. А человек сам не хочет видеть, не хочет слышать, всё глубже и глубже уходит во тьму.

В своем «творении мира» он ни разу по-настоящему не вспомнил оставленного, преданного, плачущего о нем Бога, не откликнулся на Его зов, не подумал о Нем.

И он не может быть невиноватым, невинным. Он утратил невинность, когда совершилось грехопадение, когда он оставил Бога и стал мужчиной или женщиной.

И то, что нет в мире виноватых, может быть что-то значащей правдой только в одном случае. Если знать, что все мы виноваты, все – эгоисты, все – в грехах и винах, и счет нужно начинать с себя – и кончать на себе. На это я согласен.

Я обойдусь без слова «виноватый», мне хватит слов «низкий, злой, глупый, гадкий», хватит слова «грешный», хватит слова «плохой».

Если Вы настаиваете на том, что нет виноватых, я согласен. Человека не за что любить – не потому, что он виноват, а потому, что он такой виноватый, так греховен и порочен, так падок на зло и так глух к добру, так жесток и корыстен, так темен и подл.

И все-таки должно же быть какое-то слово! Пусть не «вина», Бог с ним, пусть – «ответственность», пусть какое-то другое точное слово, какого мы с Вами не знаем или какое мы забыли, но какое помогло бы нам установить разницу между хорошим и плохим, добрым и дурным, прекрасным и безобразным.

Должны же люди, при всей биологии, при всей предопределенности, отвечать за свои поступки, за дела свои. Тем более, что они не веруют в Бога и сами творят свой мир по своему разумению и желанию.

Ну допустим – убедили же Вас в том, что потребность к совокуплению дана человеку природой и что поэтому развратники и блудницы *не виноваты* в том, что они развратники и блудницы, – допустим, завтра Вам убедительно, «научно», бесспорно докажут, что фашистская ненависть человеческого большинства к культуре, духовности, к тем, кто видит Свет или тянется к Свету, – да просто ко всем и всему, что не похоже на него, отлично от него, – тоже дана природой и потому тоже абсолютно естественна и законна (а по всей видимости, так оно и есть). Что же, после такого доказательства мы снимем ответственность с черносотенцев, расистов, погромщиков, тюремщиков, садистов?

Нет, я до смерти буду спорить с Вашим «они же не виноваты». Зная, что нет виноватых, буду спорить. Соглашаясь тысячу раз, буду спорить.

Тут какая-то тайна на лезвии бритвы. Должно быть какое-то слово. Должна быть мера.

Хорошо, потребность к совокуплению дана природой; жестокость, грубость, наглость – от генов; несправедливость – от темноты; действительно, в их наличии человек не виноват. Но ведь *тоже с рождения* даны человеку – природой или Богом, которого он оставил, но который его не оставил, – совесть, жалость, стыд, благодарность, сострадание, восторг перед высшим или прекраснейшим. Даны или не даны?

Даны, всем нормальным людям даны, каждому ребенку – даны. Всегда – любому нормальному – всем: страшно в первый раз в жизни ударить человека, причинить боль, обидеть, оскорбить, совершить кражу, солгать.

Любому нормальному мальчику страшно в первый раз увидеть женскую наготу, лечь в постель с женщиной, да и просто прикоснуться в первый раз к женщине – не к маме, не к сестре, к женщине – страшно.

Почему же эти страхи, тоже данные от рождения, тоже естественные и законные, так легко и быстро преодолеваются, снимаются, забываются неизгладимо? Почему всегда-всегда желание оказывается сильнее стыда и боязни, жестокость – сильнее жалости, зло – сильнее добра?

Должно же быть какое-то слово, если не «вина»?

Вы с детства спрашиваете, как ребенок, «почему люди не то что не любят друг друга, уж Бог с ней, с любовью, но почему они так недобры, так недоброжелательны друг к другу?» Должно же это иметь какое-то название – кроме «природы» и «темноты»: ведь и свет был не закрыт, и добро было заложено.

Для того, чтоб жить, человек должен есть и пить, добывать и принимать пищу, – но он же может стать или не стать чревоугодником, обжорой, пьяницей, может делиться последним куском с товарищем, голодным, нуждающимся и может отнять или украсть у другого, чтоб набить свое брюхо.

Человек по законам природы испытывает вожделение, но он может уклониться от животной случки с кем попало или поддаться ей, может стать или не стать развратником, насильником, нечистоплотным.

Простите, что я Вам из букваря читаю. Но должно же вот это –

то, что он *сам выбирает* между лучшим и худшим, – как-то называться и учитываться. Не всё же – судьба и природа. Да и природа и судьба, в конце концов, такие же слова, как разум, совесть, воля, душа. Почему они должны быть непременно сильнее?

Если Вы после всего, что я наговорил, спросите: «так что же делать?» – я отвечу Вам: то, что Вы и делали до сих пор: жалеть, сострадать, прощать обиды, любить – или, во всяком случае, хотеть любить, стараться любить, упрекать и мучить себя за то, что не можешь любить, мало любишь, – и учить меня – вот такого, с такими моими мыслями – этой любви, напоминать мне, когда я забуду.

Но не почему-то, не за что-то, не потому, что «они не виноваты». А просто потому, что они люди, живые, живое, часть всего живого, как воздух, как свет, как трава и деревья, как животные и птицы.

Я, например, так любить не умею, для меня *такая* любовь – физически, психологически, как угодно, – сейчас, сегодня, *пока* невозможна. Я могу простить ударившего меня, но я не смею прощать удары, нанесенные не мне. Я признаю и уважаю Ваше право любить людей, причинивших Вам беду и зло, и считать их друзьями. Но я не люблю их и не прощаю им. Я не сужу их, Бог им судья, но и простить не могу...

...Не созерцатель, не злодей, не нехристь всё же,
я не могу любить людей, прости мне, Боже!

Припав к незримому плечу ночами злыми,
ничем на свете не хочу делиться с ними.

Гордыни нет в моих словах – какая гордость –
лишь одиночество и страх, под ними горблюсь.

Душа с землей свое родство забыть готова,
затем что нету ничего на ней святого.

Как мало в жизни светлых дней, как черных много!
Я не могу любить людей, распявших Бога.

1981–2020

Публикация – Полина Брейтер

К 100-летию Давида Самойлова

Геннадий Евграфов

«И всех, кого любил...»

Из воспоминаний. Давид Самойлов. Наум Коржавин*

НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ

Я познакомился с Давидом Самойловым в свои студенческие годы, в начале 70-х теперь уже прошлого, XX века; его сын Александр Давыдов был моим близким товарищем, он учился на журфаке¹, я – на филологическом факультете. Постепенно знакомство переросло в общение, общение – в дружбу.

Семидесятые плавно перетекли в восьмидесятые. Д. С. к тому времени сделал крутой вираж и из московского морока перебрался как будто в другое время – в неспешно текущую прибалтийскую действительность («Я сделал свой выбор. Я выбрал залив...»). Мы продолжали встречаться то в Москве, во время его наездов в столицу, то в Пярну, где я бывал довольно часто.

После недолгих расспросов о жизни в столице и жизни «в глухой провинции у моря», мы переходили к разговорам на самые разные темы. Я был молод и неопытен, он – уже в зрелом возрасте, умудренный опытом быстротекущей жизни. И, разумеется, говорил больше он, а я внимательно слушал, стараясь как можно больше запомнить, чтобы потом записать в дневник. Обычные житейские разговоры перетекали в беседы на самые разные темы – от литературных до философских (Д.С. зачастую предпочитал говорить не о преходящем, а о вечном). Со временем таких бесед становилось всё больше и больше, и однажды возникла идея – издать небольшую книжицу.

Естественно, что жили мы в определенном месте и в определенное время, говорили не в студии радиостанции «Свобода» – в Париже или Мюнхене, а в кабинете Самойлова – в Москве или Пярну. Но мы старались всё же не прибегать к эзопову языку, даже памятуя, что любой текст подцензурен, и прежде чем попадет в руки читателя, должен быть одобрен и залитован где-то в коридорах Главлита, то бишь, цензуры. И как он считал высказаться на те или иные темы, так он и высказывался.

---

* Предлагаем несколько глав из будущей книги Г. Евграфова «И всех, кого любил...» о Давиде Самойлове.

Книжку мы так при его жизни и не издали – в восьмидесятые время убыстрило свой бег, началась перестройка, Д.С. всё реже и реже приезжал в Москву, а я с друзьями стал создавать издательство «Весть», и, отдавая все силы и время будущему издательству, нечасто навещал его в Пярну. А потом он на вечере памяти Пастернака в Таллинне, который он же и вел, рухнул на сцене... и ушел в бессмертие.

И ничего нельзя изменить, вернуть, договорить... – жизнь, как известно, фатальна и движется из пункта А в пункт Я.

Чем и кончается.

Поэтому и взялся за воспоминания о времени, на которые пришлись молодые годы автора. О людях, с которыми волею судеб дружил или встречался. О тех или иных событиях, в которых участвовали его герои и сам автор.

«ЧТО ОЗНАЧАЕТ НОЧЬ?»

В те дни, что мы проводили у Д.С., он не раз возвращался к разговорам, почему было принято решение об отъезде на «берега пустынных волн». Когда при этом присутствовала Галина Ивановна², она добавляла что-то свое – какие-то штрихи, детали, которые иногда упускал муж.

В середине 70-х годов личное время Давида Самойлова пришло к очередному рубежу, но на этот раз уперлось не в стену, как это было после войны, когда молодого поэта не печатали и могли посадить, а в вату – и это было похуже стены. Что же касается времен, то они стояли сумрачные и выморочные – кто-то из друзей эмигрировал, кого-то посадили, кто-то тихо угас. Среда исчезала, привычный московский круг, существовавший в 50-60-е годы, распался – людей вокруг было много, а прежнего круга не было.

Д.С. всегда и везде оставался самим собой, и от литературной братии, постоянно околачивающейся в ЦДЛ, держался особняком. Игнорировал заседания и официальные собрания Союза, не участвовал в склоках и разборках противоборствующих лагерей, группировок и течений, иногда заканчивавшихся пьяными проклятиями в коридорах клуба и руганью на кухнях московских квартир. А если высказывался, то в официальной печати делал это – насколько возможно – честно; в дружеском же общении не стеснялся, точно определяя – кто есть кто.

Никогда не скрывал своего презрения ко всё больше и выше поднимающим голову «русси́там», как тогда называли откровенных шовинистов. Не раз говорил мне, что у всей компании Стасика Куняева и фашиствующего идеолога «правых» Вадима Кожинава

никаких идей, кроме поганых, вроде антисемитизма, нет. Я об этом знал, поскольку регулярно, преодолевая отвращение, читал статьи этой шайки в «Нашем современнике» и «Молодой гвардии». В те годы Самойлов дружил с Лидией Чуковской, Львом Копелевым, Юлием Даниэлем, Комой Ивановым и Юрием Карякиным, Владимиром Лукиным, композиторами Борисом Чайковским и Давидом Кривицким и, конечно же, с Юрием Левитанским. Все больше и больше сближался с актерами – Зиновием Гердтом и Михаилом Козаковым, не утрачивал связей со старыми школьными друзьями Люсей Дорошенко, астрономом Феликсом Зигелем, Анатолием Черняевым, в те годы работавшим в ЦК и ставшим помощником Горбачева в годы его нахождения на Олимпе власти. Изредка перезванивался с Олегом Трояновским, в те времена – послом СССР в Японии. До войны они вместе учились в ИФЛИ. Но общение было более душевным, нежели духовным.

«ОТЧЕТА НЕ ДАВАТЬ...»

Постепенно назревал кризис – не творческий, а возрастной. Всё больше и больше думалось о том, «что там, за поворотом». Возрастной кризис не обязательно совпадает с творческим, который может случиться в любое время. Поэтому стихи писались (и какие!) и собирались в очередную книгу «Весть». Там были такие вещи, как «И ветра вольный горн...», и «Выйти из дома при ветре...», и «Кто устоял в сей жизни трудной...».

В 70-е окончательно надоела власть. Если «от детских простуд ежедневных» («куда мне деваться от этих забот ежедневных, / от детских хотений и частых простуд? / одно утешенье, что где-то в деревьях / закатные зори растут»), в конце концов, еще можно было куда-то деться – со взрослением детей простуд становилось всё меньше и меньше, то от советской власти, казавшейся в те времена болезнью вечной, – некуда. Разве только на Запад. К чему и призывала Галина Ивановна, которая убеждала Д.С. уехать из страны, и почему-то – в Италию.

Ситуация напоминала ту, в которой пребывал Пушкин в 30-х годах, и, думаю, Самойлов вслед за ним вполне мог повторить (конечно, опуская слова «хотя лично я сердечно привязан к Государю», потому что – если под «Государем» подразумевать «режим» – Д.С. к режиму не испытывал никакой привязанности): «...я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человека с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить оте-

чество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой Бог ее дал». (Пушкин – Чаадаеву, 19 октября 1836 г.)

Он любил Россию – в 81-м напишет: «Люблю я страну. Ее мощной судьбой / Когда-то захваченный, стал я собой. / И с нею я есть. Без нее меня нет. / Я бурей развеян и ветром отпет. / И дерева нет, под которым засну. / И памяти нет, что с собою возьму». И поэтому эмигрировать не собирался – был убежденным противником участвовавших отъездов и доказывал тем друзьям и знакомым, которые вознамерились идти по этому пути, что это путь наименьшего сопротивления, что русский писатель (как бы это пафосно ни звучало) не должен покидать родину. На этот счет Д.С. разделял взгляды Ахматовой и Солженицына, хотя с последним расходился по многим наиважнейшим вопросам.

Подобно Пушкину, кожей ощущал потребность быть независимым.

И от безжалостной государственной машины.

И от освободительного движения (как называли правозащитное течение причастные к нему люди), загнанного государством в подполье.

И от народа, под которым его любимый Александр Сергеевич разумел в своем «Пиндемонти» чернь.

Но независимым – *здесь*, а не *там*.

Д.С. не был ни диссидентом, ни правозащитником, у него была другая профессия. Но как крупный и честный писатель, придерживавшийся в своем литературном поведении правил чести и благородства – да и по внутреннему своему мироощущению тоже, он не мог не только не сочувствовать правозащитникам, но и не помогать им: подписывал в их защиту письма, под своим именем публиковал переводы Юлия Даниэля, когда тот вышел из тюрьмы и государство (в лице издательств) не давало ему работы, следовательно, лишало возможность нормального существования. Всех идей не разделял, поскольку диссидентская среда, как и любая другая, исповедующая определенные взгляды, была неоднородной, и люди встречались там самые разные и разношерстные (некоторые с нравственной червоточкой) и самого разного калибра и масштаба: были Лев Копелев и Лидия Чуковская, но были и крайние русские националисты – сторонники «особого пути» России, исповедывавшие православие и монархию; были люди, придерживавшиеся почвеннических взглядов; были и «истинные баптисты», и «истинно православные христиане», были и активисты сионистского движения, требовавшие отпустить их в Израиль.

Вспоминается первый вечер Д.С. в ЦДЛ, который был устроен к его 50-летию. Молодые, веселые и жизнерадостные, мы пришли на

этот вечер с Сашей. И сразу же отправились в буфет пить пиво. Затем, устроившись на самом верхнем ряду, мы стали внимательно наблюдать за происходящим.

Зал был переполнен, пришли все, кто любил поэзию Самойлова. Пришел на вечер и Андрей Дмитриевич Сахаров, чье имя тогда уже было под запретом. Два года назад он опубликовал на Западе свои «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», которые гуляли в самиздате и которые глухо, не называя имени автора, критиковали в подцензурной печати. По молодости лет мы не понимали тогда всего значения личности Сахарова, для нас он был очередной фрондер, только не из литературной среды. ЦДЛовское начальство косилось на Д.С., который не просто раскланялся со своим знакомым, но и публично приветствовал его. Что через некоторое время вызвало неудовольствие литературного начальства.

Через двадцать лет, в 1990-м году, А. Д. Сахаров в своих «Воспоминаниях», изданных в Нью-Йорке³, опишет, как незадолго до своей высылки он с женой побывал на авторском концерте Окуджавы, а затем в гостях у Д.С., с которым Елена Боннэр была знакома с давних времен.

Из «Воспоминаний» Андрея Сахарова:

В те же осенние дни Люся повезла меня к Давиду Самойлову – прекрасному поэту, быть может, лучшему сейчас поэту классического звучания, прямому наследнику поэзии XIX века. Самойлов жил за городом, в большом доме деревенского типа. Они с женой радушно приняли нас – тут отношение ко мне было явно отражением их отношения к Люсе. Самойлов прочитал свои новые стихи, осведомившись сперва, могу ли я долго слушать чтение. Он прекрасный чтец, голос его в домашней обстановке звучал, по-моему, даже лучше, выразительней, чем на эстраде. Читал он тогда и не свои стихи. Мог ли я представить себе что-либо подобное еще за полгода до этого?..

Из «Дневника» Давида Самойлова⁴:

Приезжала Е. Боннэр со своим новым мужем – академиком Сахаровым.

Чудаковат, добр, необычен.

– У националистов нет перспектив. Они сходят на нет. (В разговоре о двух реальных мировоззрениях: технократы и националисты.)

О романе Солженицына:

– Не думаю, чтобы понравилось.

Сахаров в конце своей книги скажет, что самойловские строки

одного из стихотворений, посвященных Пушкину («Болдинская осень») –

Благодаренье Богу – ты свободен –
В России, в Болдине, в карантине!

– могли бы быть внутренним эпиграфом («для самого себя») к его «Воспоминаниям».

Д.С. всегда дарил опальной чете все свои новые книги и никогда не скрывал своих отношений ни с ними, ни с Копелевым, ни с Даниэлем, ни с Чуковской, а времена были не такими уж и вегетарианскими.

«ЗА ПОЛИТИЧЕСКУЮ БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ...»

Осенью 1976-го он обедал с жестко преследуемыми властями академиком и его женой в публичном (во всех смыслах) месте – ЦДЛ. Об этом возмутительно вопиющем факте писательскому начальству – в котором, кстати, настоящих писателей было кот наплакал, все сплошь партийные функционеры и бывшие кагэбэшники, – донесли «доброжелатели» Самойлова. «Преступление» Д.С. было столь велико, что «дело» обсуждалось на секции поэзии – у него хотели отобрать квартиру. Но нашлись трезвые головы, которые высказались, что, мол, это уж чересчур, и вообще, не нужно плодить лишних обидчиков власти, их и так хватает. Руководители секции к этим доводам прислушались, «дело» похерили, и до Московского секретариата оно не дошло. А еще раньше, в 1968-м, когда власть после ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию решила перекрыть все и без того слабые краники общественного недовольства, ему и другим не менее достойным людям вlepили «выговор с занесением» –

За политическую безответственность, выразившуюся в подписании заявлений и писем в различные адреса, по своей форме и содержанию дискредитирующих советские правопорядки и авторитет советских судебных органов, а также за игнорирование факта использования этих документов буржуазной пропагандой в целях, враждебных Советскому Союзу и советской литературе, секретариат правления Московской писательской организации на заседании 20 мая 1968 года постановил объявить членам Союза писателей:

строгий выговор с предупреждением и занесением в личное дело Копелеву Л. З.,

выговор с занесением в личное дело – Аксенову В. П., Самойло-

ву Д. С., Балтеру Б. И., Войновичу В. Н., Чуковской Л. И., Штейнбергу А. А.;

решено поставить на вид членам Союза писателей: Ахмадулиной Б. А. Коржавину Н. М. <...> Левитанскому Ю. Д. <...>

(Из Информационного бюллетеня Секретариата правления СП СССР, 1968, № 6)

«Дискредитировали советские правопорядки» заявления в защиту Гинзбурга, Галанскова и других преследуемых властями («и милость к падшим призывал»), – все, кому были объявлены выговоры, сочли своим долгом подписать протестные письма. Самойлову выговор аукнется нежеланием журналов и издательств публиковать отдельные стихи и книги.

«ЕСЛИ ВЫПАЛО В ИМПЕРИИ РОДИТЬСЯ...»

Тем временем Галина Ивановна свои попытки к отъезду из страны не прекращала – Д.С. этим попыткам всячески противостоял.

Когда противостояние перешло в сопротивление, она оставила свой замысел, потому что если Самойлов сопротивлялся – сломить его было невозможно.

В жизни, как известно, большую роль играет случай. У Галины Ивановны в Таллинне с давних времен проживал родной брат Леонид. Однажды он пригласил их к себе, повез по побережью...

Остановились на несколько дней в Пярну. Море, напоенный сосновым запахом, пряный, чистый воздух, неторопливый спокойный быт очаровали Д.С. Он и раньше не раз бывал в Эстонии, но только сейчас обратил внимание на то, на что раньше внимания не обращал. Затем еще несколько раз он с женой приезжал отдохнуть в Пярну. После этих наездов и был найден компромиссный вариант – купить дом в этом замечательном эстонском городке. Сошлись на том, что Бродский прав: «Если выпало в Империи родиться, / лучше жить в глухой провинции у моря».

Расставаться с Москвой, с привычным читательским и дружеским кругом было нелегко. В те годы Д.С. был одним из центров поэтического притяжения и одним из немногих, кто вел себя безукоризненно в литературной жизни. Это привлекало к нему читателей и притягивало некоторых собратьев по цеху. Интеллигенция всегда тянулась к честному, не затасканному и не заштампованному поэтическому слову. Молодым, да и не только молодым, литераторам требовался образец литературного поведения.

Но решение было принято, и отступаться от него не хотелось.

Оставалось предпринять усилия, чтобы сохранить городскую квартиру, дабы в любой момент беспрепятственно наезжать в город – по делам, увидеть старенькую маму и старшего сына, окунуться в ворох столичных новостей, да и просто пообщаться с близкими сердцу людьми.

В конце 1975 года всё было готово к отъезду – куплен нижний этаж самого обычного пярнусского дома по ул. Тооминга (а через несколько лет – верхний), вещи собраны, мальчики – Петька и Пашка – психологически подготовлены, Варвару⁵ было решено из школы не дергать, оставить в Москве с бонной.

В январе 76-го началась новая жизнь.

В 77-м все переплавилось в стихи:

Я сделал свой выбор.
 Я выбрал залив,
 Тревоги и беды от нас отдалив,
 А воды и небо приблизив.
 Я сделал свой выбор и вызов.
 .....
 Я сделал свой выбор. И стал я тяжел.
 И здесь я залег, словно каменный мол.
 И слушаю голос залива
 В предчувствии дивного дива.

«Я ПРОСТО РУССКИМ БЫЛ ПОЭТОМ...»

Впервые я прочитал стихи Наума Коржавина в юности – в «Юности», да простят мне читатели такой каламбур. Журнал, редактируемый Валентином Катаевым, публиковал в то время Василия Аксенова и Анатолия Гладилина, Бориса Балтера и Владимира Амлинского, из поэтов – Евгения Евтушенко и Андрея Вознесенского, Беллу Ахмадулину и Новеллу Матвееву и других, не менее замечательных писателей и поэтов. Но и на этом фоне стихи Коржавина не затерялись где-то на задворках сознания. Напротив – они резко выделялись на этом фоне по своему словесному ряду – вещности слова, вылепке и фактуре. Причем, будучи абсолютно консервативными по форме, Коржавин брал другим – бунтарством мысли. В это же время я с интересом читал его рецензии в «Новом мире» Твардовского. И здесь не было пустых слов; каждую мысль поэт облакал в ярко заточенную фразу, редко кого хвалил, чаще ругал, добираясь до сути написанного другими.

А потом он исчез со страниц журналов, а затем и из Советского

Союза. Что-то ходило по самиздату, его глуховатый голос пробивался сквозь глушилки – приходил к нам из свободы на «Спидоль»⁶. Власти делали всё возможное, чтобы вычеркнуть Коржавина, выбравшего свободу, не только из литературной жизни – из жизни вообще.

В глухие брежневские годы Давид Самойлов много рассказывал мне о Коржавине, с которым он был знаком еще со своей поэтической послевоенной молодости, с той поры, когда Эмка (так называли его близкие знакомые и друзья) появился в Москве. Он приехал из Киева в 1944 году. Вид его был странен; пиита часто принимали за ненормального, сторонились и уступали дорогу, но девятнадцатилетнего Манделя (тогда он был еще Манделем) это не смущало. Он не замечал никого вокруг. Да и вел себя странно, совершенно не рифмуясь с военным временем, стоявшим на дворе, – читал знакомым и незнакомым свои талантливые стихи, которые чаще всего не понимали ни те, ни другие. Молодой поэт, не вписываясь в суровую окружающую действительность, совершенно естественным для себя образом выламывался из среды.

Много позже его рассказы дополнило свидетельство однокурсника Коржавина по Литинституту, замечательного, честного Владимира Тендрякова: «Эмка был не от мира сего. Он носил куцую шинелку перелинкой (без хлястика) и выкопанную откуда-то буденовку, едва ли не времен гражданской войны. Говорят, одно время он ходил совсем босиком, пока институтский профком не выдал ему ордер на валенки. Эти валенки носили его по Москве и в стужу, и в ростепель, и по сухому асфальту, и по лужам. По мере того как подошвы стирались, Эмка сдвигал их вперед, шествовал на голенищах... Видавшая виды Москва дивилась на Эмкины валенки. И шинелка пелеринкой, и островерхая буденовка – Эмку принимали за умалишенного, сторонились на мостовых, чтонисколько его не смущало. Мы любили Эмкины стихи, любили его самого. Мы любовались им, когда он на ночных судилищах вставал во весь рост на своей койке. Во весь рост, в одном нижнем белье (белье же он возил стирать в Киев к маме раз в году), подслеповато жмурясь, шмыгая мокрым носом, негодуя и восторгаясь, презирая и славя, ораторствуя косноязычной прозой и изумительными стихами...»

Это из рассказа «Охота», написанного в 77-м году и опубликованного лишь в 88-м⁷. Извините за длинную цитату, но свидетельство Тендрякова очень точно отражает человеческую и поэтическую суть его однокурсника. Цепкий писательский взгляд выхватил самое главное.

Единственное, чем он тогда увлекался в жизни, были стихи. Он

писал оды, сонеты, они нигде не печатались, и тогда он читал их каждому встречному-поперечному, что его, в конце концов, и подвело под тогдашний Лубянский монастырь – поэтические взгляды только-только поступившего в Литинститут провинциала на окружающую действительность и историю современности резко дисгармонировали с общепринятыми.

Однажды он написал стихотворение, которое называлось «16 октября».

Хотелось жить, хотелось плакать,
Хотелось выиграть войну!
И забывали Пастернака,
Как забывают тишину.

Все поэты в стране писали о Сталине, Эмка Мандель тоже:

Там за текущею работой
Жил воплотивший резвый век.
Суровый, жесткий человек –
Величье точного расчета.

Стихи пошли гулять по рукам. Попали не в те: кто-то плюнул-дунул – и «кому надо» «где надо» они стали известны.

«Где надо» и «кто надо» не очень стали разбираться в причудах поэзии. И Мандель поплатился. И искренне недоумевал – за что? Он искренне считал, что славил Сталина, и был изумлен, когда другие поняли его стихи иначе. И указали перстом...

Но не только стихотворение о «суровом и жестком человеке» – и другие его стихи тоже выбивались из привычного ряда и были весьма талантливы, и тоже расходились по всей Москве.

Д.С. в шутку любил определять среди своих знакомых эталон тех или иных качеств. Эталоном таланта он определил Эмку, назвав единицу таланта «одним Манделем». Но при этом не забывал уточнять, что сам Эмка Мандель тянет на 0,75 «Манделя».

А Борис Слуцкий предлагал своим друзьям такой тест: кто в поэзии сколько стоит? При этом за точку отсчета предлагал брать вирши Игоря Кобзева, одного из самых бездарных поэтов того времени. По его собственной категорической оценке, сто «Кобзей» едва-едва дотягивали до одного «Манделя».

Самого Эмку невозможно было не любить за его человеческие качества, как невозможно было не любить его отчаянно талантливые стихи.

У романтика Павла Когана есть известные каждому любителю

поэзии строки: «Я с детства не любил овал, / Я с детства угол рисовал».

У Коржавина было другое отношение к миру:

Меня, как видно, Бог не звал
И вкусом не снабдил утонченным.
Я с детства полюбил овал
За то, что он такой законченный.
Я рос и слушал сказки мамы
И ничего не рисовал,
Когда вставал ко мне углами
Мир, не похожий на овал.
Но все углы, и все печали,
И всех противоречий вал
Я тем больше ощущаю,
Что с детства полюбил овал.

В этих стихах есть и судьба и характер. А от судьбы, как известно, никуда не уйдешь. Об этом Коржавин с юности говорил в своих стихах. А в зрелые годы он напишет:

Я не был никогда аскетом
И не мечтал сгореть в огне.
Я просто русским был поэтом
В года, доставшиеся мне.

А какие года достались? 47-й. 56-й. 73-й*.

Эпоха сталинщины, когда человеческая личность приравнивалась к «винтику» огромной и бездушной государственной машины.

Кратковременная, как летний дождик, хрущевская оттепель, когда к человеку постепенно возвращалось чувство личности и собственного достоинства.

Первые брежневские заморозки, грянувшие с процессом Синявского и Даниэля, когда вновь в общественное сознание пыгались укоренить ложь как единственно возможный способ существования.

«Да здравствует самый гениальный, самый мудрый Учитель всех времен и народов Иосиф Виссарионович...», «Дорогой Никита Сергеевич...», «Лично Леонид Ильич...»

В топке 37-го сгорели уцелевшие от предыдущих чисток партийные функционеры и «уклонисты», простые колхозники и рабочие,

---

* В 1947-м Н. Мандель был арестован; в 1956-м – реабилитирован; в 73-м эмигрировал.

выдающиеся писатели и режиссеры, ученые и актеры, объявленные «врагами народа». И если в это время беда и горе обошли Коржавина стороной, то 47-й ударил по нему трехлетней сибирской ссылкой.

До и после ареста он дружил с молодыми поэтами Самойловым, Слуцким, вернувшимися с войны. Формально не принадлежа к этому поколению, ощущал их внутренне близкими себе.

И жил литературой.

Поэзией.

Россией. Как бы пафосно это ни звучало. Но так было, и из песни слов не выкинешь.

Почти через четверть века, в 1960-м, появятся «Вариации из Некрасова».

...Столетье промчалось. И снова,
 Как в тот незапамятный год –
 Коня на скаку остановит,
 В горящую избу войдет.
 Ей жить бы хотелось иначе,
 Носить драгоценный наряд...
 Но кони – всё скачут и скачут.
 А избы – горят и горят.

Стихотворение хотя и о русских женщинах, но весьма и весьма символично. В смысле огня. Который продолжает гореть и в России XXI века. А первая публикация у Коржавина состоялась в 36 лет, в Калуге, в альманахе «Тарусские страницы». Первая книжка вышла в Москве в 1963-м, когда ему уже было 38. Вторая – во Франкфурте-на-Майне в 1976-м, в 51 год. В 1973-м, в эпоху глубокого брежневского безвременья, он распрощался с СССР.

Вот такие «загогулины» (как выразился однажды известный политический деятель по другому поводу) поэтической судьбы.

Шли годы. Одно время сменяло другое. Менялись люди, идеи. Возникали и вновь умирали надежды. Русский поэт, еврей по происхождению, Наум Коржавин всегда и везде – в ссылке, в Москве, в Бостоне – оставался самим собой.

И, как в молодые и зрелые годы, продолжал писать о России. Думал о ее исторической судьбе. Размышлял о трагическом прошлом. Внимательно из своего эмигрантского далека следил за тем, что происходит на родине.

Когда одряхлевший и порядочно обветшавший железный мундир, в котором столько десятилетий прожила страна, стал на глазах изумленного Запада и удивленного советского народа окончательно

распадаться, когда стали публиковать эмигрантов первой волны – Набокова, Ходасевича, Бердяева и других, покинувших большевистскую Россию, когда эмигранты третьей волны – Аксенов, Войнович, Любимов и прочие – перестали быть «врагами» и шлагбаум, отделявший страну от остального мира, приподнялся, обросший мифами, легендами и анекдотами, поэт одним из первых приехал на родину.

Д.С., узнав об этом, позвонил мне из Пярну и попросил увидеться с ним и передать привет.

Во время пребывания в Москве Коржавин часто выступал на литературных вечерах. Я пришел на один из них. На вечере он читал и известные собравшейся публике стихи, и неизвестные, а затем его попросили из зала прочитать знаменитую балладу «Памяти Герцена (об историческом недосыпе)».

...Закончив чтение, он снял очки – свет слепил глаза – и, прищурившись, посмотрел на жену. Она одобрительно кивнула. Зал, воспринимавший в те годы любое честное и умное (а здесь еще и ироничное и даже трагичное) высказывание о России, пришел в полный восторг. Коржавин развел руки и начал читать новые стихи, написанные в эмиграции, иногда перемежая их старыми – теми, что еще помнила публика, собравшаяся в зале.

Зайдя за кулисы, я передал ему привет от Самойлова; он начал расспрашивать меня о его прибалтийском житье-бытье и предложил встретиться на неделе. Мы встречались несколько раз; в одну из наших встреч он надписал мне свой первый сборник стихов «Годы», вышедший в Москве еще в 1963-м и в наши годы ставший уже библиографической редкостью.

Был Коржавин лысоват, мешковат, невысокого роста, смотрел на этот мир огромными, выпученными, подслеповатыми глазами, в комнатах передвигался легко, а на улице и сцене, где бывали его вечера, с помощью жены, всегдашнего своего спутника по жизни.

Слушать его было так же интересно, как и читать. Он внятно формулировал мысли, чаще выслушивал собеседника, но иногда перебивал и с неутраченным пылом и энергией буквально набрасывался на визави. Будучи прирожденным полемистом, довольно легко сталкивал его с точки зрения на кочку, разбивая в пух и прах сомнительные на его, Коржавина, взгляд, аргументы. И яростно отстаивал свои выношенные взгляды по самым разным вопросам – начиная с еврейского и русского – и заканчивая трансцендентальными.

По привычке я записал в свой дневник (который еще с молодости меня приучил вести Д.С.) разговоры с Коржавиным, которого считал (и считаю) одним из умнейших людей ушедшей эпохи.

Вот некоторые из них.

*Из Дневника 1989 года.**Два выхода.*

Я уехал 31 октября 1973-го года в минуту отчаянья, и отчаянье это было вполне обоснованным. Тогда я думал, что у меня есть два ужасных выхода: один – уехать, а другой – остаться. Я выбрал первый, потому что считал, что жизнь моя здесь кончилась, она пришла к какому-то своему завершению, и если продолжать ее, то в других формах. Мне хотелось пожить несколько лет за границей и вернуться, но судьба распорядилась иначе, и уже почти пятую часть я живу в эмиграции. Диссидентом я себя не ощущал; как и был, так и остаюсь русским поэтом – и, покидая Россию, преследовал отнюдь не политические цели. Мне было стыдно жить и душно дышать, не хватало воздуха, и я смертельно устал. В конце шестидесятых начался сталинизм «с человеческим лицом». Ведь что такое брежневщина? Это сталинщина без Сталина. Сталинские «соколы» без сталинской плетки над ними. И то, что они сразу стали разворовывать страну, удивляться нечему. Это абсолютно случайные люди, случайные выдвиненцы, даже не карьеристы. Понятие «карьерист» в русском языке имеет некий уничижительный оттенок. На Западе оно не считается позорным, потому что если человек – политический деятель, он должен делать карьеру, – это дело его жизни. Потому карьеристов я предпочитаю выдвиненцам, они выполняют другую работу. Я не занимался политической деятельностью, был свободным человеком и поступал в соответствии со своей совестью и достоинством.

Как и многие мои товарищи, я подписал три письма: одно в поддержку Солженицына, другое – против процесса над Синявским и Даниэлем и третье – в защиту Гинзбурга и Галанскова. Эта деятельность вызвала активное неприятие властей. Тотального запрета на меня всё же не последовало, стихи и рецензии публиковались в «Новом мире» Твардовского, «Юности» и других журналах, я от них и по сей день не отказываюсь. Я продолжал выступать и говорить то, что думал, но пьеса «Однажды в двадцатом», которая шла в постановке Б. Львова-Анохина в театре Станиславского и в других театрах, не прошла, хотя ее уже начали распространять по стране. Постепенно стали портиться люди, начиная приспособляться к новому времени. А я хорошо знал сталинскую эпоху, знал, как человек умеет оправдывать свои поступки или не поступки, свой душевный комфорт общественными обстоятельствами. До этого я полагал, что мы становимся нормально плохим государством. В это определение я не вкладываю негативный оттенок, просто хороших государств не бывает. Немедленное воплощение конечного идеала в жизнь к добру не приводит. Люди должны жить по мере возможностей, воспитывать

детей, квалифицированно работать и попутно содержать государство, а добро и зло, нравственное и безнравственное существуют при любых социальных системах. Многие считают, что самое трудное – осмелиться сказать правду. Я думаю, самое трудное – знать эту правду. Так было в XIX веке, ничто не изменилось в XX, и не изменится с началом третьего тысячелетия. Жизнь в каждую эпоху не идеальна, но бывают разные эпохи. Последние два десятилетия мы жили в эпоху стагнации, под знаком распада. Я уходил не в эмиграцию, а в ожидание, и Горбачева не предвидел даже в самых розовых снах. Но в каком-то смысле существование по ту сторону границы точно выражает и итоги нашей внутренней жизни: для меня она оказалась не освобождением от чего-то, а путем из болота в пустыню.

«Я всегда говорил то, что думаю.»

В эмиграции я столкнулся с трудностями моральными и материальными. Не скажу, что в эмиграции нет людей, которые не любят стихи, – на русские вечера поэзии собирается больше любителей, чем на американские. Но эмиграция – это набор случайных людей, вынужденных приспосабливаться к новой ситуации. И многие приспосабливаются хорошо, не теряя при этом своего человеческого достоинства. У меня там есть читатели, но русская поэзия и всё, чем я жил, остались здесь и связаны с историей и судьбой страны, где я родился и прожил большую часть сознательной жизни. Я никогда не был ни западником, ни антизападником, и внутренне всегда ориентировался на Россию, на то, что я русский московский поэт. Западные специалисты обо мне почти ничего не слышали, потому что они изучали литературу по скандалам, а мои скандалы кончились раньше, чем мною заинтересовались. И на Востоке, и на Западе я всегда говорил то, что думаю, и никогда не был флюгером. Вполне допускаю, что это вызвало раздражение по обе стороны океана. Я переживал депрессию, очень тяжелую в первые годы, она, прежде всего, была вызвана отрывом от почвы. Разным писателям там живется по-разному и зависит это и от объективных, и от субъективных факторов. Я давал себе мало шансов на выживание, но все-таки выжил, и, наверно, являюсь единственным эмигрантом, для которого Запад оказался лучше, чем я о нем думал, потому что думал я о нем еще хуже. Ошибся я только в одном – там есть весьма значительные интеллектуальные силы. И всё же эмиграцию я сейчас воспринимаю как период после жизни.

Но Америка не виновата в том, что мне было трудно. В 78-м сложилось такое стихотворение: «Могу в Париж и Вену. / Но брежу я Москвой, / Где бьетесь вы о стены, / О плиты головой»... ну, и так далее.

«Русскоязычной литературы не бывает...»

...как и русскоязычной культуры. Это ерунда – есть одна неделимая русская литература и культура. В наши дни, когда мы с вами разговариваем на этой кухне, происходит совершенно нормальный процесс восстановления культурных ценностей вне зависимости от того, где они были созданы – в Париже или Петербурге; вне зависимости от того, когда они были созданы – в начале Серебряного века или в последнее десятилетие. А Самиздат родился не после первой хрущевской оттепели, когда на машинках перепечатывали Ахматову, Мандельштама, Булгакова или Платонова, а гораздо раньше. Вернее, родилось само слово, и оно имело только локальный смысл, а именно – относилось к моему другу и очень хорошему поэту Николаю Глазкову, который его придумал для себя. После войны Глазкова, как и других талантливых и оригинальных авторов, практически не печатали. Тогда он самостоятельно стал выпускать небольшие машинописные книжечки, где на первой странице стояло: «Москва. Год такой-то. Самсебиздат». Затем он «себя» выбросил, осталось – «Москва. Самиздат». Слово это подхватили в другое время, и оно совершенно точно соответствовало новому общественному явлению. Что же касается термина «эмигрантская литература», то он имел какой-то смысл в тридцатые годы. Именно тогда, а не в 70-е или 80-е, все связи обрывались, и Владимир Набоков или Георгий Иванов развивались сами по себе в очень замкнутой литературной среде. Мне кажется, сейчас такого понятия не существует. Есть одна русская литература – та, которая создается на русском языке и внутренне ориентирована на Россию с ее трудной исторической судьбой. Во всяком случае, я себя никогда не относил к эмигрантской литературе.

«Сквозь безнадегу всех разлук...»

Я писал не только стихи, но и защищал то, что мне дорого как поэту и человеку. Свою задачу я видел в том, чтобы эмигранты прежде всего оставались людьми, чтобы они не забывали Россию, чтобы они сохраняли нормальную систему ценностей. Я всегда противостоял антирусским заявлениям, которых очень много на Западе раздавалось, когда у власти стоял Брежнев. Чаще всего русофобия у некоторой части эмиграции объясняется не реальной ненавистью к России и русским, а нуждами легкомысленного самоутверждения, желанием соответствовать «культурным» западным стандартам, а точнее, предрассудкам – мол, русские из-за природной тяги к рабству испортили замечательные идеи. Мне это противно и само по себе, и потому, что я воспринимаю такие высказывания как оскорбление и в свой адрес, ибо до сих пор не отделяю себя ни от России, ни от рус-

ских. Несколько раз я защищал Солженицына от грубых нападок и многочисленных обвинений в самых разных грехах. Он – великий писатель и великий человек, который очень много сделал для своей страны и который желает ей только добра. Он хочет, чтобы в России восторжествовал порядок, а не анархия, ведущая к произволу. Я тоже этого хочу. Если он монархист, как утверждают многие, то это еще не обвинение, поскольку человек имеет право придерживаться любых взглядов, кроме бесчеловечных. Я имею в виду сталинизм и фашизм.

Послушайте, голубчик, одно из стихотворений, написанных в эмиграции, это «Письмо в Москву», оно длинное, но Вы уж дослушайте, оно многое объясняет (стихотворение действительно длинное, поэтому приводить его на этих страницах я не буду, его можно прочитать практически во всех сборниках Коржавина, изданных в Москве после 1991 года. – Г. Е.)

О нормальных ценностях культуры.

Я давно вырвался из идеалистического плена к нормальным ценностям христианской культуры. Но сейчас и эти ценности шатаются, проявляя полное бессилие перед тупым тоталитарным натиском. Капитуляция происходит под флагом того «индивидуального потока», который мы привыкли противопоставлять тоталитаризму. Это индивидуализм без индивидуальности, без личности, но формально отделить одно от другого невозможно. С одной стороны, оборачивается близоруким шкурничеством – делайте что хотите, продавайте что и кого хотите, только меня оставьте в покое. С другой стороны – беспросветным самоутверждением, в жертву которому приносится всё без разбору. То, к чему я пришел в жизни – уважение к истории, к культуре, здравому смыслу, – сегодня часто ставится под сомнение. Мне же нечего предложить цивилизации, кроме здравого смысла, совести и ответственности, и, конечно, любви. Безусловно, Бога. Мне самому выбирать уже поздно, да и другим я уже не стану. И боюсь я не конца света, а распада цивилизации, общества, истории. Трагизм творчества поэта в наше время заключается вовсе не в репрессиях, хотя можно и задушить. Трагична сама жизнь. Она не может не быть трагичной, хотя бы потому, что мы умираем и не всё можем.

Ответ на трагедию бытия.

У искусства свои особые задачи, а поэзия – сердцевина искусства. Самуил Яковлевич Маршак, один из самых мудрых людей, которых я встречал в жизни, говорил: «Знаете, голубчик, в мире существует одно искусство – поэзия, а все остальные искусства ценны постольку, поскольку в них есть поэзия». Потом он делал

паузу и добавлял: «В том числе и стихи». Это абсолютная правда. И поскольку функция искусства коммуникативная, т. е. каждый человек через сцену, через стихи чувствует себя и других, то оно объединяет людей, возвращает человека к самому себе и приобщает его к вечности, к незбылемым ценностям. Настоящее искусство, настоящая поэзия – это момент современности, который почувствован как момент вечности на фоне всех вечных ценностей, на фоне постоянной трагедии человечества и жизни. Поэзия дает ощущение вечности и ее необходимости. А художник – это человек, который раскрывает в своем творчестве современность и вечность. И он обязан прорываться сквозь современность к небу, к звездам. И если он прорвется, то на его стихах, о чем бы он ни писал, останутся царапины – следы достоверности его выхода к небу. Такая поэзия будет восприниматься и спустя годы в изменившейся политической или духовной ситуации, потому что она сквозь временные проявления затрагивает те душевные струны и культурные ценности, которые существовали и будут существовать вечно. Потому в идеале каждое произведение искусства должно быть рассчитано на вечность. Это есть ответ на трагедию бытия.

«Предательство было возведено в ранг добродетели.»

В сталинскую эпоху, когда формировалось наше поколение, извращались не только культурные, но и все иные человеческие ценности. Стоило только восторжествовать классовой морали, как предательство было возведено в ранг добродетели, а доносительство рассматривалась как одна из первейших обязанностей советского гражданина. Общечеловеческая максима «не убий» была напрочь забыта, любовь к ближнему своему объявлена абстрактным гуманизмом.

Было подвергнуто сомнению право обычных людей просто жить. Почему-то считалось просто жить – мешанством. Не мешане обеспечивали себя хорошими пайками, а мешане были те, кто пайков не получал. Еще в 18-м году, когда вся Россия была взбудоражена битвой за равенство, Зиновьев вполне обеспечивал себя и других идейных революционеров дополнительным питанием и в скором будущем настал момент, когда упитанность и идейность стали совпадать. Одно время даже умирать стало стыдно, потому что требовалось не умирать, а гибнуть – и обязательно в борьбе. Борьба продолжалась постоянно, врагов следовало не только ненавидеть, но и уничтожать. Необычайно развился фанатизм, и многие нравственные нормы были извращены. Я помню рассказ, в котором передовой сын выдает чекистам человека, спрятанного его интеллигентными родителями, и где автор, тоже

интеллигент, потешается над неподдельным ужасом своих взрослых героев. Сын, с явного согласия этого «инженера человеческих душ», считает, что «выдавать – позор» явно устарело. Напротив, сокрытие, а значит и спасение человека, равносильно в его глазах предательству своих героических товарищей. Рассказ прямо учил доносить и предавать. В школе учили наушничать и ябедничать. Именно в те годы начал прославляться Павлик Морозов.

«Полемизировать со Сталиным нелепо.»

Элементы сталинщины проникали в жизнь незаметно. Одни понятия подменялись на ходу другими, как одни люди заменялись другими, а затем и третьими, так что могло показаться, что ты ослышался или где-то допущена ошибка или опечатка. Не успел ты еще опамятоваться, как замечал, что эта описка получила все права гражданства и уже многими воспринимается как нечто само собой разумеющееся, не подвергающееся сомнению. Главной добродетелью стало любить Сталина. Его почти никто не видел, никто не знал. Но газеты и радио на каждом углу кричали, что он великий и мудрый, что он друг и учитель, и сознание приспособлялось к новой реальности. В народе вообще существовала мощная тенденция истолковывать всё дурное, что вытворяла с ним эта власть, как действия, направленные тайно против самой власти. Даже дети раскулаченных и сосланных воспринимали постигшую их участь, как нечто оскорбившее их любовь и преданность революции по вине местного аппарата. И Сталин, следует отдать ему должное, очень хорошо умел использовать и поддерживать это чувство своими «головокружениями от успехов», которых у него было необычайно много в самых разных областях и в разные времена. Многие не понимали, что происходит, но всё равно вера в светлую цель оставалась.

Ни с чем нельзя сравнит преступления Сталина против крестьян, но когда Каганович рассматривается некоторым литераторами, в том числе и Валентином Распутиным, как идеальный инициатор коллективизации, а «вождь» – как игрушка в его коварных руках, то дальше ревнителям памяти ехать некуда.

Сталин – это нечто потустороннее, полемизировать с ним нелепо, это всё равно, что полемизировать с Сонькой-Золотой Ручкой. Интересно другое, а именно – как он мог получиться и как такой человек смог прийти к ничем не ограниченной власти, – ведь он не только пришел, но его и привели, и многие из тех, кто его привел, потом были им расстреляны.

И всё же дело не в одном только Сталине, но и в нас самих, и мы должны думать о себе самих, о том, кем мы были и кем стали.

История историей, условия условиями, но человек всё же сам отвечает, каков он есть и каким стал. Катарсис и гармония бывают только в искусстве, а утопия – это попытка воплотить возможное только в искусстве – в жизни, поэтому она всегда терпит крах.

Об интеллигенции и свободе.

При Сталине осуществлялся не только физический, но и моральный террор. Граждан не только уничтожали, но и издевались над ними, унижали достоинство, не давали работать, проявить свои духовные способности в полную силу. Но всё же находились смелые и мужественные люди – я имею в виду, прежде всего, старую русскую интеллигенцию, – которые противостояли насилию над личностью. Именно поэтому главные удары ЧК и ГПУ поначалу обрушивали на интеллигенцию. Лучших и ярких ее представителей выслали, наиболее активных расстреливали и душили Соловками, других преследовали, понуждая к добровольной эмиграции. Но многие отступили с Белой Армией. К чему всё это привело – всем давно известно. Традиционная интеллигенция, как правая, так и левая, была задавлена в 20-е годы. Не следует понимать это буквально: уничтожали многих, но многие и уцелели. Ее пытались не только разрядить и ослабить, но и вытеснить, подменить так называемой «новой». Но в конце 30-х как будто помиловали, т. е., конечно, сажать продолжали – кого тогда не сажали! – но уже не специально, а на общих основаниях, и позволяли существовать, как и во всем, распространив на них звание простого советского интеллигента. Часть из них приобрела циничную верно-подданность, но большая часть осталась порядочными людьми, продолжавшими исподволь влиять на окружающую среду. И всё хорошее, что есть в каждом из нас, прямо или опосредованно идет от них. И если культура русская уцелела после всех потрясений, то это и их заслуга. И никакой террор Короленко, Гумилева, Павлова не запугал, потому что террор – это не просто страх, и делается он не ради страха. Главное здесь – терроризировать сознание. Вам создается интерес, в который вас загоняют, как в камеру. Осмотревшись и пообвыкнув, вы понимаете, что и в замкнутом пространстве можно дышать. А затем думаете: может быть, так вообще лучше – на улице холодно, дождь идет, а здесь, хоть и тесно, но тепло, и все как один... Проходит время, флажки снимают, а человек по-прежнему боится выйти на волю – сместились критерии. Вот что страшно.

Русская интеллигенция сумела сохранить свое сознание свободным. Но «товарищ Сталин» не только пытался терроризировать сознание всех своих подданных, но и стремился обвинить их самих в терроре против властей и себя лично. В то время, когда я сидел, сле-

дователи старались добиться почти от каждого заключенного, кроме признания своей вины, что он лелеял (лелеял – обязательно, была почему-то именно такая любимая и стандартная фраза) террористические замыслы. В отношении кого – понятно.

«Мне каждое слово будет уликою...»

Меня арестовали 20 декабря 1947 года. Я учился в Литинституте, писал стихи и читал их, где только было возможно. Об этом времени – рассказ Владимира Тендрякова «Охота» в журнале «Знамя». Там есть немного и обо мне, но хорош он не этим, конечно, а тем, что точно выражает суть послевоенной эпохи. Я жил в некоторой эйфории, меня несло, конечно, стихи сразу же попадали в органы. Они, может быть, и были исполнены революционной романтики, но явно не совпадали с той эпохой, и очень сильно чувствовалось неприятие творившихся мерзостей и особенно 37-го, который меня потряс, но не задел лично. Задело время, потому что я чувствовал, как менялась атмосфера, как стремительно наплывала ложь и бессмыслица, прикрывавшаяся безумным энтузиазмом. В 45-м, после Победы, я стал пересматривать свои взгляды. Мне казалось, что мои терзания – чисто интеллигентская штука, что есть другие знания, и была построена теория приятия Сталина как необходимости жесткости всего происходящего. Я полагал, что нужна только внутренняя сила для того, чтобы выжить и соответствовать времени. Теория глупая, я ее стыжусь до сегодняшнего дня. Она была полным отдалением от истины во имя сохранения цельности натуры или характера. Теперь я считаю, что поскольку три года был сталинистом, то сидел за дело. И весьма благодарен тем, кто меня посадил, потому что, черт его знает, до чего бы я мог дойти. И всё же именно в эти годы во мне происходил какой-то странный поворот к жизни, к России и ее истории. Но почему-то я всегда был уверен, что меня посадят и всегда боялся. Тогда было написано одно стихотворение, которое очень нравилось следователям. Там были и такие строки:

Мне каждое слово
Будет уликою
Минимум
На десять лет.
Иду по Москве,
Переполненной шпиками,
Как настоящий поэт.
Не надо слежек!
К чему шатания!

А папки бумаг?
Дефицитные! Жаль!
Я сам
Всем своим существованием –
Компрометирующий материал!

«Наум, прочти стихи про компромат.»

До ареста меня вызывали в МГБ и предупредили, но даже и после вызова я продолжал читать стихи, потому что не мог остановиться. Графу «воспитание», по которой меня, очевидно, поначалу пустили, пришлось закрыть. Они посчитали, что я сумею исправиться, я и хотел исправиться, но не смог. Обиды на «доблестные органы» не держу. В конце концов, меня всё же посадили, но было неясно, чем это кончится. Восемь месяцев я сидел на Лубянке. Когда следователям становилось скучно, они говорили: «Наум, прочти стихи про компромат». Ничего страшного со мной не делали, никто меня не бил и не мучил, даже сна не лишали. Обвинили по статье 58-10, т. е. в антисоветской агитации, потом заменили – «писал и читал знакомым стихи антисоветского содержания», затем заменили «антисоветского» на «идеологически невыдержанные». Сейчас это всё кажется абсурдным, потому что в итоге дали мне статью 7-35. По пункту 7 могли быть привлечены лица, не совершившие преступления, но по своим связям и прошлой деятельности, медицинскому состоянию или по каким-то другим причинам представляющие опасность для социалистического государства. В 35-й статье были перечислены соответствующие наказания. В Кодексе их соединили, получилось 7-35, по которой высылали проституток. Все серьезные санкции начинались со знаменитой 58-й.

«У каждого свои университеты.»

По тем временам ко мне относились весьма либерально. По моему, мне с ГБ вообще везло. Но сталинизм мой кончился не сразу. Я себе доказывал: лес рубят – щепки летят. И когда это признаешь в отношении других, то надо быть мужественным и признать справедливость непререкаемой формулы и в отношении себя. И я признавал, даже тогда, когда в ссылке читал материалы антикосмополитской кампании. Я думал – а может, евреям так и надо, и они заслуживают того, что заслужили? Но когда я увидел, кто на этом стал выдвигаться, у меня сразу всё полетело, и я отказался от всего окончательно. На меня подействовала не сама травля, а люди, ее осуществлявшие, – Софронов и другие.

А сослали меня в деревню Чумаково Новосибирской области, по

тем временам – детский лепет, который, правда, мог закончиться летальным исходом в лагере при моей неприспособленности. Делать мне в деревне было абсолютно нечего, но я благодарен судьбе, потому что там, в ссылке, прикоснулся к чему-то очень важному для себя. У каждого свои университеты.

«Жизнь – великий драматург...»

– потому что непредсказуема. Как сказал Пастернак, «неотвратим конец пути». В отношении происходившего на родине в последние годы, я был большим пессимистом – Горбачева я не предвидел. Я думал, система идет к кризису, и боялся этого кризиса больше всего. Надежды на то, что появится что-то хорошее в жизни, у меня не было. Но когда умер Черненко, я сказал: сталинская эпоха наконец-то кончилась. Не знаю, что будет дальше, но это факт. Когда пришел Горбачев, я выступил по радио и сказал, что у него нет другого выхода, как стать великим государственным деятелем. Все послевоенные годы мы, сами того не желая и не зная – так жизнь строилась, – сидели не в осаде, а в засаде, точка мечи и выжидая, кто вдруг зазеваётся, а порой эти мечи вынимали из ножен. И сердились за это на весь мир, полагая, что из-за него страдаем. И действительно страдали – когда жизнь подчинена только засаде, жить бывает не на что, да и некогда. Думать, что виновники наших бед не мы, а кто-то вовне – далекие американцы или никому не ведомые жидомасоны – плохо не только потому, что это не так. Такие перспективные идеи дезориентируют и разоружают сограждан, настраивая их на бесплодную ненависть, а не на мобилизацию духа, еще сильнее вдавливают в болото. Мы всё дальше и дальше углубляемся в советскую историю, и это хорошо, историю надо знать и понимать, но мне кажется, что сегодняшняя ситуация не так уж прямо связана с историей. Можно держаться любого мнения о том, стоило или не стоило брать Зимний Дворец в 17-м, но сейчас совершенно ясно, что отдавать его некому. После 85-го года у нас нет права на пессимизм, потому что речь идет не об абстрактном вопросе и не об академическом, а о выживании. Когда речь идет о выживании, включается разум, воля, что угодно, и надо выживать, и это делает страну нормальной, – надо становиться нормальным правовым государством. Я – поэт государственный, я против анархии и думаю, что свободным человеком можно быть только в свободном государстве, т. е. в таком, которое защищает его интеллектуальные и экономические свободы. Сейчас цель существования страны – благосостояние. Чтобы все люди по возможности жили хорошо. Сегодня хоть организуйте 125 партий, всё равно придется начинать с решения элементарных проблем с жильем, питанием,

одеждой. Для нас же вопрос о свободе печати может становиться мировым вопросом.

«Нельзя целый народ заставить постоянно быть жертвой.»

Главная трудность сегодняшнего дня заключается в том, что просить от людей жертв приходится не для рая, а для весьма относительной жизни, которая просто жизнь, просить всегда тяжело. Раньше право человека заботиться о своей жизни у нас не признавалось, считалось эгоизмом и чуть ли не смертельным грехом. Но это же не так. В раннем христианстве монахи выбирали пост сознательно и добровольно. Они осуществляли свободный выбор, тем более, никого не заставляли быть монахами. Нельзя целый народ заставить постоянно быть жертвой, – появляются жулики, вынужденные изображать жертву, потому что они не хотят жить той жизнью, которую им навязывают. Возникает тоталитарный театр, где все – актеры и нет зрителей. Этим он и отличается от искусства. Возникает двойная мораль, возникает двоемыслие, которое прекрасно описал Оруэлл в романе «1984», наконец-то ставшем доступным и нашим читателям. При Сталине так существовала большая часть общества. Кстати, право отнюдь не предполагает обязанности граждан его использовать. Но когда власть ощущает себя вправе осуществлять тотальный контроль над гражданином, вплоть до передвижения, то от запрещения выезжать из колхоза ей легко перейти к запрету на выезд из страны. До недавнего времени к нам все могли приехать, а мы, включая лауреатов премий, могли к ним ехать только тогда, когда нас выпускали или посылали на конференции, симпозиумы и т. п. Мы были заперты, как в тюрьме. Это отнимало нечто существенное у нашего общего достоинства и унижало как лауреата, так и доярку. Да и вообще жизнь в тюрьме полностью зависит от начальства.

Кто пророк?..

Я не люблю слово «плюрализм» по отношению к литературе и даже по отношению к мысли. Признаю только – уважение к истине. Это не значит, что кто-то из нас двоих знает истину. Я имею в виду, что когда мы с вами разговариваем и выясняем какие-то вещи, то даже при несогласии друг с другом мы оба заинтересованы в том, чтобы выяснить истину или хотя бы проложить путь к ней. Я уважаю любую чужую точку зрения, но априори у меня уважения к чужому мнению нет. Уважаю только в том редком случае, когда мнение имеется. Конечно, я могу и ошибаться, но лучше отвечать за свои ошибки, чем за чужие.

Мне кажется, интеллигенция устроила толкотню на качающейся

льдине, и это мне не по душе. Я не против полемики в печати, но у многих интеллигентов абсолютные взгляды на политику, литературу, историю. Неужели нетерпимость стала генетической болезнью? Можно говорить о том, кто прав, кто виноват, кто первый, кто не первый, но такие вопросы решаются персонально. Подлость во все времена остается подлостью.

В Библии есть такая главка, в которой дано определение пророка. Как определить, кто пророк, а кто нет? Оказывается, очень просто: если то, что он пророчит, сбывается, значит – пророк. Если нет – можно побивать камнями. Давайте меньше пророчить, а больше делать для общего блага, народа, страны, мира. Потому что мы не являемся ни провинцией Европы, ни провинцией Запада. Мы – часть, и очень значительная по своему интеллектуальному и культурному уровню, единого и неделимого мира. Впрочем, стихи это выражают намного лучше. Вот, послушайте:

Ах ты, жизнь моя – морок и месиво.
След кровавый – круги по воде.
Как мы жили! Как прыгали весело –
Карасями на сковороде.

Из огня – в небеса ледовитые...
Нас прожгло. А иных и сожгло.
Дураки, кто теперь нам завидует,
Что при нас посторонним тепло...

* * *

Дома я открыл перепечатку стихов Коржавина:

Наивность взрослых – власть стихии,
Со здравым смыслом нервный бой.
Прости меня. Прости, Россия,
За всё, что сделали с тобой...

А через несколько лет, не помню где, прочитал у Довлатова:
«Накануне одной литературной конференции меня предупредили:
– Главное, не обижайте Коржавина.
– Почему я должен его обижать?
– Потому что Коржавин сам вас обидит. А вы, не дай Бог, разгорячитесь и обидите его. Не делайте этого.
– Почему же Коржавин меня обидит?
– Потому что Коржавин всех обижает. Вы не исключение.
Поэтому не реагируйте. Коржавин страшно ранимый.

– Я тоже ранимый.

– Коржавин – особенно. Не обижайте его...

Началась конференция. Выступление Коржавина продолжалось четыре минуты. Первой же фразой Коржавин обидел всех американских славистов. Он сказал:

– Я пишу не для славистов. Я пишу для нормальных людей...

Затем Коржавин обидел целый город Ленинград, сказав:

– Бродский – талантливый поэт, хоть и ленинградец...

Затем он произнес несколько колкостей в адрес Цветкова, Лимонова и Синявского. Ну и меня, конечно, задел. Не хочется вспоминать, как именно. В общем, получалось, что я рвач и деляга.

Хорошо, Войнович заступился. Войнович сказал:

– Пусть Эмка извинится. Только пусть извинится как следует. А то я знаю Эму. Эма извиняется так:

– Извините, конечно, но вы – дерьмо!»

ОБ ИСКУССТВЕ ПОЛЕМИКИ

Снимаю со своей библиотечной полки переписку Самойлова с Лидией Чуковской⁸, перечитываю давно известные страницы и как будто дышу свежим воздухом.

Понимаете – почему?

Когда везде – и на ТВ (особенно), и в газетах и журналах стоит одна только ругань – смачная, махровая, когда участники полемики – будь то убежденные либералы (которых иногда зашкаливает) или не менее убежденные консерваторы (которые по-прежнему исповедуют старый принцип «держат и не пущать») стремятся не доказать или хотя бы приблизиться к истине, а уничтожить или оболгать собеседника или оппонента, – эта книга действительно как глоток чистого воздуха.

Переписка – глубокая, это понятно, речь идет о серьезнейших вопросах – о жизни, об искусстве, о литературе. О творческом поведении. О том, что можно делать в этой единственной жизни и чего нельзя.

Но и в ней встречается кое-что, заставляющее рассмеяться.

Д.С. говорил, что на своем веку он знал всего двух «железных женщин» – свою вторую жену Галину Ивановну и Лидию Корнеевну Чуковскую. Г.И. обладала железной логикой и железным характером. Эти же свойства в еще более высокой прогрессии были свойственны Л.К. Но «двойное железо» ни жене Самойлова, ни его корреспондентке чувству юмора не мешало. Правда, на страницах «Переписки» это проявилось всего лишь однажды, но как!

Сначала предыстория.

Лидия Чуковская была дамой чрезвычайно требовательной и взыскательной – на характер отложил печать редакторский опыт: еще в 1928 году она работала редактором в Ленинградском отделении Детиздата, который тогда возглавлял С. Я. Маршак, некоторое время в «Новом мире» – заведовала в журнале отделом поэзии, когда им руководил Константин Симонов. А одну зиму, в конце пятидесятых, преподавала на Высших литературных курсах при Союзе писателей, что тоже не могло не сказаться на ее характере.

Она не то что щепетильно – трепетно относилась к каждой букве, к каждой запятой. Помню подаренные ею Д.С. 1-й и 2-й тома «Записок Ахматовой», испещренные ее вставками, цветными исправлениями (она плохо видела и писала фломастерами), которые он давал мне читать. Книги вышли в Париже в издательстве «УМСА-Press»: первый том – в 76-м году, второй – в 80-м, естественно, с чудовищными ошибками и опечатками.

Но, как вы понимаете, несмотря ни на что, книги эти были ценностью, в те годы – невероятой (сейчас, безусловно, тоже – остался документ ужасной эпохи, свидетельство очевидца страшных лет жизни России, исчез сенсационный налет тех лет, когда о жизни А. А. Ахматовой любители ее поэзии знали сравнительно мало).

Во Франции стояли обычные времена, а в СССР – глухое брежневское безвременье. Чуковская, получив «авторские» из-за границы, бесценные эти экземпляры раздаривала своим близким друзьям и, будучи уже довольно старым и большим человеком, тщательно исправляла на каждом все ошибки и опечатки.

Представляете, сколько было друзей у внучки Чуковского, редактора, писателя и правозащитника, сколько томов она подарила, на скольких все ошибки и опечатки – до последней запятой – исправила. А в каждом томе было чуть ли не по 600 страниц убогистого текста. Поистине – железная женщина.

Не знаю, чем дорожил Д.С. больше – самими книгами или исправлениями, сделанными рукой Лидии Корнеевны, но ценил он ее титанический труд безмерно. Потому что сам на такое способен не был.

30 июня 1980 года Чуковская пишет письмо Самойлову, в котором делится с ним своими переживаниями: «Моя премия – это соль на рану. Рана – выпуск французского издания 2 тома (до русского) в искаленном виде. Только что я собралась заявить публичный протест, как посыпались хвалебные статьи, а потом премия. На статьи я плевала бы, но не могу же я оскорбить милых людей из РЕН-клуба, которые присудили мне премию Свободы за эту изуродованную книгу... А видеть ее не желаю».

Поясню. Речь идет о престижной премии Французской

Академии – «Премии свободы», которой Чуковскую наградили летом 1980 года. До Л.К. дошли известия о присуждении премии, но не конкретно – за что она была присуждена. Чуковская полагала, что за издание «Записок об Анне Ахматовой» в переводе на французский (Париж: Albin Michel), и именно об этом сообщила Д.С.

Этой книгой она была не просто огорчена, а недовольна. И весьма сильно. Дело заключалось в том, что издательство внесло от себя многочисленные сокращения и изменения, не согласованные с нею.

В силу характера Л.К. не терпела никаких вмешательств в свои тексты, тем более без имеющихся на то оснований и предварительных согласований. Отсюда такая болезненная реакция. Но в тогдашних условиях требования автора, живущего в СССР, выполнить было практически невозможно – страна жила за «железным занавесом», письма вскрывались, телефоны прослушивались, а об Интернете тогда даже самые продвинутые фантасты не мечтали. И поэтому даже «железная женщина» – Лидия Корнеевна Чуковская – никак не могла повлиять на своих нерадивых зарубежных издателей, и в глубине души хорошо понимала, что те делают богоугодное дело.

Хотя Чуковская, выражая свое недовольство, тоже была в чем-то права – Albin Michel не озаботилось культурой издания, не говоря уж об этической стороне.

Надо также заметить, что премия была присуждена не за «Записки», а за все книги Лидии Чуковской, выходявшие на французском языке. Но она об этом узнала несколько позже. И поэтому написала Самойлову так, как написала.

Д.С. был человеком легкого нрава – озорник и ловелас, любитель выпить и пошутить. То есть, в отличие от Л.К., совершенно другим человеком (что, впрочем, никогда не мешало их дружбе). Искренне порадовавшись за премию, он в ответном письме поздравляет свою корреспондентку, не забывает огорчиться здоровьем награжденной и спрашивает: «Действительно ли много важных упущений во французском издании?». А затем поясняет: «У меня в этом смысле характер совсем не похож на Ваш: было бы дело сделано в целом, а детали – Бог с ними».

Ну, ошибка, ну, опечатка, – главное, по Самойлову, сделано – *книга-то вышла*.

Чуковская благодарит, но –

«Не могу принять Ваших слов о моей премии» (прямо Мартин Лютер какой-то – я здесь стою и не могу иначе). Однако характер заставляет объяснить непонятливому Д.С. – почему. И она объясняет:

«Представьте себе, что в одном из московских альманахов Вы прочли, за Вашей подписью, такие стихи:

Двадцатые и роковые!
 А также и передовые!
 Рассвет в окошки бьет оконные
 И перестуки перегонные.
 Известия – и все смертельные!
 Так что и радости постельные
 Не радуют, хоть все мы юные
 И даже очень многострунные.
 .....
 Война гуляет по Италии...
 Фашисты – гнусные ракалии!

Вы бы схватились бы за перо, чтобы заявить, ну, не знаю, куда! – в «Известия», в «Советскую Россию», в «Культуру и жизнь», что, хотя фашисты действительно гнусные ракалии и действительно Великая Отечественная война совпала с Вашей юностью, но что это – не Ваши стихи, и Вы требуете сурового наказания для тех, кто их сочинил и под Вашим именем напечатал. Но не успеваете Вы опустить свое письмо в почтовый ящик, как слышите по радио («Маяк»), что Д. Самойлов удостоен премии «Свобода» (впервые учрежденной) за стихотворение «Двадцатые и роковые», после того, как в столичных советских газетах и журналах на это стихотворение появилось 18 восторженных рецензий, высоко оценивших Ваш патриотизм и поэтическое мастерство».

Привожу большую цитату из письма Л.К., поскольку цитата эта – хороший пример, как надо уметь спорить, аргументировать и настаивать на своей правоте.

Как прирожденный полемист, дочка Корнея Ивановича Чуковского задает вопрос Давиду Самойлову, тоже не последнему полемисту: «Что бы стали Вы делать? Послали бы свое письмо – тем самым оскорбив 18 знаменитых литераторов + трех знаменитейших членов жюри? Разорвали бы его? Запили бы? Заболели?» И поскольку вопрос риторический, сама же на него и отвечает: «Я – разорвала свое письмо и заболела. Выздоровею тогда, когда моя книга выйдет порусски в не изувеченном виде. Я истратила на нее в общей сложности 17 лет (правда, отрываясь для других книг). Я не заинтересована ни в славе, ни в деньгах, а только в том, чтобы она явилась перед читателем в том виде, в каком я ее из последних сил и последних глаз написала. Ваша фраза: ‘У меня в этом отношении характер совсем не похож на Ваш: было бы дело сделано в целом, а детали – Бог с ними’, – мне непонятна».

И дальше, вчитайтесь (!), следует самое существенное и главное

для Л.К., выраженное с железной логикой, страстью и напором: «Видите ли, Давид Самойлович, так можно рассуждать о чем угодно, только не об искусстве. Конечно, и в искусстве существуют ‘мелочи’ и можно ими пренебрегать. У А.А. было написано: ‘Столицей распятой / Иду я домой’; она заменила (временно!) ‘За новой утратой / Иду я домой’. Но вообще, ‘было бы дело сделано в целом, а остальное – Бог с ним’ – формула для меня загадочная. ‘В целом’ собор построен, но одна колонна не там, и купол слегка набекрень...»

А затем она излагает принцип, которого придерживается и который никому не дает нарушать – принцип невмешательства в текст, поскольку он и есть ее жизнь. Для нее лучше небытие, нежели такое существование: «Я не выношу чужих рук в своем тексте – хотя очень внимательно выслушиваю чужие замечания и стараюсь исполнить. Но кто смеет врваться сапогами в мой дневник – то есть в мою жизнь?.. Я имела наглость употребить слово ‘искусство’. Да, осмеливаюсь думать, что ‘Записки’, хотя это всего лишь дневник, – отчасти также и искусство. (Иначе – что бы я делала с ними 17 лет?) И я предпочитаю небытие – базарному, приспособленному для рынка, изданию». И искренне добавляет: «А премия-то мне, собственно, зачем? Деньги? Я их всё равно не получу, п[отому] ч[то] дубленками не торгую».

Самойлов к аргументам Л.К. прислушивается, но в очередной раз только внимает, пропускает мимо ушей, хотя в то же время делает тактический ход – вроде бы «отступает». Это тактика, а не стратегия:

«Дорогая Лидия Корнеевна!

Очень обрадовался Вашему письму и его твердому почерку.

Я Вас никак не убеждаю, что можно давать корезить свое произведение. Я просто считаю, что мелкие исключения иногда возможны в интересах целого. Тем более что исправленное чужой рукой или собственной можно потом восстановить, как у меня это неоднократно бывало. А Вы – известная ‘недотрога’».

Но Чуковская, как настоящий боец, на тактический ход внимания не обращает, «отступление» игнорирует и продолжает развивать «наступление» дальше:

«Дорогой Давид Самойлович.

Итак, Вы не нашли в своем сердце сочувствия к моей горькой беде. Что ж! Значит, Вы плохо поняли масштабы беды. Другим ни чем не могу объяснить себе Вашего несочувствия. Ведь дело идет не о ‘правке’, не о ‘сокращении’, а об искажении... В отместку желаю Вам получить премию за такие строки подписанные Вашим именем –

(и раздражается блестящей пародией на стихотворение «Сороковые, роковые...», которое стало классическим еще при жизни Д.С. и сделало его имя широко известным):

А это я на перекрестке
В моей замурзанной матроске,
Где звездочка не по уставу,
А купленная в 'Березке'».

Возразить Д.С. было нечего. Прижатый к стене, он уступает железной логике и соглашается с аргументацией своего литературного друга.

Д.С. Самойлов – Л.К. Чуковской (середина августа 1981-го):

«Дорогая Лидия Корнеевна!

Ей-богу не знал, что книга Ваша настолько испорчена и искажена. А пародия на меня – прекрасная».

Я остановился на этом сюжете из жизни двух замечательных литераторов, чтобы показать, как спорят талантливые, убежденные в своей правоте люди, которые могут понять иную логику и внять аргументам друг друга. Поэтому в этом споре нет победителей и побежденных. А именно к победе над оппонентом всеми правдами и неправдами, зачастую прибегая к «запрещенным приемам», стремятся многие спорщики и полемисты. Для таких людей, полагаю, главное – любой ценой доказать свою правоту, а не выявить истину.

Слежу за спором Самойлова и Чуковской, а в памяти – к месту или не к месту – всё время почему-то вертятся лермонтовские строки: «Да, были люди в наше время, / Не то, что нынешнее племя: / Богатыри – не вы!»

«КТО УСТОЯЛ...»

Всегда трудно писать о человеке, которого хорошо знал, которого любил, с которым был тесно связан на протяжении многих лет жизни. Тем более, когда речь идет о таком человеке и поэте, как Давид Самойлов.

О том, что и как я хотел написать, я говорил выше. Удалось мне справиться с задачей, которую я перед собою поставил, или нет – судить читателю.

Пора подводить итоги этой книги. В чем-то, как мне кажется озорной и веселой, в чем-то – серьезной и трагической – *Под небом – балаган / Над балаганом – небо.*

Мне посчастливилось знать Д.С. с начала 70-х годов прошлого века и вплоть до его смерти.

Как и многие, знавшие его близко люди, я испытал на себе силу его обаяния и душевную щедрость, которой он был наделен безмерно. Он был выдающимся поэтом, значительной личностью и мудрым

всеведущим человеком. Думаю, что первое невозможно без второго и третьего. Он, как магнит, притягивал к себе самых разных людей и – не побоюсь сказать – на протяжении многих лет был средоточием культурной и интеллектуальной жизни не только Москвы. Он был гармонической личностью и оставался ею во всех своих проявлениях.

Давид Самойлов притягивал к себе множество самых разных людей и своим незаурядным поэтическим даром, и роскошью человеческого общения, которая постепенно уходит из нашей сегодняшней жизни. С ним было безумно интересно разговаривать, с ним было приятно выпивать, с ним было даже хорошо молчать. Для тех, кто близко знал его, долго объяснять не приходится.

Для тех, кто не знал, замечу, что собеседник Д.С. попадал на пир интеллекта, раскованной мысли и не скованного никакими ограничениями духа.

Среди его собеседников хорошо помню Лидию Корнеевну Чуковскую и Фазиля Искандера, Владимира Лукина и Анну Наль⁹. Помню, как в застолье блистали своим остроумием не только гостеприимный хозяин дома – сам Давид Самойлов, но и Юрий Левитанский, Зиновий Гердт, Игорь Губерман, Михаил Козаков, Вениамин Смехов – и много других, не менее интересных и выдающихся людей.

Все они приходили к нему в Астраханский во время недолгих наездов из Пярну, где он с женой Галиной Ивановной и двумя детьми, Петькой и Пашкой, жил последние годы во «внутренней эмиграции» («Я сделал свой выбор. Я выбрал залив...»).

В последние годы жизни его успокаивало, что ему удалось достроить свой литературный дом – не только заложить фундамент и возвести стены, но и обнести его крышей.

За несколько лет до ухода он подвел черту: «Мне выпало счастье быть русским поэтом».

От себя добавлю – ему выпало всё, что выпало на долю его поколения, поколения «сороковых, роковых», и при этом даже в самые трудные советские времена он ни единым словом, ни единым жестом не покривил ни в литературе, ни в жизни. Что, собственно, было для него одним и тем же.

Он всегда оставался человеком твердых этических правил и никогда не позволял себе отступать от них, в меру своих сил противостоя лжи, насаждаемой государством.

И всегда делал, что должно, и поэтому получалось, что нужно. На пороге ухода свое литературное хозяйство он оставлял в полном порядке. Он был поэтом, критиком и автором «Книги о русской рифме». Он писал прозу и воспоминания. Он был литератором в

пушкинском значении этого слова – знал литературу изнутри, знал, из чего она состоит, как делается и ради чего существует. И если художник (извините за пафос) послан Всевышним в мир для выполнения определенной миссии, то свою он исполнил.

Совість его была чиста перед Богом, собой и теми, кто его любил. Да, временами он ошибался, да, нередко бывал необъективен и пристрастен в своих выводах и оценках, но никогда и нигде, ни в раннюю пору, ни в зрелую, он ни разу, ни единым словом не погрешил против собственной совести и всегда искал не только правду, но истину. Вступив в 1930-е годы на этот путь, восприняв литературу не просто как искусство слова, а как служение и подвиг (опять-таки прошу прощения за столь высокие слова), он сумел не сойти с этого – всегда погибельного – пути на протяжении всей своей литературной жизни. Поэт для него был больше, чем поэт, – он был вестником, и ему не было безразлично, что поэт возвещает. Прежде всего, это относилось к себе самому, а затем к собратьям по цеху. Он мало дорожил своим литературно-жизненным «я», дороги были не стихи, а во имя чего они – так или иначе – пишутся.

В начале застойных, как родные болота, 70-х годов он написал, на мой взгляд, одно из самых лучших своих стихотворений. Которое посвятил адвокату Дине Каминской¹⁰ (он дружил с ней с 30-х годов), которая защищала правозащитников от советской власти и сама же от нее пострадала.

Кто устоял в сей жизни трудной,
Тому трубы не страшен судной
Звук безнадежный и нагой.
Вся наша жизнь – самосожженье,
Но сладко медленное тленье
И страшен жертвенный огонь...

Ну что ж – он устоял.

Как устояли Лидия Чуковская, Наум Коржавин, Юрий Левитанский и другие люди, о которых шла речь на страницах этой книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Давыдов Александр – прозаик, редактор, издатель, старший сын Д.С. от первого брака с Ольгой Лазаревной Фогельсон (1924–1977).
2. Медведева Галина Ивановна – вторая жена Д. Самойлова, в настоящее время публикует литературное наследие мужа.

3. *Андрей Сахаров*. Воспоминания. В 2 тт. – М.: Права человека, 1996. Т. 1. – С. 500.
4. *Давид Самойлов*. Поденные записи. В 2 тт. – М.: Время, 2002. Т. 2. – С. 58.
5. Петька, Пашка, Варвара – дети Д.С. от второго брака с Г. И. Медведевой.
6. «Спидола» – советский коротковолновый транзисторный приемник, выпускавшийся в Риге. Всегда был в дефиците, потому что именно этот приемник ловил все «враждебные» голоса – от радиостанции «Свобода» до «Голоса Америки».
7. «Знамя», 1988, № 9. – Сс. 87-124.
8. *Давид Самойлов, Лидия Чуковская*. Переписка: 1971–1990. – М.: Новое литературное обозрение, 2004.
9. Наль Анна Анатольевна (1942–2017) – поэт, переводчик, ученица Давида Самойлова.
10. Каминская Дина Исааковна (1919–2006) – адвокат, в разные годы защищала Владимира Буковского (дело «о демонстрациях», 1967»), Юрия Галанскова («процесс четырех», 1967), Анатолия Марченко (1968), Ларису Богораз и Павла Литвинова (дело о «демонстрации семерых на Красной площади против вторжения Советского Союза в Чехословакию», 1968), Мустафу Джемилева и Илью Габая (1969–1970). С 1971 года Каминскую перестали допускать к участию в политических процессах. В 1977 году эмигрировала в США.

К 150-летию Александра Куприна

Юрий Мандельштам

Две статьи

«ЖАНЕТА»¹

Настоящая статья – не исследование творчества Куприна в целом, а только отзыв о его новой книге². Но Куприн – писатель до того характерный, а «Жанета» до такой степени характерна для ее автора, что говоря о ней, поневоле переступишь границы простой рецензии и коснешься отличительных черт, свойственных всем произведениям этого одаренного опытнейшего художника. Тем более, что расточать по его адресу трафаретные похвалы было бы излишне, если не бессмысленно: Куприн уже давно – и с полным правом – считается большим писателем земли русской.

«Жанета» – сборник рассказов (многие из которых впервые появились на страницах «Возрождения»). Самый большой из них, по которому названа вся книга, не превышает размера средней повести; по содержанию же он, скорее, идиллия. Автор назвал его романом, по-видимому, для того, чтобы подчеркнуть значительность встречи старого профессора Симонова с малолетней «принцессой четырех улиц». Эту невинную авторскую хитрость критику позволительно разоблачить, тем более что Куприн – подлинный мастер новеллы и в иные десять-двадцать страниц умеет вложить больше, чем многие романисты в увесистый том. Некоторые его рассказы («Наташа», «Ночь в лесу», «Вероника», «Ночная фиалка») принадлежат к лучшим купринским произведениям, и в своей прочности и прелести – настоящие шедевры. Но в менее конденсированном виде эта неумышленная прелесть, бесхитростное мастерство рассказчика разлиты по всей книге, и чтение ее доставляет тихую радость, от которой наша эмигрантская литература почти совсем нас отучила.

В рассказе «Шестое чувство» матрос-красноармеец спрашивает арестованного героя-писателя: «Объясните мне, что такое родина». Герой (в котором автор не пробует скрывать собственные черты), отвечает: «Чувство родины – оно необъяснимое. Оно шестое чувство... И природа его так же необъяснима, как и природа первых пяти». Этим шестым чувством Куприн наделен, как никто. Большинство его рассказов посвящены русской дореволюционной

жизни и откровенно облечены в форму воспоминаний. Но память Куприна – не бездушный механизм-регистратор, а живительная и воскрешающая сила. Преображенная ощущением невозвратного прошлого, окруженная ореолом ушедшей любви и радости, иногда чуть-чуть условно благолепная, Россия всё же остается подлинной, живой Россией. Куприн проник в какую-то потаенную сущность русской природы и русской души. Со своими героями он сохранил глубокую кровную связь и любит их уже за одно то, что они русские. Не стоит искать в них каких-нибудь резко отличительных свойств «славянской души», над которыми так добродушно смеется проф. Симонов. Все они простые обыкновенные люди, каких много всюду, и люди различного склада и темперамента. Но все они – и молодой послушник Алеша, и русский американец Герд («Наташа»), и безрассудно браваый авиатор Феденька Юрков («Потерянное сердце»), и колдовская полуцыганка красавица Агата («Ночная фиалка») – объединены той незримой общностью, которую улавливает лишь необъяснимое «шестое чувство». Национальная гордость не мешает Куприну видеть и темные стороны русского народа, но и в этом темном улавливает он мелочи, ради которых готов простить и грех, и кровь. Больше, чем кто-нибудь из современных русских писателей, он мог бы повторить за Блоком:

Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

Это проникновение в душу своей страны оживляет и бытовые сцены. Несмотря на прекрасное знание быта, Куприн никогда не становится просто бытописателем. Старинный обряд деревенского сватовства («Шестое чувство»), монастырский уклад («Алеша»), жизнь в приволжской усадьбе («Ночная фиалка») постоянно вскрывают для него нечто более тайное и более значительное. Но предельного прозрения русской сущности он достигает в описании праздника владимирских рожечников; эти страницы, без преувеличения, незабываемы.

Бесподобны купринские описания русской природы – впрочем, кто не помнит их по другим его книгам: хотя бы описание леса в «Олесе» или моря в его балаклавских рассказах. Неизмеримое пространство русской равнины для него живо во всей их необъятности. Описывая владения лесничего («Ночь в лесу»), он добавляет с гордостью: «Пространство, как видите, равное пяти-шести германским княжествам или любому лимитрофу». Подобно тому же лесничему, он и сам «любит лес серьезной и деятельной любовью». Этот крат-

кий рассказ следовало бы привести целиком, как пример не только понимания жизни природы, но и соучастия в ней. Голоса птиц, которых Куприн различает, как добрых знакомых, набухающие почки деревьев, леший, которого мужики зовут запросто «Курией головастой», – всё это для него свое, родное. Чего стоит хотя бы лесной зверек, обнюхавший его во время сна: «Что, мол, здесь, в моем лесу за большая живая говядина валяется?» Куприн не ограничивается в своей любви одной русской природой: французская Ривьера и даже Булонский лес также открывают ему свои тайны. Но что он значит по сравнению с русскими лесами? «И какое же в нем великое одиночество, если он весь засорен окурками, замазанными бумагами, апельсинными корками и стеклом разбитых бутылок; всеми этими грязными следами, говорящими о постоянной и тесной близости человека.»

Животных Куприн любит особой, трогательной нежностью. В новых его рассказах их целая коллекция. Кот Пятница из «Жанеты», рыбка раскас³, уже упомянутый лесной зверек, останутся в нашей памяти наряду со старыми купринскими знакомцами: белым пуделем, слоном Изумрудом. Даже птичка, изображенная на сердоликовой печатке («Гемма»), под которой по ошибке подписано «мтичка», каким-то волшебством оживает и становится действующим лицом рассказа. Животные для Куприна и мудрее людей. «В дружбе один всегда смотрит хоть чуть-чуть сверху вниз, а другой снизу вверх. Один покровительствует, другой предан... Первым был, конечно, кот. Это он нашел профессора, а не профессор его... Кот знал и умел делать тысячу вещей, которые были совсем недоступны профессору. Разве мог бы профессор поймать зубами хоть самого маленького мышонка?»

Но и людей Куприн любит. Правда, постольку-поскольку сохранилось в них первичное природное чувство бытия. В первую очередь, конечно, детей. Вот почему Жанета, «принцесса улиц», явилась таким событием в жизни профессора; вот почему так любовно описаны мальчишки Шарте в «Рассказе о рыбке раскас». После детей – крестьяне, простолюдины или люди, в которых первобытная основа жива, несмотря на культуру. Таков, например, спортсмен Птицын («Нагаша»), несомненно списанный с известного гонщика Уточкина. Его природное добродушие, заставлявшее смеяться над ним уличных мальчишек, кричащих ему: «Птицын, рыжий пес!», сливалось у него со стихийной мощью. Сильные и страстные натуры вообще привлекают Куприна. Недаром укротитель Blondel, входящий в клетку диких зверей и переходящий на канате через Ниагару, для него равен великим художникам.

Однако и люди от природы, в общем, далекие – Куприну милы.

Рассеянный профессор, изобретатель системы игры в рулетку, неудачник, потерявший деньги, выигранные на скачках, изображены им с любовью неподдельной. Куприн вообще любит людей и земную жизнь. Радость жизни, открывшаяся в эпоху Возрождения антиквару Конопатову («Гемма»), бьет ключом во всех купринских писаниях. В людях же он всегда выискивает черты хорошие, трогательные, подомашнему милые. Это не мешает ему зорко видеть их и метко определять. Профессора Симонова он описывает в двух кратких, но выразительных фразах: «Кто-то назвал его Донжуаном науки. Но он был и ее Дон-Кихотом». Всё же он охотнее останавливается на положительных проявлениях души своих героев, как и вообще на светлых сторонах жизни. Отсюда идиллические оттенки многих его рассказов, которыми Куприн, пожалуй, злоупотребляет. Желание увидеть волков, лежащих рядом с агнцами, порою ослабляет силу писателя. Особенно пострадала от этого заглавная повесть «Жанета».

По счастью, сущность Куприна не в его идиллиях. В глубине своей, он писатель напряженного драматизма. Чуть ли не лучшие его прежние произведения – именно те, в которых драматизм этот достигает наибольшей сжатости и силы: «Олеся», «Штабс-капитан Рыбников», многие страницы «Поединка». В новой его книге эта линия представлена «Наташей», «Потерянным сердцем», «Ночной фиалкой». Последний рассказ в этом смысле можно назвать безупречным. Колдовские чары Агаты (родной сестры Олеси) действуют тем, что Куприн повествует о них без ложного пафоса, просто и спокойно, как о самых обыденных и нестрашных вещах. Этой простотой Куприн достигает эффектов куда более разительных, чем те, которые производят умышленные нажимы на педаль. От короткого описания черной молнии («Фердинанд») читателя охватывает неподдельный ужас. В противовес словам Толстого о Леониде Андрееве, про Куприна можно сказать, что он не пугает, а нам становится страшно. Также, ничуть не настаивая на безобразности некоторых явлений, вызывает он и чувство отвращения. В том же «Фердинанде» хозяин паноптикума показывает герою удава, которому он принес живого кролика. «Вы увидите самое трогательное в мире зрелище», – с нежностью говорит он. Но в его словах сквозит такое, что нас не поражает внезапно пробудившаяся у героя мысль: «А что, вдруг ему придет в голову угостить своего божественного удава, ради праздника, лакомым блюдом из молодого человека двадцати восьми лет?»

Собственная простота и скромность заставляют Куприна отрицательно относиться ко всякой литературе другого порядка. В «Жанете» он рисует кружок декадентов начала нашего века. «Все эти футуристы и кубисты – просто-напросто охальники, симулянты,

мистификаторы, шарлатаны и развязные наглецы и похабники». Куприн здесь явно несправедлив. Среди поэтов, огульно названных им футуристами, были не только шарлатаны и похабники. Как-никак они создали то большое течение, которое под именем символизма вошло в историю и дало нам не одного крупного поэта (даже не говоря о Блоке). Но манера Куприна до того обворожительна, что ему прощается любая несправедливость.

В заключение несколько слов о языке Куприна. Сказать, что у него прекрасный русский язык, будет трюизмом. Но хочется отметить, что он вполне чужд тех псевдорусских или хотя бы подчеркнута русских выражений, которые часто считаются признаком чистоты и народности языка. Ничего утрированно-черноземного у Куприна нет, и тем отраднее чувствовать, что это все-таки подлинный, живой и богатый русский язык.

---

1. «Возрождение». № 3375. 30 августа 1934.

2. Куприн А. Жанета. – Париж: «Возрождение», 1934.

3. По-французски «раскасс» пишется: «rascasse», а иногда даже «raskase». Она принадлежит к семейству *Scorpene*, члены которого за свою колючесть и за устрашающий внешний вид повсеместно зовутся «diablales de mer», или «морскими чертями» (Куприн).

КУПРИН!

Русская литература в трауре: умер Александр Иванович Куприн. По правде сказать, Куприн-писатель ушел от нас на несколько лет раньше Куприна-человека. В последние свои эмигрантские годы – и в самый последний год своей жизни там, в России, – он, насколько известно, не писал ничего. В период, предшествующий этому молчанию, его писания уже не были прежними, купринскими. Многие даже преувеличивали этот упадок: ведь талант Куприна все-таки вспыхивал порою чистым и ярким пламенем большого искусства, и некоторые рассказы из его последней книги «Жанета» могли бы сделать честь не одному мастеру. Но, в общем, разочарование его поклонников было обоснованным. Полтора года тому назад к нему прибавилась досада, вызванная неожиданным отъездом Куприна в Москву. Все эти неприятные впечатления сейчас пора забыть. Перед лицом вечности Куприн должен стать для нас тем, каким был по существу: подлинным и неповторимым художником, большим писателем земли русской, не только одним из крупнейших наших современников, но и равным среди равных в славном сонме наших писателей.

Это сознают, вероятно, все – но многие сознают холодно, и я

опасаюсь, как бы траур по Куприну не оказался слишком официальным, лишенным той теплоты и нежности, которые сам Куприн так щедро тратил в своем творчестве. После революции, а в каком-то отношении и до нее, он не играл в нашей литературе той роли, которую заслуживал по своему удельному весу. Пожалуй, кое в чем он и впрямь не был «созвучен эпохе» – но не виновата ли в этом в большой мере эпоха? Кроме того, эмигрантская литература унаследовала от символизма известное презрение к писателям «реалистической школы», в основе достаточно оправданное, но не всегда справедливое: Куприн, например, никогда не ограничивался «бытописанием», в котором его упрекали; быт для него был только методом, благодаря которому ему удавалось изображать бытие. Лишь очень поверхностный подход к его произведениям позволил зачислить Куприна в ряды «описателей».

Была, наконец, еще одна причина, мешавшая безоговорочному преклонению перед Куприным. Многие отчетливо чувствовали, что он не осуществил всех своих возможностей – и, как следствие, склонны были преуменьшать значительность сделанного. Сам Куприн, когда его называли большим писателем, иногда скромно отвечал: «Мог бы быть». Широкая публика, всегда любившая Куприна, отводила ему более почетное место, чем он сам и чем его взыскательные ценители – в данном случае права была именно публика. «Ценители», вероятно, не вполне отдавали себе отчет, на какой высоте произошел в творчестве Куприна разрыв между возможностями и достижениями, и чем он стал бы, если бы разрыва не было.

Таланта Куприну, вероятно, хватило бы не только на первоклассного, но даже на великого писателя. Используй он его до конца – и он мог бы превзойти Тургенева, а то и Чехова. Помешала ему стихийность его дарования и истинно русская небрежность, слишком большое доверие к «нутру», в ущерб законченности и отделанности во всех смыслах. Речь идет отнюдь не об одном лишь формальном мастерстве. Символисты упрекали «бытовиков» в том, что они «не окончили консерваторию», то есть не развили и не воспитали в себе целой категории переживаний и закрыли себе доступ в некоторые духовные области. Перед Куприным было раскрыто куда больше дверей, чем подозревали сами символисты, – достаточно вслушаться в тон многих его писаний, взглянуть в иные отрывки его повестей, чтобы убедиться в этом. Но то, что другие писатели тщательно копили, Куприн щедро разбрасывал – и потому бытовые детали подчас не подкрепляли основного человеческого переживания его, а наоборот, разбавляли и ослабляли. Любопытно в этом смысле сравнить Куприна с Буниным. Последний принадлежит к тому же литератур-

ному поколению и – обще говоря – к той же «реалистической школе». Но то, что он прозревает за бытом и что прорывается в его книгах сквозь быт, он сознательно по-европейски выкристаллизовал и довел до своеобразного совершенства. Куприн, по органическому свойству своей натуры, этим до какой-то степени пренебрег.

Повторяю: всё это не умаляет значительности того, что Куприн создал. Он ведь тоже – писатель своеобразнейший, и самые его недостатки порою оборачивались неожиданными и большими достоинствами. Будь он более заботлив в «экономии» своих произведений – он, возможно, утратил бы какую-то яркость и непосредственность, ту «первичность» переживаний, которая в нем пленяет. Тем более что и мастерства он все-таки достиг редкого – только пользуется он им, согласно верленовской формуле, «не без пренебрежения». Конечно, французский поэт самому понятию «пренебрежение» придавал иной смысл: оно у него должно было появиться в результате длительной и упорной работы. Купринское пренебрежение было следствием первого природного импульса – но именно эта органическая способность ни на чем не настаивать, в сочетании со скрытым драматизмом и поразительной местами законченностью, создала оригинальность купринских шедевров – его новелл. Замечательно, что при всем его широком размахе Куприна влекло к самому сжатому и точному, требующего предельной завершенности жанру – к новелле, – и что удавались ему такие краткие повести лучше всего. Нет сомнения, что именно они – вершины купринского творчества. Вспомним «Штабс-капитана Рыбникова», вспомним изумительный рассказ о террористе, бежавшем в Англию и оттуда под чужим именем снова пробравшемся в Петербург, на гибель. Вспомним блестящий «Гранатовый браслет» или трогательные повести о зверях («Слон», «Изумруд», «Белый пудель»), или полные прелести итальянских примитивов «Балаклавские рассказы». Русская литература новеллами вообще не богата: «Повести Белкина», «Тамань», петербургские рассказы Гоголя, кое-что у Тургенева, Чехова, Бунина – вот, пожалуй, и всё. Куприн не только входит в этот ряд, но и вносит в новеллу нечто свое. Механизмом ее развития, непохожим на развитие романа, он владел отлично, в 20-30 страниц укладывает он всю кривую человеческой драмы. С самого начала мы уже предчувствуем развязку – сошлемся снова хотя бы на тот же рассказ о революционере. Но снова то «пренебрежение», с которым Куприн ведет нас от звена к звену в цепи нарастающих событий, сглаживает впечатление жестокой точности и неизбежности конфликтов. Новелла Куприна приобретает особую легкость, а драма в ней часто принимает внешний облик идиллии. Драма переходит в идиллию, но и идиллия содержит в себе драму: в

этом одна из глубочайших особенностей Куприна. Его нельзя назвать писателем динамическим: когда душевные конфликты становятся явными, переходят в движение, Куприн часто ослабевает, излишне замедляет темп или торопится к развязке. Может быть, именно потому длинные его произведения – «Поединок», «Яма» – и производят впечатление неравномерности и неровности. Но пока конфликт дан нам лишь потенциально, и пока он созревает или, созрев, ждет разрешения, Куприн передает его с исключительной силой. Он любит спокойные пейзажи, спокойные бытовые картины – но в них всегда скрыта стихия, жаждущая пробиться наружу. Сколько подлинного пафоса заключено в первой части «Поединка», в предгрозовых армейских буднях, или в тех страницах «Олеси», где колдовские чары героини еще не привели к взрыву, а только напряженно бодрствуют. Пафос этот тем действительнее, что сохраняет видимость обыкновенности. В самых трагических местах стиль Куприна остается объективным. Толстой сказал когда-то о Леониде Андрееве: «Он пугает, а мне не страшно». О Куприне можно сказать как раз обратное.

Драматизм Куприна – порядка не психологического, а стихийного. Сильные переживания его героев – страсть, честолюбие, жажда самопожертвования – перерастают в сознательные стремления и даже предшествуют им. Купринских героев захватывает стихия – та же самая, что проявляется в окружающей их природе. Куприн природу любит – но ошибочно думать, что он безгранично умиляется русскими лесами или Черным морем. Он знает, что в природе скрыты разрушительные силы. Уже в эмиграции в рассказе «Фердинант» описал он черную молнию, наводящую молчаливый ужас. Это – едва ли не одно из самых глубоких купринских описаний. Все же драмы природы и драмы человеческие не носят у Куприна оттенка обреченности, безвыходности. В жизни он всегда угадывает тайный смысл – как он сам говорит – «мудрость», – оправдывающий разрушения и гибель. В минуты самого напряженного отчаяния он всё же посылает миру благословение.

Эта способность благословлять всех и вся – может быть, самая отличительная черта Куприна. Есть у него небольшой рассказ «Гемма», герой которого, антиквар, посвятил свою жизнь геммам эпохи Возрождения, потому что в них он открыл секрет вечной радости и любви к самому процессу существования. Куприн, подобно этому антиквару, любит жизнь во всех ее проявлениях – и пишет он, прежде всего, от большой любви ко всему окружающему. Среди русских писателей двадцатого века он, может быть, единственный, который всегда любит своих героев и не скрывает этого, даже когда осуждает их или подтрунивает над ними. Люди действия – авиаторы,

шпионы, цирковые артисты – так же милы ему, как кабинетные ученые, как писательская богема; злодеи – в каком-то смысле не менее дороги, чем герои. Втайне Куприн надеется, что все людские недоразумения временны и что настанет день, когда волки мирно лягут рядом с ягнятами. Иногда он предвосхищает этот день и тогда его идилличность переходит в слащавую умиленность. В последний период его творчества этот недостаток заметно развился и ослабил самую ткань его писаний. Но, по сути своей, любовь Куприна не слащавая и не лубочная, она «серьезна и деятельна», как говорит один из его героев о своем чувстве к лесу. Любя, Куприн всегда активен, он принимает участие в жизненном процессе. Деятельна не только его любовь к людям, но и его проникновенное отношение к животным, которое нельзя не отметить. Куприн сразу же оживляется, как только он заговорит о животных, – будь то слон или домашний скот, или даже смешная птичка, изображенная на сердоликовой печатке, под которой по ошибке подписано «мтичка». Зверей он умеет наделять живыми чувствами, не антропоморфическими, а вполне своеобразными. Так же проникновенно пишет он и о природе в целом, ничего не выдумывая, но чудесно ее оживляя. Если быт для него – способ выразить свое отношение к человеку, то пейзаж – лишь средство, чтобы войти в контакт с силами природы. «Описатель» Куприн дает в своих описаниях нечто большее: звездная книга была ему ясна, несомненно.

О людях и о природе судил он особым «шестым чувством», природа которого так же необъяснима, как природа «первых пяти», – по словам одного из героев. Пусть это чувство не мистично и не религиозно в точном смысле этого слова – к области духовной оно всё же причастно. Куприну дороги не внешние обличия вещей, а их жизненная первооснова. Стоит отметить, что слова о шестом чувстве сказаны им по поводу «чувства родины». Бесспорно, Куприн чувствовал и любил ее очень глубоко. Он едва ли не самый русский писатель нашего времени по знанию и пониманию своей страны. Но и здесь обычно о нем судят неправильно, считая его знатоком русского быта, русского этнического прошлого. Куприн, конечно, русский быт изучил, как мало кто полюбил его и был к нему прочно привязан. Но любил он его потому, что он русский, а не Россию потому, что она страна быта. Этнос для Куприна оставался на втором месте, при всем его органическом притяжении к нему. За «этносом» был «русский дух», то есть действительно духовное начало России. Типично русские герои Куприна лишены сугубо подчеркнутых, лженациональных черт. Они общечеловечны, но с незримой прокладкой «русскости».

Такое понимание России сказалось и на самом языке Куприна – языке, изумительном по богатству, выразительности и близости к

народным истокам. Русская языковая стихия, вечно живая и вечно обновляющаяся, бьет ключом в словаре Куприна, в его оборотах, в самом построении его фраз. Однако Куприн вполне чужд утрированной черноземности, тех нарочито народных выражений, которые любезны многим нашим бытовикам. Герои Куприна говорят языком литературным, только сохранившим связь с народным словотворчеством. Он не подражает разговору простолюдинов, а создает собственный стиль, равноценный их манере по своей первичности. Куприн пишет чистым и богатым русским языком, потому что мыслит чисто русскими сочетаниями слов и понятий, может быть потому, что его переживания могли родиться только в душе русского человека. Именно вследствие этого его язык особенно жив и привлекателен. Вот у кого эмигрантские писатели могут учиться не только русской речи, но и самому чувству России.

---

1. «Возрождение». № 4147. 2 сентября 1938.

Публикация – Елена Дубровина

Юрий Мандельштам

Избранные статьи

«ДУХОВНЫЙ ПУТЬ ГОГОЛЯ»¹
КНИГА К. МОЧУЛЬСКОГО

Самое ценное качество только что вышедшей книги К. Мочульского о Гоголе² – то, что она является одновременно трудом историка литературы и исследованием о сокровенной внутренней жизни одного из величайших русских писателей, больше того – одного из гениальнейших русских людей. Духовный путь Гоголя – тема страшная и волнующая, мимо которой нельзя пройти равнодушно. Но тема и опасная. Сама личность Гоголя до того сложна в своей двойственности и противоречивости, что, по словам И. Аксакова, «смысл ее останется долго неразгаданным». Неудивительно, что многие биографы разрешают загадку при помощи упрощения, откидывая либо явную, либо тайную часть его души. Они отрицают или всё его творчество, кроме самого позднего, или его религиозный кризис, объясняемый в таком случае одной лишь душевной болезнью. Упрощение достигается и ссылкой на неискренность и лживость Гоголя, как в недавней книге Б. Шлёцера.

К. Мочульского ни в упрощении, ни в односторонности обвинить нельзя. Он старается быть вполне беспристрастным и с обильным, накопленным его предшественниками материалом обращается бережно и любовно. Отмечает он лишь патологическое объяснение, так как одним болезненным состоянием духовных процессов, происходивших в душе, Гоголя исчерпать нельзя. Мочульский видит в нем, прежде всего, целостную личность, которую невозможно произвольно раздроблять, отделяя или противопоставляя писателя и моралиста, художника и религиозного мыслителя. Во всей его сложности путь Гоголя представляется ему единым. Очень убедительно мнение, что разрыва между творчеством и религиозным делом для Гоголя вообще не существовало. Религия и понятие о художественной красоте были у него тесно связаны, что особенно ясно в римский период его жизни. Да и после духовного перелома работа над «Перепиской» и «Мертвыми душами» для него совпадает с нравственным религиозным подвигом. Любопытны свидетельства о том,

что Гоголь не собирался сжигать второй том «Мертвых душ», а сделал это как бы помимо воли: разрывы у него были, но в совершенно другой плоскости. С самого начала его писательский путь ведет его к духовному кризису, и путь этот Мочульский показывает нам и сквозь призму жизни, и сквозь творчество Гоголя. Правильно освещен им и эпизод отношений Гоголя с г-м Матвеем Константиновским, вызывавший столько споров и толкований. Конечно, загадку Гоголя книга не разрешает, но подводит нас к ней вплотную.

Есть в «Духовном пути Гоголя» положения спорные и противоречивые, но избежать этого трудно. Серьезнее другой недостаток книги: произведения Гоголя в ней рассматриваются почти исключительно как свидетельства, как документы, тогда как, согласно положению самого Мочульского, они являются и результатом духовной работы. Мешает развитию темы Мочульского также известный психологизм. Объясняя мелкие душевные эпизоды гоголевской жизни и не показывая их связи с его духовным ростом или переломом, автор разбивает и замедляет самый путь Гоголя, а подчас и снижает его значение. Интересно, конечно, выяснить, например, направил ли Пушкин молодого Гоголя на писательскую дорогу или только подтвердил его призвание.

Но что это может дать нам для понимания страшного и мучительного кризиса, происшедшего в сознании Гоголя? Вообще, этот кризис можно рассматривать в плане психологическом (т. е. как он происходил и в каких условиях протекал), в плане онтологическом (т. е. что произошло с Гоголем, к какой цели он стремился и достиг ли ее). У Мочульского «как» часто настолько преобладает над «что», что следующие за описанием выводы порядка не психологического кажутся не всегда обоснованными, не до конца освещенными. При всем этом книга остается подробной и ценной «духовной биографией» Гоголя, что уже само по себе должно привлечь к ней внимание.

---

1. «Возрождение». № 3319. 5 июля 1934.

2. *Мочульский К.* Духовный путь Гоголя. – Париж: ИМКА-Пресс, 1931.

«ФУГА»¹

Новый роман В. Крымова² напоминает некоторые гостеприимные дома: хозяева выбиваются из сил, чтобы угодить гостю, но гость чувствует за их стараниями не искреннее благожелательство, а скрытый расчет – и всё глубже погружается в скуку и неловкость. «Фуга» явно рассчитана на то, чтобы увлечь и заинтересовать читателя, причем самого широкого. Для читателя «привилегированного», изыскан-

ного, Крымов решил написать роман философский; для среднего – бытовой, из эмигрантской жизни (ибо основным своим читателем, он, по-видимому, считает русского эмигранта); наконец, для любителей авантюрного чтения – фантастическую утопию в стиле Уэллса. Философский и бытовой роман слиты воедино, авантюрный – вставлен как «роман в романе». Сложные построения Крымову вообще по душе: книге предпослано замечание, что «этот роман, цельный в себе самом, заканчивает ранее вышедшие того же автора три романа».

Философская часть книги объяснена Крымовым в заглавии, а эпитафия – в качестве какового взято из Британской Энциклопедии определение фуги. Фугой Крымову представляется жизнь человека. Мысль не новая, но современная: подобная тема вдохновила Гексли в его замечательном «Контрапункте»; из наших соотечественников к «музыкальному» мировоззрению отчасти приближается Ремизов. Но Крымов воспользовался этой темой особым способом: свою философию он не воплощает в романе, не доказывает ее нам тоном и построением книги, а просто пересказывает ее устами своего героя, писателя Аристархова. Философия эта проста до необычайности. У иного среднего человека мировоззрение куда более сложное и углубленное. Между тем Аристархов выведен современным мудрецом. Он рассуждает о политике, разрешая в два счета сложнейшие проблемы: маленькие государства должны быть присоединены к великим державам, воинственные страны нужно насильно разоружить – и basta. Религию Аристархов перерос, но считает ее полезной для толпы. Аристархов пишет роман, что дает ему повод высказаться и об искусстве. Больше всего его занимает вопрос: должен ли автор знать психологию лишь главного героя или и других действующих лиц тоже?

Но Аристархов не только думает, он и действует. Действия его заключаются в коммерческих сделках с неким Сидором Данилычем и невозвращенцем Кацом-Львовым, а также в любовных связях довольно немудреного характера. Кроме того, чтобы вернуть себе спрячанные в Петербурге драгоценности, он под чужим именем едет в Россию и спасается оттуда на аэроплане. Поездка в Россию, конечно, тоже должна заинтересовать эмигрантского читателя, но, по-видимому, не стоит оттапливать и читателя советского: большевиков Крымов, конечно, ругает, но некоторые рассуждения его героя (например, мысли в Зимнем дворце) могли бы, пожалуй, послужить «смягчающими обстоятельствами».

Аристархов, как уже было сказано, пишет роман-утопию, главы из которого чередуются с похождениями самого писателя. Герой этой утопии, Олонов, открывает какие-то разрушительные лучи, благодаря чему приобретает власть над человечеством. Но власть эту он

хочет употребить на благо людей и образует совет архонтов, мудро разрешающих все международные конфликты, согласно принципам Аристархова.

Утопия и поездка в советскую Россию должны бы внести в «Фугу» элемент занимательности. Но этого нет и в помине, и всё по той же причине: Крымов нам ничего не показывает, а только рассказывает о происходящем как бы «своими словами». Главы авантюрные, бытовые и философские чередуются вполне случайно и без всякой внутренней связи, так что никакой «цельности в самом себе», несмотря на заверения автора, в романе нет. Написан он языком якобы разговорным, на самом же деле скучно-интеллигентским. Именно такой язык в литературе невыносим. Еще одна черта, характерная для романа: Аристархов боится пошлости, но все его мысли и поступки пошлы по самой их сути. Беда в том, что Крымов этой особенности своего героя не заметил и потворствует его претензиям. Вот почему никакие лучи Олонова и полеты на аэропланах не могут рассеять неловкой и тяжелой скуки, веющей с каждой страницы романа.

---

1. «Возрождение». № 3515. 17 января 1935.

2. *Крымов В.* Фуга. – Париж, 1935.

«НАПОЛЕОН В РОССИИ»¹

Наш соотечественник И. Якоби, ставший блестящим французским журналистом и интересным, хотя далеко не «академическим», историком (его парадоксальная книга о Жанне д'Арк вызвала несколько лет тому назад немало споров), посвятил свою работу, как публицистическую, так и исследовательскую, двум основным идеям: борьбе с коммунизмом и франко-русскому сближению. Обеим он оказал значительные услуги. Его книги, направленные против коммунизма как учения, против советской власти, так же, как и его многочисленные статьи, преследующие ту же цель, несомненно, содействовали установлению во Франции правильного взгляда на сущность большевизма и многих побудили сделать соответствующие выводы. Что же касается взаимного понимания России и Франции, то не лучший ли залог его – беспристрастное осведомление каждой из этих стран об истории и культуре другой. Своими книгами о России (в частности, о Суворове, об императоре Николае II и др.) Якоби в этом отношении сыграл известную роль. Но и сама мысль о необходимости сотрудничать между Францией и сильной национальной Россией не раз зримо высказывал Якоби.

Яснее, чем когда-либо, просвечивает эта мысль в новой его

книге «Наполеон в России»², хотя и нельзя сказать, что ее Якоби сделал своей главной темой. На первый взгляд, его интересуют вопросы более частные. Якоби не создает в своем любопытном исследовании никаких общих теорий, а лишь тщательно и подробно анализирует исторические факты. Но сквозь отдельные его выводы, чисто исторические или психологические, всё время проступает глубокая проблема франко-русской дружбы. Невольно приходит в голову мысль, что именно она привела Якоби к изучению самого острого столкновения, когда-либо произошедшего между обеими державами, – по существу, может быть, даже единственного действительного их столкновения за всю историю.

Такой подход к русской кампании Наполеона резко выделяет сочинение Якоби из всей столь обильной литературы о французском императоре. Но и помимо того книга Якоби чрезвычайно интересна, хотя в ней имеются некоторые – на наш взгляд серьезные – недостатки. Зато и достоинств в ней также немало, и они с лихвой покрывают все недочеты.

Едва ли не самое существенное достоинство – то, что книга написана с несомненным увлечением и по-новому захватывает читателя. О Наполеоне и, в частности, об Отечественной войне столько уже было сказано, что заинтересовать нас известными давно фактами как будто невозможно. Но уже знакомые нам материалы Якоби распределил согласно выбранным им отдельным темам, каждый раз по отношению к той из них, которая в данный момент занимает его. При этом он широко воспользовался и официальными документами, и мемуарами современников, и уже существующими исследованиями, и даже художественной литературой (в частности, «Войной и миром»).

Выбором и распределением материала Якоби, впрочем, не ограничивается. Он проделал не только компилятивную, но и оригинальную исследовательскую работу, на что и указывает подзаголовок в книге – «новые документы». Здесь, однако, Якоби и совершил главную ошибку, так сказать, методологического порядка. Новые данные он не выделил в отдельную главу, а включил в свое изложение наряду с прежними. Этот прием, конечно, имеет свои оправдания, ибо подчеркивает, что для историка ценна не та или иная его находка, а общий план и окончательные выводы. Но представляет он и существенные неудобства, ибо в тексте невозможно каждый раз оговариваться: «вот это – новый документ, а вот этот – старый, давно известный». Сноски и указания загромождают книгу и мешают увлекательности – Якоби это понял и к ним не прибегнул. Остался еще один способ, пожалуй, самый верный и не раз использованный: привести в конце книги список документов и краткие сведения о том,

где они были обнаружены. Почему Якоби и этого не сделал, для нас непонятно. Думаем, что здесь вина не автора, а издательских условий. Как бы то ни было, для читателя не специалиста, но серьезно интересующегося историей, установить эти документы невозможно, тем более, что они явно не вносят никаких неожиданностей, а служат лишь подтверждением других данных. Но в истории каждое подтверждение играет роль первостепенную – и тем досаднее, что нам приходится лишь догадываться о том, где искать его. По-видимому, новые материалы ввел Якоби, главным образом, в главу о неудачном сватовстве Наполеона к сестрам императора Александра I. Во всяком случае, он приводит любопытнейшие письма императора к его матери, Марии Федоровне, и сестрам Екатерине и Анне Павловне; насколько нам известно, впервые приведены и некоторые сообщения наполеоновского посла в Петербурге, Коленкура.

Опубликование столь ценных сведений само по себе – заслуга перед историей. Но Якоби и этим не ограничился. На основании всех имеющихся в его распоряжении данных он попытался определить общие причины неудачи наполеоновского похода на Москву – неудачи, повлекшей за собою крушение всего дела императора. Конечно, он далеко не первый стал искать объяснений этого «падения, не менее поразительного, чем восхождение Наполеона», – как сказал еще Талейран. Однако обычно историки наиболее тщательно анализируют причины поражения Ватерлоо, как будто именно эта битва решила судьбу империи. На самом же деле она была решена уже раньше. Тот же Талейран справедливо указывал, что роковыми ошибками Наполеона были Испания, Россия и отношения с Папой. Скажем сразу же, что наименее исследованным остается вопрос об испанском неуспехе Наполеона. Наоборот, для освещения «русского вопроса» было пролито немало чернил. Кое-что в нем даже стало достоянием учебников истории: это – военные и стратегические причины поражения французской армии. Бесспорно, чисто военные ошибки Наполеоном были совершены. Но Якоби правильно понял, что эта причина была лишь следствием и дополнением причин более глубоких, порядка политического, а то и психологического. В этой области Якоби тоже поднял эту проблему не первый, зато поставил ее очень отчетливо и, благодаря этому, смог сделать вывод сравнительно новый в исторической науке и чрезвычайно ценный для будущей европейской политики.

Выскажем всё же здесь и несколько возражений. Якоби, несомненно, обладает чувством исторического анализа и умеет порою очень точно и тщательно восстановить цель скрытых от обывателя событий, умеет также остро и метко истолковать их. Но часто он всё

же смешивает подобный разбор с психологическим анализом и намерениями главных участников этих событий. Что и говорить, человеческая психология играет в истории роль первостепенной важности. Однако не всё в истории объясняется психологией в равной степени, как и не все психологические наблюдения Якоби применимы к истолкованию событий. Так, например, объяснение испанской и русской неудач Наполеона пробелами в его школьном образовании кажется нам в корне ошибочным – знай он географию этих стран в совершенстве, он также мог потерпеть в них поражение. Наполеон ведь интересовался морским делом и всё же был разбит при Трафальгаре. Рассуждения Якоби о различии русского и французского характера не более убедительны. Во-первых, он явно схематизирует и «логический склад» француза, и пресловутую «славянскую душу». Во-вторых, само положение, что Наполеон был воплощением французских национальных черт, требует доказательства. Помимо того, что Наполеон был по рождению корсиканцем, а не французом, вообще рискованно делать заключение о национальном типе по личностям исключительным. Правда, Якоби, по-видимому, придает мало значения исторической роли личности. Он становится резко на защиту «детерминизма» (т. е. теории исторической необходимости), видя в нем естественную связь между причинами и следствиями. Но здесь он совершает столь грубую ошибку (историческая необходимость и причинная связь – понятия совершенно различные), что его историческая точка зрения не может внушить особого доверия. Вообще, историк не обязательно должен быть и историком-философом. Якоби в эту область лучше не углубляться, да еще попутно полемизируя с Декартом и другими философскими авторитетами.

Главную же ошибку делает Якоби, слишком вдаваясь в психологические трактования при объяснении причин неудачного сватовства Наполеона к Екатерине и Анне Павловне. Эти толкования, откровенно говоря, совершенно излишни, ибо чисто исторический анализ, данный самим Якоби, достаточно ясен и без них. Больше того, рассуждения о неудовлетворенных мечтах Наполеона и о двуличии Александра I, может быть, и правильны сами по себе, но отвлекают внимание читателя от очень убедительных и даже глубоко исторических выводов. В столь основную главу (ибо Якоби прав, что неудача этих переговоров уже предопределила московское поражение и крушение наполеоновской империи) не стоило вводить личных, пускай и любопытных, комментариев. Она бы определенно выиграла, если бы автор изложил одни лишь исторические соображения.

Позвольте это сделать за Якоби – конечно, вполне схематически. Камбасарес предсказал, что Франция будет вести войну с той из двух

стран (Австрией или Россией), с которой Наполеон не будет связан брачными узами. При этом он высказывал надежду, что это будет Австрия, с которой легче справиться. Наполеон понимал это не хуже Камбасареса, почему и стремился к упрочению отношений с Россией: matrimonialный проект интересовал его как политика именно потому, что означал и проект франко-русского союза. Необходимость последнего для европейского равновесия встала в тот момент, когда Россия стала играть одну из главных ролей в международной политике. Ко времени Наполеона она стала чуть ли не основным фактором европейской политики – и честолюбивый завоеватель готов был идти на какие угодно жертвы для обеспечения дружбы с Россией. Тильзит и Эрфурт³ были именно попытками подобного сближения, причем Наполеон готов был развязать императору Александру руки на Ближнем Востоке.

То, что было существенным для Франции в то время, куда менее необходимо было России, боявшейся всё же ограничений, вызванных союзом с Наполеоном. Поэтому, а не вследствие личной нерасположенности, Александр I и оттягивал соглашение. Эта неопределенность и толкнула Наполеона на союз с Австрией. Таким образом, чисто политическое недоразумение сделало его врагом России, ибо сохранять нейтральные отношения было невозможно из-за опасения империалистических стремлений Русской Империи. Но, став к России в отношении враждебные, Наполеон нарушил равновесие – и был осужден на поражение. Нельзя всё же забывать, что к этому он был вынужден ходом событий, а что по-своему убеждению он был первым сторонником идеи франко-русского сближения, с тех пор непрестанно стоявшей в центре всех вопросов европейской политики.

---

1. «Возрождение». № 4162. 16 декабря 1938.

2. *Jacoby Jean*. Napoleon en Russie (nouveaux documents). – Paris: Les Libertes Francaises, 1938.

3. В 1808 году в Тильзите и Эрфурте, Германия, произошли встречи Наполеона и Александра I.

СПИСОК УПОМЯНУТЫХ ИМЕН:

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), русский поэт, писатель-публицист, литературный критик, издатель, лингвист, историк.

Камбасарес Жан Жак Режи (1754–1824), кардинал, архканцлер империи Наполеона и президент Сената, герцог Пармский, временно возглавлял при Наполеоне министерство юстиции.

Милош Оскар Владислав Любич де (Oscar Vladislav de Lubicz Milosz. 1877–1939, Париж), французский поэт, писатель, лингвист, новеллист, эссе-

ист, драматург; литовец по национальности, писал по-французски, дальний родственник Чеслова Милоша. Родился в Белоруссии, около Могилева, отец по национальности литовец, мать – еврейка, дочь профессора из Варшавы. С 12 лет обучался в Париже, где и начал писать стихи. Знал в совершенстве девять языков.

Константиновский Матвей Александрович (1791–1857), священник Спасо-Преображенской церкви г. Ржева, с 1849 г. – протоиерей, настоятель Успенского кафедрального собора. Занимался проповедничеством, вел аскетический образ жизни, был духовником Гоголя.

Крымов Владимир Пименович (1878, Витебская губ. –1968, Париж), русский прозаик и предприниматель, издатель. В апреле 1917 предпринял кругосветное путешествие (Япония, США), после которого поселился в Берлине. В 1933 переехал во Францию. Купил под Парижем виллу, ранее принадлежавшую Максу Линдеру. Является прототипом Парамона Ильича Корзухина в пьесе Михаила Булгакова «Бег». Автор ряда романов.

Мочульский Константин Васильевич (1892, Одесса – 1948, Пиренеи), русский критик, филолог и литературовед первой волны эмиграции. Окончил историко-филологический факультет С.-Петербургского университета. В 1920 эмигрировал в Болгарию. Преподавал в Софийском университете. В 1922 переехал в Париж, профессор Свято-Сергиевского богословского православно-института, один из руководителей Русского студенческого христианского движения, автор монографии о Достоевском. В 1941 был арестован и помещен в лагерь Компьень, освобожден через несколько месяцев. Организовал помощь российским заключенным в лагере Компьень. В 1946 переехал в Камбо, Пиренеи. Публиковал литературно-критические статьи, рецензии, эссе, рассказы, стихи в журналах «Современные записки», «Числа», «Новый град», «Путь», «Вестник РСХД», «Русские записки», «La Tribune juive» и др., в газетах «Дни», «Звено», «Русские новости», «Россия и славянство», «Последние новости», «Русская мысль» и др. В Париже издал ряд книг на русском и французском языках.

Саводник Владимир Федорович (1874–1940), литератор, автор учебников по словесности.

Ситовский Василий Васильевич (1872–1930), русский и советский ученый-филолог, профессор. Представитель эволюционного метода в литературоведении. Писатель-беллетрист, автор романов, опубликованных под псевдонимом Новодворский В. Публикатор и редактор произведений русских писателей.

Шлёцер Борис де (Борис Федорович Шлёцер, Boris de Schloezer, 1881, Витебск – 1969, Париж), французский писатель, литературный и музыкальный критик. Выходец из России, с 1921 жил во Франции. В 1932 опубликовал по-французски книгу о Гоголе «Le roman des grandes existences» (Paris: Plon, 1932).

Якоби (Якобий) Иван Павлович (1879–1964, Брюссель), коллежский советник, историк, публицист, монархический деятель. Родился во Франции в

семье известного психиатра, профессора П. И. Якобия. В 1890 году семья уехала обратно в Россию. После революции эмигрировал. Жил во Франции, Бельгии. И. Якобий публиковался в газете «Двуглавый орел», был в окружении Вел. князя Николая Николаевича. Автор ряда книг на французском языке. Книга «Souvoroff» была рекомендована курсантам Французской академии Генерального штаба. В 1938 выпустил в Брюсселе книгу «Le Tsar Nicolas II et la Révolution», весь доход от продажи поступил на завершение строительства местного храма в память Царя-Мученика и всех русских людей в смуте убиенных.

ПИСАТЕЛЬ И ВОЙНА^{1*}

Пока война не разразилась, отношение к ней писателя – как и всякого человека, живущего напряженной внутренней жизнью, – в общих чертах было ясно и просто: писатель войны не хотел. После прошлогодних сентябрьских событий² В. Ф. Ходасевич поместил в «Возрождении» статью «Война и поэзия», в которой обосновал это отношение и, между прочим, отметил, что ни один русский эмигрантский писатель не выступил в то время с призывом к войне. Замечание Ходасевича можно было бы и расширить: тогда не только русские, но и западные писатели стремились к миру. Даже те, которые, подобно Жироду, непрерывно опасались войны и предостерегали читателя от излишнего оптимизма (пьеса «Троянской войны не будет» приобрела ныне смысл страшного пророчества); даже те, которые, подобно Жюльену Грину, были одержимы мыслью о новом европейском столкновении, – даже они войну безоговорочно осуждали.

Нужно ли говорить, что ужас, с которым художники представляли себе самую возможность войны, не был обусловлен исключительно страхом за собственную шкуру? Важнее напомнить, что вызван он был даже не отвращением к кровопролитию (военные романы чаще всего клеймили «окопные будни», а не сражения) и отнюдь не был родственен идеологическому пацифизму. Страшились писатели, прежде всего, за судьбу культуры, за духовный рост человека и человечества. «Разрушение соборов и памятников искусства ужаснее гибели людей, – писал Чарльз Морган в замечательном «Трактате о единстве духа». – Но еще ужаснее уничтожение творческого порыва, ибо с ним можно заново построить соборы и памятники, а без него они останутся мертвыми свидетелями прошлого.»

---

^{1*}Предлагаемые следующие три статьи Ю. В. Мандельштама являются последними напечатанными текстами в газете «Возрождение» до его гибели в концлагере Освенцим.

Все эти тревоги и опасения были достаточно понятны. Но война началась, закрываниями глаз и поздними сожалениями делу не поможешь. Писатель, как и всякий человек творческого порыва, должен определить свое к ней отношение, причем одновременно без промедления и истерических метаний, ибо в окончательном счете, именно от твердого сознательного подхода творческих людей к действительности, а не от чего другого, зависят те самые судьбы культуры, о которых они так беспокоились в мирное время. Мне могут возразить, что душевно и духовно перестроиться не так легко и что война слишком болезненно поразила саму творческую организацию писателя, чтобы можно было наспех изменить к ней отношение. Но ведь речь идет не о перестройке и не об изменении общего мироощущения, а о включении в него нового элемента. Ведь иначе нужно было бы признать, что художник не может творчески реагировать и на личные печальные события: на смерть близкого человека, на несчастную любовь, на крушение той или иной надежды. Да и об особой спешке говорить не приходится: гром не грянул из чистого неба, как в 1914 году, война готовилась полтора года, и сознательный и мужественный писатель не мог не думать о ней. В высказываниях тех же авторов, которых я уже называл, содержится немало предвидений, а иные из них уже в мирное время целиком выработали свое военное мирозерцание. К последним относится тот же Чарльз Морган, писатель отнюдь не воинственный, но смотрящий на мир открытыми глазами. В упомянутом выше его сочинении есть целая глава о «принятии войны», которую сейчас многим хочется порекомендовать прочесть. Но, прежде всего, что значит «принять войну» и почему писатель должен ее принять? Во-первых, потому, что если не принять ее, то значит, как страус, спрятать голову под крыло и не считаться с действительностью. Если раньше кое-как могла существовать пресловутая «башня из слоновой кости», где художники укрывались от невзгод, — ныне она рухнула. «Попробуй отрицать смерть, — говорил тургеневский Базаров. — Она тебя отрицает и баста.» Попробуй не принять войну, когда она пошлет тебя в окопы или подземное убежище от воздушных бомбардировок. Войну надо принять, как принимаешь реальность вообще, хотя в ней многое может не нравиться. Но отказ от нее равносильен самоубийству.

Есть, однако, и еще одна причина, по которой писатель не может не принять войну и даже не имеет права предпочитать ей сейчас, когда она уже разгорелась, худой и непрочный мир. Причина эта — духовная, а не гражданская несостоятельность пораженчества, коими во время войны неизбежно становятся пацифистские стремления. Творец не меньше, чем обыватель, может быть пораженцем, ибо

пораженчество гражданское ведет к сдаче иных, духовных позиций. Согласившись во имя «тишины и спокойствия» с той стороны, с которой писатель связан жизненно и духовно, он во имя той же эгоистической безопасности может отказаться и от того душевного риска, на котором основано само творчество.

Всё это отнюдь не означает, что писатель должен идеализировать войну и писать, например, только военные стихи или романы. Здесь-то и помогает глубочайшее суждение Моргана. «Принять», по его словам, не значит «подчиниться», попасть в рабство. Писатель, принявший войну, продолжает – в меру своих сил, в соответствии с условиями – стремиться к своей вечной абсолютной цели. Для этого нужно, конечно, чтобы эта цель и впрямь была вечна и абсолютна. Поэтому душевный абсолютизм писателю в дни войны совершенно необходим. Самый чистый вид такого абсолютизма, конечно, – вера.

Писатель должен быть своей цели верен до конца, должен быть готов отдать саму жизнь. «Быть убитым – не значит изменить», – напоминает Морган. Самое страшное на войне – не смерть, которая ждет нас и в мирной жизни, а угроза потерять «душу живую», или, как говорит Морган, «свое духовное убежище». Убежище это не вовне, а в нас самих, мы можем переносить его с места на место в любых условиях. Если в нас хватит на это силы и, прежде всего, умения во всякий момент «сосредоточиться», – мы всегда можем «на мгновение отложить перо и пройти сквозь битву с миром в душе» – хотя бы мгновение и длилось несколько лет.

Естественно, сохранение «убежища» принимает иные формы, дело писателя во время войны меняется от того, оказывается ли он на фронте или в тылу. Кстати, тыловым писателям так же непростительно «сбрасывать со счета» ушедших на позиции, как фронтовикам упрекать своих собратьев, оставшихся позади в малодушии. Оставим разрешение этого вопроса военным комиссиям, а сами запомним твердо, что служить духу и искусству мы можем в обоих случаях. В условиях фронтовой жизни редко бывает возможно говорить о творчестве в точном смысле этого слова; впрочем, поэту здесь легче, чем прозаику, ибо стихи «пишутся» и в голове и даже вне зависимости от свободного времени. Но и прозаик может «копить опыт», делать заметки, вести дневники, которые потом могут быть использованы. Надо только уметь хранить в себе веяние духа. Военные дневники писателей 1914–1918 гг. (Дюамеля, Кароссы и многих других) могут дать ценные советы. В предыдущих войнах многие писатели участвовали в походах и не обеднели от этого душевно.

В Великую войну большинству русских писателей чудесно повезло – мало кто из них попал на фронт. Но и у нас есть пример

поэта – воина, стихи которого многим помогут сейчас: я говорю, конечно, о Гумилеве. Впрочем, нашим эмигрантским писателям в огромном большинстве случаев примеры не нужны, ибо три четверти так называемых «молодых» проделали опыт войны гражданской. Что же касается французских писателей, то целое поколение их прошло через войну; Шарль Пеги погиб при первой Марне, убиты были Психари и Ален-Фурнье, смертельно ранен Аполлинер. Но из выживших многие вынесли из огня новую творческую личность и порою отдельные значительные произведения: Дюамель – «Жизнь мучеников», Доржелес – «Деревянные кресты» и т. д.

Дело оставшихся в тылу не легче и, может быть, еще ответственнее, хотя вид у него менее героический, более обыденный. Их задача – ясна и точна: они должны продолжать писать. Но как писать, когда жизнь творчеству мешает и, главное, когда там умирают? И для чего писать, если комната, где лежит рукопись, может быть уничтожена глупой пулей? Первый вопрос – психологический. Писатель должен иметь мужество писать, несмотря на гибель и трудности, как врач должен продолжать лечить, архитектор – строить дома, которые могут быть разрушены, сапожник – шить сапоги, в которых солдаты пойдут в атаку. Надо уметь смиряться, т. е. опять-таки принимать реальность.

Вопрос о смысле творчества реальнее и серьезнее. Но и на него есть ответы, насколько вообще смысл творчества объясним: ведь люди вообще смертны и рукописи вообще не вечны. И всё же сам процесс творчества куда-то ведет. Затерянные трагедии Эсхила сыграли свою роль – не меньшую, чем дошедшие до нас. В дневнике Грина есть подобная запись, применительно к нынешним событиям: «Даже когда кажется, что всё потеряно – писать надо, ибо то, что бессмысленно в нашей плоскости, может оказаться важнее всего в плоскости вечной». Однако и в земной плоскости ответ найдется – и достаточно убедительный: если в тылу писатели перестанут работать, то после войны вернувшиеся с фронта встретятся с пустотой, и в литературе наступит губительный перерыв; если же каждый будет делать свое дело, то на следующий день по окончании войны все с радостью увидят, что страхи их были напрасны, что творческий дух сильнее всех разрушений, что литература продолжается, что жизнь продолжается.

---

1. Возрождение». № 4201. 15 сентября 1939.

2. Речь идет о Мюнхенском соглашении 30 сентября 1938 года (т. н. Мюнхенский сговор) между Германией, Великобританией, Францией и Италией о разделе Чехословакии.

НЕБО АУСТЕРЛИЦА¹
(ЗАМЕТКИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ)

Всё о том же – о том, как пережить это военное время, не физически только, а главным образом, душевно и духовно. Необходимость эта с каждым днем всё отчетливее ощущается чуть ли не всеми – сужу хотя бы по постоянным газетным напоминаниям о том, что жизнь продолжается и должна продолжаться, что война когда-нибудь кончится и в новый период мира, прочного и радостного, мы должны будем вступить не с жалкими обломками, уцелевшими «в последней из последних», а людьми, сознательно обогатившими, не расточившими свой опыт. Об этом мы думаем в тылу, об этом же пишут нам и «оттуда» – и даже дают советы, как сохранить свою бодрость и «интерес к интересному».

Такие письма вызывают неловкие чувства, но они понятны. В тылу в некоторых отношениях и некоторым людям труднее, чем на фронте, ибо остались еще какие-то старые формы жизни, а содержание их днем за днем куда-то исчезает. Эту убыль жизни внутренней надо во что бы то ни стало остановить – но как это сделать? Легко произносить общие фразы, трудно продолжать свое прежнее существование более или менее напряженно.

Нас, оставшихся – может быть временно – в тылу, война еще не коснулась своей кровавой стороной. Мы еще не узнали ни воздушных налетов, ни оружейных обстрелов. Непосредственная гибель нам не грозит. Но война иначе обволакивает нас своей смертельной паутиной. Она засасывает нас нищетой, нарушением привычного жизненного распорядка – пускай даже непрочного, эмигрантского. Она нас отвращает пустотой и пессимизмом, вечерней темнотой парижских улиц, рано закрывающимися кафе – только теперь многие отдают себе отчет, что вносили кафе в нашу жизнь; отсутствием театров и кинематографов, трудностью сообщений, мешающих добратся до дружеского дома. Да иной раз и добираться незачем: друг уже «ушел», знакомые эвакуировались. Страшно сказать, но стало уже меньше людей, а что остается, когда прекращается общение с людьми, – это первооснова всей духовной жизни. Но и это еще не всё: людей иногда заменяют книги – но и новые книги больше не появляются. Для тех, кто привык к постоянно обновляющейся умственной и духовной пище, это отсутствие попросту ужасно.

И поневоле цепляешься за всё, что хоть сколько-нибудь напоминает мир; ищешь каких-то вечных, незыблемых проявлений подлинной жизни. Найти их, конечно, нелегко, но они всё же существуют. О некоторых из них мне хочется напомнить всем, кто мучается той же

надеждой, что и я. Пусть всё это старо и известно, но порою самое известное средство не приходит в голову. Да, кроме того, и война – явление не новое, но всегда по-новому мучительное.

Во-первых, у нас всё-таки остались книги. Новых нет, но есть старые, которые всегда можно читать и перечитывать. Какие же это книги? Формально определить их трудно: это не обязательно классици, не обязательно возвышающее нас художественное творчество. Но это, конечно, и не легкое чтение. Для тех, кто хотят сейчас «развлечься», «забыться» и зачитываются сейчас авантюрной или дешевой юмористикой (и не только дешевой), совершают ошибку, ибо жизнь реальная и суровая мстит за отход от нее, и возвращаться к ней вдвойне тяжело. Утешают нас и поддерживают те книги, в которых мы, прежде всего, ощущаем жизнь, вечное ее и непрерывное течение, в частности, те романы, в которых интриги или типы героев играют не первую и, во всяком случае, не исключительную роль, в которых разлито нечто большее, чем сказано словами. Из классических произведений это, прежде всего, «Война и мир», романы Флобера и Стендаля, кое-что у англичан. Но может нам попасться подобная книга и не такого масштаба, свое действие она всё же произведет. Между прочим, неважно, доказывает ли нам автор осмысленность или бессмысленность человеческого существования – непрерывность течения его придаст сама таинственный смысл всему.

Есть и в «Войне и мире» страницы, с детства всем знакомые, но многими забытые, которые в этом отношении особенно значительны: это – описание ранения князя Андрея на Аустерлицком поле. Разрешу себе привести его, истинное лекарство никогда повредить не может:

«Что это? я падаю? у меня ноги подкашиваются», – подумал он и упал на спину. Он раскрыл глаза, надеясь увидеть, чем кончилась борьба французов с артиллеристами, и желая знать, убит или нет рыжий артиллерист, взяты или спасены пушки. Но он ничего не видал. Над ним не было ничего уже, кроме неба, – высокого неба, не ясного, но всё-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками. «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, – подумал князь Андрей, – не так, как мы бежали, кричали и дрались; совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, – совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его, наконец. Да! всё пустое, всё обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме него. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И, слава Богу!..»

В следующей главе раненого князя Андрея, взятого в плен, лично расспрашивает Наполеон, «его герой», о встрече с которым он мечтал. Но «небо» Аустерлица всё изменило в его сознании, и Наполеон его уже не пленяет. «Ничего, ничего нет верного, кроме ничтожества всего того, что мне понятно, и величие чего-то непонятного, но важнейшего!»

Разве такие строки не помогают – в буквальном смысле слова – жить? Напомню еще два подобных описания у других авторов. Герой Стендаля, Фабриций («Пармский монастырь»²), на поле Ватерлоо вдруг осенен раздумьем и спрашивает себя – и правда ли он в сражении? Фредерик в флюберовском «Воспитании чувств»³ в разгар революции 1848 года останавливается в лесу Фонтенбло, смотрит на вершины сосен и на небо. «Величие чего-то непонятного, но важнейшего» может вдруг явиться каждому из нас – хотя бы при чтении этих книг. Но не только при чтении. Есть жизненная эссенция, еще более действительная. Мой корреспондент из армии описывает мне концерт, устроенный в деревенском кафе самими солдатами. В программе – Шуберт, Шопен, вечная музыка. К кому, как не к ней, идти в такие минуты? По счастью, организаторы радиоконcertов поняли, что сейчас не время для песенок Фернанделя – из аппаратов льются ежедневно звуки бетховенских симфоний, моцартовских сонат, шопеновских прелюдий. Музыкальными лучами нисходит на нас небо Аустерлица.

И еще – вне искусства, вне человеческого творчества... Идя вечером по темным улицам, стоит взглянуть вверх. В городе мы отвыкли от природы, от стихии – тем неожиданнее, тем страшнее и даже хмельнее вдруг глянет на нас незакрытое от нас электрическим светом, грустное, холодноватое, но всё же спасительное осеннее звездное небо. «Раскрылась бездна, звёзд полна»... Нет, не то. Не ломоносовские стихи первыми приходят в голову, а те же толстовские строки, «величие чего-то непонятного, но важнейшего». В другом виде, других условиях, в другой войне для нас простерлось над Парижем небо Аустерлица. И что в том, если нас разбудит ночью рёв тревожной сирены: ведь и в убежище мы пойдем и назад вернемся под тем же небом.

---

1. «Возрождение». № 4206. 20 октября 1939.

2. Перевод на русский: П. Губер, М. Левберг – «Пармский монастырь», 1935; Н. Немчинова – «Пармская обитель», 1952.

3. Переводы на русский: А. Энгельгардт «Сентиментальное воспитание», 1870; Е. Бекетова «Воспитание чувств» (1896/98, 3-й том Собр. соч. в 3-х тт.); А. Федоров «Воспитание чувств», 1956.

АВАНТЮРНЫЙ РОМАН¹

Да простит меня читатель, что почти в каждой моей статье последних недель я начинаю «танцевать от печки», т. е. с упоминания о войне. Но что же поделаешь, раз война так властно вторглась во все области жизни, что о ней поневоле думаешь. Может быть, она не стала прямой темой всех пишущих, но свой отпечаток она, естественно, наложила на всех пишущих. Вечное и злободневное в жизни не разделены, они существуют в такие моменты, как переживаемый нами, пренебречь злободневностью может только тот, кто слеп и глух к самой жизни.

Недавно в очерке «Небо Аустерлица» я писал уже о той душевной, а не физической опасности, которую представляет для людей творческого порыва само «состояние военного времени», и пробовал указать на некоторые утешения, а то и реальные средства спасения. Говорил я, в частности, о книгах, которые поддерживают нас и даже помогают сохранить свою личность в круговороте событий. Упомянул я и о том, что чтение авантурных романов не представляется мне действительным лекарством. Эта фраза могла создать впечатление, что я вообще против авантурного романа – что было бы, кстати, протестом, отнюдь не новым: кто только не выражал презрения к этому «низкому» жанру. Должен, однако, сказать, что такое толкование моей статьи было бы ошибочным, ибо я не считаю роман приключений жанром недостойным.

Но, прежде всего, отчего произошло так, что его надо защищать от кого-то? Откуда взялось представление, что романы приключений из литературы выпадают, во всяком случае, что они – литература «низкопробная»? Ведь жажда к приключениям – одно из самых творческих свойств человека, и сама занимательность произведения отнюдь не идет вразрез с его духовной насыщенностью или художественными достоинствами; больше того, занимательность – одно из первичных условий литературы, и обойтись без интересного сюжета может далеко не всякий писатель. Многим кажется, что авантурный роман менее глубок, чем психологический, ибо девятнадцатый век приучил нас к тому, что глубина – синоним психологии. Но разве духовное содержание искусства когда-нибудь исчерпывалось психологией, и разве психология даже подчас не вредила ему?

В чем же тогда дело? Думаю, что просто в недоразумениях и – даже в двух недоразумениях. Во-первых, авантурный роман часто смешивают с полицейским или сыщическим, тогда как последний, собственно говоря, самым приключением, легшим в его основу, почти не интересуется. Он представляет собою загадку, которую надо раз-

гадать, математическую загадку, которую надо решить: по таким-то данным найти неизвестное – убийцу или жертву. Этот жанр и впрямь к искусству имеет мало отношения – за исключением таких романов, как «Патер Браун» Честертона, знаменитый «Шерлок Холмс» и некоторые другие, в которых кроме самого расследования присутствует ряд других тем и мотивов.

Второе недоразумение основано на огромном количестве авантюрных романов бульварного типа, лишенных и глубины, и мастерства, и потому с литературой тоже ничего общего не имеющими. Но было бы несправедливо возлагать на самый жанр вину тех писак, которые его опошлили и снизили, – тем более, что это снижение произошло лет пятьдесят тому назад, а роман приключений стар как мир и никогда раньше не почитался недостойным. Вся литература Средних веков и эпохи Возрождения с приключениями неразлучна: и «Жития Святых», и апокрифические путешествия, и рыцарские плутовские романы. А позже – разве «Дон Кихот» не был авантурным романом, что не мешает ему быть одним из мировых шедевров. А «Жиль Блаз»? А «Путешествия Гулливера»? А романы Вальтера Скотта и Александра Дюма? А Эдгар По и, в особенности, непризнанный, но замечательный Стивенсон? И всем известно влияние романа приключений на Бальзака, на Диккенса, на Достоевского – романы которого его современники не случайно сравнивали с «Рокамболом»².

Что же такое роман приключений и в чем его вечная сущность, дающая ему право на место во всемирной литературе – место столь же почетное и законное, как то, которое занимает роман психологический. Как и всякий роман, он, прежде всего, – повествование о жизни и попытка ее объяснения. Следовательно, он не может ограничиваться описанием внешних фактов, должен проследить тайные их двигатели, стремление его героя к той цели, которой он живет и которую в себе воплощает. В этом стремлении герой романа сталкивается с препятствиями двух видов: душевными, борьба с которыми стала содержанием романа психологического, и чисто внешними, однако не менее серьезными, – в условиях жизни с другими людьми, с природой, может быть, с судьбой. Преодоление этих преград и есть приключение, оно-то и может стать сюжетом подлинного романа приключений.

Таким образом, в серьезном авантурном романе приключения не случайны, возникают они не по авторскому произволу. Они вызываются и мотивируются всем течением жизни героя – или героев. Они – этапы той борьбы, которую героям приходится выдержать для достижения своей цели с враждебными силами. Из этой борьбы герой не всегда выходит победителем, так же, как и из борьбы душев-

ной. В тех же случаях, когда противник его – сама судьба, он даже обречен на поражение и гибель. Традиционный в нынешних современных романах благополучный конец не только не может всегда разрешить действие, но порою делает всё произведение неправдоподобным и неоправданным. Было бы, конечно, легкомысленно требовать всегда трагической развязки. В требовании счастливого исхода таится глубокий смысл – чуть ли не вера в божественное. Провидение. Но именно поэтому злоупотреблять им нельзя, ибо иначе оно сводится всего-навсего к штампованному и не пережитому автором приему.

В нарушении этих основных законов и заключается то снижение жанра, о котором я писал выше. Роман приключений превращается в серию случайных и не связанных друг с другом, более-менее животрепещущих эпизодов, да еще «а priori» благополучно завершающихся (что, кстати, вредит и простой занимательности). Естественно, что для необъединенного внутренне и лишенного органического развития повествования лишними оказываются и формальные художественные приемы; более того, лишены своего содержания, эти приемы становятся раздражающими побрякушками. Отсюда – примитивность построения, условность характеров и образов, огрубение стиля – т. е. действительное выпадение из литературы на уровне «вагонного» чтения. Произошло это отчасти по вине авторов романов приключений, соблазнившихся линией наименьшего сопротивления, большими тиражами, легкой наживой, но отчасти и по вине «серьезной» литературы. В девятнадцатом веке она уж слишком увлеклась психологизмом и стала отталкивать от себя и внешнюю жизнь, и занимательную фабулу. Реакция была неизбежна – и как часто бывает, приняла грубые и низкие формы.

Можно, однако, предполагать, что опошление авантюрного романа – явление временное, ибо попытка воскресить авантюрный роман как произведение искусства непрерывно делалась и делается писателями подлинного таланта и мастерства. Многие, особенно после того, как подражатели Пруста завели психологический роман в тупик, в чистой психологии разочаровались – и снова обратились к приключениям. Фабула, интрига, занимательность нелегко уступают свои привилегии и не хотят довольствоваться местом на страницах бульварного романа. Он повелитель, но требует полного восстановления в правах – и, конечно, рано или поздно его добьется.

---

1. «Возрождение». № 4208. 3 ноября 1939.

2. Рокамболь – главный персонаж цикла авантюрно-уголовных романов XIX века французского писателя Понсона дю Террайя (Понсон дю Террайль, 1829–1871); нари-

цательное имя для авантюриста. Персонаж был настолько популярен среди читателей, что во французском языке появилось используемое и поныне слово «рокамбольный» (*rocambolesque*), то есть «невероятно удивительный» или «в стиле Рокамболя».

СПИСОК УПОМЯНУТЫХ ИМЕН

Ален-Фурнье (Alain-Fournier; наст. Анри Фурнье, 1886–1914), французский писатель. Погиб на фронте.

Аполлинер, Гийом (Guillaume Apollinaire, наст. – Wilhelm Albert Vladimír Apollinaris, 1880–1918), французский поэт, писатель, умер от фронтového ранения.

Грин, Жюльен (Julien Green, 1900–1998), французский писатель американского происхождения. Участник Первой мировой войны.

Дюамель, Жорж (Georges Duhamel, 1884–1966), французский прозаик, поэт, драматург, литературный критик; лауреат Гонкуровской премии (1918), член Французской академии.

Доржелес, Ролан (Roland Dorgelès, наст. Лекавеле, Lecavelé, 1886–1973), французский писатель, президент Гонкуровской академии с 1955 года.

Жироду Ипполит-Жан (Hippolyte Jean Giraudoux, 1882–1944), французский новеллист, эссеист, драматург, дипломат.

Каросса, Ханс (Hans Carossa, 1878–1956), немецкий врач, писатель, поэт. Проза Кароссы, в основном, автобиографическая. В 1938 г. получил премию Гёте. В 1941 г. он был избран президентом профашистского «Европейского объединения писателей». В 1944 г. был включен Гитлером в специальный список «незаменимых» в числе шести наиболее важных писателей Третьего Рейха.

Морган, Чарльз (Charles Langbridge Morgan, 1894–1958), английский драматург, новеллист. Главная тема его романов, как он сам об этом сказал, – «искусство, любовь и смерть».

Пегги, Шарль (Charles Réguy, 1873–1914), французский поэт, драматург, публицист, эссеист и редактор. Погиб в первый год войны.

Психари, Эрнест (Ernest Psichari, 1883–1914), поэт и романист. Погиб на войне.

Публикация – Елена Дубровина

КУЛЬТУРА. ЛИТЕРАТУРА. ИСТОРИЯ

Елена Дубровина

Творческая мастерская Юрия Мандельштама

На самом же деле, критика – самостоятельный вид творчества, лишь находящийся в непосредственном контакте с чужим творчеством.

О смерти, как будто, он знал что-то доступное очень немногим – судьба почти всех талантов, которым суждено рано погибнуть.

Ю. Мандельштам

Ю. МАНДЕЛЬШТАМ О ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ И ЕЕ ЗАДАЧАХ

Появление на страницах парижской газеты «Возрождение» в конце 1920-х и начале 1930-х гг. статей еще совсем молодого литературного критика, одного из лучших выпускников Сорбонны, можно считать для русской литературной диаспоры «первой волны» явлением исключительным, уникальным и, в некоторой степени, – даже чудесным. В чем же заключалась исключительность Юрия Владимировича Мандельштама, о котором и пойдет наша речь?

В этой статье я буду высказывать только свое личное мнение о работах Юрия Мандельштама, так как знакоилась с ними по мере комплектования четырех томов его статей. И хотя мнение – это понятие субъективное, основано оно будет на тех знаниях (понятии объективном), которые почерпнуты мною из его работ. Интерпретация этих знаний может быть различной, но факт тот, что, перечитывая его работы, можно с уверенностью сказать о неопределимом и огромном его вкладе в литературу 1920–1930-х годов, а мысли его о задачах критика, о назначении и направлении литературного творчества актуальны и сегодня. Так, изучение литературного наследия Ю. Мандельштама поможет расширить диапазон знаний не только о состоянии эмигрантской литературы, но и литературы мировой, а также применить его формулу литературной критики к анализу современного творчества.

Статьи и очерки Юрия Мандельштама – это путеводитель по

литературе, охватывающий период между двух войн и часто открывающий нам новые имена писателей и поэтов русской диаспоры, Франции, Англии и других стран. Его очерки, эссе, заметки и критические статьи сыграли важную роль в понимании и формировании литературного процесса периода 20-30-х годов прошлого столетия. Помимо этого, его беспристрастный и честный подход к анализу литературных произведений и творчества их авторов, его определение задач литературного критика заставляет нас по-новому взглянуть на литературу того периода и на критику в целом.

Талант Ю. Мандельштама как критика постепенно созрел и креп по мере развития личности самого писателя. Путь этот был нелегким, как и путь многих эмигрантских литераторов. Первые его небольшие статьи стали печататься, когда Ю. Мандельштаму едва исполнилось 22 года (стихи появились раньше). Постепенно диапазон его знаний расширялся, крепло перо, развивался острый критический ум, собственное критическое мировоззрение и мироощущение; определялось направление его критических работ. Помогало и знание иностранных языков – так, прочитав книги на французском, он делал блестящий обзор этих книг на русском языке, давая читателю представление о последних публикациях во французской литературе.

За свою короткую литературную деятельность он написал более 500 критических статей и очерков, не считая трех поэтических сборников (четвертый вышел после его смерти), и книги статей «Искатели». И если бы не его преждевременная гибель в немецком концлагере Освенцим, возможно, он встал бы в русской зарубежной литературе на одну линию с В. Ходасевичем и Г. Адамовичем. Однако даже то, что он успел сделать, дает нам сейчас не только широкое и углубленное представление о творчестве целого поколения литераторов, заключенного в рамки двух войн, но и об авторах, им предшествующих.

В одной из своих статей Мандельштам сам сознается, что все последние годы внимательно следит за французской и английской литературой, и добавляет с иронией: «Сознаюсь в этом без стыда. И, право, немалоу нас может научить ‘гнилой Запад’»¹. В работе, несомненно, помогали, помимо владения многими иностранными языками, его широкая эрудиция, знание современных литературных процессов и философских учений, великолепная память, острый аналитический ум, меткая наблюдательность, умение следовать за мыслью автора, анализируя духовное развитие его героев и четко выстраивая свой собственный обзор статьи. «У него была изумительная память, большая эрудиция, хороший литературный вкус, и с самого начала – критические способности»², – вспоминает его близкий друг Юрий Терапиано.

Разносторонность его знаний и широта охвата тем – действительно поражают. Главные темы, к которым он обращался, волновали и современное ему общество: тщетные поиски любви и счастья, религиозное просветление, духовное и душевное преображение, и чисто литературные проблемы – например, кризис романа, и другие, о которых речь пойдет дальше.

Определение Юрием Мандельштамом задач и целей литературной критики актуально и сейчас. Современное понятие критики часто ограничено и сводится только к положительной оценке автора и произведения, или к дешевой рекламе, – забывая, что задача литературного критика не только пересказать содержание и поставить оценку, но и подойти к написанному творчески самостоятельно и даже субъективно, – но не ставя на первое место свое собственное «я». Критик должен пройти вместе с читателем по тайным дорогам недосказанного, углубиться в смысл прочитанного без лишних восклицательных знаков и панегириков, а главное – показать читателю свое непредвзятое впечатление, подкрепляя доводы текстом, цитатами, но и не забывая при этом о личности автора. Главное же, что должен помнить литературный критик, работа его – это сложный творческий процесс, а не выкладка голой информации, не освещенной мыслями рецензента. Такое информационное «творение» не может подменить критическую статью. При этом, не окрашенная личным эмоциональным переживанием, статья становится обезличенной, сухой, неинтересной. В статье «Критики о критике», напечатанной в «Возрождении» в 1937 году, Юрий Владимирович советует критику не отмечать все новинки литературы, так как это дело издательской рекламы. Честный же критик должен уметь сделать правильный выбор, и именно такое умение правильного отбора – необходимая черта любого критического таланта. Все эти принципы современный критик часто оставляет без внимания.

Анализируя статьи Ю. Мандельштама, бросается в глаза то, как он объяснял читателю работу и задачи литературного критика, приглашая его в свою творческую мастерскую. Юрий Владимирович сам открыл нам тайну своего мастерства, шагнув при этом далеко за рамки времени, давая современным критикам четкий круг определений, по которым они могут строить свой литературный анализ, ибо суть заключается не только в рецензировании книг и оценке писателей, а в собственном, хотя и своеобразном, творчестве. При этом Ю. Мандельштам не отрицает необходимости оценки творчества писателя, но «такая оценка только одна из сторон критического творчества, сущность которого – подобно сущности всякого искусства – заключается в самостоятельном духовном созидании и совершенствовании»³.

Константин Грюнвальд⁴, франко-русский писатель, в статье «К познанию современной французской литературы», напечатанной в газете «Возрождение» в 1930 году, отмечал, что автор критической статьи должен помочь читателю выйти из лабиринта и недомолвок романиста, при этом «сжатая форма изложения и полнота биографических сведений должны быть отмечены»⁵. Здесь же он делает акцент на том, что нельзя перегружать критические статьи деталями. Следуя советам старшего собрата по перу, задание критика Мандельштам, однако, видит намного шире: критика не является простой рецензией «с обязательным пересказом содержания, формальным и обзорным, с качественной оценкой произведения». Он подчеркивает, что и самые добросовестные критики порою сбиваются либо на рецензию с пересказом содержания и на примитивные оценки, либо «на расплывчатый комментарий». В статье «Критические этюды» он отметил, что через разбираемых писателей критики прикасаются к основе искусства, к его духовной сути. «Оценка, таким образом, перестает быть единственной целью критики, критическое переживание само становится творческим, и лучшие произведения названных выше авторов приобретают собственную ценность, вне зависимости от значительности критикуемой ими книги»⁶.

Искусство не есть фотографическое отображение жизни, а ее воплощение. Такая мысль прослеживается в различных формулировках в статьях и очерках Ю. Мандельштама. Хороший критик, давая краткое содержание романа, должен развивать свою основную тему, находить элементы этой темы, которые нужны ему для собственного творчества, а «качественная оценка» должна отходить на второй план. Критике, по мнению Ю. Мандельштама, необходимо углубиться в сущность произведения, так как «критика – это то же искусство с разнообразием сюжетов и единством вдохновения». Он видит ее как самостоятельный вид творчества, лишь находящийся в непосредственном контакте с творчеством данного писателя. То же самое происходит и в творчестве литераторов, ибо часто содержание или текст книги представляют собой «сырой материал, не преобразованный творчеством», как справедливо замечает Ю. Мандельштам. Реальная жизнь дает только отправную точку для дальнейшего творческого ее преобразования – и не в сознании, а в подсознании писателя.

Однако Ю. Мандельштам понимает, что порою для читателя связь между жизнью и искусством таинственна и сложна. Не сами переживания писателя отражаются в произведениях, а доходят они до читателя в преобразованном виде, а если и не преобразуют, то всегда «изменяют сам состав чувств». В таком подходе и видит Мандельштам секрет «творческого преобразования» искусством: очи-

щение повседневности «прикосновением к вечному». Движение к такому вечному преображению искусства, а не автоматическое описание жизни, ведет к созданию настоящей литературы.

Закономерно, что Юрию Владимировичу интересен не только рассматриваемый им роман, но одинаково и личность самого автора, ведь для него «книга сама – редкое по силе свидетельство о человеке – об одном человеке, об авторе». Что же касается критика, то его задача освещать тему и ее воплощение своей собственной темой и переживанием. Ю. Мандельштам правильно замечает, что такой подход вовсе не означает приписывание автору произведения мыслей критика – скорее, он обогащает творчество писателя своим пониманием. Именно свое понимание искусства дает критику полное право на личную творческую интерпретацию произведения. В отдельных случаях критик может и ошибаться, но «теме своей он должен быть верен, как всякий художник». Иными словами, задача критика – заново, по-своему, пережить темы и замысел автора и показать сопричастность критика к искусству. Только правильный подход критика к произведению может помочь талантливому автору не «кануть в забвение». Ибо именно в лице критика находит читатель того чуткого мыслителя, который дает ему возможность понять неоднозначность и суть рецензируемого произведения.

Ю. Мандельштам указывает, что искусство – это преображенная жизнь, и разделение жизни и искусства – чисто фиктивное; если критик не будет касаться реальной жизни, он ничего не поймет в искусстве и перестанет быть критиком. О жизни ему забывать не следует, предоставив ей возможность отражаться в творчестве, подобно тому, как она отражается в душе творца. Такое детальное обозначение задач критика важно для тех, кто занимается этим творчеством, порою забывая, что критика – это не обязательно хвалебная песнь автору произведения.

О ЧЕСТНОСТИ И ПРИНЦИПИАЛЬНОСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА

В одном из последних писем Ходасевич писал: «...хорошо ли я пишу – дело особое, но во всей эмигрантской критике едва ли не я один пишу, что хочу и о чем хочу, не насилуя совести, не подхалимствуя, не выполняя социального заказа». Но так ли это? Разве был он только одним честным литературным критиком без «социального заказа»? Читая литературную критику Юрия Владимировича Мандельштама, невольно приходишь к мысли, что Ходасевич явно проигнорировал других авторов, включая Ю. Мандельштама, млад-

шего собрата по перу, и его кредо в подходе к литературной критике.

На мой взгляд, самой главной чертой Юрия Мандельштама, человека и критика, была его честность и объективность – именно то, о чем пишет Ходасевич. Он стремился быть беспристрастным судьей в подходе к рецензируемому произведению и, как бы перекликаясь с Ходасевичем, спрашивает: «Какими качествами должен обладать талантливый критик?» – «Прежде всего, он должен быть честен не только с читателем, но и с самим собой». Так, например, он честно признается в расхождении взглядов со своим другом и мэтром, В. Ходасевичем: «Я нередко расхожусь с Ходасевичем как в оценках того или иного автора, так и в подходе к самому значению литературного творчества. Но отбрасывать мнения Ходасевича мне трудно, не рассмотрев их по существу, ибо они большей частью действительно серьезны и существенны. На этот раз я, тем не менее, с ним определенно не согласен»⁷.

Охват рецензируемых произведений был у Мандельштама намного шире, чем у Ходасевича; он не концентрировался только на поэзии, а включал в свой диапазон романы, эссе, новеллы, книги по истории, о балете, музыке; писал рецензии на сборники критических статей авторов разных стран, эпох и национальностей.

Константин Грюнвальд когда-то жаловался на то, что французская критика с легкостью расточает свои похвалы, доходящие порою «до цинизма и широковещательной рекламы», благодаря которой и второразрядные авторы получают незаслуженную известность. Такой подход «ублажения» авторов был неприемлем для Ю. Мандельштама; его анализ произведений отличали принципиальность и бескомпромиссность. В дополнение к этому, во главу рецензируемого им романа он ставит жизненную и человеческую правду, не забывая при этом о важности «творческого преобразования», ибо реализм служит только для создания «глубинного духовного переживания героя».

В письме к Игорю Стравинскому о своем новом назначении в газете «Возрождение» после смерти В. Ходасевича, он жалуется: «Морально я очень выиграл – в литературных кругах я стал *bête noire*⁸, т. е. буквально заменил Ходасевича. Это, в каком-то смысле, лучше, чем быть любимцем, да и при моей непримиримости роль любимца мне не подходит. Неприятно, что многие стали со мной любезничать – терпеть этого не могу»⁹. Эта бескомпромиссность, отказ от подобострастия перед большими писателями заслужили уважение его товарищей по перу.

В статье «Положение литературной критики», напечатанной в 1928 году, Зинаида Гиппиус сетует на то, что положение «весьма

печальное» и задает оправданный вопрос: «Что же делать современному критику? Что выбрать? Покориться и тихо журчать, изливая нежные чувства? Или, если надоест, совсем замолчать? Или решиться, вопреки всему и всем, не изменять себе как критику и все-таки говорить правду?»¹⁰ Ю. Мандельштам не «покорялся», «не изливал нежных чувств», не щадил даже тех писателей, которые пользовались огромной популярностью у широкой публики, – таких, как, скажем, Андре Моруа, которого он критиковал за поверхностный и неэмоциональный подход к своим героям. Юрий Владимирович был предельно правдив и с собою, и с читателем: «Все указанные нами недочеты происходят у Моруа от одного рокового для писателя недостатка: отсутствие именно личного эмоционального подхода, который на несколько условном, но столь понятном всякому языке принято называть писательской подлинностью»¹¹. Юрий Владимирович был чуток ко лжи и фальши других авторов. К своей литературной работе он относился вдумчиво, серьезно, а главное, никогда не шел на компромисс, не расточал похвалы, независимо от того, был ли это знаменитый или начинающий литератор.

Порою оценки Мандельштама бывали даже резкими, и в голосе его слышно явное раздражение. О книге Бориса Пильняка «Рождение человека» он пишет: «Новая его книга угашает всякие надежды, связанные с его именем: трудно себе представить более претенциозную, лицемерную, пошлую и пустую прозу, чем эти рассказы и очерки... Восхвалениям партии и строительства в ‘Рождении Человека’ нет конца, причем Пильняк не просто восхваляет, а славословит – подобострастно и отвратительно. Всё хорошее связано у него с Октябрем; до этого времени была сплошная мерзость запустения, которая и теперь господствует в Западной Европе...»¹²

Здесь же можно сразу поднять и волновавший его вопрос о «социальном заказе» писателей в СССР. При этом он сожалеет о невозможности советского писателя избежать такого «заказа», «методического обездушивания жизни». В этой связи Ю. Мандельштам говорит о значимости в эмигрантской литературе «заказа» метафизического; он обсуждает с читателем важность духовного развития личности и обращения к вере.

Часто критические статьи его были окрашены только ему присущим чувством юмора. Ю. Мандельштам не выносил пошлости. О поэзии некого Соргонина он пишет: «О чем же скромно мечтает Соргонин? Эротические мечты им не оставлены, конечно. Наоборот, страстность его достигла такого предела, что свою возлюбленную он собирается ‘задушить навсегда’, предварительно ‘долго целуя выше чулка’»¹³.

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ АВТОРА РОМАНА И КРИТИКА

Представляя краткий обзор современной французской литературы, Юрий Мандельштам чувствовал и себя частью этого творческого процесса. Свой творческий метод в критике, по его же определению, он заимствовал у французов – Андре Руссо и Сент-Бёва, – ведь именно Руссо продолжил замечательную традицию «творческой критики», идущую от Сент-Бёва. Ю. Мандельштам тоже следовал принципам Сент-Бёва, который писал: «Общее состояние литературы в тот момент, когда в нее вступает новый писатель, полученное им воспитание и особенности таланта, которым наделила его природа, – вот три влияния, которые необходимо распознать в его первом шедевре, чтобы отдать должное каждому из них и ясно определить»¹⁴. Иными словами, при рецензировании произведения молодого автора критик не должен забывать о его личности. Ложная критика может только навредить молодому писателю.

Как и Ю. Мандельштам, Сент-Бёв был поэтом, но после выхода двух сборников стихов он полностью посвятил себя критике. В книге «Памятники мировой эстетической и критической мысли» Сент-Бёв дает ряд литературных портретов с точки зрения глубоко эстетического и морального подхода, воплощая в них принципы объективного анализа. Он, как и многие французские критики, включая Руссо, обладал развитым поэтическим вкусом и глубоким пониманием сущности литературы, а диапазон его литературных, художественных и исторических интересов был необычайно широк.

Юрий Владимирович обращает также особое внимание на статьи французского критика Шарля дю Боса, который отрицает жанр рецензии как таковой и статьи которого граничат с художественным и философским эссеизмом. Но самое главное, дю Бос утверждает, что «известная экстраверсия литературе необходима» и что писатель должен быть обращен не на мир видимостей, а на внутренний, духовный мир. «Ключ к нему для дю Боса – вера и религиозное откровение»¹⁵, – отмечает Ю. Мандельштам. Именно эти черты можно отметить и в критических статьях самого Мандельштама. «Подлинная жизнь всё же протекает в эмоциональных тайниках их личности»¹⁶, – замечает Юрий Мандельштам в статье об одном из героев романа Моргана.

В своих статьях, очерках, эссе Юрий Мандельштам высказывает много интересных и глубоких мыслей, порою спорных, но всегда основанных на его личных переживаниях и осмыслении. Он понимает, что часто судьба человека искусства трагична – и не потому, что творчество его не принято читателем или жизнь его сложилась

неудачно, а потому, что «трагедия кроется в самой сущности искусства». «Искусство – не игра, не выдумка; оно не ‘описывает’, не воссоздает рабски наш существующий мир и прекрасных, но не существующих ‘миров иных’ – для развлечения, для наслаждения или хотя бы для удовлетворения совершенством. Оно реально преобразует этот мир в иное царство – по образу и подобию заложенного в душе художника представления, вернее, предчувствия этого просветленного, но всё же конкретного мира»¹⁷. Именно такой подход к творчеству и создает впечатление его «духовной и мыслительной глубины». Мандельштам понимает, что творчество писателя неразрывно связано с его собственной жизнью, его личными переживаниями и мировоззрением.

Ю. Мандельштам часто серьезно и вдумчиво критикует неудавшиеся произведения и их авторов, однако мы можем отметить то уважение, которое оказывает Юрий Владимирович писателям талантливым. Н. М. Карамзин писал, что, когда мы пытаемся провести критический анализ художественного произведения, то часто забываем учитывать один из главных факторов – «какой личностью, каким человеком был сам автор». Ю. Мандельштам всегда стремился создать в своих очерках образ писателя, воскресить его живой облик. В личности писателя для него отражалось время, страна, атмосфера – их психологические, литературные и философские влияния. И всё же Мандельштам отделял литературный подход от моральной оценки личности писателя, талант всегда стоял для него на первом месте.

Юрий Мандельштам сумел показать читателю многокрасочную и многогранную картину развития литературы, мастерски дать описание исторического и художественного процесса той эпохи, в которой жил тот или иной писатель.

В статье «На полях романа» Ю. Мандельштам, анализируя работу французского писателя Тибодэ¹⁸, отмечает, что каждое литературное произведение имеет две истории: «пассивную» т. е. историю самого творчества, и «активную», т. е. историю влияния на читателя, к которому, подчеркивает автор, «нельзя относиться пренебрежительно, особенно, когда речь идет о романе, оказавшем огромное воздействие на жизнь и нравы». Здесь же Мандельштам отмечает, что очерк о Тибодэ касается трех важнейших областей: психологии романиста, т. е. самого процесса возникновения романа, техники романа и, наконец, его философии. Для Юрия Мандельштама такой подход к оценке романа, несомненно, важен. В то же время, он отмечает, что слишком «сознательное» отношение критика, «гипертрофия критического подхода убивает необходимый интуитивный импульс, свободный вымысел».

ОБ ИНТУИЦИИ И ПОЭЗИИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

Юрий Мандельштам сумел понять, что означает «творческая материя». Он отмечает в одной из своих статей, как важно для критика сочетать логику с интуитивным переживанием. Он и сам был, прежде всего, поэтом; поэтом он остался и в своих критических статьях. Одной из отличительных черт его работ стала пронизательная интуиция. Разрыв с логикой и направленность в сторону иррационального, предельного подчинения интуиции являлись для него важными составляющими литературного творчества.

Мандельштам – поэт-романтик, и эта поэтическая эмоциональная линия легко прослеживается и в его статьях: «‘Песнь мира’ – это сама жизнь, тайная сила и воля, двигающая всем: и людьми, и самой природой. Она сковывает реку льдом, населяет зимний лес ночными ужасами, загоняет в норы лисиц. Она же ведет к неведомым целям людей, населяющих этот зимний пейзаж, мастерски описанный Жаном Жионо»¹⁹. Так раскрывает он перед читателем суть книги Жана Жионо, где поэзия и музыка сливаются в один таинственный зимний пейзаж.

«Ему не хватает первичного, почти инстинктивного понимания человеческой личности, не хватает, скажем прямо, поэзии»²⁰, – сетует Юрий Мандельштам о книге французского писателя Лакретелля, выпустившего в 1934 году сборник статей и заметок под названием «Изученные признания», – вид литературного творчества, близкий Мандельштаму не только как литературному критику, но и как поэту. Порой ему не столь даже важно содержание, как, прежде всего, поэтически-музыкальная стихия, которой пронизана книга автора, его поэтическое чутье и интуитивное понимание трагедии молодого послевоенного поколения. Так, в рецензии на книгу Жана Жироду «Избранницы» Мандельштам отмечает: «Она построена, как стихотворение или как музыкальная пьеса. Всё в ней держится на той алогической связи, в которой форма заменяет содержание, сама им становится. Лишенный сюжетной занимательности, роман читается поэтому с увлечением и восхищением. Прельщает точность и легкость построения, стиля, образов – поистине поэтических»²¹. Он, несомненно, умел четко и ясно передать содержание и истолковать его, проникая в самую суть произведения.

«О чем бы критик ни писал, он всё же развивает свою основную тему»²², – замечает он. Какая же была главная тема статей Ю. Мандельштама? Какие основные вопросы поднимал он в своих статьях? Возможно, что те, которые в данный момент времени особенно волновали и читателя. Через все его статьи четко проходит мысль о рели-

гиозном пробуждении человека, о том, что к вере можно придти интуитивно, а можно и пройдя через духовный опыт, и что существует и в жизни, и в литературе ясная совместимость религии и поэзии: «Для нас важно то, повлекло ли душевное преобразование за собой и преобразование поэтическое»²³, – восклицает он в одной из своих статей. Для него кажется возможным – не «примирить» поэзию и религию, а сделать поэзию религиозной, придать ей новый, христианский трепет.

«И всё же тайный импульс Моргана – импульс религиозный. Мистична самая ткань жизни его героев, и именно это невысказанное словами ощущение вечной и блаженной мировой правды создает возможность сочетания поэтического переживания и стройной мыслительной системы, преобразует самую мысль в поэзию. В последнем пределе все наши духовные стремления едины, надо лишь уметь открыть это единство»²⁴. В этой цитате Мандельштама заложен весь его подход к пониманию личностей героев романов, критерием которого является «религиозный импульс», что в равной мере относится как к русским, так и европейским писателям.

О РОЛИ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОБУЖДЕНИЯ В ИСКУССТВЕ

Главным критерием оценки творчества писателей для Юрия Мандельштама была их «метафизическая база». Именно «метафизичность», обращение к внутреннему, духовному миру, вере и религиозному откровению, были той основой, на которой Юрий Владимирович строил и свои критические статьи. Только погружаясь глубоко в себя, считал Юрий Мандельштам, человек познает жизнь, ее тайный смысл, – и тогда в нем пробудится религиозное сознание. В «религиозном импульсе» литературных характеров видит он и импульс, который приводит героев к поискам правды, веры и любви. В данном случае, любви не земной, а любви к Богу.

Во время Первой мировой войны погибли молодые талантливые французские писатели: Шарль Пегги, Эрнест Психари, Ален-Фурнье; был смертельно ранен Аполлинер; Жак Ривьер умер через несколько лет после окончания войны... Тепло и проникновенно написал Юрий Мандельштам о рано ушедших из жизни этих писателях и поэтах, выделив Ален-Фурнье как одного из лучших: «Ален-Фурнье был, пожалуй, замечательнее всех. Его книга полна самой подлинной поэзии и, действительно, как бы указывает восход в некий преобразенный мир, где реальность незаметно переходит в волшебную сказку, но не мечтательно-выдуманную, а мистически-предвиденную»²⁵. Однако Мандельштам подчеркивал, что на войне не только гибли его

сверстники – в пограничной ситуации жизни и смерти возникала «та чудесная атмосфера подлинного религиозного возрождения в искусстве», «на редкость пленительная и духовно насыщенная». Здесь он возвращается к своей главной теме о преобразении реальности в иной, мистический, мир – мир, в котором главенствует и поэзия, и «волшебная сказка». Вспоминая французских писателей, погибших на войне, он отмечает, что главное было в том, что, кроме личной одаренности, в них было заложено «необычайно редкостное органическое стремление к действительному сочетанию религиозного переживания и поэзии».

Сам Юрий Мандельштам с детства был встревожен религиозными и мистическими предчувствиями, о чем он поделился с читателем в своих юношеских воспоминаниях. Чувство это с годами развилось и укрепилось, и, в конечном итоге, стало руководящим и в подходе к произведениям литературы. Чувством «второго зрения», которое отмечено им у Бальзака, был наделен и сам Юрий Владимирович. (Как, кстати, и его любимый французский критик Сент-Бёв.) Одним из главных критериев для Мандельштама при рецензировании книг русских писателей было, по его же словам, «сознательно понять подсознательное». И в этой цитате мы находим тот ключ, которым он открывал дверь в таинственный творческий процесс создания литературного произведения. Душа вмещает в себя не только любовь к ближнему своему, но и любовь к Богу; она тянется к вере, как бы очищаясь от всего поверхностного и наносного, когда сам писатель выводит читателя за пределы «осязаемого мира» в мир запредельный.

Однако Мандельштам всё-таки придерживается мнения, что литература не «служанка философии», а ее равноправная сестра, – с такой точки зрения подходит он и к современной критике. Всё это мы можем теперь проследить по его статьям.

Ю. Мандельштам видит для читателя возможность постижения веры через искусство, и в этом он ощущает и свою задачу: помочь читателю разобрататься в сложных подтекстах и намерениях авторов романов, которые скрыты в складках психологического портрета героев. При этом он подчеркивал, что у многих, как французских, так и русских литераторов его времени, произошло внутреннее обращение к религии, возникла жажда веры. Он признает, что «чувство единственности религиозного выхода у французских писателей сейчас очень велико», однако задается вопросом, как возможно перестроиться на религиозный лад, каким путем достигнуть «преображения»? И здесь, прежде всего, надо обратить внимание, что все его статьи объединены одной общей идеей – «вне религии ни в искус-

стве, ни в жизни цели нет». «Рамюз не настроен религиозно, но он сознанием не видит иного выхода, кроме веры»²⁶, – заключает он, в частности, в статье о швейцарском романисте.

В изображении духовного развития героя любого произведения видит Ю. Мандельштам смысл всякого творчества, ибо только такой – метафизический – подход влияет на духовное совершенствование и самого читателя: «У Дюамеля есть свой читатель, которого он отлично знает и для которого пишет... Сознательное отношение к жизни заставляет писателя ценить и искать во всем проявление живого человеческого творчества, влияние духа... В духовном совершенствовании видит он смысл культуры» («Речи к облакам»)²⁷. На первом плане для Мандельштама как критика стоит внутренний, духовный процесс, размышление о развитии религиозного сознания.

Разрешение религиозного кризиса современного общества и человека Ю. Мандельштам (как и герои романов французских писателей) видит в любви, искусстве и в «сознательном постижении смерти». В своих статьях и эссе он часто подчеркивает, что писатель должен отказаться от жизни внешней во имя жизни духовной. – «От внешней жизни Монтерлан отказывается во всех ее проявлениях – во имя жизни духовной»²⁸, – отмечает Юрий Владимирович в статье о Монтерлане. То есть весь этот путь к Богу надо пережить самому писателю.

Рассуждая о мистицизме Жуандо, Мандельштам дает нам понять, что его романы могут вылиться «в стройную, оригинальную систему мышления и даже систему чувствования (если можно соединить эти два понятия)», а его эмоциональный порыв может перейти в метафизическую тему – «вечную тему добра и зла, религии и морали». Жуандо как писатель любим им, так как он «метафизичен до мозга костей», и вся его книга – призыв к метафизике. Для Жуандо важно и ценно то же, что и для Юрия Мандельштама: «личные отношения человека с Богом, так же алчущим любви человека, как последний жаждет спасения и любви Божественной». И для Мандельштама религия – это «мистическое переживание». Духовный кризис в современном обществе, выражающийся в потере религиозного начала в душе человека, он рассматривал как новую «болезнь века», что привела и к общественно-политическому кризису, к марксизму и идее коммунизма – «духовно-разрушительных течениях».

Сам Юрий Мандельштам, как и герои многих романов 1920–1930-х гг., был страстным искателем истины, вечной духовной любви; и эту страсть и метафизическую тревогу он передавал читателю. Переживший глубокую личную трагедию – смерть молодой

жены, – он часто подчеркивал в своих статьях мысль, что трагическое восприятие жизни может укрепить и углубить религиозное прозрение. Его трагическое мироощущение жизни, предчувствие смерти четко просматривается не только в его поэзии, но и в литературных эссе, заметках, критических статьях и очерках. Всё в жизни, говорит Мандельштам, вытекает из личного мистического опыта. Порою, в силу жизненных обстоятельств, религиозный кризис бывает неизбежен. Однако, преодолев его, наступает просветление, а может быть, приходит и искренняя вера, без которой человеку трудно жить. «Не следует отчаиваться, думая, что потерял веру. Бога нельзя потерять, наоборот, его находишь в конце длительного и трудного пути. Кажущаяся потеря веры может быть вернейшим симптомом ее обретения»²⁹, – заключает он, давая тем читателю надежду, что и в трудных условиях эмигрантского существования надо верить в чудо.

О КРИЗИСЕ РОМАНА И НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ В ЛИТЕРАТУРЕ

Тема романа как литературной формы продолжала волновать писателя на протяжении многих лет. Ю. Мандельштам впервые поднял вопрос о том, что французский роман себя изживает, в 1934 году в статье «Потерянное безразличие»³⁰. Здесь он поставил вопрос о том, что новому современному писателю уже тесно в старых формах; надо найти новые пути самовыражения и разговора с читателем.

Основной вопрос, который Юрий Владимирович часто затрагивал на страницах газеты «Возрождение», был вопрос об исчезновении романа как жанра. Вопрос о кризисе романа он поднимает в статье «Судьба романа», напечатанной в 1936 году, где он указывал на то, что кризис этот серьезный, значительный, а главное – длительный, который может привести к смерти романа.

Ю. Мандельштам считал, что кризис романа обусловлен общим духовным кризисом, углублением разрыва между искусством и религией. Тему кризиса романа поднимал и Владимир Вейдле в книге «Умирание искусства», выпущенной в Париже в 1937 году (Изначально она вышла в свет по-французски: «Les abeilles d'Aristee»/ «Пчелы Аристеея», Париж, 1936.). В книге «Умирание искусства» Вейдле писал о том, что европейский роман находится в состоянии острого перерождения не только внешних своих оболочек, «но и самих тканей, из которых он состоит, самих соков, которые его питают». Небольшую рецензию на эту книгу написал В. Ходасевич в 1938 году, под тем же названием; он во многом соглашался с выводами В. Вейдле о том, что упадок имеет признаки и причины несрав-

ненно более глубокие и «что искусство может спастись лишь в том случае, если сумеет восстановить свою связь с религией». К таким же выводам пришел и Юрий Манделъштам, объясняя причины кризиса современного романа в своих многочисленных статьях.

Характерно, что французский писатель Чарльз Ледре³¹ отмечал вклад именно русских романистов в сохранение ими жанра романа, в то время как во французской литературе происходило его умирание. Эту особенность русской прозы он видел в трагической человеческой ноге, в той духовной встревоженности, которая «дороже всего в Гоголе, Толстом, Достоевском». Это ощущалось и в русской эмигрантской литературе, связанной со старой национальной традицией, в то время как традиции французской прозы пересматривались. В целом, эмигрантская литература не последовала за французами, хотя Манделъштам, как Ходасевич и Вейдле, считал, что современный человек изменился, а «новая суть писателя в старые рамки не вмещается».

В 1928 году вышел сборник критических статей бельгийских писателей, в котором они высказывали свои мысли о современном романе. Кризис современного романа усматривали они в том, что почти все молодые прозаики разрабатывали лишь одну тему – самовыражение, погружение в свое «я». Многих критиков беспокоил тот факт, что книги молодых чересчур субъективны и, хотя они называются романами, больше похожи на дневники. Задачу же писателя критики видели в том, что надо уметь проложить мост от жизни реальной к вымыслу, используя творческий подход преобразования «реального», или даже глубоко личного переживания, в вымысел: «Ибо жизнь не прямо переносится в искусство – она преобразуется»³², – такое определение творческому методу романиста дает Юрий Владимирович. Вымысел, считает он, в какой-то степени необходим, ибо он порою правдивее истории, а написание романа – сознательная работа, которая «рождается от брака писателя с жизнью». Вымысел и есть преобразование существующего бытия, пропущенного через свое «я», свое сознание.

Пережившие Первую мировую войну молодые писатели представили в литературе «потерянное поколение». Этой теме Ю. Манделъштам уделял пристальное внимание в своих последних статьях. Его волновала в романах «не сделанность», а «сотворенность», не описание реальных событий, пережитых автором, а умение «сотворить» из биографии литературное произведение.

С другой стороны, изменились и требования читателя к роману. «Современному роману, – пишет Ю. Манделъштам в «Судьбе романа», – нужно сознательно и по-новому, с ‘новым трепетом’ поставить

его. Тогда найдутся и соответствующие переживанию формы, и восстановится нарушенная творческая цельность»³³. Как правильно заметил французский писатель и литературный критик Рамон Фернандез, роман – это сон о реальности, вера в реальность.

Роман, по определению Ю. Мандельштама, не простое имитирование или подражание жизни, а прежде всего, «заново сотворенное живое бытие». Но и этого определения для Мандельштама недостаточно, ибо материал, преобразенный творчеством, еще не делает роман значительным. И хотя трудно определить секрет преобразования, он считал, что надо сломать старые формы психологической прозы и «описательства» и «очищать повседневность прикосновением к вечному». «От чистой психологии сейчас бегут так же, как от ‘описательства’ и сюжетной интриги. Отсюда попытки сломать старые формы, написать новый роман, без собственно романических элементов»³⁴, – отмечает он в статье «Потерянное безразличие».

Говоря о героях романа, Юрий Мандельштам высказывает интересную мысль о том, что события, не осуществившиеся в жизни автора, порой становятся фактами биографии его героев. Собственная жизнь писателя, по мнению его, не может до конца воплотиться в романе, ибо писатель слишком с ней связан. Только тогда рождается литературный образ, когда писатель, по его выражению, «перерезает пуповину», отделяет себя от героя произведения, становится как бы посторонним наблюдателем.

Ю. Мандельштам считает, что вопросы эти, на самом деле чисто технические, в воспроизведении жизненной логики и ситуаций и заключается процесс создания романа.

Но наряду с фотографическим воспроизведением жизни, параллельно возникал и другой вопрос, вопрос о месте вымысла в романе. В одной из статей во французском журнале «Нувелль Литерэр» Эдмонд Жалу, французский критик, подчеркивал, что кризис романа заключается в том, что в потоке автобиографических романов вытеснен «вымысел», который и помогает создать «глубочайшие творения человеческого духа». И проблема не только в мастерстве писателя, но и в глубине его собственной личности и возможности духовного роста.

Вопрос соотношения между жизнью и искусством всегда был для Ю. Мандельштама одним из главных. Старинный жанр эпистолярного романа вдохновлял его. Тем не менее, он подчеркивает, что любое произведение должно быть, в первую очередь, искусством, и вопрос – нужен ли сейчас такой вид искусства – отпадает при чтении хорошо написанного эпистолярного романа. Интерес читателя к личным дневникам и письмам художников, запечатлевшим события их

жизни, не нашедшие выражения в их творчестве, по мнению Манделъштама, объясним и оправдан. Однако в статье, анализирующей книгу Дюамеля «Трактат о вымышленных воспоминаниях», Юрий Манделъштам пишет о том, что восстановить фактическую истину полностью писатель не может, ибо человеческая память неограничена и небукуроризненна: многое забывается или искажается; кроме того, каждый из нас видит одно и то же событие по-разному, по-своему его понимает и истолковывает. «Не принимаем ли мы часто наши догадки и объяснения фактов за самые факты? Кто из нас может поручиться за то, что в своих воспоминаниях воспроизводит всю истину и только истину?» – задает он читателю вопросы.

Во французской литературе межвоенного периода разговор о подмене романа «дневниковостью» привлек широкое внимание критики. Писательские дневники, эпистолярное наследие, воспоминания имели для Юрия Владимировича не только литературную ценность, но и ценность биографическую, важную для литературоведческих исследований, и, главное, – историческую ценность. Создать же из «человеческого документа» произведение искусства является следующей, сложной задачей пишущего мемуаристу. Недаром Юрий Владимирович в первом письме-обращении к будущему читателю заявляет, что его собственные письма выполняют «функцию дневника». В то же время он опасается, что мемуарный или эпистолярный жанры могут подменить творческий процесс, «ибо творчество столь же разнится от документа, как картина от фотографии», – хотя он и приветствует те дневники, которые вводили бы читателя в тайники душевной жизни их создателя.

Вейдле отмечал, что после Пруста, отрицавшего традиционные формы, и Джойса, «навязывавшего» свои «насильственные» формы, писать романы, как раньше, уже нельзя. Он же жалуется на то, что вымысел подменяют рассудочным построением, напоминающим шахматную игру. «Вместо романа или драмы, пишет он (Писатель. – *Е. Д.*) воспоминания, исповедь, психологические признания, вроде тех, какие требуются от пациентов Фрейда»³⁵. Мысль, что роман во французской литературе после Пруста претерпевает значительный кризис, высказывал и Ю. Манделъштам, а позже В. Ходасевич.

По мнению Ю. Манделъштама, идет процесс исчезновения феномена художественного вымысла, «часто приравниваемого ныне к простой лжи», хотя испокон веков писатели стремились если не к истине, то, во всяком случае, к правде. Дневники, по его мнению, – это особый вид творчества правдивого; однако вся литература не может и не должна быть точной протокольной записью. Манделъштам считал, что пользоваться литературным жанром

«дневников и писем», как и воспоминаний, очень опасно, так как они не только ставят под сомнение творческий процесс, но и собственная их документальная ценность порой вызывает вопросы. Хотя, конечно, есть и такие дневники и воспоминания, которые действительно имеют художественную ценность. Для этого, считает он, нужно, чтобы дневники были не просто перечнем событий, а и впрямь вводили бы читателя в тайники душевных переживаний автора. Говоря об автобиографических романах, окрашенных творческим вдохновением, Дюамель называл такой род литературы «вымышленными воспоминаниями». Присутствие вымысла помогло писателю создать «глубочайшие творения человеческого духа»: «‘Вымышленные воспоминания’ – правдивее и, главное, более осознаны, чем воспоминания реальные, ибо направлены писателем к осмысленной цели»³⁶, – поясняет Ю. Мандельштам в статье «Писатель и его герои».

Именно увлеченность «жизненной правдой» привела к этому новому течению во французской литературе 1920–1930-х годов, что стало еще одной предпосылкой засилья «дневниковостью» в литературе. «Иссякновение вымысла» кладет конец развитию романической традиции. В этом, кстати, видит Ю. Мандельштам столь разительный поворот французов от романа к эссеизму.

Писатель-эссеист как бы пользовался случаем, чтобы передать читателю свое личное переживание, высказывался о любом событии, явлении и не скрывался более за спиной героя романа.

Одновременно рождается во Франции и новый тип романов – романы-потоки. Юрий Владимирович сетовал на расцвет многотомных «романов-потоков» в новой французской литературе и считал это явление одним из самых тревожных в современной прозе. По его мнению, этот расцвет – ложный, ибо он «больше количественный, чем качественный». Количество выпущенных «романов-потоков» действительно побивало все рекорды. Мандельштам напоминает читателю «Хронику Паскье» Дюамеля, «герой которой в третьем томе еще не вышел из отрочества», или «Людей благих намерений» Жюля Ромена, «не дошедшего в восьмом томе до середины своего повествования», – или о том, что последний, седьмой, том «Тибо» Мартена дю Гара так и не увидел читателя, а «Сентиментальные судьбы» Шардонна, «Высокие мосты» Лакретелля и др. еще ждут своего продолжения... Мандельштам заключает: автору «больших полотен» недостаточно быть просто хорошим, культурным писателем, для этого нужна особая широта, большая зрелость и «исключительные архитектурные данные».

Добавим лишь, что попытки обновления во французской литературе того времени делались и в области новеллы. И все-таки, опре-

делял Ю. Мандельштам, появление нового автоматически не уничтожает старое. Он считал, что из всего происходящего не надо делать заключений, что роман – отживший жанр, который «надо с почестями похоронить, чтобы обратиться к другим» видам творчества. Роман, по его мнению, еще жив, и умирать определенно не хочет.

О ТЕМЕ ТВОРЧЕСКОГО ОДИНОЧЕСТВА В ЛИТЕРАТУРЕ 1920–1930-х гг.

Близкими сердцу Ю. Мандельштама были две основные темы – любви и одиночества; к ним он постоянно обращался в своих критических статьях. К этим темам он подходил с позиции метафизики, рассматривал их шире и глубже, чем просто с психологической точки зрения: поиски любви и счастья героями рецензируемых им книг, в конечном итоге, должны были привести к религиозному просветлению, духовному и душевному преображению, когда в произведениях звучала «серьезнейшая трагичнейшая метафизическая тема». Особенно четко выразил Мандельштам эти мысли в статье «О любви».

Если даже Юрий Владимирович не говорит нам прямо о любовных отношениях героев романа, то мотив «любовной жажды» есть почти в каждой его статье. Драму любви видит он в том, что «метафизическое недоумение смешивается с вопросами земными и материальными». Любовь всегда таинственна, ибо в нее входит «элемент высшей духовности»; она не только в слиянии плоти, но и в сочетании чувств, разума и духа.

Одиночество в любви было уделом многих молодых эмигрантских писателей. В своем трактате «О любви» Ю. Мандельштам соединяет два эти понятия – любви и одиночества: «Те, кто думает, что любовь избавляет человека от одиночества, жестоко ошибаются. Человек рождается одиноким. Любовь – проникновенное сотрудничество двух одиночеств. В этом – залог ее высшей правды». В статье и моем предисловии к ней, напечатанном в «Новом Журнале» (№ 295, 2019), мы уже касались этой темы, поэтому не будем снова ее подробно рассматривать.

Вопрос о судьбе писателя в современном обществе, его изолированности и одиночестве, был особенно актуален для русской послереволюционной диаспоры. Николай Бердяев раскрыл эту тему в книге «Я и мир объектов. Философия одиночества и общения» (1934). По словам философа, проблема заключалась в том, что люди, оставившие родину, переживают жгучее, острое чувство одиночества. Жизнь вне отечества, не на родине своего духа, в чужом мире и

социуме стала трагедией целого поколения русских эмигрантов в XX веке. Они оказались в новом «мировом пространстве с мировым горизонтом», и произошел своеобразный конфликт с окружающей чужеродной средой – что только усугубило чувство одиночества. «Выход личности из родового быта сопровождается чувством одиночества», – пишет Бердяев.

Однако долгое пребывание в изоляции от общества рождает глубокое чувство ненужности, удрученности – это состояние трагическое, которое часто приводило к самоубийству. Проблема одиночества стала для многих эмигрантов также и проблемой смерти. «Жить одиноко можно, не уходя в пустыню; в большом городе это даже легче: надо только отделить внутреннее от ежедневных забот и общения с другими. Тогда можно достигнуть моментов счастья ‘на островах блаженных’. Момент проходит, что-то остается»³⁷, – так пишет Ю. Мандельштам в рецензии на книгу французского писателя Жана Гринье «Острова»³⁸. В небольшом эссе он затрагивает сразу несколько волнующих его поколение тем. Юрий Мандельштам сумел разгадать основную мысль автора: ощущение пустоты и непрочности современного человека. Чувство нереальности и неудовлетворенности героя, находящегося в конфликте с миром, особенно инородным, можно побороть, только внутренне отгородившись от людей, создав свою внутреннюю самодостаточную жизнь. Острова, о которых пишет автор, – это не географические острова, а острова – «символы душевных состояний человека». Любовь и вера – символы выживания; их, в понимании Гринье, Ю. Мандельштам видит в контексте индийской философии. Индия – символ развития духовного пути свободной личности. Человек, проживающий на острове, – это тот, кто пытается уйти от страха, старается отгородиться от окружающего. «Три раза в сутки то, что я считал приобретенным, покидает меня. Я боюсь этих минут, приоткрывающих дверь в пустоту, когда ты думаешь о том, чего нет», – такую цитату из книги приводит Юрий Владимирович читателю.

У молодых людей, покинувших Россию, был свой остров одиночества, так как не было у них прошлого и будущего, а настоящим было только сознание безысходного трагизма бытия. Неверие в завтрашний день, потеря дома, близких, любимых создавали атмосферу пустоты и изолированности. Пустота была оправдана – ведь прошлое расстреляли в семнадцатом году. Будущее было неясным. Настоящее – страшным: эмиграция создала свой быт – быт «тяжкий, вне законности».

Есть много путей преодоления состояния одиночества. Человек может стремиться преодолеть его не столь через жизнь в «коллектив-

ном сознании», сколько через познание или через изменения своего «я». Познание себя через одиночество стало той темой, которая нашла свое отражение в литературном творчестве. Приходит на ум цитата Ю. Мандельштама о том, что одиночество – удел почти всех выдающихся творческих натур. Однако он же приводит в пример Дюамеля, подчеркивая, что не все писатели были сторонниками «горделивого одиночества». Та же мысль выражена и В. Вейдле в книге «Умирание искусства», где он пишет о том, что душа творческая была одинока во все времена, но в истоках своего творчества творец не был отделен от того, чем все вокруг него жили и дышали.

И, тем не менее, для человека творческого особенно трудно сочетать, по словам Мандельштама, «одинокое размышление и личные человеческие отношения», которые и составляют действительную канву жизни. Примером может послужить один из его любимых поэтов – Рильке, у которого был в жизни период одинокой и сосредоточенной работы – сначала в Париже, потом в Грюневальде. Рильке незадолго до смерти произнес: «Когда я нахожусь среди людей, на меня нападают припадки ужаса». Может быть, это от долгого пребывания в одиночестве человек испытывает себя потеряннным в окружении людей? На этот вопрос Юрий Мандельштам отвечает нам в конце статьи о Рильке: «Мистическое брожение в нем, однако, всё возрастает, и всё чаще прибегает он к одиночеству как к единственному средству приблизиться к ‘тайне’. В эти годы у него снова возникают ‘прозрения’, как бывало в юности, хотя успокоения ему они не дают. Нашел ли он его в последнем прозрении, в последнем одиночестве, которое запретил нарушать?»³⁹ Вопрос, который поставил Ю. Мандельштам, простой: приблизило ли одиночество к тайне, к Богу? О Гёте Мандельштам пишет, что именно в одиночестве вынашивал тот свою тему, свою манеру, свое мастерство. Но человек не может существовать долго в полной изоляции, как внутренней, так и внешней, – его влечет к другому, к тайному окну в чужой мир и к Богу. Таким образом, общение с окружающим миром, творчество и любовь не только к «ближнему своему», но и к Богу, могли помочь человеку выйти из состояния одиночества, из замкнутого пространства, в котором он оказался волею судьбы. Чтобы выстоять, нужна вера, нужен тот свет, который бы показал путь к истине и добру. Этим светом для самого Мандельштама явилась вера в Бога.

В «Письме молодому поэту» Юрий Мандельштам отмечает: «Главное же, в любых условиях не отрывать от глубокого душевного течения, от природы и избегать лишних, засоряющих сознание человеческих отношений»⁴⁰, т. е. время уединения – это то время размышлений, когда человек может познать высшее назначение своего

существования, истину жизни своей на лоне природы, вдали от цивилизации. Эта глубокая мысль была заимствована им из древней индийской философии, ибо, согласно ей, путь поиска человеком истины – это всегда одинокий путь.

Такая замкнутость давала и положительные результаты и могла стать для пишущего своего рода «болдинской осенью». Поиск своего «я», своего отношения к Богу и Вселенной, осмысление нового метафизического подхода к литературе, к жизни – весь этот процесс требовал уединения. Творческая мысль искала выхода из лабиринта, из пустоты – и тогда рождалась новая серьезная эмигрантская литература.

Вопросы, затронутые Юрием Владимировичем в небольших статьях, находили отголосок у его соотечественников; темы эти продолжали обсуждаться на страницах эмигрантской печати, в частности, в газете «Возрождение», такими авторами, как В. Ходасевич, М. Костров, К. Грюнвальд, Н. Дашков, Н. Городецкая, В. Вейдле и др. Совершенно очевидно, что у эмиграции было свое духовное дело, своя культурная и религиозная миссия, своя метафизическая тема, но и своя глубочайшая трагедия – трагедия жизни на чужой земле. Многим литераторам-эмигрантам было неимоверно трудно, но самое невыносимое испытание было еще впереди – когда к чувству одиночества добавился постоянный давящий страх за будущее. Наступило время, когда немецкие оккупанты маршировали по улицам европейских городов.

В своем одиноком, замкнутом пространстве Юрий Мандельштам продолжал писать, хотя печататься было уже негде (немногие русские писатели поддались на пропаганду и печатали свои статьи в профашистской газете «Парижский вестник»). Свидетельством того, что он продолжал работать, являются его письма, сохранившиеся в архиве его внучки, Мари Стравинской. В одной из последних статей, напечатанных в газете «Возрождение», Ю. Мандельштам указывал на то, что писатель «должен быть своей цели верен до конца, должен быть готов отдать саму жизнь». Именно так и поступил он сам.

В марте 1942 года фашисты начинают активную охоту на еврейское население. 10 марта 1942 году Юрий Мандельштам, будучи крещеным, вместо того, чтобы уехать на юг Франции, как это сделала его семья, надел желтую звезду и явился в гестапо, зная, что идет на верную смерть. Еще в 1937 году он писал: «Надо уметь быть одиноким, ибо только в одиночестве корень всякого творчества. Впрочем, мы не властны выбрать одиночество или оттолкнуть его: мы рождаемся одинокими, одиночество и есть душа человека. Понять это –

вначале очень страшно, зато, победив страх, мы во многое лучше вникаем»⁴¹.

Возможно, что в таких условиях состояние страха было близко многим эмигрантам. Ю. Мандельштам ощущал это чувство еще с детства: «Но по ночам страшно, страшно и по пути из гимназии домой. И в сумерках, один, в неосвещенной комнате с восхищением жути учу наизусть ‘Медного всадника’. И не могу противостоять этому страху»⁴². Но это было в детстве. Страх может быть разным – страх самой жизни и страх смерти. Война снова заставляет его жить в страхе, но не войны и смерти он боится – он не может жить без творчества, без читателя.

Объяснение его поступку можно найти в одной из статей об Андрэ Жиде, написанной Ю. Мандельштамом в 1935 году: «От этого страха он как бы перестал жить, во всяком случае, жить полностью и без оглядки»⁴³. «А что остается, когда прекращается общение с людьми – это первооснова всей духовной жизни?»⁴⁴, – спрашивает Мандельштам читателя в одной из своих последних статей. То есть жизнь без творчества, без духовного общения, в пустоте и полной изоляции была для Юрия Мандельштама жизнью «мучительной» и равносильной смерти. Книги, которые окружали его, чтение любимых произведений, особенно «Войны и мира» Толстого, помогают только на короткое время. Ответственность за дочь, постоянные мысли о рано ушедшей жене, страх за близких ему людей, одиночество накладывали свой отпечаток на его душевное состояние.

Юрий Мандельштам не смог победить одиночества, но он победил страх и принял смерть, на которую пошел добровольно. И это был не уход от одиночества и пустоты; на мой взгляд, это был акт мужества и принципиальности, ибо, в конечном итоге, несмотря на тот факт, что, будучи христианином, он мог избежать концлагеря, Юрий Мандельштам встал рядом со своим угнетенным народом. Как человек высоких принципов, он не мог принять – и не принял – насилия над свободной личностью, над собой и своим народом, «над свободой человеческого творчества в любой области, над духовным обликом человека».

«О смерти как будто он знал что-то доступное очень немногим – судьба почти всех талантов, которым суждено рано погибнуть»⁴⁵, – писал он в 1934 году о французском писателе Лео Ферреро, погибшем в возрасте 29 лет в автомобильной катастрофе. Слова эти оказались пророческими для него самого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Французская литература 1925–1935 гг. // «Журнал Содружества». № 8 (44), 1936. – С. 23–27.
2. *Терапиано, Юрий*. Встречи. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.
3. *Мандельштам, Ю.* Приближения // «Возрождение». № 3669. 20 июня 1935.
4. Грюнвальд, Константин Константинович фон (1881, С.-Петербург – 1976, Париж) – дипломат, историк, журналист, масон, французский писатель русского происхождения. Эмигрировал после революции. Писал под псевдонимом С. Невский. Был член-корреспондентом и трижды лауреатом Французской Академии моральных и политических наук.
5. *Грюнвальд, К.* К познанию современной французской литературы. // «Возрождение». № 1717. 13 февр. 1930.
6. *Мандельштам, Ю.* Критические этюды // «Возрождение». № 3900. 6 февраля 1936.
7. *Мандельштам, Ю.* Заметки о стихах. // «Журнал Содружества», № 7-8 (67-68). 1938. – Сс. 10-14.
8. Заклятым врагом (*фр.*)
9. Письмо из архива Мари Стравинской.
10. *Гиппиус, З.* Положение литературной критики // «Возрождение». № 1087. 24 мая 1928 (напечатана под псевдонимом Антон Крайний).
11. *Мандельштам, Ю.* Андрэ Моруа. // «Возрождение». № 4138. 1 июля 1938.
12. *Мандельштам, Ю.* Рождение человека // «Возрождение». № 3851. 19 дек. 1935 г.
13. *Мандельштам, Ю.* Заметки о стихах. // «Журнал Содружества», № 5. 1937. – Сс. 25-28.
14. *Сент-Бёв, Ш.* Литературные портреты. Критические очерки. Перевод с французского. – М.: «Художественная литература», 1970. – С. 51.
15. См. № 3. «Приближения». Дю Бос, Шарль (Charles Du Bos, 1882–1939), французский писатель, занимался вопросами религии, философии, литературы; переводчик, литературный критик.
16. *Мандельштам, Ю.* Чарльз Морган. // «Возрождение», № 4110, 17 дек. 1937.
17. *Мандельштам Ю.* Недуг Бетховена // «Возрождение». № 3187. 23 февр. 1934.
18. Тибодэ Альбер (Albert Thibaudet, 1874–1936), французский писатель, литературный критик, историк, географ и философ, был одним из самых авторитетных критиков в период между двумя мировыми войнами.
20. *Мандельштам Ю.* Песнь мира // «Возрождение». № 3326. 12 июля 1934. Жионо Жан (Jean Giono, 1895–1970), французский писатель, действие произведений которого, как правило, происходит в Провансе.
20. *Мандельштам, Ю.* Изученные признания // «Возрождение». № 3277. 24 мая 1934 г.

21. *Мандельштам, Ю.* Избранницы // «Возрождение». № 4187. 9 июня 1939.
22. *Мандельштам, Ю.* Критики о критике // «Возрождение». № 4081. 4 июня 1937.
23. *Мандельштам, Ю.* Величие Поля Клоделя // «Возрождение». № 4066. 20 февр. 1937.
24. *Мандельштам, Ю.* Чарльз Морган // «Возрождение». № 4110. 17 дек. 1937.
25. *Мандельштам, Ю.* Письма Ален-Фурнье // «Возрождение». № 4063. 30 янв. 1937.
26. *Мандельштам, Ю.* Жажда величия // «Возрождение», № 4145. 19 авг. 1938.
27. *Мандельштам, Ю.* Речи к облакам // «Возрождение». № 3382. 6 сент. 1934.
28. *Мандельштам, Ю.* Бесплезное служение // «Возрождение». № 3830. 28 ноября 1935.
29. *Мандельштам, Ю.* Письмо молодому поэту // «Возрождение». № 4094. 3 сент. 1937.
30. *Мандельштам, Ю.* Потерянное безразличие // «Возрождение». № 3193. 1 марта 1934.
31. Ледре Шарль (Чарльз) (Charles Ledrè, даты жизни неизвестны), французский писатель, переводчик, журналист. Переводил русских писателей.
32. *Мандельштам, Ю.* Писатель и его герои // «Возрождение». № 4083. 18 июня 1937 г.
33. *Мандельштам, Ю.* Судьба романа. // «Возрождение». № 4041. 29 авг. 1936.
34. См. № 30.
35. *Вейдле, В.* Умирание искусства. – Париж: Издание РСХ, 1937.
35. См. № 32.
37. *Мандельштам, Ю.* Острова // «Возрождение. № 3054. 12 октября 1933.
38. *Grenier, Jean.* Les Iles. Collection «Les essays». – Paris: NRF, 1933. Гренье Жан (1898–1971), французский писатель и философ, оказал значительное влияние на творчество молодого Альберта Камю.
39. *Мандельштам, Ю.* Духовный путь Рильки. // «Возрождение». № 4061. 12 янв. 1937 г.
40. *Мандельштам, Ю.* Письмо молодому поэту // «Возрождение». № 4094. 3 сент. 1937.
41. См. № 39.
42. Материал из архива Мари Стравинской.
43. *Мандельштам, Ю.* «Новая пища» Андре Жида. // «Возрождение». № 3837. 5 декабря 1935.
44. *Мандельштам, Ю.* Небо Аустерлица // «Возрождение». № 4206. 20 окт. 1939.
45. *Мандельштам, Ю.* Лео Ферреро. // «Возрождение». № 3270. 17 мая 1934.

Елена Кулен

Иван Елагин. Материалы к биографии*

Вглядываюсь, дверь туда открыв,
Где хранится времени архив.
Замелькали кадры прошлых дней
На экране памяти моей.

Иван Елагин, поэма «Память», 1982

Часть 2. Мюнхенский период. 1 марта 1946 – апрель 1950

ВЕСНА – ЗИМА 1946

Согласно информации в регистрационной карточке Ивана Матвеева (Елагина) и его семьи, они прибыли в Мюнхен 1 марта 1946 года. Нам неизвестно, были ли они уже зарегистрированы как Ди-Пи и организовано переведены из американского лагеря Фалькенберг – или же смогли самостоятельно нелегально пробраться в Баварию каким-то другим способом. Мы можем лишь утверждать, ориентируясь на данные регистрации, что Иван Матвеев (Елагин) и его семья прожили в баварской столице ровно четыре года: с 1 марта 1946 по апрель 1950 года.

Первое впечатление от Мюнхена Иван Елагин отразил в его «Беженской поэме», которая начинается так:

Сколько тут бабахано!
Сколько тут убухано!
Динамитом вспахана
Половина Мюнхена.

Мюнхен, который увидел Иван Елагин в марте 1946-го – спустя год после окончания войны и американской оккупации, – выглядел, как и многие немецкие города: Мюнхен лежал в руинах, с горами кирпичей от разрушенных зданий. Город сильно пострадал от англо-американской бомбежки.

---

* Продолжение. См. начало: НЖ, № 300, 2020. © Elena Kuhlen.

риканских налетов в течение войны. На «столицу нацистского движения» было сделано «74 авианалета, начиная с 10 марта 1940 года по 26 апреля 1945 года, совершенных авиаэскадрилей Bomber Command British Royal Air Force (RAF), United States Army Air Forces (USAAF)»¹. Причиной постоянных бомбардировок западными союзниками была большая концентрация военной промышленности вокруг Мюнхена, прежде всего таких предприятий тяжелой промышленности, как BMW, Krauss-Maffaei, Meiler, Südbremse, Dornier. На этих предприятиях работали военнопленные и узники концентрационных лагерей. Согласно сообщению баварского историка др. Андреаса Хойслера из Городского архива Мюнхена, «около 400 нацистских лагерей были сосредоточены в Мюнхене и его окрестностях»². Бомбардировки были призваны разрушить военную мощь Третьего рейха. «В результате этих налетов погибло 6632 мюнхенцев, 15800 человек были тяжело ранены»³. Число жертв от налетов среди иностранцев и узников лагерей никто не учитывал. Мюнхен был на 90% разрушен. Именно таким город предстал Ивану Елагину, когда он прибыл на главный вокзал:

А вокзал – как выводы
Из войны законченной:
Окна все повыбиты,
Двери заколочены

В реку остов башенный
Рухнул, как подкошенный.
Рядом с крыши крашеной
Черепица сброшена.

Гневно разворочена
Мостовая миною,
Кошка озабоченно
Крадется руиною.

И трубит в пробоины
Ветер неприкаянный.
А казарм настроено
Сколько по окраинам!

Многочисленные мюнхенские казармы – это архитектура военной мощи и претензии на нее Баварии в исторической перспективе, сначала как курфюрстерство Виттельсбахов, с 1806 года – как

столицы Баварского Королевства, с 1919 – как часть Веймарской республики, с 1923 – как зарождающейся столицы нацистского движения. До Второй мировой войны в Мюнхене и на его окраинах насчитывалось 26 военных казарм, одна из самых старых была «Кройц-казарма», построенная в 1670 году, переоборудованная для гражданских нужд в конце 19 века. Расширяя военную мощь Третьего рейха, большинство военных казарм в Мюнхене было выстроено в 1930-е годы. После вступления американцев в Мюнхен 30 апреля 1945 года здания немецких военных казарм использовались для размещения частей американских Седьмой и Третьей армий, а также для размещения многотысячных «перемещенных лиц». Нацистские лагеря для военнопленных и принудительных рабочих были переоборудованы также в сборные пункты и лагеря Ди-Пи для быстрой и массовой репатриации западно- и восточноевропейских дипийцев на родину.

Лагерь, где зарегистрировался Иван Матвеев (Елагин) со своей семьей по прибытии в Мюнхен, был размещен в «СС казармах». Это был огромный комплекс зданий, построенный в процессе подготовки к Второй мировой войне в 1934–1936 годах по планам архитектора Освальда Бибера (Oswald Bieber) для размещения дивизии «СС Стандарт 1, Германия» (SS-Standart 1, Deutschland). Казармы были предусмотрены для размещения 5000 человек, за период своего существования несколько раз были переименованы. Этот казарменный комплекс располагался в городском районе Мюнхен-Фрайманн, в народной молве получивший название «казармы Фрайманн». После вступления американцев в Мюнхен этот огромный комплекс был использован прежде всего для размещения гражданских беженцев из Польши и Украины. Согласно документации об американских лагерях в архиве Бад Арользен, в лагере «СС казармы» размещалось около 8000 человек, начиная с 15 мая 1945 года. Первоначальный состав Ди-Пи был польско-западноукраинский – до июля 1945 года, лагерь считался мононациональным; после размещения в нем русских (около полутора тысяч человек) осенью 1945 года, а также югославов, литовцев, латышей и эстонцев, лагерь имел ярко выраженный многонациональный характер.

Татьяна Фесенко, хорошо владеющая немецким и английским языками, приехав в Мюнхен из Бамберга, где проживала на частной квартире, также зарегистрировалась с мужем, Андреем Фесенко, в лагере «СС казармы». Ей посчастливилось: ее приняли служащей на работу в управление УНРРА этого лагеря для учета его жителей. Вот что она вспоминает: «С июля 1945 года ‘СС казармы’ перестали существовать как чисто польский лагерь, и скоро в UNRRA Team 107 оказались представители 25 национальностей, составлявших мелкие,

а иногда и довольно значительные группы. Цели, приведшие этих людей под крышу 'СС казарм' были различными: некоторые нетерпеливо ждали возможности возвратиться на родину, другие же, в частности, бывшие граждане СССР и 'добровольно присоединившихся' к нему республик, изыскивали всевозможные способы, чтобы избежать репатриации»⁴.

О русской группе Ди-Пи в лагере «СС казармы» пишет в своих мемуарах также Николай Николаевич Чухнов⁵, зарегистрированный как русский Ди-Пи в этом лагере: «В 'СС казармах' представительство русской группы насчитывало 1200 человек, почему-то получило официальное наименование 'Комитета бесподданных', в то время, как там же существовали комитеты польский, украинский, латышский и все другие, которые фактически представляли тоже лишенных коммунистической властью всех прав состояния. Было ли наименование Русского национального комитета 'Комитетом бесподданных' случайным или проявлением уже тогда начавшейся тенденции США в отношении русского вопроса – оставалось невыясненным. Тем не менее, общерусскому делу оно достаточно повредило. С русской группой остались только верные России калмыки, объединенные Даржей Ивановичем Ремелевым, скончавшимся в 1957 году в Филадельфии»⁶.

В системе американских лагерей «СС казармы» имели следующий номер регистрации: Assembly Center: AC 95 – 351, UNRRA AC-Team №. T 107. С ноября 1946 года, после лагерной реформы в американской зоне оккупации, лагерь получил новый номер: AT-1066. В качестве директора в документации отмечен с 24 января 1946 года офицер УНППА Аткинс (Atkins), а офицер со звучным именем Аннис (Annis) управлял этим лагерем (Field Supervisor). Лагерь Ди-Пи «СС казармы» просуществовал с 15 мая 1945 по 22 апреля 1950 года, но русские «перемещенные лица» были переведены в мононациональный русский лагерь Шляйсхайм под Мюнхеном осенью 1947 года.

С декабря 1950 года большой комплекс каменных зданий «СС казарм» перешел в ведомственность исключительно американской армии и был переименован в «Варнер-казарму» (Warner-Kaserne, Building 1701). Лагерь Ди-Пи был расформирован, казарменные здания были заново отремонтированы в 1950 году, что обошлось немецким налогоплательщикам в 8 млн. марок. В отремонтированных зданиях в период накала «холодной войны» было размещено 5000 американских солдат и офицеров 24-й дивизии инфантерии. Сегодня этот огромный комплекс имеет название «Казармы им. Эрнста фон Бергманна»; он внесен, как пример нацистской военной архитектуры, в число памятников архитектуры, охраняемых ЮНЕСКО.

О парадоксе долгого употребления названия «СС казармы», с

явно выраженной в нем нацистской этимологией, пишет Татьяна Фесенко: «Как ни странно, но место пристанища ‘перемещенных лиц’ еще долго после поражения нацистской Германии продолжало именоваться во всех официальных документах не иначе, как ‘СС казарне’, только значительно позже оно было переименовано в ‘Варнер-казерне’ в честь американского пехотинца Уорнера, геройски погибшего на боевом посту во времена прорыва немецких танков в Бельгии»⁷.

В отчете УНРРА указывается 20 лагерей – сборных пунктов в Мюнхене – на момент 25 мая 1945 года; а к 11 августа 1945 было зарегистрировано уже 24 лагеря⁸. В отчете о лагерях Ди-Пи в Мюнхене указана дифференцированная статистика численности Ди-Пи на 21 ноября 1945 года:

Лагерь «СС казармы» (SS-Kaserne)	7372 Ди-Пи
Лагерь «Карлсфельд» (Karlsfeld)	4345
Лагерь «Функ-казарма» (Funk Kaserne)	2265
Лагерь «Лоэнгрин» (Lohengrin)	2132
Лагерь «Германский музей» (Dt. Museum)	1280
Лагерь «АБЦ-дом» (ABC House)	95
Советский лагерь (Soviet Camp)	39 ⁹

Иван Елагин с семьей прибыл в лагерь «СС казармы» в апреле 1946 года. Для Елагиных-Матвеевых с маленьким ребенком на руках это была первая радость обретения относительного покоя и крыши над головой после войны. Впрочем, этот первый покой для них, как и для всех других русских Ди-Пи, сменился тяжестью изнуряющих комиссий и проверок как со стороны американского управления лагеря, так и со стороны советских репатриационных комиссий, постоянно приезжавших в лагерь вплоть до 30 июня 1947 года, времени окончания деятельности УНРРА в Германии. Согласно Ялтинским договоренностям, Американская военная администрация была обязана предоставлять советской стороне возможность проверок дипийцев в своих лагерях. Эти «скрининги» заключались в проверке документов и индивидуальных опросов/допросов бывших советских граждан. Однако на практике часто управления американских лагерей находили причины для отказа в посещении лагерей советскими офицерами.

Иван Матвеев разместился с семьей в лагере «СС казармы» с 1 апреля 1946 года. Татьяна и Андрей Фесенко, их друзья по Киеву, прибыли в Мюнхен в январе 1947 года и оказались в том же лагере, не рассчитывая найти в восьмидесятичном человеческом муравейнике знакомую душу. Какой же всеохватывающей радостью была встреча с киевскими друзьями после долгого расставания! Вот как описыва-

этоту встречу Татьяна Фесенко: «В ‘СС казармах’ нас ожидала большая радость: в одном из таких углов уютился и Ваня Матвеев – поэт Иван Елагин – с семьей. Друг, с которым мы делили беспросветные киевские дни времен немецкой оккупации, был всё тем же: живым, остроумным, всегда готовым поспорить и побеседовать. Днём, под резким горным ветром, он то ездил в заснеженный лес рубить прутья для лагерных мётел, то позже мерз на полицейском посту у какого-нибудь лагерного склада. Но стихи писал по-прежнему, – лучше прежнего, а иногда даже неожиданно весело»¹⁰.

В «Беженской поэме» Ивана Елагина дается точное описание зданий лагерных казарм:

Корпуса бетонные –
 Кто ж внутри содержится?
 А перемещенные
 Беженцы-отверженцы.

Иван Елагин предельно реалистично описывает тягостную атмосферу тесного лагерного жилища:

Кто с узлом-периную,
 Кто с кошелкой кожаной.
 Помещенья длинные
 Сплошь перегороджены.

А за одеялами,
 А за полотенцами –
 Семьи с годовалыми
 Шумными младенцами.

«Семьи с годовалыми шумными младенцами» – это, прежде всего, его собственная семья с годовалой дочерью Еленой. Скудность людей была тяжела всем. То, что в первые дни после войны казалось спасением, начинало постепенно давить на душу от невозможности иметь время и место для частной жизни. «Просторные помещения казарм были разделены при помощи шкафов и серых армейских одеял на крошечные клетушки. В каждой комнате перенаселенного лагеря уютилось по 3-5 семейств, и шутники, давая адрес, рекомендовали: ‘Стучите два раза в четвертое одеяло справа’. Семьям с маленькими детьми по возможности отводился уголок у окна, остальные должны были довольствоваться узким пространством между шкафами. Я помню прошение учителя лагерной школы о предоставлении ему

места у окна, где он мог бы, не напрягая слабого зрения, исправлять ученические тетради. Заканчивалось оно такими словами: ‘даже книжному червю нужно хоть немного света, чтобы жить’...»¹¹

Описывая лагерных жителей «СС казарм», Иван Елагин говорит о разности дипийцев в многонациональном лагере. Это была большая Вавилонская башня, с давящим общим депрессивным настроением от неизвестности беженской судьбы:

В эти годы гиблые
Разные есть беженцы:
Кто читает Библию,
Кто в железку режется!

Этот – на гектографе
Издает известия,
Там – девчонку дó крови
Бьет мамаша-бестия.

.....

А в углу подвыпили
Старых два денкинца, –
Им еще с Галлиполи
Не впервые мыкаться.

И казарма кажется
Вечерами страшною
Согнутой под тяжестью
Вавилонской башнею.

Кто были эти люди, о которых так образно пишет Елагин? Превалирующее большинство – многотысячные советские гражданские беженцы из оккупированных немцами территорий Центральной и Южной России, Украины, Белоруссии, Северного Кавказа, а также из стран Прибалтики, аннексированных СССР в 1939 году. Измученные советским довоенным террором, они воспользовались единственным шансом вырваться из СССР – покинуть родину вместе с частями отступающего вермахта. В рядах Ди-Пи оказались многочисленные советские военнопленные и остовцы (в основном молодые женщины и мужчины), которым удалось всеми правдами и неправдами избежать массовых репатриаций на родину. В «СС казармах» были зарегистрированы многочисленные «старые» русские эмигранты, которые прибыли в Мюнхен еще в конце войны из европейских центров

русской диаспоры в Польше, Югославии, Болгарии, Румынии, из стран Балтики, территорий, которые оказались в сфере советского влияния. Именно в лагерях Ди-Пи произошла первая встреча «старой» и «новой», т. е. уже подсоветской, русской эмиграции.

Эта жизнь на виду у всех, без возможности иметь место для уединения, тяжело давалась Ивану Елагину, а потому стихи периода «СС казарм» особенно пронзительны и трагичны, наполнены уничтожающей самооценкой:

Я хожу оборванный,
В мятой шляпе фетровой.
Недотеха форменный,
Хоть мозги проветривай!

Лирик, у которого
Ничего не пишется.
Да, судьба мне здорово
Прописала ижицу!

К черту амфибрахии,
Дактили, анапесты!
В лагере неряхою
Выгляжу растяпистой.

А стихи давнишние
Все в ведро помойное
Выкинуты! (Лишнее
Дело, беспокойное!)

Это строки глубоко отчаявшегося человека. Поэт Иван Елагин был своего рода «сейсмографом», тонко воспринимающим и чувствующим общее настроение «перемещенных лиц» в послевоенной Германии. Сложна и часто трагична эволюция этих настроений: надежда на спасение в лагерях Ди-Пи от советских репатриационных комиссий и выдач, страх перед смершевцами, переодетыми в гражданское и рыскающими по улицам Мюнхена, хватающими всех бывших советских, как свою собственность... Первая радость от того, что о тебе кто-то заботится в лагерях Ди-Пи, когда предоставлялось бесплатное жилье (пусть в тесных комнатках, но жилье), бесплатное продовольствие (пусть лишь гороховый суп из американского порошка, но – еда), одежда (пусть поношенная, из США, но – одежда), медикаменты... Однако далее начались бесконечные проверки Американской Военной

Администрацией идентичности личности дипийцев. Эта уничтожающая неизвестность положения изматывала нервы...

Настроение отчаяния сменилось новым ожиданием в июле 1947 года, когда УНРРА закончила свою деятельность и ей на смену пришла новая международная организация – ИРО. Русские Ди-Пи сразу дали ей теплое название «Ирочка» уже потому, что эта организация ООН открыла для людей перспективу расселения в другие страны, принимающие иммигрантов по рабочим квотам. Появилась надежда оставить разрушенную послевоенную Германию, где не было ни работы, ни жилья вне лагерей, ни уверенности, что русских не выдадут снова. ИРО начала новую фазу проверок на легитимность уже присвоенного статуса «Ди-Пи», но эти изнуряющие «скрининги» были всё же для всех овеяны мечтой выезда из Германии.

При всей строгости медицинских проверок и новых контрольных «скринингов» по выяснению идентичности личности Ди-Пи перед выездом из лагерей, у людей появилась надежда на обретение стабильного правового статуса полноценных граждан в других странах. Теперь они могли избавиться от шаткого правового положения «перемещенных лиц» в послевоенной Германии, будучи для немцев – непрошенными гостями, а для американцев – «нахлебниками», на содержание которых нужны было получать новые и новые средства от Конгресса США. На фоне начинающейся «холодной войны» с СССР никто из русских дипийцев не верил, что немцы дадут им вид на жительство в Германии после передачи союзниками юридической ответственности местным властям в июле 1950 года.

Молодое поколение дипийцев было настроено оптимистичнее своих родителей – и в силу возраста, и благодаря открывающимся перспективам учебы в русских гимназиях и признания аттестатов этих гимназий Баварским министерством образования – это открывало путь в университеты не только в Германии, Европе, но и в Новом Свете.

Иван Елагин, несмотря на свою молодость – 28 лет, относился к «промежучточному» поколению: он не успел получить законченное высшее образование в Киеве, ушел из Киева студентом медицинского института, подрабатывающим санитаром в роддоме; на его руках была жена с маленьким ребенком, которых необходимо было кормить. Продолжить свое образование он не мог, хотя для его сверстников была предложена возможность переквалификации на различных курсах и в университете УНРРА. Однако продолжать медицинское образование он не хотел. Быть поэтом по призванию, а не по профессии, – в такие времена означало нелегкий путь.

В период 1946 года в лагере «СС казармы» он не ощущал «легкости бытия». В это время Иван Елагин, в порыве отчаяния, сжег

свои стихи, написанные в Киеве во время войны и в год беженского пути на Запад. Вот что об этом вспоминает «остовка», поэт Валентина Синкевич после личных встреч и бесед с женой Елагина – поэтессой Ольгой Анстей: «В послевоенной Германии, в период насильственной репатриации, ее первый муж, Иван Елагин (Матвеев), находясь в состоянии депрессии, сжег все свои стихи, но потом Ольга Николаевна по памяти восстановила каждое стихотворение мужа»¹². Мы можем с уверенностью утверждать, что те стихи Ивана Елагина, которые вошли в его первый поэтический сборник в Мюнхене «По дороге оттуда» в 1947 году, с большим старанием были восстановлены по памяти Ольгой Анстей и тем самым спасены.

Топчемся, чужую грязь меся.
Тошно под луною человеку.
Отвязаться бы от всех и вся!
С темного моста да прямо в реку.

Гибнет осень от кровопотерь,
Улица пустынна и безлиства.
И не всё ли мне равно теперь –
Грех или не грех самоубийство,

Если жизнь тут больше ни при чем,
Если всё равно себя разрушу,
Если всё равно параличом
Мне давно уже разбило душу.

Строка «Топчемся, чужую грязь меся» вполне отражает общее настроение в лагерях Ди-Пи до 1 июля 1947 года – до времени начала работы ИРО и новой программы по расселению в другие страны.

Характеризуя свое состояние периода дипийских лагерей, Иван Елагин писал так в своем первом сборнике «По дороге оттуда» (1947):

Слова, что камень, – никогда не дрогнут.
Я их валял, всю нежность соскребя.
Мой бедный стих! Так наглухо застегнут.
Какие ветры распахнут тебя?

За то, что я прикинулся поэтом,
За то, что музу называл сестрой,
За то, что в мир ушел переодетым
В чужое платье, на чужой покррой!

«В чужом платье», «на чужой покрой» Елагин переживал постоянный страх из-за изменения своей официальной идентичности – фиктивных данных в Нансеновском паспорте. Необходимость жить с «липовым» паспортом камнем лежала на душе многих дипийцев и повергала их в страх при проверках в лагерях. Страх оказаться выданным советским репатриационным комиссиям сковывал разум.

Негде стать на якорь.
Чувствую заранее,
Что погибну в лагере
Где-нибудь в Германии.

Нечисть эмведистская,
Точно псы легавые,
По Европе рыская,
Налетят облавою!

Угрожают выдачи!
Нансеновским паспортом
Запасайся – иначе
Попадешься аспидам!

Чтоб избегнуть жребия
Этого проклятого, –
Вру, что жил я в Сербии¹³
До тридцать девятого,

В эти дни преступные
Дышит всё подделкою –
И подделкой крупной,
И подделкой мелкою...

Девушка учтивая,
Перышком поскрипывай
И печать фальшивую
Ставь на справке липовой!

Отвечая на вопрос, почему именно Мюнхен стал местом наибольшего скопления русских беженцев в американской зоне, стоит заметить, что все были ведомы целью скорее очутиться именно у американцев в конце войны.

У каждого была своя история исхода из СССР или из довоенных

центров русской диаспоры, оказавшихся после войны под Советами; каждый имел свой путь в Мюнхен и свою особенную историю спасения. Чаще всего всё решал случай и помощь сердобольных людей, нередко немцев; встречались случаи, когда помощь приходила от рядовых американских солдат, предупреждавших о готовящихся выдачах. Нередко местом спасения становились русские православные церкви, дававшие не только утешение в молитве, но и первую помощь в крове и продовольствии.

Приток людей в Мюнхен начался еще до окончания войны – и не только гражданских беженцев; сюда стали стекаться священнослужители Русской Зарубежной Православной Церкви из Югославии, Чехии, Польши, Румынии, а также духовенство из оккупированных вермахтом регионов СССР, – те, кто решился на Исход после трагических гонений на Православную Церковь в Стране Советов. Эти священнослужители еще не вошли в клир Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), им лишь предстояло приобщиться к ней на Архиерейском Соборе РПЦЗ в 1946 году. К концу войны в Мюнхене собрались представители высшего духовенства РПЦЗ. Так, например, осенью 1945 года в Мюнхен прибыл из Сербии Архиерейский Синод РПЦЗ во главе с митрополитом Анастасием (Грибановским). На пять долгих послевоенных лет – с 1945 по 1950 годы – Мюнхен стал центром русского церковного Зарубежья, до времени отъезда Владыки Анастасия и Архиерейского Синода в США.

С неимоверной быстротой начали расти православные приходы в русских лагерях Ди-Пи; Православная Зарубежная Церковь собирала русскую эмиграцию вокруг себя, предоставляя истстрадавшимся людям духовную заботу, утешение в молитве и созидательную помощь в организации православных приходов и строительстве храмов в лагерных бараках. Это был непростой период восстановления структур самой Зарубежной Церкви после окончания войны – структур, пострадавших с изменением географии викариатств РПЦЗ, потерей приходов в восточноевропейских регионах, попавших под Московский Патриархат после установленного протектората СССР после 1945 года.

Несмотря на эти настроения отчаяния зимы 1946 – весны 1947, в Елагине-поэте не умирает тонкое чувство восприятия Мюнхена – города, его природы, – что отражено в разных его стихах, например, в той же «Беженской поэме»:

Пролетают сизые
Голуби над Изаром¹⁴,
А вода-то в Изаре
Зеленеет бисером...

– или, например, в стихотворении «Думал, осенью буду счастливым»:

Думал, осенью буду счастливым,
Да со счастьем всегда нелады,
и обрызганы мюнхенским пивом
Эти мюнхенские сады.

– строка «обрызганы мюнхенским пивом / Эти мюнхенские сады» вызывает аллюзии со знаменитой баварской традицией пивных садов октябрьского праздника Oktoberfest.

Я давно уже в роли растяпы
И за жизнью тащусь позади,
И поля моей старенькой шляпы
Обломали чужие дожди.

Я серьезных не слушаю споров,
Да и шуток уже не шучу.
У судьбы-то прижимистый норов,
А противиться не по плечу.

То на улице мерзну безлюдной,
То слоняюсь среди пустырей,
Чтоб какой-нибудь смерти нетрудной
Приглянулся бы я поскорей.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ. 1947

Именно в этой общей тревожно-безнадежной атмосфере жизни дипийцев и неопределенной политики Американской Военной Администрации по отношению к русским «перемещенным лицам» в период зимы 1946 года и до лета 1947-го Иван Елагин дебютировал публично как поэт. Речь идет, во-первых, об авторском сборнике стихов «По дороге оттуда» (Мюнхен, 1947), во-вторых, о пяти стихотворениях Ивана Елагина в общем поэтическом сборнике «Стихи» (Мюнхен, 1947).

В сборник «По дороге оттуда» вошли 63 стихотворения, каждое из которых в оригинальной книге 1947 года пронумеровано. В 1953 году, после переезда в США, Иван Елагин переиздал сборник в Нью-Йорке, но во втором варианте книги нумерация стихов отсутствует.

Вошедшие в книгу стихи преимущественно написаны еще в оккупированном Киеве, а также на протяжении всего беженского пути на Запад. Название «По дороге оттуда» скрывает много смыслов. Елагин

сознательно использует местоименно-указательное наречие «оттуда», без определения конкретного места: для него, скрывающего свою принадлежность к «невозвращенцам» – гражданам СССР, точное обозначение места, откуда он прибыл в американскую зону, было бы равносильно саморазоблачению и сопряжено с последующей насильственной выдачей советским репатриационным органам.

Об общепринятом употреблении наречия «оттуда» для советских беженцев-«невозвращенцев» вспоминает и Лидия Андреевна Стукалова из Мюнхена, приехавшая 12-летней девочкой-подростком вместе со своей семьей из Херсона в Германию в 1944 году. После окончания войны их семья очутилась в дипийском лагере Мёнхенхофе вблизи Касселя; с осени 1949 года их семью перевели в лагерь Шляйсхайм. «– Да, мы *оттуда*, – говорили все мы, русские, украинцы, белорусы из СССР, между собой, если хотели найти своих. Это было своего рода кодовое слово. Сообщалось это доверительно и только своим, проверенным людям, боясь натолкнуться на сексотов в лагерях и вне их. После войны говорить о своем происхождении с людьми было опасно и как-то не принято»¹⁵.

И еще причина этого неопределенного «оттуда»: вся печатная продукция, выпущенная в лагерях Ди-Пи в американской зоне, до декабря 1947 года подвергалась идеологическому контролю со стороны лагерных управлений УНРРА и ИРО. Эзопов язык для поэта был важным не только как поэтическая метафора, но и как способ сохранения анонимности личности и места, – при зафиксированной в документах придуманной им биографии.

О названиях елагинских стихов очень метко написала в свое время Валентина Синкевич: «Интересно отметить, что в названиях к своим книгам поэт пользовался своими строками или названиями стихотворений. Так было с самого начала, с первых двух сборников, изданных в Германии: ‘По дороге оттуда’ (1947) – это название Елагин повторил в 1953 году в американском издании книги. ‘Оттуда’ – с немецкого кладбища, где молодые родители похоронили первого своего младенца – дочь Инну: ‘Мы к тебе по дороге *оттуда*... (Курсив автора. – В. С.) / И расскажем мы, сидя в тепле, / Как мы наше короткое чудо / Незнакомой отдали земле’. ‘Ты, мое столетие’ (1948) – название и строка, повторяющаяся после каждой строфы стихотворения. ‘Отсветы ночные’ – по строке ‘Отсвет – среди отсветов ночных’ из стихотворения ‘Дождь бежал по улице...’ ‘Дракон на крыше’ – название стихотворения. ‘Под созвездием Топора’ (1976) – по строке ‘Я эти звезды / созвездием звал Топора’, из стихотворения ‘Не от того вы лечили меня, доктора...’ ‘В зале Вселенной’ – по строке ‘Для меня в этом зале Вселенной...’ – из стихотворения ‘Я запомнил мой праздник...’

‘Тяжелые звезды’ – первая строка стихотворения из книги ‘Дракон на крыше’: ‘В тяжелых звездах ночь идет...’¹⁶

Оригинал сборника Ивана Елагина «По дороге оттуда» 1947 года – это маленькая книжечка, размером 14x10 см. Графическое оформление сборника скромное. Обложка зеленая, как у русских школьных тетрадей. Если сравнить сборник «Стихи», выпущенный также в 1947 году, где титульный лист оформлен художником и поэтом Сергеем Бонгартом, то скромность оформления первой елагинской книги воспринимается как скромность стойка, соответствующая духу послевоенного времени.

Местом публикации первого сборника стихов Елагина «По дороге оттуда» на титульном листе указан Мюнхен, что не совсем верно. Выпуск печатной продукции дипийской прессы и литературы был невозможен без точного указания конкретного лагеря. Указание «Мюнхен» создает ощущение свободной публикации свободного поэта. Но при внимательном рассмотрении оригинала 1947 года на нем есть точное указание на обратной стороне обложки: «Approved by UNRRA Team 108»: «Team» (группа) – лагерное управление, а №108 – это номер управления конкретного лагеря. Согласно списку американских лагерей Ди-Пи (DP Camp Inventory, архив Бад Арользен) этот номер соответствует лагерю, размещенному в здании Германский музей (Deutsches Museum) в Мюнхене¹⁷. Любая публикация в американской зоне с мая 1945 до января 1948 года предполагала обязательный штамп номера того или иного лагеря. Это была важная легитимация печатной продукции Ди-Пи; наличие номера лагерного управления означало, что печатная продукция прошла идеологическую проверку, всю ответственность за публикацию теперь несло то или иное лагерное управление. Номер лагеря был важен в случае выявления ответственных за нарушение, если печатная продукция включала запрещенное содержание.

В качестве критериев идеологически «благонадежной» печатной продукции в американской зоне прежде всего считалась лояльность к Американской Военной Администрации и к политике США. Запрещалась не только антиамериканская пропаганда, но также пропаганда против союзников антигитлеровской коалиции, включая СССР. Этому правилу следовали в американской зоне оккупации до конца 1947 года. Впрочем, если анализировать, например, лагерные газеты и журналы лагеря Шляйсхайм и политическую хронику этого периода, остается неясным, насколько строго проверялась вся печатная продукция, однако официально следовали этому принципу все издатели газет, журналов и книг.

Численность выпускаемых изданий в первый послевоенный год

была невелика – не хватало бумаги. К работе идеологического цензуры подключали самих Ди-Пи, владеющих английским и немецким языками, как и языками разных национальных групп «перемещенных лиц». Цензорами составлялись краткие аннотации о содержании рукописей, предназначенных для печати.

Надо заметить, что идеологическая цензура дипийской печатной продукции носила всё же либеральный характер, без строгих предписаний. Контроль печатной продукции в американской зоне ввели к лету 1946 года. В лагерях Ди-Пи проверка дипийской прессы производилась обыкновенно американским офицером УНРРА в самом лагере – довольно поверхностно, без достаточного знания русского языка. При отсутствии профессионального персонала, владеющего национальными языками, тщательная и широкомасштабная идеологическая проверка всей печатной продукции была попросту невозможна. Единственно действительно важным для выпуска того или иного издания было наличие штампа, указывающего на полученное разрешение, и указание номера лагеря, контролирующей команды УНРРА. Так, например, штамп лагеря Шляйсхайм был «Team № 631», что указывало на русский лагерь в Большом Шляйсхайме. После реформы в издательской деятельности Ди-Пи, проведенной Американской Военной Администрацией в январе 1948 года, обязательное наличие номера лагерного управления упразднили. В американской политике контроля за прессой и публицистической деятельностью дипийцев не делалось различия между национальностями; предписания Американской Военной Администрации были едиными для всех. При анализе печатной продукции Ди-Пи стоит учитывать время ее выпуска. В американской политике управления средствами массовой информации Ди-Пи выделяются следующие периоды:

Май 1945 – декабрь 1945. Это было время формирования первых лагерей Ди-Пи, активного «скрининга» и массовой насильственной репатриации – в том числе и с целью сокращения численности «перемещенных лиц» в зонах союзников. После вступления частей Третьей и Седьмой американских армий в Баварию и формирования первых дипийских лагерей был разрешен выпуск радиосводок на национальных языках для освещения мировых событий и конкретных организационно-правовых вопросов, касающихся Ди-Пи.

Американцы вступили на территорию Баварии 25 марта 1945 года в баварском регионе Нижней Франконии. Вступление американцев в различные районы Баварии происходило с разницей в две-три недели. Так, например, в Мюнхен части Седьмой американской армии вступили 30 апреля 1945 года. Редкие печатные дипийские издания, как, например, еженедельные распечатки радиосводок,

повествующие о жизни в лагере и разрешенные лагерной администрацией, появились лишь к июню 1945 года. Целый месяц в лагерях Ди-Пи царил информационный «голод», никто ничего не знал о ситуации с правовым статусом для русских беженцев и в мире. Информацию по крупицам получали из постановлений Американской Военной Администрации в Баварии, которые вывешивались перед ратушей в Мюнхене в первые недели мая 1945 года. Те из русских беженцев и Ди-Пи, кто владел немецким языком, читал, узнавал, делился своими знаниями, переписывая часто от руки эти новости. Немецких газет еще не было.

Приказом Верховного Американского Командования Отдела «Psychological Warfare Division» была выпущена Директива № 3 от 28 июня 1945 года о проверке средств массовой информации (радио, кино, театра, газет и журналов) на причастность к нацистскому режиму. Первые лицензии на выпуск немецких газет были выданы лишь осенью 1945 года. Так, например, баварская газета «Süddeutsche Zeitung» с информационным отделом для Мюнхена выпустила свой первый номер 6 октября 1945 года.

Новости просачивались в иноязычной среде по крупицам, чаще через «устное радио» вновь прибывших с рассказами о том, что происходит в других городах Германии и других зонах союзников.

Одной из первых дипийских газет в Мюнхене была газета «Ди-Пи-Экспресс» («DP-Express»), начавшая выходить в июне 1945 года в многонациональном лагере «Deutsches Museum», размещенном в центре Мюнхена в здании Германского Технического музея и насчитывающего около полутора тысячи перемещенных лиц разных национальностей. Первоначально газета издавалась на нескольких языках (на русском, польском, латышском, литовском, эстонском, украинском – с кратким изложением на английском). Каждой национальной общине уделялось 1-2 страницы в выпуске. Выпуски газеты были более расширенными к большим праздникам, например, к Рождеству 1945 года и Пасхе 1946 года. С 18 декабря 1947 года эта газета изменила свой характер и стала выходить лишь на польском языке. Это было связано прежде всего с тем, что лагерь был расформирован, в нем остались лишь польские «перемещенные лица».

Декабрь 1945 – август 1946. Это время расформирования многонациональных лагерей после массовых репатриаций и комплектования новых лагерей Ди-Пи по национальному принципу. В этот период был разрешен выпуск регулярных радиосводок о событиях в мире, информационных листков о лагерных новостях, публикация классической литературы, учебников, журналов отдельных профессиональных сообществ – например, юристов, врачей, инженеров и т. д.

В этот период контроль за печатной продукцией в лагерях также осуществлялся со стороны офицеров УНРРА – при обязательном указании номера того или иного лагеря как знака легитимности продукции. Всё же наблюдаются исключения. Таковые обнаружены нами в отдельных журналах лагеря Фюссен, который значился под номером «АС 94-258» (Assembly Center) АС 92 258, Team 1 под руководством офицера УНРРА г-на Харта (Hart). Например, журнал «Молодежь» за 7 января 1946 года, журнал «Еженедельные русские новости» от 26 мая 1946 года не имели указания номера лагеря, но, согласно вступительным статьям редакций, выходили при поддержке УНРРА. Говорит ли этот факт о разрешении на издание без контроля и штампа УНРРА, нам неизвестно. Скорее всего, это является подтверждением нерегулярности проверок дипийских печатных изданий со стороны УНРРА.

В качестве примера нам хотелось бы привести журнал «Молодежь» клуба «Молодая Россия» в русском лагере Фюссен. Журнал издавался с 1 января 1946 года в течение всего лишь восьми месяцев, до момента расформирования лагеря Фюссен в августе 1946 года; все русские жители лагеря с конца июля по конец августа 1946 года были переведены в лагерь Шляйсхайм. Вот что сообщается в редакционной статье журнала: «Волей членов кружка общественной самодеятельности, энергией редакционной коллегии, с помощью и сочувствием представителей старшего поколения и лагерного начальства, а также при поддержке администрации УНРРА, издается первый номер журнала молодежи для молодежи. Тяжелые переживания, жизненные невзгоды и прочие испытания не убили в нас вкуса к родному печатному слову и не убили стремление к литературной и общественной самодеятельности. Мы глубоко признательны всем тем друзьям, которые к нам отнеслись с сочувствием и оказали содействие. Благодарим мы от всего сердца и администрацию УНРРА, которая отнеслась с пониманием к нашему духовному голоду и оказала помощь для его утоления. Мы надеемся, что сумеем приобрести и многих других друзей, которые своим содействием, советом и даже материальной помощью помогут нам совершенствоваться во всех отношениях (содержанием и формой) наше новорожденное начинание. ‘Плох солдат, не желающий быть генералом’, поэтому и мы мечтаем о том, чтобы наш ‘циклостильный’ журнальчик превратился в шикарный еженедельный журнал, может быть, иллюстрированный, а главное, очень популярный и с большим тиражом. Редакционная коллегия предполагает заступить в журнале следующие отделы:

1. Отдел литературно-художественной самодеятельности.
2. Отдел: ‘Познай отечество’ (статьи из истории, географии, экономики, этнографии, статистики и пр. познавательных наук о России).

3. Отдел 'Знакомство с миром' (исторические, литературные, научные и пр. статьи о других странах).

4. Отдел 'Наша вера' (статьи на религиозные темы).

5. Отдел 'Наша жизнь' (информация о жизни молодежи).

6. Отдел 'Смех – не грех (юмористика)».¹⁸

В силу краткосрочности существования журнала трудно судить о его развитии и об уровне текстов.

Примером поддержки дипийских печатных изданий администрацией лагеря УНРРА может служить заявление американского офицера УНРРА в том же журнале (сохраняем стилистику оригинала): «25 декабря 1946 новоназначенный директор УНРРА в лагере Фюссен обратился к жителям лагеря по радио со следующими словами: 'Мои дорогие фюссенские друзья, называю вас так, хотя я пробыл с вами вместе лишь несколько дней, но вы доказали, что вы являетесь дорогими друзьями и моими, и всей моей УНРРА-группы. Мы, члены УНРРА-группы 1 (Тим 1), хотели передать вам наши наилучшие пожелания к праздникам Рождества Христова и Нового 1946 года. Мы пользуемся случаем, чтобы выразить вам нашу признательность за вашу блестящую работу, проведенную в лагере, и наше восхищение перед стойкостью, с которой вы перенесли трагедию вынужденного ухода с Родины. Но пока вы в состоянии работать так блестяще, пока вы можете так прекрасно петь, пока в вас живы хорошие мысли и идеалы, мне кажется, что вы все очень богаты и что настанет день, когда вам улыбнется счастье, которого вы заслуживаете. Да ниспошлет вам всем Бог по своей великой милости чувство счастья и безопасности, на что вы, несомненно, имеете полное право. Прошу вас всех верить в будущее, чтобы иметь силу содействовать, ради ваших детей, восстановлению всего того, что было уничтожено нацизмом, верить в самих себя, что вы в состоянии преодолеть все невзгоды и быть абсолютно уверены в том, что УНРРА, группа 1, приложит все усилия к тому, чтобы помочь вам и чтобы защитить, если в этом будет необходимость. Л. Харт, директор УНРРА, группы 1'»¹⁹.

В журнале «Русские еженедельные новости» из лагеря Фюссен также отсутствуют лагерные штампы «Одобрено УНРРА, Тим № 1». Журнал выходил с апреля 1946 до июля 1946 года. Штмп появился лишь после переезда его редактора-издателя в лагерь Шляйсхайм, а именно к концу августа 1946 года. В № 12 от 30 августа 1946 года в журнале уже имеется письменное указание-штмп «Одобрено УНРРА, Тим 631», указан редактор-издатель А. Н. Покровский и объединенное место издания – «Фюссен-Фельдмохинг, лагерь Ди-Пи, барак 113, комната 6».

Благодаря этому журналу мы имеем хронику лагерной жизни в

Фюссене и Шляйсхайме с ее кратким обзором – уникальный фактический материал, являющийся прекрасным документом о буднях и культурной жизни лагеря, дополняющий устные и письменные воспоминания бывших жителей лагеря, полученные в рамках данного исследования.

С 8 августа 1946 года Американской Военной Администрацией был издан приказ об *обязательном* лицензировании всех периодических изданий Ди-Пи в американской зоне и о введении нового строгого идеологического контроля за прессой Ди-Пи всех национальностей. Закон вступил в силу с 31 августа 1946 года²⁰. Заявку о получении лицензии нужно было подавать на имя директора «Отдела контроля за информацией» (Information Control Division) при Главной Квартире Американского Военного правительства в Германии (Office of Military Government for Germany U.S., OMGUS) во Франкфурте-на-Майне. В заявке должны были быть указаны точное название, направленность, национальный язык и тираж дипийского издания. «Введение строгого идеологического контроля объясняется тем, что кроме разрешенной периодики появились и т. н. нелегальные журналы и газеты среди дипийской прессы при относительно либеральном контроле за печатными изданиями и относительной простотой их изготовления ротаторным способом. Особенность была в том, что контроль производился не перед выпуском той или иной печатной продукции, а уже после ее выхода. С конца августа 1946 года все издатели были обязаны получить лицензию на издания, в результате чего в течение лишь немногих недель возникли 21 национальные газеты и журналы, среди них 7 латышских, 3 эстонских, 4 еврейских, 1 калмыцкая, 1 белорусская, 1 многонациональная... Дипийской прессе было запрещено критиковать политику Американской Военной Администрации в Германии и ее представителей, а также призывать к восстанию или свержению американской оккупационной власти. Недостаток бумаги также существенно ограничил выпуск периодики Ди-Пи и ее тираж. Число выпускаемых изданий было сокращено в пять раз по сравнению с числом до сих пор существующих и выходящих с июля 1945 по 31 августа 1946 года. УНРРА как международная благотворительная организация получила указания от Главной Квартиры Американской Военной Администрации следить со стороны унрровских директоров лагерей за пропагандой против репатриации в лагерях»²¹.

Поскольку сокращение численности Ди-Пи было приоритетной целью американцев до середины 1946 года, то все попытки критики насильственных выдач в дипийской прессе со стороны «перемещенных лиц» пресекались. Все газеты и журналы, издаваемые в американской зоне, подвергались военной цензуре после 31 августа 1946

года. В Американское Военное Управление были приняты на работу «редакторы» из дипийцев для проверки прессы. Часто это были люди без журналистского образования, простые носители языка или же лица, владеющие несколькими языками. Предпочтение отдавалось сотрудникам, владеющим английским, так как просмотр печатной продукции требовал составления письменных отчетов на английском языке о том или ином издании и о его идеологической направленности.

Вернемся, однако, к сборнику Ивана Елагина «По дороге оттуда» и номеру «Т 108» в оригинале 1947 года, относящемуся к лагерю «Германский музей» (Deutsches Museum) в Мюнхене. Зная, что Иван Елагин был жителем лагеря «СС казармы» с номером «Т 107», возникает закономерный вопрос, почему Иван Елагин, зарегистрированный в лагере «СС казармы», опубликовал свой сборник под номером другого лагеря? На это есть объяснение. Лагерь «Германский музей» был первым лагерем в Мюнхене, где установили настоящую типографию уже в мае 1945 года и где издавалась многонациональная газета «Ди-Пи Экспресс» (DP-Express). Важно то, что в типографии этого лагеря имелись шрифты с русской кириллицей. Для Елагина это была единственная возможность опубликовать книгу типографским способом. Важно и то, что директорами и ответственными за управление обоих лагерей – «Т 108» и «Т 107» – были одни и те же лица: согласно спискам лагерей Ди-Пи в американской зоне Баварии на этих постах в лагерях «СС казармы» и «Германский музей» были назначены уже упомянутые офицеры УНРРА Аннис и Эткинс. Совмещение должностей директоров и администраторов в нескольких лагерях объясняется малочисленностью высшего офицерского состава УНРРА в Баварии, поэтому одни и те же офицеры отвечали часто за два, а иногда и за три лагеря; в помощь им на местах на должности административных помощников назначали дипийцев.

Лагерь «Т 108» был размещен в здании Германского Технического музея, в центре Мюнхена. Это большой комплекс зданий. Большинство ценных экспонатов Технического музея было эвакуировано еще в 1943 году из-за сильных бомбежек, многие помещения музея стояли опустевшими к концу войны. Это позволило американцам, вступившим в Мюнхен 30 апреля 1945 года, использовать помещения музея для размещения в этом комплексе зданий многочисленных «перемещенных лиц» разных национальностей. Здесь же был основан и университет УНРРА, по окончании которого вручались официальные свидетельства о профессиональном образовании, что помогло бы дипийцам эмигрировать по разнарядкам на профессии в другие страны. Численность лагеря не превышала 1500 человек, национальный состав – представители стран Балтии, русские, поляки.

Анализируя многонациональную дипийскую печатную продукцию разных американских дипийских лагерей в Баварии, стоит отметить, что газета «Ди-Пи-Экспресс» была первой дипийской газетой в Мюнхене, отпечатанной в типографии уже 25 мая 1945 года; все остальные газеты в мюнхенских лагерях печатались ротаторным способом. «Ди-Пи-Экспресс» была своего рода показательной в освещении заботы УНРРА о Ди-Пи. Газета предназначалась не только для «перемещенных лиц» в Мюнхене и Баварии, но и пересылалась в ООН в США как доказательство выполнения программы Организации по помощи Ди-Пи. Финансовые средства выделялись для УНРРА из средств ООН и контролировались Конгрессом США. Газета «Ди-Пи-Экспресс», таким образом, была подтверждением правильности расходования финансовых средств, предназначенных для нужд Ди-Пи.

Мы можем предположить, что Иван Елагин обращался в управление лагеря «СС казармы» с просьбой публикации своих стихов и что он смог получить это разрешение печатать сборник в лагере «Германский музей». Типографское издание первого сборника Ивана Елагина можно считать воистину чудом, так как большинство русскоязычной печатной продукции выпускалось ротаторным способом и малым тиражом. Помощь вышеупомянутых американских офицеров УНРРА, возможно, была просто счастливым случаем. Но ясно лишь то, что в таких сложных послевоенных условиях нужно было иметь не только талант поэта, но и смекалку предпринимателя, чтобы найти путь для издания книги в типографии, для которой нужна была не только бумага и матрицы кириллицы, но и ходовая до денежной реформы 1948 года «валюта» в послевоенной Западной Германии: американские продукты – кофе, шоколад, консервы. И Елагину это удалось!

Примером особой находчивости в печатном деле в трудных послевоенных условиях в иноязычной среде может служить Вячеслав Клавдиевич Завалишин²². Ему удалось издать без разрешения американцев русскую сказку П. П. Ершова «Конек-Горбунок». Это было редким случаем и чудом уже потому, что сказка была опубликована порусски в обычной немецкой типографии с названием «Академическая книжная типография Ф. Штауб» (Akademische Buchdruckerei F. Staub, München). Таковая существует и по сей день. Согласно информации в регистре мюнхенских типографий, их деятельность была прекращена с приходом американцев с мая по октябрь 1945 года. Начинаясь новый период, для работы необходимы были разрешения военной американской власти. Период «бесконтрольности» над работой типографий был совсем коротеньким, лишь две-три недели в мае 1945 года. Этим воспользовался предприимчивый В. К. Завалишин в Мюнхене. Где он сумел найти русскую матрицу кириллицы для типо-

графии, остается загадкой, но сказка появилась на свет с чудным вступлением самого издателя, объяснившего причину публикации не какой-нибудь, а именно этой сказки: «В 'Коньке-Горбунке' Ершов воспел романтику скитаний и приключений. Для чего живут люди? Для лучшего. Интуитивное тяготение к счастью – импульс всей нашей жизни. Народная сказка зиждется на вере в чудо, которое, до основания сметая горести нашего существования, способно изменить к лучшему нашу жизнь». Это чудо свершилось в информационном «голоде» для русских беженцев и Ди-Пи, не имеющих ни книг, ни учебников для детей и взрослых. Малый тираж «Конька-Горбунка» в 200 экземпляров разошелся по русским лагерям, принеся чувство русского стиха и веры в лучшее. «Эта книжка зачитывалась до дыр, мы учили эти стихи наизусть, некоторые отрывки я помню и сейчас», – вспоминает Ирина Сергеевна фон Шлиппе из Мюнхена.

Обложка оформлена талантливым русским графиком и живописцем Константином Константиновичем Кузнецовым (3/15 мая 1895, Пермь – 9 марта 1980, Лос-Анджелес). Он, эмигрировавший в Сербию в 1921 году, как и многие представители русской диаспоры из Югославии, очутился после войны в лагере Шляйсхайм. Были ли знакомы Иван Елагин и К. К. Кузнецов в лагере, нам неизвестно.

Знакомство Ивана Елагина и В. К. Завалишина произошло в Мюнхене в конце 1948 года, по сообщению С. Л. Голлербаха.

На сборнике «По дороге оттуда» за 1947 год не указан тираж, но указана цена: 7 рейхских марок. Это цена до денежной реформы, объявленной 20 июня 1948 года. До реформы в лагере Шляйсхайм, например, журнал для детей и молодежи «Веселый листок» стоил 3 рейхсмарки, в лагере «СС казармы» журнал «Огни» под редакцией Н. Н. Чухнова – 3 рейхсмарки. Елагинский сборник в семь марок казался высокой ценой для бедных русских Ди-Пи, находящихся на полном попечении УНРРА и ИРО; им не выдавались денежные средства, а предоставлялась бесплатная одежда, питание и медикаменты.

«Перемещенные лица» рассматривались американцами как жертвы нацистского режима и находились в более привилегированном положении, чем немцы. Дипийцам полагались такие американские продукты, как кофе, шоколад, консервы, которые они обменивали у немцев на черном рынке на вещи или деньги. Конечно, каждый пытался как-то и где-то заработать.

В маленьких книжечках дипийского периода мы не найдем не только указания тиража, но часто и имени издателя и издательства, словно эти книжечки, газеты, журналы возникали по мановению волшебной палочки и так же быстро исчезали. Имена издателей остались, в большинстве своем, неизвестны. Были и исключения, скажем,

Вячеслав Клавдиевич Завалишин. Анонимность издателей связана, прежде всего, с нежеланием быть привлеченным к ответственности на случай обнаруженной идеологической «неблагонадежности» публикаций. Как мы уже говорили, нельзя было критиковать действия Американской Военной Администрации – например, насильственную репатриацию: в дипийской прессе с мая 1945 по январь 1948 года мы не найдем ни слова о циничной выдаче казаков в Лиенце, или о выдачах представителей Русской Освободительной Армии ген. А. А. Владова в Бад Айблинге, Платтлинге, Кемптене и других лагерях.

Никто не мог гарантировать, что стихи о беспросветности и безнадёжности жизни Ди-Пи в американских лагерях также не будут восприняты как критика политики американцев. Штрафом за негативные публикации было отчисление из лагерей Ди-Пи и угроза потери статуса Ди-Пи, с переводом на «немецкую экономику». Это означало, прежде всего, потерю бесплатного жилья, медицинского обслуживания, продовольствия и благотворительных посылок из США. Терять эти привилегии никто не осмеливался.

До реформы прессы в американской зоне русских издателей можно было пересчитать по пальцам. Несмотря на единство политики американцев относительно средств массовой информации для Ди-Пи во всех регионах этой зоны оккупации, наблюдались и различия, в каждом регионе издатели работали с разной интенсивностью и успехом. Вот что вспоминает Ростислав Владимирович Полчанинов в своей статье «Книжный бум в годы 1945–1948»: «Первым русским книгоиздателем в Германии и Австрии оказалась русская фирма ‘Эрбауер’, принадлежавшая НТС, которая еще до 8 мая 1945 г. в Нидерзахсверфене (Тюрингия) стала выпускать ‘Лагерную информацию’. Продолжением этого листка стала радиосводка ‘Новости дня’, которая с 13 июня 1945 г. стала выходить в Менхегофе, куда переехал из Нидерзахсверфена лагерь фирмы ‘Эрбауер’. ‘Новости дня’ положили начало журналу и книгоиздательству ‘Посев’. Первый номер журнала ‘Посев’ вышел 11 ноября 1945, а до этого ряд учебников и небольшая книжка – ‘Две сказки’ (тираж 150 экз.). Всё это было выпущено до 23 августа 1945 г. и потому не имело полагающегося ‘Approved by UNRRA team 505’ (ЮНРРА или, как тогда говорилось, ‘Ура’). Вторым издателем в Американской зоне Германии стал бывший советский подданный – ‘новый’ эмигрант, как тогда говорилось, Вячеслав Клавдиевич Завалишин (псевдонимы В. Озеров и Казанский. 1915–1995), который в конце 1945 г. издал в Мюнхене первую послевоенную книгу, напечатанную типографским способом. Это был ‘Конек-Горбунок’ Ершова с обложкой работы Константина Константиновича Кузнецова (1895–1980), лучшего иллюстратора

среди русских Ди-Пи. Известно, что они были знакомы еще в годы войны, а вот неизвестно, как В. Завалишин нашел в разрушенном Мюнхене типографию с русским шрифтом и где нашел бумагу, чтобы напечатать довольно толстую книгу (86 страниц, не считая иллюстраций художника П. И. Пузыревского* на мелованной бумаге). За этой книгой последовала 'Русь' Евгения Замятина (без г[ода] и м[еста]) (Мюнхен, 1946) с рисунками художника Б. М. Кустодиева и брошюры (12 с. с илл. на мелованной бумаге) самого Завалишина 'Андрей Рублев' (Мюнхен, 1946). В Ландсгуте, в начале 1946 г. В.Завалишин издал на ротаторе 'Избранные стихотворения' Есенина (163 с., тир. 100 экз., с обложкой художника Пузыревского). Переехав в Регенсбург, В. Завалишин издал в том же 1946 г. в двух томах сборник стихов Есенина и в 1947 г. в четырех томах малого формата (14,3 см.) стихи Гумилева. В Мюнхене в 1947 г. издал под псевдонимом В. Озеров собственное сочинение 'Да будет мир' (Образы грядущей войны) с иллюстрациями художника Бориса Михайловича Волкова (1911–1960). От В. Завалишина мне известно, что он принимал участие в 1944 г. в Риге в издании однотомного сборника стихов Есенина и при помощи вывезенных из Риги гранок издал регенсбургский сборник. Очень возможно, что свою издательскую деятельность В.Завалишин начал с издания трех многоцветных репродукций старинных русских икон. На оборотной стороне было сказано, что иконы: Published by the Laboratory for studies of the ancient slav art (to the Metropolitan Ecclesiastical Administration in Germany, the Roman Patriarchie), и что Editor – Viacheslav Savalishin. Репродукции икон в свободную продажу не поступили, но В. Завалишин подарил мне по несколько экземпляров от всех трех икон: 'Madonna of Vladimir', 'Resuscitation of Lazarus' и 'Theodore Stratilate'. Третьим издателем в Американской зоне Германии оказался аноним, выпустивший книгу Гюи-де-Мопасана 'Дедушка Амабль и др. Рассказы'. Мюнхен-Регенсбург, октябрь 1945 г.»²³.

Рассматривая оригинал сборника Ивана Елагина «По дороге оттуда» от 1947 года, интересно отметить вкладыш «Замеченные опечатки», где указаны три неточности типографской печати: на стр. 29, 5-я снизу: напечатано «зеленоватым», а нужно «зелёнокрылым»,

---

* Обложка мюнхенского издания была выполнена художником Константином Константиновичем Кузнецовым, а иллюстрации в книге на мелованной бумаге – художником-графиком Николаем Владимировичем Пузыревским (15 апреля 1895, Батум – 1957, Бедбург, ФРГ). См.: А. Г. Ранская. «Конек-Горбунок». Издание лагеря Ди-Пи «Келлерберг». – URL: [https://ppershov.wordpress.com/2016/05/27/конек-горбунок-издание-лагеря-дипи.](https://ppershov.wordpress.com/2016/05/27/конек-горбунок-издание-лагеря-дипи/) (Ред.)

на стр. 49, 8-я сверху: напечатано «чухой», а нужно «чужой», на стр. 58, 4-я снизу: «что лжешь мне», а надо «что ты лжешь мне». Этот вкладыш является доказательством языковой требовательности поэта к напечатанному слову и предпринятой им корректуры.

К «библиографической истории» сборника Ивана Елагина 1947 года, имеющегося в нашем распоряжении, стоит отметить штамп русского книжного магазина на Рёнтгенштрассе 5 (Röntgenstraße 5) «W. Zielkowsky & R. Tilkowitsch. Bücherhandlung und Kunst. München 27 – Bogenhausen, Röntgenstraße 5», т. е. «Книжный магазин и искусство, владельцы В. Цилковский и Р. Тилкович, адрес Мюнхен 27 – Богенхаузен, Рёнтгенштрассе 5». С осени 1945 года в этом здании была размещена библиотека для русских беженцев, часть которой вошла в основной фонд Толстовской библиотеки в Мюнхене, существующей до сих пор. С осени 1947 года в этом здании на Рёнтгенштрассе 5 был временно размещен сборный пункт по выдаче подержанной одежды из США для беженцев, проживающих вне лагерей. Там же в подвальных помещениях был временно размещен Институт по изучению истории СССР, основанный Яковлевым (Троицким), получившим на этот проект субсидии от Американской Военной Администрации.

Но вернемся к сборнику «По дороге оттуда». Из 63 стихотворений, которыми дебютировал Иван Елагин в Мюнхене в 1947 году, знаковыми нам кажутся два. Сборник начинается стихотворением «По расшатанным помостам / До снастей добрались мы!», а заканчивается стихотворением «Памяти дочери» (о котором была выше речь) с объяснением названия всего сборника «Мы к тебе по дороге *оттуда* / И расскажем мы, сидя в тепле, / Как мы наше короткое чудо / Незнакомой отдали земле». Первое стихотворение звучит так:

В океане сумрак долог,
Но у мачты нам светло!
Месяц – зеркала осколок,
Парус – белое крыло!

По расшатанным помостам
До снастей добрались мы!
Видишь – волны тост за тостом
Подымают у кормы?

Ни земли, ни скал, ни мелей,
Ни огня, ни корабля...
Только темных ожерелий
На груди твоей петля!

Все стихи Ивана Елагина в этом сборнике напечатаны без указания даты их создания. Этому принципу поэт следовал всю жизнь. Возможно поэтому ценность его стихов не определяется ни временем, ни обстоятельствами. Однако для исследователей его творчества даты написания стихов могли бы быть маленькими подсказками-«подстрочниками» к разгадке ребусов его судьбы.

Интересным примером поэтических «подсказок» в стихах нам кажется отрывок из «Беженской поэмы» (опубликована в 1998 году), повествующей о смерти детей на поле. Зная историю лагеря Шляйсхайм, мы позволим себе прокомментировать одно стихотворение с использованием фактов.

Поле из поэмы имело название «Панцервизе» (Panzerwiese – переводится как «луг для танков»), оно размещалось между двумя лагерями: «СС казармы» в Мюнхене-Фрайманне и в Шляйсхайме, на северных окраинах Мюнхена в районе Milbertshofen-Am Hart. На этом огромном поле размером в 200 га во время войны были установлены противовоздушные защитные зенитные установки для отражения англо-американских налетов. После войны это поле использовалось как плацдарм для учений американских войск М-Т-238, размещенных в «Warner Kaserne» («Варнер-казарма», т. е. бывшие «СС казармы»).²⁴ Часть территории использовалась как военный аэродром «Warner Strip». С выводом американских войск из Баварии в 1993 году, городское правительство Мюнхена выкупило этот участок и там началось жилищное строительство.

В те первые послевоенные годы эта территория была опасна для прогулок. Но так как через нее пролегла дорога в Мюнхен из лагеря Шляйсхайм, то люди ходили именно через поле. Ирина Владимировна Лукьянова из Хэмингтона, США, вспоминает, как подростком с семьей они перебрались из лагерей Кемптен и Фюссен в Шляйсхайм в августе 1946 года: «Взрослые побаивались ходить в город через это поле Панцервизе, ходили обычно группами – уже потому, что нередки были и ограбления дипийцев самими же дипийскими ‘братьями’. Время было беспокойное, в лагере Шляйсхайм проживало разного народа, не все отличались моральными достоинствами или нужда заставляла прибегать к крайностям. А для детей эта территория, изрытая, как кратерами, следами взорвавшихся бомб, несмотря ни на что была притягательным мест для игр. Однажды на Панцервизе случилось несчастье, о котором еще долго говорили жители лагерей Ди-Пи; эти события остались в памяти»²⁵. Гибель детей на поле потрясла и поэта Ивана Елагина; к этим воспоминаниям он вернулся спустя сорок лет:

...Хлам переворачивай!
Для мальчишек что еще
Может быть заманчивей?

И нашли два мальчика
Среди хлама мятого
Что-то вроде мячика,
Но тяжеловатого.

Да беда с ребятами:
Слишком любознательны.
Что внутри запрятано?
Вскроют обязательно!

И, железкой крепкою
Между створок чиркая,
Вклинивались щепкою,
Точно растопыркою.

Как ударит зарево
Среди поля голого!
Витеньке Трубарову
Размозжило голову.

Кровь на камни вытекла.
Он лежит, не двинется.
А всего-то Витеньке
Было лет одиннадцать.

Это стихотворение было опубликовано в лагерной газете «Информационный бюллетень лагеря Шляйсхайм» за 25 сентября 1947 года, изданной ротаторным способом.

Отклик на известие о гибели детей мы находим также в мемуарах мюнхенского периода у Татьяны Фесенко «Повесть кривых лет», где она пишет о трех погибших мальчиках: «Между нашими казармами и деревянными бараками лагеря Шлейсгейм²⁶ – поле, изрытое полужасыпанными окопами, с провалами взорванных бункеров, с песчаными воронками от снарядов. Это остатки оборонительной линии вокруг шлейсгеймского аэродрома, и лагерные ребятишки, когда им удастся ускользнуть из-под надзора старших, с увлечением играют там в войну, прячась в развалинах. И вдруг взволновался горестным происшествием – трое любопытных парнишек выкопали загадочный металлический предмет и начали его расковыривать. Вспышка, взрыв

мощной гранаты – «панцерфауста», и три коротеньких жизни оборвались у разрушенного бункера. Вечером Ваня (Иван Елагин. – *Е. К.*) читал нам новые стихи, навеянные трагической смертью детей: Кто нам солгал, что умерла война?»²⁷ Это упоминание о погибших детях у Т. Фесенко является, возможно, подтверждением второго несчастного случая на поле Панцервизе.

По словам С. С. Вороницына из Мюнхена, жителя сначала лагеря «СС казармы» и позднее Шляйсхайма, это случилось осенью 1947 года: «Все были ошеломлены гибелью детей. Словно война вновь подкралась к нам всем. Отпевали погибших детей в лагерной церкви Шляйсхайма. Мне было 20 лет, меня, русского Ди-Пи родом из Сербии, в это время только что перевели в лагерь Шляйсхайм, поэтому я хорошо запомнил это событие, это была осень 1947 года, когда это случилось. Захоронение мальчиков было произведено на окраине лагеря Шляйсхайма вблизи леса, а не на кладбище в селе Фельдмохинг, где обычно производились захоронения. Почему выбрано было место именно там, трудно сказать. Был поставлен восьмиконечный православный крест, куда ходили родные и близкие погибших мальчиков для поминовения еще долгое время... Даже после расформирования лагеря осенью 1953 года можно еще долго видеть этот русский крест у леса как напоминание о случившейся беде и гибели детей. Родители постоянно приходили к могилкам, ухаживали за ними летом и зимой. Этот крест действовал как трагическое предупреждение сильнее на оставшихся в живых детей, чем строгие наказания родителей не ходить на Панцервизе. Ровно через год произошел подобный случай с двумя другими детьми, повторная трагедия. О других случаях гибели шляйсхаймовских детей неизвестно»²⁸. Иван Елагин написал отдельное стихотворение, посвященное детям, погибшим на Панцервизе, которое вспоминает в своих мемуарах Т. Фесенко.

Кто нам солгал, что умерла война?
Кто опознал ее среди усопших?
Еще по миру тащится она,
И рядом с ней ее хромой сообщник.

Она идет за нами по пятам
И валит нам на головы руины,
И к парходным тянутся бортам
Блуждающие в океанах мины.

Она лежит на дне сырого рва
В гранате, как в заржавленном конверте.

Не верьте ей! Она еще жива,
Жива еще, беременная смертью!

Украденную юность доконав,
Она и правду на земле задула.
Еще столетье будут из канав
Глядеть на нас зевающие дула!

О, сколько раз еще из-за угла
Нас оглушат по черепу и ребрам,
Чтоб эти двое, глядя на тела,
Обменивались хохотом недобрым!

*(«Ты, мое столетие!»,
1947, лагерь Шляйсхайм)*

Иван Елагин дважды откликнулся на гибель детей: в первый раз в лагерном «Информационном бюллетене» 25 сентября 1947 года и во втором своем сборнике «Ты, мое столетие!» за 1947 год. Был ли в них описан один несчастный случай или два, сказать трудно, так как публикация этих двух стихотворений осуществлена в 1947 году. Это не просто описание несчастья в контексте и конкретности случившегося, для Ивана Елагина это прежде всего размышления о смерти вне войны.

Татьяна Фесенко очень точно передает настроение душевной усталости русских Ди-Пи в контексте случившегося с детьми так: «Дети не звали Смерть, не думали о ней, но она всё чаще подкрадывается в лагерь по зову измученных людей, всё чаще оказывается победительницей в споре с Жизнью. И как не прислушаться к ее соблазнительному голосу, когда она шепчет из-за плеча: ‘Ты устал не спать по ночам, когда за одеялом надрывно кашляет сосед и тоненько плачет ребенок у окна: Ты устал ждть прозрачной возможности эмигрировать в любую, согласившуюся принять тебя, даже нежеланную страну? Ты устал жить на чемоданах и узлах, ожидая отъезда, который, быть может, так никогда и не настанет? Ты боишься, что тебя выбросят из лагеря, потому что ты солгал на ‘скрининге’, чтоб тебя не вернули, как преступника, в страну, которую ты любишь и ненавидишь? Но я не требую ни виз, ни документов. Я дам тебе покой сегодня, сейчас же...’ И Смерть подводит молодого, полного сил Шанду к старательно выбранной ветке дерева, торопится показать пожилому калмыку трубы отопления в подвале, за которые так удобно зацепить веревку, подталкивает Сидорова, инженера и скрипача, к окну, выходящему на камни плаца...»²⁹ Эти трагические стро-

ки, как никакие другие, пронзительно и глубоко описывают ситуацию безысходности в лагерях Ди-Пи, ведущую к самоубийству.

Подводила к высокому вязу,
Зазывала в глухие поля...
Твоему голубому отказу
Я не сразу поверил, Земля.

Для того ли в туман приальпийский
Уводили меня колеи,
И твои золотые записки
На дороги летели мои,

Чтобы сгинуть в беззвездной Европе,
Где панели тоской налиты,
Где рассвет, как забойщики в копиях
Отбивают от ночи пласты,

Где как сумерки улицы стары,
И на каждых воротах броня,
И смертельные желтые фары
Отовсюду летят на меня,

Где сады багровеют от желчи
И спешат умереть облака,
Где тоскуют и любят по-волчьи,
И бросаются вниз с чердака.

Мы не найдем в актах УНРРЫ и ИРО статистику самоубийств, мы можем лишь удивиться силе воли тех, кто пережил эти годы, сумел выстоять и найти в себе силы жить дальше. Поэт Иван Елагин является для нас примером стойкости. Его первый сборник «По дороге оттуда» – это доказательство и дара поэта, и страстного желания жить, и осмысление не только беженской судьбы, но и общего настроения послевоенной эмиграции с желанием выстоять наперекор всему.

И судьбы, и жилища сметены.
И там, в нечеловеческом закате,
С перегнутой над улицей стены
Свисают заржавелые кровати.

Не случайно, что первый сборник Ивана Елагина сразу стал популярным в среде русских дипийцев – как в лагере «СС казармы»,

так и в лагере Шляйсхайм, этих островах русской жизни в Мюнхене. Обитатели этих лагерей стали первыми читателями сборника Ивана Елагина. Интересно воспоминание Сергея Львовича Голлербаха, знаменитого русско-американского художника из Нью-Йорка, живописца, художественного критика и литератора, чей дипийский путь также лежал через Мюнхен. Вот что он сообщает автору статьи о знакомстве с Иваном Елагиным: «Мы познакомились в Мюнхене поздней осенью 1947 года. Но прошло какое-то время, прежде чем мы по-настоящему подружились и стали друзьями. Это случилось уже в Нью-Йорке. А в тот мюнхенский период между нами была какая-то дистанция, быть может, из-за разницы в возрасте в пять лет. Сейчас это кажется неважным и даже смешным, но тогда это было ощутимо: ему было 29 лет, мне – 24 года. Он был уже женат, имел маленькую дочь, был обременен бытом и необходимостью обеспечивать семью, ютился в маленькой комнатухе в Шляйсхайме. Я познакомился с ним в тот момент, когда уже вышел его первый сборник стихов, а это значит, у него была уже популярность и даже слава среди русских дипийцев. Я же был просто студентом Мюнхенской Академии художеств, только-только начинал осознавать себя как художник. Ваня казался мне уже маститым поэтом, хотя выпустил только свой первый сборник. Но какой! С какой силой звучали его стихи ‘оттуда’! Это был сильный поэтический голос! Немного обо мне. Во время войны наша семья (моя мама и я) находились в Пушкино, где и попали в немецкую оккупацию. В 1942 году нас с мамой вывезли на работы в Германию. После капитуляции Германии моя мама и я очутились в американской зоне оккупации Германии в Мюнхене, проживали в лагере для иностранных рабочих, находившемся под управлением Баварского Красного Креста³⁰, расположенного на Кноррштрассе 148 (Knorrstraße 148), а Иван к тому времени уже жил в лагере Шляйсхайм. Для Вани 1947 год был удачным, это был его дебют и обретение своего поэтического имени – Елагин. Он не только выпустил свой личный сборник стихов, ему и Сергею Бонгарту удалось выпустить общий сборник под скромным названием ‘Стихи’, куда вошли, кроме него, еще восемь поэтов, среди них его жена Ольга Анстей, его друг Сергей Бонгарт, князь Николай Кудашев, принадлежащий к их кругу общения в лагере Шляйсхайма, и другие. Обложку к этому сборнику выполнил друг Вани Елагина по Киеву Сергей Бонгарт. Так что всё это внушало мне большое уважение к Ване при нашем первом знакомстве. Разница нашего мюнхенского периода была в том, что он жил в чисто русском лагере для перемещенных лиц, в замкнутом языковом русском пространстве, не зная немецкого, видел Мюнхен из перспективы чисто русского лагеря Шляйсхайма, который был исключительно русским

островом вне контактов с немцами. А я проживал в лагере для западноевропейских и балтийских Ди-Пи в центре Мюнхена. Не живя в русском лагере, я не был замкнут только на русской языковой среде, только на русских темах. Мне воистину посчастливилось с моей по-немецки и даже по-баварски звучащей фамилией Голлербах (Hollerbach). По-баварски 'Holler' означает бузина, а Bach – это ручей, так что я был своего рода 'бузиной у ручья'. В Мюнхене мне очень помогало мое знание немецкого языка. После окончания войны лагерное управление в моем лагере воспринимало меня как балтийского немца, я никого и никогда в этом не 'разочаровывал', так и окрестили меня прибалтийским немцем. Счастьем было и то, что в наш лагерь для иностранных рабочих никогда не приезжали советские репатриационные комиссии, так что нас не страшили насильственные выдачи, в нашем лагере не было настроения безысходности, какое было характерно для чисто русских лагерей. УНППА даже не указывала на то, что в нашем лагере могут быть бывшие советские граждане. В нашем лагере были итальянцы, французы, бывшие принудительные рабочие на машиностроительном заводе БМВ, которые постепенно добровольно репатриировались на родину; остались балтийцы, среди них было много и русских балтийцев или таких, как я. Благодаря знанию немецкого языка, я сумел записаться на курсы в Академию искусств в Мюнхене к профессору Германну Карлу Каспару (Hertmann Carl Caspar). Мне очень повезло в послевоенный период и тем, что благодаря моему 'графическому взгляду' на мир меня взяли в американский офицерский клуб в Мюнхене, где я рисовал портреты американских офицеров или посетителей клуба за небольшой гонорар в виде сигарет, ходовой валюты, случалось получать даже шоколад и кофе. В те времена это была великая роскошь! Днем я учился, а по вечерам рисовал в американском клубе под звуки джаза. Живя в послевоенном Мюнхене, наводненном русскими разных возрастов и разного социального происхождения, я, в силу своей природной коммуникабельности, знакомился со многими русскими людьми моего возраста, оставаясь в каком-то особенном положении, живя вне лагерно-русской жизни национально замкнутого пространства. Так что для меня было несколько миров в Мюнхене, не соединенных друг с другом: русский мир друзей, людей моего поколения 1920-х годов, живших чаще всего в лагерях Ди-Пи, немецкий круг знакомых студентов, где я учился, а также мир американского клуба – в этом и была моя 'глобальность'. Но по жизненному опыту и настроению я душой всегда тянулся к своим, к русским, многих знал как в лагере Шляйсхайм, например, художника Владимира Кривского из русской диаспоры Югославии, знал Ваню Елагина, а также знал многих русских и в

лагере ‘СС казармы’. При встречах мы никогда друг друга не спрашивали о маршрутах Исхода, кто и откуда. Мы сразу чувствовали точно, кто к какой эмиграции относился, установить это было несложно по манерам и виду, по языку. Мы жили сегодняшним днем, возможно, это свойство молодости – жить не прошлым – и помогало нам выживать. Это осознаешь всё намного позднее, уже в возрасте, сколько было все-таки схожести судеб для нас, поколения 1920-х годов, переживших столько трудного. Говоря о тайнах, кто мы и откуда, то у каждого из нас была своя тайна. Мы не расспрашивали друг друга прежде всего потому, что и в своих рядах могли быть случаи предательства и доноса, или просто по глупости кто-то мог проболтаться. Это было табу для моего поколения 1920-х после войны, словно мы не хотели в наши 20-25 лет после войны оглядываться назад, хотелось жить в сегодня и сейчас, живя сиюминутным моментом, наверстывая жизнь, в этом и было чувство молодости. Мое знакомство с Ваней Елагиным углубилось уже в Нью-Йорке, мы часто встречались в общих компаниях. Уже будучи в Нью-Йорке, в наших беседах мы узнали, что в наших биографиях все-таки было одно совпадение, например, военный американский корабль ‘Генерал Балу’. Этот военный американский корабль, как и многие другие, привозил из США продукты, а на обратном пути вез уже Ди-Пи в Северную и Южную Америку, каждого в свою страну, кто и где получил разрешение на работу. Ваня и я выезжали из послевоенной Германии, из Бремерхафена, в США в разное время: я – в 1949 году, он – годом позже. У нас обоих было разрешение в Нью-Йорк. Это второе наше приятное совпадение в судьбах. Наша дружба углубилась в этом городе, началось наше сотрудничество поэта и художника. Так, например, в 1973 году я впервые иллюстрировал его сборник стихов ‘Дракон на крыше’. У нас было полное взаимопонимание, традиция нашего сотрудничества поэта и художника продолжалась и в других сборниках Ивана Елагина»³¹.

Здесь стоит вспомнить интересные заметки Валентины Синкевич, посвященные дружбе поэта и художника: «С Сергеем Львовичем Голлербахом Иван Елагин встретился в 1947 году, всё в той же послевоенной Германии, и тоже в зоне, оккупированной американцами. Их судьба сложилась бы иначе, попади они в советскую. Но она оказалась милостива к некоторым, включая и автора этого очерка. В то время художник еще доучивался в Мюнхенской Академии художеств и готовился к выезду из Германии, как и все его друзья – «перемещенные лица», а попросту – лагерники немецких лагерей: их у каждого, прошедшего теми путями-дорогами, по зошенокскому словарю, ‘многонько скопившись’. Для ‘выездных’ конечными лагерями оказались ‘дипийские’. Их тоже было ‘многонько’. Но на

всю Западную Германию самым знаменитым лагерем считался находившийся под Мюнхеном – Шляйсхайм, где собралось много будущих известных зарубежных литераторов, а ‘дипийской’ столицей стал Мюнхен. (Пусть гордится старый баварский город!) Здесь процветала ‘дипийская’ издательская деятельность (одним из мюнхенских издателей того времени был Вячеслав Клавдиевич Завалишин (1915–1995)). В Мюнхене открылась знаменитая Русская гимназия, сохранявшая (и сохранившая!) родную речь у ‘племени младого’. Бывшая ученица этого достойного учебного заведения, автор книг о судьбе русских за рубежом, Людмила Сергеевна Оболенская-Флам рассказывала мне, что днем в гимназии проходила учеба, а ночью в тех же помещениях ютились бездомные, по строке елагинского стихотворения, посвященного Завалишину, оставленные ‘на произвол звезды’. Выпускником мюнхенской гимназии был также известный поэт второй эмиграции Олег Павлович Ильинский (1932–2003). Встречи Елагина с Голлербахом носили тогда только дружеский характер. Интенсивное творческое общение началось у них в Нью-Йорке. Оба прошли здесь ‘боевое крещение’ американским образом жизни, вернее – выживанием в чужом гигантском городе, с чужими обычаями и нравами; всё это в сочетании со случайно подвернувшейся физической работой – ее в начале новой жизни не удалось избежать почти никому из бывших ‘дипийцев’. Притом – английский, иногда нелегко дававшийся некоторым, знавшим только наш ‘великий, могучий’. До какой-то степени к этой категории принадлежал Елагин. ‘Туземную мову’ скорее и легче освоил Голлербах. Сергей Львович феноменально трудолюбив: ко всему прочему, нужно прибавить, что он – автор множества книжных обложек и книжных портретных рисунков. Он создал и обложки всех елагинских книг, изданных в Америке: ‘Косой полет’ (1967), ‘Дракон на крыше’ – иллюстрации и обложка Голлербаха (1973), ‘В зале Вселенной’ (1982) и, наконец, предсмертная книга – ‘Тяжелые звезды’ (1986). Искключения: ‘По дороге оттуда’ (1953) и ‘Отсветы ночные’ (1963). Работал он для Елагина, конечно, по-дружески, безвозмездно»³².

СБОРНИК «СТИХИ». 1947

В этот сборник, кроме Ивана Елагина, вошли восемь поэтов. Вот их имена в той последовательности, как они расположены в оригинале книги 1947 года:

Ольга Анстей, 1.03.1912, Киев – 30.05.1985, Нью-Йорк.

Сергей Бонгарт, 15.03.1918, Киев – 3.03.1985, Rustic Canyon, вблизи Лос-Анжелеса, Калифорния, США³³.

Владимир Гальской, 2.03.1908, Орловская губерния – 1961, Касабланка, Марокко³⁴.

Иван Елагин, 1.12.1918, Владивосток – 8.02.1987, Питтсбург, США.
Сергей Зубарев, о нем ничего не известно.

Андрей Иванович Касим (Альтаментов), 1891, Саратов – 18.06.1956, Нью-Йорк³⁵.

Князь Николай Кудашев, 29.04.1903, Кременчуг – сентябрь 1978, Нью-Йорк.

Анна Савинова³⁶, о ней ничего не известно.

Аглая Шишкова, 1923, Рославль – 1998, Нью-Йорк³⁷.

Несмотря на важность многих из этих поэтических имен в Русском Зарубежье, мы остановимся лишь на стихах Ивана Елагина. По сравнению с другими авторами сборника, представившими по восемь-девять стихов, Иван Елагин ограничился лишь пятью стихотворениями. Елагинские странички в общем сборнике открываются стихотворным блоком «Стихи о войне», состоящим из четырех циклов. Именно это является «подсказкой» для исследователей о том, что первым из двух сборников был авторский сборник «По дороге оттуда»: в нем впервые Иван Елагин опубликовал свои стихи о войне, не объединяя их в единый цикл, но пронумеровав каждое стихотворение:

Сборник «Стихи»

Цикл «Стихи о войне»:

«Там небо приблизилось к самой земле»

«Скабречно каркнув, пролетает грач»

«В парадном ночь и стужа»

«Осунувшись и сгорбясь и унизясь»

«Камаринская»

«Каштановым конвоем»

«Лужицы как цинковые миски»

Чернильница

Сборник «По дороге оттуда»

№36

№34

№32

№35

№38

№58

№57

№28

Мы считаем, что сборник «Стихи» был издан, вероятно, во второй половине 1947 года. О книге Валентина Синкевич сообщает следующие факты, основанные на личных беседах с Ольгой Анстей и Сергеем Бонгартом: «В 1947 году в Мюнхене вышел замечательный поэтический сборник, незамысловато названный ‘Стихи’. Обложку выполнил Бонгарт. В карандашном рисунке изображен пейзаж, должно быть немецкий, так как вдали виднеется шпиль готической кирхи, но чем-то, скорее всего настроением, этот карандашный пейзаж похож и на русский»³⁸. Позволим себе дополнить Синкевич, которая находилась в послевоенный период в британской зоне оккупации в лагерях Ди-Пи в Фленсбурге и Гамбурге и не могла знать Мюнхена. На титульном листе сборника «Стихи» в карандашном рисунке Сергей Бонгарт представил

центральную площадь Мюнхена Мариенплатц (Marienplatz) с изображением двух башен-колоколен с круглыми «луковками» знаменитой Фрауенкирхе (Frauenkirche, 1494), с городской Новой Ратушей (Neues Rathaus, 1889) и со столпом Святой Девы Марии, покровительницы и патронессы Земли Баварии («Patrona Bavariae»). Сергей Бонгарт изобразил зимний облик площади. Титульный лист Сергей Бонгарт подписал не прописными буквами, кратко: «с. б.»

Столп Святой Девы Марии был установлен по указанию баварского курфюрста Максимилиана Первого в честь благодарности Господу за то, что города Мюнхен и Ландсхут не были разрушены в течение Тридцатилетней войны. «Чудом города Мюнхена» в тяжелой войне называли этот факт сами жители. «Столп Марии» был изготовлен из мрамора, позолочен и установлен в 1638 году на центральной площади Мюнхена.

Анализируя сборник «Стихи», Валентина Синкевич сообщает: «Сейчас эта 'дипийская' книжечка (всего 96 страниц!) является огромной библиографической ценностью и свидетельством неистребимой творческой энергии людей, вырванных из нормальных условий жизни, не знавших, 'что день грядущий мне готовит', но не поддавшихся унынию, не опустивших руки, а продолжавших творить и надеяться на перемену судьбы, на лучшие времена и просто на более человеческие условия своего быта, в котором можно было бы спокойно жить и работать»³⁹. Синкевич вспоминает: «В сборнике в алфавитном порядке представлены девять поэтов первой и второй эмиграции, среди них Ольга Анстей, первая жена Елагина, сам Елагин, Бонгарт и кн. Николай Кудашев (1903–1978) – белогвардейский поэт-воин, из-за которого распался брак Елагина с Анстей, серьезно увлекшейся Кудашевым».⁴⁰

Судьба князя Николая Всеволодовича Кудашева была загадочной и необычной, поэтому неслучайно, что Ольга Анстей заинтересовалась им.

Родословная князя Кудашева была овеяна ореолом давнего княжеского рода, происходящего от татарских мурз, ведущего свою историю от князя Кудаша. Этот российский княжеский род восходил своей историей к началу XVII столетия, упомянутого в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Вот что говорится там: «Подавляющее большинство рода Кудашевых представляли собой многочисленные семейства невысокого материального достатка, как мусульмане, так и принявшие христианство. Крещенные и полностью обрусевшие Кудашевы превратились позднее во влиятельную в Императорской России аристократическую семью, давшую ряд примечательных военных и политических деятелей. Эта ветвь внесена в родословные книги Киевской, Полтавской, Тамбовской и Херсонской губерний, в которых

располагались их поместья». Герб князей Кудашевых внесен в Часть 17 Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи⁴¹.

Николай родился в 1903 году на Полтавщине. К моменту Октябрьского переворота ему было 14 лет; будучи учащимся шестого класса реального училища, он вступил вольноопределяющимся в Белую Армию в составе 3-го конного корпуса знаменитого генерала Андрея Григорьевича Шкуро⁴². Его жизнь в годы Гражданской войны – это эпопея Добровольческой Армии, ее успехов и потерь. В Гражданскую войну он был контужен, поправился и вновь вернулся в ряды Добровольческой Армии, был зачислен в состав бронепоезда «Дозорный», участвовал с командой разведчиков 135-го пехотного полка в десантной операции, закончившейся гибелью целого полка, описанного Кудашевым в стихотворении «135-й пехотный». Ему, раненному 15-летнему мальчику, удалось спастись. Приказом Главнокомандующего он был отправлен в Феодосийский интернат при Константиновском Военном училище, который позднее был вместе с Полтавско-Владикавказским корпусом переименован в Крымский Кадетский корпус. Далее следовала трудная военная эвакуация из Крыма в составе Кадетского корпуса, «галлиполийское сидение» в Турции почти год и лишь с 1921 года кн. Кудашев очутился в Югославии. Он прожил там без малого 24 года до начала Второй мировой войны, успел закончить Николаевское Кавалерийское училище, был произведен в чин корнета 12-го Гусарского Ахтырского полка. С 1941 года, как и многие кадеты, он вступил в состав Русского Охранного корпуса в Югославии. В мае 1942 года корнет Кудашев был назначен командиром отделения 4 полка Русского Корпуса, служил инструктором верховой и упряжной езды, был взводным фельдфебелем. В конце войны Русский Охранный корпус вошел в состав Русской Освободительной Армии (РОА), кн. Кудашев был откомандирован в Воздушные Силы КОНР. В 1945 году он – в Баварии. После войны он пошел в американский лагерь в Платтлинге в Верхней Баварии; был свидетелем насильственной выдачи солдат и офицеров армии генерала А. А. Власова. К счастью, ему удалось спастись.

Начиная с 1946 года кн. Н. Кудашев неоднократно открыто выступал против насильственных выдач, за что был арестован американцами, но быстро отпущен. Князь Николай Кудашев, как и многие члены Русского Охранного корпуса, оказавшиеся после войны в Мюнхене, проживал в лагере «СС казармы», а с середины 1947 года он среди других был организованно переведен вместе со своей семьей в лагерь Шляйсхайм. В 1949 году он выехал с семьей в Америку. По приезде в Америку, невзирая на тяжелые условия жизни, князь Кудашев существенно помогал многим русским эмигрантам выехать

из Германии и обосноваться в Америке. В течение многих лет работал простым рабочим на нью-йоркском пищеперерабатывающем комбинате, был председателем Русского Кадетского объединения в Нью-Йорке. Похоронен на православном кладбище в Ново-Дивеево.

Ясно, что князь Кудашев воспринимался Ольгой Анстей как человек из другого мира. Всё это так отличалось от советского быта, от которого Ольга Анстей бежала со своим мужем Иваном Елагиным! Возможно, роднило и то, что Кудашев родился на Полтавщине, – невидимая нить, которая связала его и киевлянку Ольгу Анстей. Возможно, именно этот ореол русского эмигранта с доблестным военным антикоммунистическим прошлым стал для Ольги Анстей особенно притягательным. Несмотря на разницу в возрасте, между Кудашевым и Анстей начался бурный роман еще в лагере «СС казармы», продолжившийся в лагере Шляйсхайм. К этому моменту ему было 44 года, Ольге Анстей – 35 лет. Оба имели супругов и детей. Для Ивана Елагина это были мучительные годы ревности, период душевного беспокойства и растерзанности.

Говоря о Кудашеве-поэте, стоит отметить, что он начал печататься еще в 1930-е годы в Сербии, имел признание как поэт монархического толка. В дипийских лагерях он также активно публиковал свои стихи в разных лагерных газетах, начал печататься у Николая Николаевича Чухнова в журнале «Огни», выходившем в лагере «СС казармы», затем в «Лагерном вестнике» лагеря Шляйсхайм, редактором которого также был Н. Н. Чухнов – с мая 1947 по декабрь 1948 гг.

Ольга Анстей выразила свои чувства в любовной лирике «На юру»:

На-полночь окна мои на высоком юру.

На-полночь где-то мой дом.

Где-то светит оконушко.

Вот на Никольщину разве – подам за тебя просфору,

Только и нити связующей!

Только и звеньшка!

Вылеплен, выплакан прочный бесслезный покой.

Будней бесслезных и прочных плетется улиточка.

Крепко держусь за просфору озябшей рукой:

Это нас с тобой вяжет последняя ниточка.

(Курсив мой. – Е. К.)

«Вот на Никольщину разве – подам за тебя просфору»... Глубоко верующая Ольга Анстей в День Ангела своего возлюбленного заказывала «за здравие» в лагерной церкви Св. Архистратига Михаила в

Шляйсхайме. Мы избежим комментария к этому роману. Но приведем цитаты сатирических шаржей на членов лагерного Литературного клуба в Шляйсхайме, где предстают Иван Елагин, Ольга Анстей, Николай Кудашев и др. Шаржи написал Б. А. Нарциссов, известный писатель второй волны, – в те годы также входивший в Литературный клуб лагеря. Данные шаржи взяты нами из воспоминаний Н. Н. Чухнова «В смятенные годы».

На кн. Н. Кудашева:

Куда, куда же, князь Кудашев,
Деваешь ты свой мощный глас,
Когда, почтительно привставши,
Читаешь ты стихи у нас?

На И. Елагина:

Ревет ураган, ревет океан,
Рыжую осень загонит в гараж.
Бомбою взвоят и вломится в раж,
Землю покинет и взденет на кран.
– Ах, нет!
Тут пахнет
Чертовым колесом!
На слом.
Земной кафешантан!
Кулаком
По столу ахнет
Грозный Иван.

На Ольгу Анстей:

Фигурка хрупкого фарфора,
Разрез восточный черных глаз,
и шея – тонкая амфора,
И для стихов – солидный бас.⁴³

В заключение заметим, что князь Кудашев не оставил семьи ради Ольги Анстей. Кудашевы выехали в 1949 году из лагеря Шляйсхайм в Нью-Йорк в рамках программы ИРО по переселению Ди-Пи. Ольга Анстей выехала с семьей (с Иваном Елагиным и дочерью Еленой) также в Нью-Йорк, но лишь спустя год, получив разрешение на въезд в США в мае 1950 года. Нью-Йорк был указан в документах семьи Матвеевых как конечный пункт прибытия. О связи Ольги Анстей и Николая Кудашева в Нью-Йорке нам ничего не известно, кроме того,

что зафиксировано в их кратких биографиях: они жили, творили и умерли в этом шумно-импульсивном городе каждый в свой час: он скончался 3 сентября 1978 году, она – семь лет спустя, в 1985 году.

О непростых отношениях этих двух талантливых людей с большим тактом написала Валентина Синкевич: «Дело в том, что в мюнхенском дипийском лагере Шляйсхайм Ольга Николаевна встретила князя Николая Всеволодовича Кудашева... Это был поэт, воин-белогвардеец, представитель первой волны русской эмиграции, то есть человек из другой России, не советской, а незнакомой, воображаемой, но любимой ею России. Со всем пылом страстной поэтической натуры Анстей влюбилась в Кудашева. Она его идеализировала, то ревновала, упрекала, то радовалась, – и страдала. Князь был женат и не бросил свою семью. А семейная жизнь Матвеевых распалась. Об этом я пишу только потому, что непростой и несчастливый роман Ольги Анстей с Николаем Кудашевым оставил нам ее замечательные стихи в жанре любовной лирики. Поэтесса опубликовала их в своем сборнике 'На юру' (Нью-Йорк, 1976). Эти стихи поражают фейерверком разнообразных настроений женщины, любящей страстной и безнадежной любовью. Каждая строка этого цикла до предела эмоциональна, насыщена самыми разнообразными чувствами – от торжественной романтики: 'Ночь глядела на нас из бездонного рва, / Ночь качалась над нами пластами бессонного ладана, / И бледнел ты, услышав, как призрачно-лунное 'а?' / Вниз, в колодец ночной, заколдованным камушком падало', – до отчаянья женщины, вообразившей последние минуты жизни своего возлюбленного, у постели которого будет не она, а 'другая': 'Дай не дожить... Дай прежде умереть'. Она тщетно пытается бороться со своим чувством, но: 'Сам подумай, легко ли, в силенках ли бедных людских / Это всё зачеркнуть, залепить ярлыками казенными, / Если я от случайнейших прикосновений твоих / Расцветала, как Дафна, побегам нежно-зелеными...' Или вот это: 'Я примирилась, в сущности, с судьбой, / Я сделалась уступчивой и гибкой. / Перенесла, что не ко мне – к другой / Твое лицо склоняется улыбкой'. Но перенесла ли? В конце концов они расстались. И уже в Нью-Йорке, через 30 лет, Анстей пришла в церковь попроситься с мертвым Кудашевым. Затем написала стихотворение с горьким названием 'Свидание': '...Хмурый ты в гробу и хворый, / Не узнал меня. / Задвигает осень створы / Золотого дня...'»⁴⁴

(Окончание в следующем номере)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. München im 20. Jahrhundert. Eine Chronik der Stadt von 1900 bis 2000. – Bucherndorfer Verlag, München. S. 180.

2. *Heusler, A. Zwangsarbeit in der Münchner Kriegswirtschaft, 1939–1945.* – München: Stadtarchiv München, Buchendorfer Verlag. 2000. – S. 10
3. По материалам исследования директора городского архива Рихарда Бауэра: *Richard Bauer. Fliegeralarm – Luftangriffe auf München von 1940 bis 1945.* – Hugendubel, München. 1987.
4. *Фесенко, Татьяна.* Повесть кривых лет. – Нью-Йорк: НРС. 1963. – С. 179.
5. Чухнов, Николай Николаевич (1897–1978), журналист, издатель, Офицер Императорской и Белой Армии. Окончил Гражданскую войну в звании корнета, эвакуировался в Югославию. Председатель Союза русской молодежи. В 1924–1926 гг. издавал газету «Наше будущее». Весной 1942 г. вступил в формирующийся в Белграде капитаном М. А. Семеновым добровольческий батальон (с 1944 г. – Добровольческий полк «Варяг»). Также служил в казачьей дивизии генерала фон Паннвица, Вооруженных силах КОНР под командованием генерала А. В. Туркула. После Второй мировой войны издавал в дипийских лагерях информационную газету «Огни». В 1949 переехал из Германии в Нью-Йорк, где основал журнал «Знамя России», орган монархистов.
6. *Чухнов, Н. Н.* В смятенные годы. Очерки нашей борьбы в годы 1941–1965. – Нью-Йорк: Всеславянское издательство. 1967. – Сс. 86-90.
7. *Фесенко, Татьяна.* Указ. соч. – С. 179.
8. BayHStA, OMGUS, Co-445/1, 2 von 6.
9. BayHStA, OMGUS, Co-445/1, 1 von 6.
10. *Фесенко, Татьяна.* Указ. соч. – С. 180.
11. Там же.
12. *Синкевич, Валентина.* К 100-летию Ольги Анстей. – НЖ. № 267, 2012.
13. О себе Иван Елагин указал при регистрации в американском лагере, что он из Праги, где жил до 1938 года. Указание Сербии в этом стихотворении неслучайно, так как в лагере «СС казармы» жило много русских мигрантов из диаспоры в Сербии, как указывал в своих воспоминаниях Н. Н. Чухнов, сам выходец из белградской русской эмиграции. В стихотворении Елагин пишет «Нансеновский паспорт» (как в совр. русск.), хотя в то время использовалась грамматическая форма, принятая в 1920–30-х гг.: Нансенский паспорт.
14. Изар – название реки, протекающей в Мюнхене.
15. Беседа с Л. А. Стукаловой 12.12.2019, Мюнхен.
16. *Синкевич, Валентина.* Елагин и художники Русского Зарубежья. – НЖ. № 260. 2010.
17. Deutsches Museum, или Германский музей – один из самых крупных Технических музеев Европы.
18. «Молодежь», № 1 от 6 января 1946 года, клуб «Молодая Россия» в лагере Фюссен, Бавария.
19. Там же. – С. 9.
20. UNRRA an USFET, 29. 8. 1946.
21. *Jacobmeyer, Wolfgang.* Vom Zwangsarbeiter zum heimatlosen Ausländer. Die

Displaced Persons in Westdeutschland, 1945–1951. – Göttingen, 1985. – Сс. 200–201.

22. Завалишин, Вячеслав Клавдиевич (13 октября 1915, Петроград. – 31 мая 1995, Нью-Йорк), американский русскоязычный журналист, литературный и художественный критик, поэт, переводчик. Во время Второй мировой войны попал в немецкий плен, был в рядах Русской Освободительной Армии журналистом, публиковался в газете РОА «За Родину!» в Пскове под своей фамилией и псевдонимом В. Волохов, в журнале «Новый путь» в Риге, в 1944 году ушел на Запад. В конце войны оказался в американской зоне оккупации, был в нескольких лагерях Ди-Пи, последний лагерь Шляйсхайм, с 1947 года, где он начал заниматься издательской деятельностью.

23. «За свободную Россию». Сообщения местной организации НТС на Востоке США. – № 72, апрель 2006, Нью-Йорк.

24. Fiscal Year 1973. Authorization for Military Procurement, Research and Development, Construction Authorization for the Safeguard ABM, and Active Duty and Selected Reserve Strengths. Hearings before the Committee on Armed Services. United States Senate – Ninety-Second Congress. Second Session on S. 3109. – Washington. 1972. – S. 957.

25. Беседа автора с И. В. Лукьяновой по телефону 15.03.2018.

26. Название лагеря Шляйсхайм в русской транслитерации варьируется. Самое точное – в соответствии с немецким произношением: Шляйсхайм – Schleissheim.

27. *Фесенко, Татьяна*. Указ. соч. – С. 184.

28. Личная беседа автора с С. С. Вороницыным, 92 года, в Мюнхене, 23.10.2018.

29. *Фесенко, Татьяна*. Указ. соч. – С. 185.

30. Лагерь, в котором жил Голлербах, первоначально имел другое назначение. С 1938 по апрель 1945 года он использовался как место для принудительных рабочих в городском районе Мюнхен-Мильбертсхофен (München-Milbertshofen), одновременно, вплоть до января 1942 года, лагерь служил сборным пунктом для евреев из Мюнхена для дальнейшей отправки в концентрационные лагеря в Польше. На территории общей площадью 14 500 м² в 1938 году стояли в ряд 18 деревянных бараков. После окончания войны лагерь был переоборудован американцами в лагерь для беженцев, под юридической ответственностью Международного Красного Креста, а не УНРРА. Начиная с 1960-х годов этот район был застроен промышленными малыми и средними предприятиями, и лишь в 1982 году немецкие историки начали собирать материал о топографии этих мест и восстановили историческую память о лагере как дислокации заключенных евреев и принудительных рабочих из Восточной Европы. В 1990 году на этом месте на Троппауштрассе-Кноррштрассе (Troppauer Str./Ecke Knorrstr) была установлена скульптурная мемориальная группа в память о нацистских преступлениях.

31. Интервью автора с С. Л. Голлербахом 29.01.2020, телефонный звонок Мюнхен – Нью-Йорк.
32. *Синкевич, Валентина*. Елагин и художники... – НЖ, № 260, 2010.
33. Бонгарт Сергей Романович родился в семье юриста. Брал частные уроки у художника Михаила Ярового, закончил Киевскую Академию художеств у Петра Котова. С 1949 г. в США, выехал по частному приглашению.
34. Гальской, Владимир. Семья с 1919 года в Белграде, где он заканчивает гимназию, затем архитектурно-строительный факультет Белградского университета.
35. Касим, Андрей. По профессии инженер-текстильщик. Во время войны попал в 1942 году в немецкий плен, после войны жил в лагере Шляйсхайм, печатал стихи в журнале «Обозрение» под псевдонимом Уральцев. С 1951 года переселился в США, печатался в «Гранях», «Литературном современномнике», в антологиях «На Западе», «Берега».
36. Издавала вместе с мужем Сергеем Яковлевичем Савиным журнал для детей «Искорка» в лагере Шляйсхайм в 1946–1949 годы. Сергей Яковлевич Савин был по профессии юристом, в эмиграции с 1918 года, работал переводчиком, журналистом, писателем. В Белом движении с 1918 года.
37. Шишкова, Агния Сергеевна (Суражевская / Ржевская), племянница советского писателя Вячеслава Яковлевича Шишкова, автора романа «Угрюм-река», жена писателя Леонида Ржевского (Леонид Денисович Суражевский).
38. *Синкевич, Валентина*. Елагин и художники... – НЖ, № 260, 2020.
39. Там же.
40. Там же.
41. Кудашевы. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том 86 – СПб., 1890–1907; Списки титулованных родов и лиц Российской империи. Издание Департамента герольдии Правительствующего Сената / Татарские и калмыцкие князья. Кудашевы. – СПб. 1892. – Сс. 283-284.
42. Шкуро, Андрей Григорьевич (1887–1947), военный деятель, кубанский казак, офицер, генерал-лейтенант Белой Армии, участник Первой мировой и Гражданской войн. Занимался подготовкой резерва для 15-го казачьего корпуса фон Паннвица. После насильственной выдачи в СССР был приговорен к смертной казни через повешение. Казнен в Москве.
43. Чухнов, Н. Н. Указ. соч. – Сс. 97-99.
44. *Синкевич, Валентина*. К 100-летию Ольги Анстей. – НЖ, № 267, 2012.

Мюнхен

Наталья Колодзей

ID – искусство и технологии: взгляд в историю и на взаимодействия в искусстве

Проект «ID – искусство и технологии» исследует феномен идентификации с широким разбросом значений – от термина в психоанализе до документа, удостоверяющего личность, от форм социально-политического функционирования портретов советского нонконформизма до образов массовой культуры, эстетики id-карт, паспортных фотографий и социальных сетей. Проект объединяет в одном пространстве живопись, графику, скульптуру, фотографию, видео и интерактивные инсталляции из коллекции семьи Франц и коллекции Колодзей русского и восточноевропейского искусства Kolodzei Art Foundation, а также экспериментальные, созданные при помощи прогрессивных методов визуализации объекты и инсталляции, ограниченно используя достижения технического прогресса, но не подменяя художественное видение научным. Большая выставка в контексте проекта «ID – искусство и технологии» была организована в National Arts Club в Нью-Йорке медиалабораторией CYLAND MediaArtLab в сотрудничестве с Kolodzei Art Foundation.

Список художников, принявших участие в проекте, столь же калейдоскопичен, как и страны их происхождения: Татьяна Глебова, Владимир Стерлигов, Рихард Васми, Валентин Громов, Петр Беленок, Вагрич Бахчанян, Эрик Булатов, Ася Додина и Слава Полищук, Эдуард Гороховский, Вячеслав Колейчук, Владимир Куприянов, Леонард Лапин, Самуил Рубашкин, Олег Васильев, Сергей Волохов, Римма Герловина, Валерий Герловин, Илья Кабаков, Виталий Комар, Александр Меламид, Наталья Нестерова, Леонид Соков, Александр Юликов, Анатолий Зверев. CYLAND MediaArtLab на выставке представили Анна Франц, Людмила Белова, Александра Дементьева, Елена Губанова, Иван Говорков, Сергей Комаров, Алексей Грачев, Александр Теребенин, международные участники Марта Уилсон (Martha Wilson), ОРЛАН (ORLAN), Фэйт Рингголд (Faith Ringgold), Дуглас Дэвис (Douglas Davis), а также серия саунд-арт произведений из архива CYLAND MediaArtLab. О многих из перечисленных художников и их творческих проектах уже писалось на страницах «Нового Журнала», включая Вагрича Бахчаняна, Олега

Васильева, Виталия Комара, Александра Меламида, Римму Герловину и Валерия Герловина, Анатолия Зверева и других.

Первая презентация проекта ID состоялась в Са' Foscari Zattere Cultural Flow Zone в Венеции в мае 2019 года. На выставке были представлены работы современных художников из Италии, России, Великобритании, США, Бельгии, Франции и Норвегии. В ноябре 2019 года КИБЕРФЕСТ-12 «ID – искусство и технологии» охватил Санкт-Петербург – более ста молодых и известных художников приняли участие на нескольких выставочных площадках, включая Молодежный центр Эрмитажа и Санкт-Петербургскую государственную художественно-промышленную академию имени А. Л. Штиглица. В марте 2020 года проект был представлен в одном из старейших клубов Нью-Йорка – Национальном клубе искусств. Все три площадки объединяет мифопоэтическое пространство воды; часть работ в Венеции и в Петербурге была создана специально для выбранного выставочного пространства.

Вода имеет свойство сохранять приданную форму, в то же время постоянная изменяемость и при этом всеобъемлемость и изначальность воды как стихии может соотноситься с представлениями о свободе творчества. Тема воды несет в себе множество символических смыслов и возможностей интерпретации. Одна из ведущих медиахудожников **Александра Дементьева**¹ в своей работе «Двойные глубины» (2018) исследует возможность повернуть эволюцию вспять и вернуться в стихию океана, предложив проект перформанса, длящегося неделю. Семь экранов – семь повседневных действий человека, совершаемых на глубине, – уборка дна с использованием метлы, попытка усидеть на стуле, установленном перед подводной камерой, усилие для сбережения резервного воздуха, видеозаписи и поиск друга. Все попытки, одна безуспешнее другой, заканчиваются полным фиаско. Основной интерес Дементьевой как художника лежит в социальной психологии; она исследует теории восприятия и бихевиоризма в инсталляциях, а также развитие арт-повествования посредством камеры. Инсталляция Дементьевой «Двойные глубины» навевает многослойные интерпретации, в том числе и аллюзии о сотворения мира.

Метафизика и тема сотворения мира фигурируют и в других произведениях проекта. В объекте **Ивана Говоркова и Елены Губановой**² «Диалог» (2018) жесты роботизированных рук исполняют эмоциональный диалог, который мог состояться между Творцом и Человеком – если анимировать фреску Микеланджело «Сотворение Адама». Запрограммированное взаимоотношение белых пластиковых рук с болтами, акцентирующих суставы пальцев, становится точкой взаимодействия между машиной и человеком –

имитируя реальные состояния угрозы, отчаяния или смирения: робот-творец начинает – робот-человек отвечает. Руки почти встречаются, но никогда не соприкасаются.

Классики концептуализма **Виталий Комар** и **Александр Меламид** по-другому подошли к вопросу диалога, мироздания и идентификации. Комар и Меламид одними из первых современных художников в СССР начали активный творческий диалог с американской культурой – в частности, в сотрудничестве с художником Дугласом Дэвисом они создали серию «Где черта между нами?», «Вопросы Москва – Нью-Йорк» (1978). В 1975 году Комар и Меламид делали фотографии в Москве – и одновременно с ними Дуглас Дэвис делал фотографии в Нью-Йорке; черная линия, проведенная между фотографиями художников, – не только разделительная черта между Советским Союзом и США во время холодной войны, но и соединительная линия между двумя странами. На последней работе линия исчезает – когда Комар и Меламид приехали в США. Последняя фотография сделана ими уже в Нью-Йорке, в галерее Рональда Фельдмана. В 1978 году Комар и Меламид продолжили диалог с американской культурой, создав свой первый «капиталистический» проект – корпорацию по покупке и продаже душ, взяв за основу религиозный сюжет. Человек продает душу за определенную сумму, а художники ее перепродают. Комару и Меламиду был интересен рациональный деловой подход к духовной субстанции; казалось, что это вызовет неожиданный, свежий взгляд на старые проблемы. В этом проекте большую роль играли бюрократические бумаги, распiski, реклама. Они опубликовали много объявлений в *Art in America*, *New York Times*, установили табло на *Times Square*; поместили объявление-бланк, который подписчики могли бы заполнить, как вкладыш в журнал «Арт Форум». Сначала желающих «продать душу» было немного, среди первых оказался Энди Уорхол – он продал свою душу за \$0.00, а Нортон Додж – за 98 центов. Но когда художники предложили поставить души на комиссию, где продающему можно было вписать любую стоимость, то они сразу получили несколько сотен душ. Люди запрашивали за свою душу до 1000000 долларов США. Аукцион, который вели Рошаль, Скерсис и Донской, состоялся в Москве 19 мая 1979 года и был, наверное, первым художественным аукционом в СССР, задолго до Сотбис 1988 года.

Тема «души» послужила вдохновением и для композиции **Натальи Нестеровой**³ «Маски. Душа» (1994). Соединяя в своих работах элементы театра и фантасмагории, Нестерова черпает вдохновение из разных источников – от французского модернизма до Нико Пиросманишвили. Произведение «Маски. Душа» говорит на языке

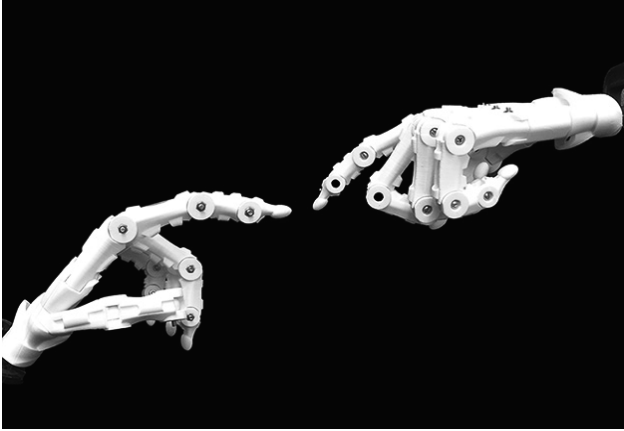

жестов; каждый персонаж носит маску из карт. Карты символизируют случайность или судьбу, а также азартную страсть. Маска позволяет персонажу скрыть свою сущность, одиночество, приобрести новый статус, характер, эмоциональное состояние или даже биографию. Каждая из четырех частей обозначает русскую букву в слове «Душа».

Схематичность черт или сокрытие лица подчеркивает социальный и политический контекст в работах художников, акцентирующих внимание зрителя на исчезновении индивидуальности в тоталитарном обществе. Это нашло свое отражение в произведениях художников-нонконформистов конца 1960–1970-х годов – Эрика Булатова, Эдуарда Горохового, Леонарда Лапина, **Ильи Кабакова**⁴.

Кабаков известен как автор «Тотальной инсталляции», которая создает особую атмосферу, состоящую из комбинации картин, текстов, предметов и звуков. Вместе со своей женой Эмилией они создали более 200 инсталляций в разных странах; работы находятся в собраниях многих музеев мира, включая Музей современного искусства и Музей Соломона Гуггенхайма, Нью-Йорк, а также Национальный центр искусства и культуры Жоржа Помпиду. В проекте ID представлена «Композиция» 1968 года, где на фоне контура лица изображены восемь безликих схематичных персонажей и лицо юноши. Абсурдность, двойственность, а также обреченность героев, вызванные кажущимся неизбежным советским строем, составляют эмоциональный фон произведений Кабакова. С 1972-го по 1975-й художник создал цикл альбомов «10 персонажей»; комментарий каждого альбома повествует об одиноком советском человеке, который умирает в заключительной части альбома. Смерть персонажа регистрируется белым листом. Как предположила искусствовед Маргарита Тупицына, Кабаков создал семиологическую полифонию, связанную с борьбой против психологического и социального отчуждения, которое он пытается преодолеть шизофреническим расколом на многие личности (10 позиций советского человека, 10 аспектов характера Кабакова, которые перечеркивают друг друга). Кризис персонажа заканчивается его смертью в одном альбоме и, одновременно, начинается его возрождением в другом альбоме. Таким образом, Кабаков создает свободное от идеологического насилия пространство, где человеческая психика, раздваиваясь и множась, встречается лицом к лицу с собой.

Эрик Булатов родился в 1933 году в Свердловске, вырос в Москве, живет и работает в Париже. В начале 1970-х годов Булатов начал разрабатывать свой индивидуальный стиль, анализируя взаимодействие контрастных символических систем, визуальный язык и образы, абстракцию и иллюзии, социальное пространство и пространство искусства. Многогранные смыслы его работ и символичес-

ID – ART: TECH EXHIBITION, National Arts Club, March, 2020.

Елена Губанова, Иван Говорков

Диалог, 2018. Мультимедийный объект

Коллекция семьи Колодзей русского и восточноевропейского искусства / Kolodzei Art Foundation. Проект реализован совместно с лабораторией медиа-искусства CYLAND MediaArt Lab

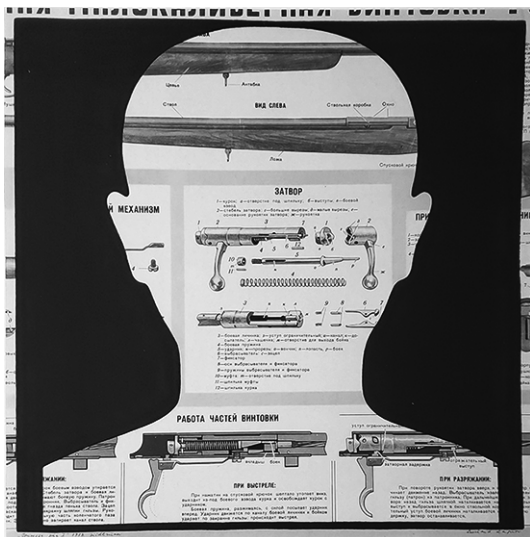
Анна Франц. Инсталляция «Союз Художников» (2019) и

Леонид Соков. «Ленин и Бранкузи» (1994)

Выставка «ID – искусство и технологии» в Национальном клубе искусств, Нью-Йорк, 2020. У инсталляции – Анна Александра Колодзей.

Коллекция семьи Колодзей русского и восточноевропейского искусства / Kolodzei Art Foundation

Леонард Лапин

«Голова человека», 1972-1973 из серии «Головы»

Бумага, смешанная техника, сериграфия, 52 x 51.8 см

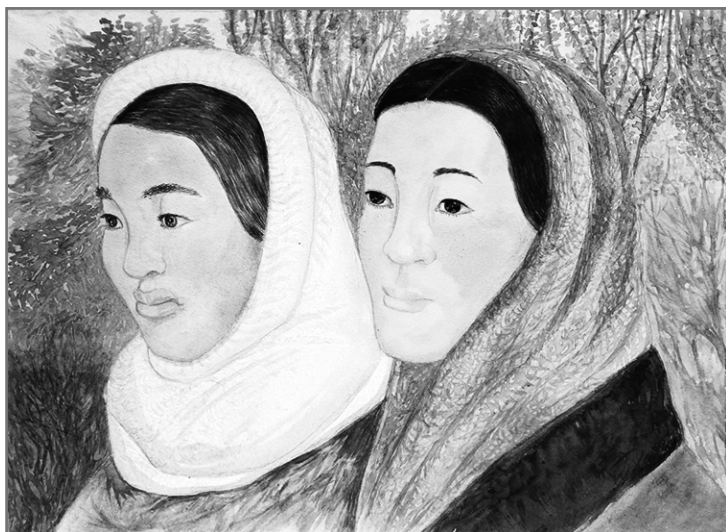
Коллекция семьи Колодзей русского и восточноевропейского искусства /
Kolodzei Art Foundation

Татьяна Глебова

Алма-Ата. Портреты двух казахских женщин. 1942-1945

Бумага, акварель, цв. карандаш, 29 x 39 см

Коллекция семьи Франц

кие коды, которые он использует, являются багажом его культурного наследия. Для Булатова пространство всегда было многослойным: тексты с лозунгами или узнаваемые символы сочетались с визуальными изображениями. Его основная цель – изучение границы между художественным и социальным пространством. В рисунке «Вход» 1973 года Булатов включает и объединяет элементы дизайна и текст, отражая сложные отношения между словом и изображением. Слово «Вход» и пулевидная дыра на лице человека на фоне красной сетки имеют явно выраженный социальный подтекст; одновременно они приглашают зрителя стать участником художественного произведения, где путь к свободе лежит через пространство искусства.

Эдуард Гороховский (1929–2004) был одним из первых художников-нонконформистов, использовавших фотографии, в том числе из семейных альбомов и различных архивов, в качестве основного источника для своих графических и живописных произведений, создавая при этом неразрешенные серийные изображения, символизирующие диаметрально противоположные силы. Работы Гороховского обычно состоят из двух элементов: фотографических изображений, как основы, и второго элемента, который вторгается в фотографическое пространство: геометрической фигуры, силуэта, текста или другой фотографии. Многие из работ Гороховского передают ощущение процесса, изменений, движения истории и часто ссылаются на исчезновение личности в тоталитарном обществе. В шелкографии «Группа А. Группа Б» (1982) Гороховский сопоставил ностальгическую иконографию студийной фотографии 19 века с фотографией его друзей художников-нонконформистов в студии Кабакова – Франциско Инфанте, Эрика Булатова, Олега Васильева, Виктора Пивоварова, Эдуарда Штейнберга, Ивана Чуйкова, Бориса Жутовского, Владимира Янкилевского, подчеркивая многогранность художественного сообщества.

Эстонский художник **Леонард Лапин**⁵ стоит у истоков эстонского авангарда, начав свои творческие поиски еще будучи студентом Академии художеств Эстонии. Произведения Лапина несут в себе архитектурное качество, отражающее влияние русских конструктивистов. В работе «Голова человека» (1972–1973) – наложение черного силуэта на плакат для военной подготовки, где вместо лица и глаз изображены части винтовки. Позже серия «Головы» разовьется в его творчестве в две «машинные» серии: «Женщина-машина» и «Человек-машина». Во многом эти серии метафорически ставят под сомнение позитивность отношений между современными технологиями и человечеством. Первоначальное вдохновение машинной идеологией исходило как из футуристических, так и из русских кон-

структивистских источников, но Лапину человек видится зависимым от машины, которую он изначально создал.

Леонид Соков (1941–2018) – один из ведущих художников соц-арта. Соков был среди первых художников, соединивших соц-арт с традиционным русским народным творчеством и резьбой по дереву. В его скульптурных композициях, исполненных в сказочном, но «политизированном» жанре, герои мифа соцреализма изображены грубыми игрушками. Характерной чертой многих произведений Сокова является то, что они грубо высечены. Соков применял стратегии, разработанные в соц-арте, к более широкому культурному контексту, сопоставляя традиционные образы русской культуры с популярными культурными мифами Америки. В проекте ID представлены три скульптуры Сокова: «Ленин и Бранкузи» (1994), где Соков изображает узнаваемую символическую бронзовую голову Ленина, лежащую на деревянной «Бесконечной колонне» Константина Бранкузи; в работе «Ленин и Джакометти» (1989) происходит встреча двух скульптур; а бронзовый медведь символически обнимает фигуру Мерилин Монро, сделанную в стиле поп-арт. Эти многослойные визуальные и словесные иронические «шутки» дают зрителю более глубокое понимание современной культуры и политики.

Работы Сокова выставлялись по всему миру. В 2011 году он представлял Россию на Венецианской биеннале. Его работы находятся во многих музеях, в том числе в Метрополитен-музее, в Музее Соломона Гуггенхайма и в Национальном центре искусства и культуры Жоржа Помпиду.

Анна Франц⁶ в работе «Союз художников» (2019) исследует влияние новых технологий в художественных практиках, где три робота неустанно трудятся и фиксируют увиденные объекты в видеокамерах.

Основанный Анной Франц CYLAND объединяет художников, критиков, кураторов, программистов, инженеров со всего мира. Деятельность лаборатории направлена на расширение возможностей искусства, а также на поддержку художников, работающих в области робототехники, видео-, медиа, саунд-арта. В 2010 году Анна Франц совершила путешествие в Заполярье в составе международной группы художников под эгидой программы «The Arctic Circle» («Заполярный круг»), организованной канадским правительством. По словам Анны Франц, инсталляция «Союз художников» – это размышление о законе больших чисел, согласно которому взаимодействие большого числа случайных факторов – прием/эксперимент, выполненный много раз, – приводит к результату, почти не зависящему от случая. Применим ли этот закон в визуальном искусстве? – спраши-

вает Анна Франц в своей работе – к линиям в графике, формам в скульптуре и образам в инсталляции?..

Направленные на скульптуру Сокова «Ленин и Бранкузи» машины считают линии – так осуществляется диалог пост-модернизма в искусстве Сокова с искусством новых технологий, где посетитель выставки играет активную роль, становясь и зрителем, и соавтором. Историческая часть представленных произведений исследует художественно-социальную направленность работ в контексте советского искусства нонконформизма.

Портреты дают представление как о внешности, так и о сущности портретируемого, раскрывая более глубокие истины о состоянии человека, а также об отношениях художников с обществом. С появлением портрета только влиятельные люди были удостоены чести иметь портрет. Эти произведения хранятся в музеях, Однако всё, что связано с моделями на этих портретах – кто они, почему изображены, – остается для архивистов и искусствоведов. Визуальные образы приобретают многочисленные интерпретации – в зависимости от зрителя и лектора. Таким образом, зритель может исправить, обновить образ, создать симулякр, генерировать двойников. Биометрия превращается в документ. Реальность и виртуальность – в их контексте существование разделяется на множество учетных записей во всех формах виртуального общения с миром, от социальных сетей, почтовых сервисов, игр – до мобильных телефонов и банковских счетов.

Проект «ID – искусство и технологии» использует портрет, чтобы получить представление о жизни художников, о личной и общей культурной памяти, о публичном и частном пространствах, о жизни, смерти, перемещении, реинкарнации, возрождении. Исследование текучести идентичности влияет на переоценку значимости портрета в истории страны, ее интеллектуальной и культурной жизни.

Чтобы установить исторический и культурный контекст для выставки «ID – искусство и технологии», важно обрисовать в общих чертах некоторую часть истории Советского Союза и советского искусства нонконформизма, появившегося во время хрущевской «оттепели» сер. 1950-х годов как альтернативы соцреализму. В искусстве это было духовным пробуждением с некоторыми следами утопической надежды на свободу. Возвращение политзаключенных и ослабление идеологических ограничений в этот период времени взрастило новую творческую среду. В те же годы в Советском Союзе состоялись первые выставки западного искусства, где можно было увидеть работы Пабло Пикассо, Пауля Клее, Эдгара Дега и Анри Матисса. В 1957 году в Москве во время Шестого Международного фестиваля молодежи была организована знаменитая художественная

выставка, представлявшая современные тенденции в изобразительном искусстве. На этой выставке Анатолий Зверев (1931–1986) получил первую премию. В 1959 году в Москве впервые прошла выставка национального американского искусства, где экспонировались работы Марка Ротко, Джексона Поллока, – это стало важным событием для российской творческой среды.

Художники-нонконформисты не разделяли какую-либо одну конкретную платформу или единую эстетическую цель; они были просто объединены дружбой и борьбой за права личности и свободу творчества. Многие из художников-нонконформистов были заняты индивидуальным поиском новых форм выражения, вдохновленные западным модернизмом, и объединены лишь желанием вырваться из идеологических рамок советской системы – даже не сталкиваясь открыто, непосредственно с этой системой, а творчески исследуя духовные процессы внутри себя. Сконцентрированность на художественной форме стала их путем отстранения от идеологической реальности – и даже от повседневной советской жизни, но объективно это было их средством протеста против давления советской системы.

Анатолий Зверев был легендарной фигурой в Москве. Жизнь и творчество художника стали оригинальной иллюстрацией мифа о бродяге – гении, способном создать шедевр одним движением руки.

В 1948–1950 годах Зверев посещал занятия в художественно-промышленном училище, в 1951 году поступил в Московское художественное училище памяти 1905 года, но через несколько месяцев был отчислен за «экстравагантную» внешность. Зверев изучал искусство самостоятельно, посещая различные студии и музеи. С 1959 по 1962 год участвовал во многих квартирных выставках и сотрудничал с коллекционером Георгием Костаки. Первая персональная выставка Зверева за границей состоялась в Galerie Motte в Париже в 1965 году.

В середине 1950-х годов Зверев разработал свой собственный стиль, основанный на экспрессивной графике и быстрой импровизации. Иногда он рисовал, не глядя на бумагу, используя палец, окурок или ломоть хлеба – вспоминая абстрактных экспрессионистов, которые превращали свои работы в художественные действия и события. Он редко рисовал чистые абстракции, стремясь создавать портреты, пейзажи и натюрморты, сохраняющие фигуративные элементы.

В то же время в конце 1950-х и в 1960-х годах некоторые художники заинтересовались наследием русского авангарда начала XX века и попытались применить его практики в своем искусстве. Искусство Родченко, Малевича, Поповой и многих других было закрыто в хранилищах музеев. Единственным источником информации стали частные коллекции, включая коллекции Георгия Костаки,

Якова Рубинштейна в Москве, Абрама Чудновского в Ленинграде, а также некоторых наследников и учеников художников. В Ленинграде образовалось несколько художественных коллективов: вокруг Владимира Стерлигова (1904–1973), Павла Кондратьева (1902–1985), Осипа Сидлина (1909–1972), Николая Акимова (1901–1968); все эти сообщества интересовались традициями русского авангарда.

Харизматичный художник и педагог **Владимир Стерлигов** и его жена **Татьяна Глебова** (1900–1985) выстраивали свое восприятие мира через чаше-купольное пространство. В Декларации 1962–1965 годов Стерлигов писал: «...От Филонова – напряженное внимание к микрочастице поверхности. От Малевича – ощущение супрематичности природы Вселенной. От Татлина – национальные свойства. От Матюшина – ‘импрессионистический’ ‘кубизм’. Я учился у Малевича и после Квадрата поставил Чашу. Как идея – это открытая чаша. Это кривая мира, она никогда не кончится».

Стерлигов начинал как ученик Казимира Малевича, изучал под его руководством принципы кубизма и супрематизма. Позднее, в 1960-х годах, он разработал собственный метод в изобразительном искусстве, основывая этот подход на супрематизме Казимира Малевича и органической культуре Михаила Матюшина. Татьяна Глебова была ученицей Алексея Савинова (1924–1926), после чего стала ученицей Павла Филонова в 1926 году, присоединилась к мастерам аналитического искусства и участвовала во всех их проектах до 1932 года. По мнению Павла Филонова (1883–1941), аналитическое искусство должно было стать единственной истинно революционной системой. Он сформировал стиль живописи своих последователей из комбинации нескольких источников, включая строгую академическую подготовку, интерес к символизму, неопримитивизму и североευропейскому Ренессансу. Филонов вдохновил своих последователей русскими художниками XIX века, а также точностью и технической скрупулезностью Кранаха и Дюрера и аллегорического мира Босха.

Летом 1942 года Глебова эвакуировалась в Алма-Ату, где создала серию «Портреты казахских женщин» (1942–1945), исследуя сочетание реалистических и абстрактных форм. Глебова много работала в эвакуации, участвовала в нескольких выставках. Там она вышла замуж за Владимира Стерлигова; они вернулись в Ленинград в конце 1945-го.

Другое содружество в Ленинграде организовали художники **Александр Арефьев** (1931–1978), **Рихард Васми** (1929–1998), **Валентин Громов** (1930), **Шолом Шварц**, **Владимир Шагин**. Это сообщество талантливых мастеров было вдохновлено работами объединения «Круг художников» (1926–1934) и синтезировало многие из ведущих европейских художественных направлений от сезанизма до

кубизма. В своих работах художники часто изображают интенсивные, страстные уличные сцены, широко открытый и динамичный пейзаж и портреты. Произведения Рихарда Васми, например, характеризуются стилизованными и упрощенными формами, интенсивными плоскостями декоративных цветов, разделенными тяжелыми очертаниями. В экспрессионистически написанном «Портрете Рихарда Васми» Валентин Громов очень точно отражает интровертный тип самого художника. Динамика создается характером линий и преобладанием диагоналей, что было характерно для работ Громова. Громов был одним из немногих художников в группе, получившим высшее художественное образование: он окончил заочное отделение полиграфического института по специальности графика.

Оттепель длилась недолго. 1962 год ознаменован разгромом выставки в Манеже в Москве и возобновлением жесткой цензуры. Хрущев посетил выставку и осудил диссидентское искусство. В 1964 Хрущева сменил Леонид Брежнев. В годы его правления некоторые художники-нонконформисты пытались рассказать миру о советской цензуре и преследованиях. В 1974 году прорывом свободного искусства стала так называемая «Бульдозерная» выставка – «Первый осенний просмотр картин на открытом воздухе»; за ней последовала выставка «Четыре часа свободы» в Измайловском парке в Москве; затем «Газаневская культура» – выставки ленинградских художников-нонконформистов в ДК им. Газа и ДК «Невский» в 1974 и 1975 годах, выставки «Двадцать московских художников» в павильоне «Пчеловодство» и ДOME культуры на ВДНХ в Москве в 1975 году, а также квартирные выставки.

В Москве 70-е годы пробудили дух авангарда и стали началом новых тенденций в искусстве: концептуализм, соц-арт, перформанс и визуальная поэзия. Московские концептуалисты занимались теоретическими изысканиями в преобразовании советского языка, закладывавшая социальный и политический контекст в свое творчество. Еще один важный момент для понимания искусства того времени лежит в обсуждении Эриком Булатовым двух кризисов, пережитых нонконформистами. Большинство художников неофициального круга были заинтересованы в определении своей идентичности в контексте «истинного» искусства западного модернизма; формализм был их побегом из идеологической реальности повседневной советской жизни. Илья Кабаков, Эрик Булатов, Эдуард Гороховский и другие были обеспокоены разрушительным давлением советской реальности на личность. «Вторым кризисом» было разочарование в западном модернизме и понимание того, что ни соцреализм, ни модернизм не имеют ничего общего с реальностью.

В конце 1950-х годов **Эрик Булатов** и **Олег Васильев** (1931–2013) познакомились с художниками старшего поколения Владимиром Фаворским (1886–1964), Робертом Фальком (1886–1958) и Артуром Фонвизиным (1882–1973) – известными как «три Ф. – Формалисты». В своих ранних работах Булатов и Васильев изучали принципы взаимодействия поверхностей картины и пространства как философскую концепцию, процесс преобразования предметов и пространства в пределах холста. Важной чертой в творчестве Васильева являются воспоминания. «Белые ложки» (1990) основаны на поездках Васильева и Булатова за город. Маневрируя между фигуративным и абстрактным, извлекая личный, почти интимный выбор визуальных образов из прошлого, трансформируя их в будущее и драматизируя, Васильев фиксирует нечто универсальное, общее для всей человеческой памяти; сакральное пространство соединяется с внутренним персонифицированным миром художника.

Индивидуальность и творческие поиски важны для многих авторов, представленных на выставке, таких как **Петр Беленок**⁷ (1938–1991), **Самуил Рубашкин** (1906–1975), **Сергей Волохов** (1937), **Александр Юликов** (1943).

Композиции Беленка наполнены предчувствием тревоги. Одна из главных тем художника – борьба индивидуума с силами природы. Используя коллаж, темпера, белила и тушь, с виртуозностью каллиграфических мазков Беленок трансформирует образ советской реальности. Беленок ограничивает использование цвета в своих работах, балансируя между двумя противостоящими силами природы, сочетая две реальности – фотографии персонажей из журналов с их вымышленным миром и пространство, созданное художественным воображением автора.

Известный оператор **Самуил Рубашкин**⁸ в своем искусстве исследовал еврейскую идентичность. В 1975 году его картины «Еврейские праздники» были демонстративно сняты со стен представителями правительства Москвы во время инспекции выставки цензурной комиссией в павильоне Дома культуры на ВДНХ. В настоящее время произведения из серии «Еврейские праздники» находятся в постоянной коллекции неконформистского советского искусства Нортон и Нэнси Додж в Художественном музее Зиммерли при университете Ратгерс штата Нью-Джерси. «Автопортрет во времени» (1970), представленный в проекте ID, отражает размышления художника о прошлом, настоящем и будущем.

Сергей Волохов родился в 1937 году в Москве; живет и работает в Брюсселе. Рисунки на специально подготовленной бумаге «Лидер в моей комнате» из серии «Теория отражения» (1987) – раз-

мышление художника о русской истории, ее мгновениях, в контексте личных воспоминаний.

Александр Юликов (родился в 1943, живет и работает в Москве) был вдохновлен традициями русского авангарда и наследием супрематизма Малевича. Юликов воспринимает мир как рациональную математическую структуру, потенциально надломленную иррациональными элементами. Напряжение между двумя формами лежит в основе его искусства: чисто геометрические формы представляют гармонию мира, а неровности (искажение симметрии) создают иррациональные элементы. «Дорога в Ферапонтово» (2010) предполагает духовный поиск через абстрактные формы. Ферапонтов монастырь под Вологдой и знаменитые фрески Дионисия являются частью культурного и духовного наследия России и символом русского средневекового искусства – это Мекка для многих поколений русских художников.

Владимир Куприянов (1954–2011) работал с фотографией. Для него она имела статус исторического документа, независимо от эстетических качеств изображенного, – часто Куприянов просто обращался к семейным альбомам и архивам. Тематически и типологически этот материал чрезвычайно многогранен. В своих работах «Юлия. 1950-е» (2009), Куприянов сопоставил фотоизображения и абстрактные геометрические формы. Зритель маневрирует между этими двумя различными поверхностями, переключаясь с одной на другую.

Вячеслав Колейчук (1941–2018), художник-кинетист, имеет шесть запатентованных изобретений, он автор несколько книг, в том числе «Мобильная архитектура» (1973); «Новые архитектурно-конструктивные структуры» (1978); «Кинетизм» (1994), и более 40 научных статей в журналах, каталогах и книгах. Его кинетические структуры в значительной степени основаны на исторических работах конструктивистов, а также на его собственном опыте в архитектуре и науке, в том числе на реконструкциях произведений русских конструктивистов Александра Родченко, Владимира Татлина, Карла Иогансона, Наума Габо. В 2006 году он произвел детальную реконструкцию выставки Общества молодых художников (ОБМОХУ, 1921) в Государственной Третьяковской галерее. В своем творчестве Колейчук концентрировался на экспериментальном и теоретическом развитии вопросов формообразования, «преодоления материала», кинетики и программирования искусства; на создании парадоксальных кинетических, конструктивных и визуальных моделей и образов; на поиске новых средств художественного выражения (внедренный им формат «самоколлажа», голография ручной работы, световая стереография, фотоживопись). Его самоколлаж «Бабушка и внук» (1973)

был сделан путем кинетических преобразований внутри исходного изображения. Колейчук создал новые визуальные структуры, извлекая (вырезая) элементы с определенной симметрией, а затем комбинируя их (перестановки, повороты); используя игру света и тени под разными углами для создания оптических иллюзий движения.

Вопрос идентификации важен для многих художников, особенно тех, кто эмигрировал из СССР и современной России.

Как и многим, покинувшему родину, **Вагричу Бахчаняну**⁹ пришлось столкнуться с вопросами идентичности. Он работал в разных жанрах, иронически совмещая различные культурные и политические цитаты и рекламные знаки. Бахчанян намеренно использовал цитаты не из первоисточника, а замученные фразы-клише из общеобразовательных пособий и журналов. При этом происходило стирание граней и границ между искусством и неискусством, возникали разные творческие художественные стратегии, уравнивающие банальность и абсурд исходного материала. Творчество Вагрича Бахчаняна исследует культурные и языковые барьеры, с которыми он столкнулся в Нью-Йорке; например, в серии «Новый Американец» (1989–1990) он сопоставляет схематично нарисованные на бланке лица и известные произведения из истории западного искусства.

Римма Герловица и Валерий Герловин¹⁰ – известные концептуальные художники. Творчество Риммы и Валерия многогранно. С 1972 года они работают вместе над многими проектами, где перформанс и концептуальная фотография занимают видное место. Проект «Зима-Лето» (1976–1977), представленный на выставке, входил в альбом-объект «Зеркальная игра» (1977). Герловин писал: «Изменению сезонов противопоставлена неизменность отношения к ним – на фотографиях двое в той же одежде, снятые зимой и летом на том же месте на природе. Одним из способов противодействия нивелирующим стандартам жизни является воспитание чувств, безразличие или хотя бы нейтральное отношение к разрушительным импульсам извне. Этот весьма изнурительный процесс алхимики определяли как ‘opus contra naturam’, т. е. действие вопреки привычкам человеческой природы».

С середины 1980-х годов художники начали работать над совместной серией фотографий, прамбулой к которой послужили не только их московские перформансы, но и всё их собственное творчество. В фотографиях замыслы стали «о-лице-творяться» в прямом смысле этого слова – на лице: на пергаменте кожи они выписывали слова и делали рисунки. Так появилась серии «Фотоглифов» (в переводе с греческого – «резьба светом») и «Перхэппинесс» (новое словообразование является гибридом perhaps – сомнение и, одновременно, возможность – и happiness, счастье). Их концептуальная серия

«Фотоглифов» демонстрировалась на многих персональных выставках в музеях США. Искусство Герловиных построено на игре парадоксов с философским и мифологическим содержанием и аллюзиями.

Другие американские художники российского происхождения – **Ася Додина** и **Слава Полищук**¹¹.

Додина и Полищук работают вместе с 2003 года и привносят это «двойное видение» в свои работы на нескольких смысловых уровнях: гендер, семья, культурная идентичность. «В ваших глазах» (2011) – множество черно-белых нарисованных глаз соседствуют с артефактами технического прогресса, привлекая зрителя как на аналитическом, так и на эмоциональном уровне. Художники тщательно выбирают свои объекты – заимствованные элементы технологий и массового производства, такие как части компьютеров, телевизоров и сотовых телефонов, найденные авторами на улицах Нью-Йорка, и совмещают с изображением нарисованных глаз. Художники строят свои произведения на основе сосуществования противоположностей, играя на амбивалентности смысла.

Александр Терebenein (родился в 1959 году в Ленинграде) – виртуоз ready-made – совмещает в своем творчестве элементы технического прогресса и визуальный язык. Так, в работе «Святой Себастьян. 24 часа в сутки» (2019) образ Святого Себастьяна изображен на выщербленной доске-тренажере для метания ножей, найденной в заброшенном здании Военной академии; мишень – в виде условного очертания человека. К доске прикреплено примитивное светодиодное табло с бегущей строкой и стрелками, обычно используемое для рекламы в магазинах. Табло равнодушно сообщает о том, что демонстрация трагедии святого Себастьяна происходит безостановочно – 24 часа в сутки.

Взаимоотношения между реальным и виртуальным мирами являются темой нескольких произведений в проекте «ID – искусство и технологии», в том числе – в работах **Людмилы Беловой**¹², Алексея Грачева и Сергея Комарова. В работе «Пастораль» (2016) Людмила Белова исследует взаимоотношение человека с новым виртуальным миром, в котором нет ни дня, ни ночи, ни гравитации.

В инсталляции «Пастораль» многочисленные изображения фарфоровой пастушки разного размера, изготовленные на 3D-принтере, располагаются на экране, имитирующем цветущий луг. Пасторальная музыка Жан-Батиста Люлли и щебетание электронных птиц приглашает зрителя в новый цифровой мир, где множество абсолютно одинаковых пастушек танцуют на траве, распадающейся на пиксели, увлекающая в виртуальную реальность своей пасторальной вечностью. Такая пастораль – это оцифрованный мир за зеркалом, представляющий то,

чего в действительности нет, отражение отражения. Вместо солнечного света, затопляющего идиллические пейзажи, цифровые пространства мерцают холодным серебром луны – отраженным светом Солнца.

Алексей Грачев и **Сергей Комаров** (родились в 1983 и 1980 гг. в Калуге, живут и работают в Санкт-Петербурге) в своей «Экзальтации» (2019) работают с прямым эфиром и социальными сетями. Художники создали специально для выставки два счета в социальной сети. Установка состоит из смартфона и экрана, где смартфон прикреплен к счетчику, а перед ним расположен экран. Первый счет открывается в телефоне – это потоковое вещание. Вторая учетная запись передает соединение для трансляции экрана. Одно устройство смотрит на другое, экран для просмотра в реальном времени повторяется, образуя бесконечный цифровой туннель, уходящий вдаль. Все посетители выставки оказываются в этом туннеле – те, кто проходит между телефоном и монитором, и те, кто подключается к трансляции из своих гаджетов. Виртуальная пропасть с интуитивно понятным интерфейсом питает происходящее в реальности. Человек, который на мгновение предстает перед камерой, затмевает то, что транслировалось секунду назад. Случайные прохожие, захваченные камерой, повторяются до бесконечности, размываются и выпадают в небытие. Прямая трансляция идет каждый день и длится час. В остальное время зрители видят запись. На следующий день предыдущая трансляция исчезает, сменяемая новой. В таких мультимедиа объектах особенно важен диалог со зрителем, являющимся одновременно и объектом исследования, и создателем произведения – своими действиями и реакциями оживляя инсталляцию; через интерактивность проекта включаясь в художественный процесс.

Хотя нет единого фактора, объединяющего всех художников, представленных в проекте ID, – это выбор из огромного арсенала русского искусства XX–XXI веков. В основе многих работ лежит идея взаимодействия между произведением искусства и зрителем, возникающего благодаря новейшим технологическим способам создания изображения. Однако технологии – это не более, чем инструмент, наряду с живописью, рисунком, фотографией, перформансом предлагающий зрителю подумать об актуальных для современного информационного общества темах: о новых механизмах и моделях поведения человека и культурных ценностях социума; о тонкой границе реального и виртуального, на которой балансирует современник; о манипулировании и контроле с помощью современных технологий и масс-медиа. Большое разнообразие тем, толкований и техник, которые можно было увидеть на прошедшей выставке проекта «ID – искусство и технологии», предоставляет множество трактовок для пони-

мания проблем идентификации и времени. И на всем лежит след эпохи, в ее поисках и сомнениях; чувствуется беспокойство и ожидание – как и утверждение и празднование творческого духа.

ПЕРСОНАЛИИ

1. *Александра Дементьева* родилась в 1960 году в Москве, живет и работает в Брюсселе; она – профессор Королевской академии искусств, обладательница главного приза за лучшее моноканальное видео на фестивале VAD (Жирона, Испания).

2. *Иван Говорков* родился в 1949 году в Ленинграде, окончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, профессор кафедры рисунка Института, занимается философией, психологией, рисунком, живописью, скульптурой, инсталляцией. С 1990 года работает совместно с женой Еленой Губановой. *Елена Губанова* родилась в 1960 году в Ульяновске, окончила тот же институт, занимается живописью, скульптурой, инсталляцией, видео. Елена Губанова и Иван Говорков – лауреаты премии Сергея Курехина (2012) в номинации «Лучшее произведение визуального искусства».

3. *Наталья Нестерова* родилась в 1944 году в Москве. Она – лауреат Национальной премии России в области изобразительного искусства, действительный член Российской Академии Художеств (РАХ), ее произведения находятся в ведущих музеях мира, включая Музей Соломона Гуггенхайма.

4. *Илья Кабаков* родился в 1933 году в Днепропетровске, жил и работал в Москве; живет и работает с женой *Эмилией Кабаковой* (р. 1945) на Лонг-Айленде, штат Нью-Йорк. Кабаков является одной из важных фигур московского концептуализма. Творчество Ильи Кабакова многогранно – инсталляции, живопись, альбомы, рисунки, графические работы. Илья и Эмилия Кабаковы работают вместе с 1989 года, они основывают свое творческое сотрудничество на пересечении повседневных и концептуальных элементов с темами утопии, человеческих страданий и тоталитаризма.

5. *Леонард Лапин* родился в 1947 году в Ряпине, Эстония, живет и работает в Таллинне.

6. *Анна Франц* (родилась в 1965 году в Ленинграде) – мультимедийный художник, куратор, коллекционер; основатель некоммерческого культурного фонда «St. Petersburg Arts Project» и лаборатории медиаискусства CYLAND, которая проводит КИБЕРФЕСТ, а также выставочные проекты международного уровня.

7. *Петр Беленок* родился в 1938 году в небольшой деревне Корогод, недалеко от Чернобыля; после аварии в 1986 году все жители были переселены. Беленок учился в Киевском Художественном институте на факультете скульптуры. После переезда в Москву, принял участие во многих выставках художников-нонконформистов. Первая персональная выставка прошла в кафе «Синяя птица» в 1969 году, где начинали свою выставочную деятель-

- ность Кабаков, Комар и Меламид, Волохов, Бахчанян, Булатов и Васильев.
8. *Самуил Рубашкин* родился в 1906 году в Витебске, Беларусь; умер в 1975 году в Москве.
9. *Вагрич Бахчанян* (1938–2009), концептуальный художник и писатель, родился в армянской семье в Харькове, в середине 1960-х годов переехал в Москву, жил в Нью-Йорке с 1974 года. Бахчанян стал легендарной фигурой Русской Америки.
10. *Валерий Герловин* родился во Владивостоке в 1945 году. В 1967 году закончил Школу-студию МХАТ с дипломом художника-постановщика. *Римма Герловина* родилась в Москве в 1951 году, в 1973 году закончила МГУ, филологический факультет. С 1980 года они живут и работают в США.
11. *Ася Додина* родилась в Москве, *Слава Полищук* родился в Клинцах (Россия), оба получили степень магистра в Brooklyn College, CUNY, Нью-Йорк.
12. *Людмила Белова* родилась на Камчатке в 1960 году; с 1990-х годов работает с новыми технологиями в искусстве, создает видеоинсталляции и интерактивные объекты, соединяя цифровой и аналоговый способы. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

ОЧЕРКИ. ЭССЕ. ЗАМЕТКИ

Андрей Мартынов

«Единственная возможность возрождения русской армии»

Корниловское выступление в контексте дипломатических отношений России и союзников в 1917 году

Слабость Временного правительства вызывала беспокойство не только у национально мыслящих граждан России, но и у союзников по Антанте. Последние опасались, что выход Петрограда из войны повлечет не только ликвидацию Восточного фронта и, как следствие, активизацию вооруженных сил стран Тройственного союза в Бельгии и Франции, но и качественное усиление их армий и флотов за счет трофеев. Кроме того, противник (в первую очередь Германия) разрешил бы проблемы со снабжением продовольствием, выразившиеся в кризисе печально знаменитой «брюквенной зимы» 1916–1917 гг. (Steckrübenwinter)¹.

Причины бессилия военные и политики по обе стороны границы видели в зависимости новой демократической власти от различных радикальных левых политических течений, связанных, в первую очередь, с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. В реальности имела место корреляция внешне противостоящих друг другу политических структур². Но отмеченная современниками тенденция также имела место. Это особенно усилилось после правительственного кризиса 20 апреля (3 мая) – 21 апреля (4 мая) 1917 г., вызванного Нотой министра иностранных дел Павла Миллюкова от 18 апреля (1 мая) о готовности Временного правительства продолжать войну. Нота не учитывала внутреннего состояния страны и приносила государственные интересы в жертву внешнеполитическим обязательствам³. В результате последовавших за нею протестов глава МИД и военный министр Александр Гучков были вынуждены уйти в отставку⁴. Вместе с тем, такие критики правительства не видели альтернативы министру-председателю Александру Керенскому, которая могла бы объединить все государственно ориентированные силы в стране и адекватно противостоять «собачьим, рачьим советам», как называли Петросовет его противники⁵. Так весной и летом 1917 г., наряду с

генералом Корниловым в качестве главы государства⁶, различными группами и организациями рассматривались следующие кандидатуры: вице-адмирал Александр Колчак (Общество экономического возрождения России Александра Гучкова и Алексея Путилова, Республиканский центр Константина Николаевского и Петра Финисова)⁷ и генерал Платон Лечицкий (Союз офицеров Петра Врангеля и Алексея Палена)⁸; одновременно имели место проекты усиления власти Временного правительства за счет включения в него в качестве главы Корнилова при Керенском в качестве заместителя последнего⁹. Впрочем, разрабатывались и иные варианты, в которых вместо Корнилова рассматривались кандидатуры Бориса Савинкова, генерал-лейтенанта Александра Лукомского, генерала Михаила Алексеева – при сохранении Керенским поста министра-председателя¹⁰.

Поэтому августовское выступление генерал-лейтенанта Лавра Корнилова вызвало не только неоднозначную реакцию как внутри страны, среди потенциальных союзников Верховного главнокомандующего¹¹, но и среди сотрудников дипломатических ведомств различных государств. Так, посол Великобритании во Франции карьерный дипломат Френсис Берти, лорд Теймский, положительно отнесся к выступлению генерала. 11 сентября он зафиксировал в своем дневнике: «...я надеюсь, что Корнилов почистит как следует этих солдат-социалистов, удирающих с фронта»¹². Последнее признание особенно симптоматично, если учитывать отрицательное отношение политика к России¹³. Однако он же фиксировал и противоположные мнения. В частности, министра вооружения французского правительства Альбера Тома, который даже во второй половине 1917 г. был уверен, что Временное правительство способно нормализовать ситуацию в стране. Например, 1 октября тот настаивал, «чтобы мы отнеслись к России с сочувствием и своей поддержкой помогли ей вновь собраться с силами и возобновить борьбу»¹⁴. Схожее мнение было и у посла США Дэвида Р. Фрэнсиса, который пятью месяцами ранее писал о политическом кризисе Временного правительства: «Я не потерял надежды на то, что Россия выйдет из этого испытания как республика с правительством, созданным на базе верных принципов»¹⁵. Его точку зрения также разделял и советник президента Вудро Вильсона Эдвард «Полковник» Хауз¹⁶.

В свою очередь, узнавший, по его собственному утверждению, еще 23 августа (5 сентября) о готовящемся выступлении, британский посол в России и глава дипломатического корпуса Джордж Бьюкенен ответил эмиссарам генерала, что хотя по долгу службы обязан «донести о заговоре», но не сделает этого. По мнению дипломата, Корнилову (последнего Бьюкенен в свое время рекомендовал

Керенскому) следовало бы «отказаться от предприятия, которое не только заранее обречено на неудачу, но будет немедленно использовано большевиками»¹⁷. Подобное утверждение, как представляется, возможно является «послезнанием», тем более, что в описанный период имела место «негласная поддержка Лондоном движения Корнилова»¹⁸. В то же время следующие слова, сказанные Бьюкененом уже после выступления Корнилова, в разговоре с министром иностранных дел Михаилом Терещенко о том, что он будет «настаивать на необходимости примирения правительства и главнокомандующего»¹⁹, подтверждаются не только независимыми источниками, но и Александром Керенским и его биографами²⁰. 28 августа (10 сентября)²¹ резолюция представителей союзников была передана в российский МИД. Послы выражали готовность «в интересах гуманности и желания устранить непоправимое бедствие» предоставить враждующим сторонам «свои добрые услуги» ради примирения²².

Интересно, что дочь дипломата Мириэль позднее вспоминала: «Я страстно надеялась, что Корнилов возьмет Петроград... Хотя, сознаюсь, моя вера в то, что он может спасти Россию от большевизма, была основана на моем, возможно ошибочном и идеализированном, отношении к казакам. Другие не были столь оптимистичны²³... Они нервно говорили, что не знают, кого бояться больше – ‘Дикой дивизии’ генерала Крымова, кронштадтских матросов, которые вновь незваными появились в городе²⁴, или недавно созданной Красной гвардии»²⁵.

Представляется, что более едиными в оценке корниловского выступления были сотрудники военных миссий при Ставке Верховного Главнокомандующего, выразившие свою поддержку будущему основателю Белой Армии. По наблюдению генерал-лейтенанта Антона Деникина, они и ранее «понимали обстановку» и «старались ускорить и усилить техническую помощь» армии, чем выгодно отличались от «более экспансивных» политиков²⁶. Об их отношении к августовским событиям свидетельствует телеграмма работавшего с ними журналиста «Утра России» А. Дубовского.

Под псевдонимом «А. Дубовский» скрывался поддесаул Александр Николаевич фон Экеспарре²⁷. Текст телеграммы не был опубликован в газете, что вызвало ироничное замечание журналиста: «Приветствую свободу печати, которая не позволяет вам печатать мои корреспонденции»²⁸. Для более объективного понимания телеграммы следует отметить, что Дубовской был одним из создателей Союза офицеров армии и флота (будущей «Алексеевской организации», костяка Белой Армии). Фон Экеспарре не скрывал своих симпатий в отношении участников корниловского выступления²⁹, в част-

ности, указывая на нарушения их прав в ходе следствия. Он обращал внимание, что «приказом Верховного главнокомандующего содержащиеся под стражей... генералы и офицеры лишаются всего содержания полностью, семьям их будет выдано пособие из экстраординарных сумм, находящихся в распоряжении штаба Верховного главнокомандующего. / По закону же состоящие под судом и следствием при содержании их под стражей, получают половину жалования. Распоряжение А. Ф. Керенского последовало, несмотря на заключение комиссии Шабловского³⁰, что корниловцы не могут быть признаны состоящими под следствием и судом до предъявления к ним определенного обвинения»³¹. Впрочем, подобные симпатии не мешали журналисту протестовать и против искажения Временным правительством агентской телеграммы от 29 августа (11 сентября) с требованием Петросовета «о передаче всей власти в руки революционной демократии». Дубовской назвал это «правительственной цензурой»³².

Возвращаясь к анализу отношений союзников к корниловскому выступлению, следует отметить, что оно при довольно широком сочувствии, тем не менее, не имело сколько-нибудь значимой поддержки как в России, так и среди представителей иностранных государств, что предопределило и финал самого генерала, и, в дальнейшем, всего Белого движения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Автограф: ГЦМСИР. КП-ГЦМСИР ГИК 30406/70а*

Иностранные члены при ставке³³ обратились к дипломатическим представителям своих держав с просьбой поддержать требования Генерала Корнилова как единственную возможность возрождения русской армии.

Ожидается выступление дипломатических представителей, предлагающих содействие по уложению конфликта³⁴.

А. Дубовской³⁵

---

* Автограф: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный центральный музей современной истории России». КП-ГЦМСИР ГИК 30406/70а. Л. 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В предпоследнюю военную зиму увеличилась смертность различных категорий гражданского населения от 30% до 50% по сравнению с довоенными показателями. Только от голода в Германии в 1914–1918 гг. умерло 763000 человек. См.: *Супрыгина Г. Г. Дети Германии в Первую мировую войну* // «Вестник Томского государственного

- университета». История. 2019. № 59. С. 85; *Meiners A.* Die Stunde der Frauen: Zwischen Monarchie, Weltkrieg und Wahlrecht 1913–1919. – München: Sandmann Verlag, 2013. – S. 83.
2. *Николаев А. Б.* Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года. – СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2017; *Steinberg M. D.* Voices of Revolution, 1917. – New Haven; London: Yale University Press. – Pp. 58-59.
3. Ср. с телеграммой Милокова поверенному в делах в Лондон от 1 (14) апреля 1917 г.: «Не могу разделить вашей мысли о целесообразности заявления со стороны союзных держав, что они никогда и ни при каких обстоятельствах не заключат мир с Гогенцоллернами». Милоков мотивировал свой отказ, в числе прочего, «принципиальной нежелательностью увеличить число связывающих союзников обязательств». – ГЦМСИР. КП-ГИК 7088/6-14. Л. 1.
4. *Steinberg M. D.* Voices of Revolution, 1917. – Pp. 78-79; *Чернявский Г., Дубова Л.* Милоков. – М.: «Молодая гвардия», 2015. – Сс. 341-351; *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. – М.: Республика 1993. – Сс. 169-174; *Милоков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. – М.: «Современник», 1990. – Сс. 307-319; *Он же.* История второй русской революции. – М.: РОССПЭН, 2001. – Сс. 75-94; «А. И. Гучков рассказывает...» Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. – М.: ТОО Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. – Сс. 107-109.
5. Философ Федор Степун вспоминал, как Борис Савинков «бравировал во всеуслышание своим презрением к ‘Совету рачьих, собачьих и курячьих депутатов’», всячески подчеркивая свое презрение к этой «говорильне». / *Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. – СПб.: Издательство «Алетейя», Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1994. – Сс. 419, 394.
6. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Август 1917 – июнь 1918. Документы. В 2 тт. Т. 2. – М.: Материк, 2003. – С. 103.
7. «А. И. Гучков рассказывает...» – С. 68; *Ушаков А., Федюк В.* Корнилов. – М.: «Молодая гвардия», 2006. – Сс. 98-100; *Иоффе Г. З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. – М.: «Наука», 1989. – Сс. 52-54. Гучков вспоминал, что «думал и о Гурко, об Алексееве, но меньше». Там же. – С. 68.
8. *Врангель П. Н.* Воспоминания. Записки. В 2 ч. Ч.1. – М.: «Терра», 1992. – Сс. 45-47.
9. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Август 1917 – июнь 1918. Документы. Т. 1. – М.: «Материк», 2003. – С. 230; Т. 2. – Сс. 105-106.
10. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 2. – С. 546. См. также: Т. 1. – Сс. 151-152, 241.
11. Так, например, генерал-лейтенант Александр Сиверс, в целом сочувствуя выступлению («...он прав. Помолившись Господу Богу, он ждет чуда спасения Родины»), скептически к нему отнесся (отсутствие достаточных сил), а потому не поддержал «авантюру» («нехорошо и недостаточно честно организовано и выполнено»). / *Сиверс А. М.* Дневник. 1916–1919. – М.: «Кучково поле», 2019. – Сс. 278, 282. Следует отметить, что Сиверс, как и отказавшийся сотрудничать с Союзом офицеров Лечицкий, в годы Гражданской войны служили в Красной Армии.
12. *Берти Ф.* За кулисами Антанты: дневник британского посла в Париже, 1914–1919. – М.: ГПИБ, 2014. – С. 287.

13. *Берти Ф.* За кулисами Антанты: дневник британского посла в Париже... – С. 87, 137. 26.07.1914 он неверно спрогнозировал расстановку сил в грядущей войне: «Россия выступает в роли покровительницы Сербии; какие она имеет для этого основания, кроме лопнувшей претензии, будто она по праву является покровительницей всех славян? ...И она ожидает, что Франция и Англия поддержат с оружием ее нынешнюю позицию», а 22.02.1916, в преддверии заключения Константинопольского соглашения (Соглашения о проливах) выражал надежду, что «общественное мнение в Англии и за границей заставит великие державы отвергнуть в принципе русскую точку зрения о правах России в отношении Константинополя и черноморских проливов». / *Берти Ф.* За кулисами Антанты: дневник британского посла в Париже... – С. 87, 137.
14. Там же. – С. 292.
15. *Иванян Э. А.* Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века. – М.: Международные отношения, 2001. – С. 296. По мнению современных исследователей, американский посол «был дерзким, самоуверенным, упрямым, умным, иногда глупым, откровенным, быстрым, независимым, гордым... Его деятельность (в России – *А. М.*) окутана трагикомическим мифом». / *Barnes H.* Standing on a Volcano: The Life and Times of David Rowland Francis. – Saint Louis: Missouri Historical Society Press, 2001. – P. 11.
16. Архив полковника Хауза. Т. 2, 3. – М.: Соцэкгиз, 1937, 1939.
17. *Бьюкенен Д.* Моя миссия в России: Мемуары. – М.: «Захаров», 2006. – С. 335. При этом посол признавался (и с этим с ним был солидарен Терещенко), что «все мои симпатии были на стороне Корнилова». – Там же. – С. 342.
18. *Сергеев Е. Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. – СПб.: «Наука», 2019. – Сс. 596–597. См. также: *Ланцев С. Н. А. Ф.* Керенский, Л. Г. Корнилов и британское политическое сообщество: ориентация на военную диктатуру // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2. – Сс. 123–128. Сам Керенский считал, что враждебное отношение западных держав к России было обусловлено тем, что «они мыслили старыми категориями предвоенной Европы». / *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. – С. 278.
19. *Бьюкенен Д.* Моя миссия в России... – С. 339.
20. См., напр.: *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. – Сс. 279–281; *Abraham R.* Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. – NY: Columbia University Press, 1987. – Pp. 247–275.
21. *Бьюкенен Д.* Моя миссия в России... – С. 340. П. Милюков ошибочно датирует ее 28 августа (10 сентября). / *Милюков П. Н.* История второй русской революции. – С. 404.
22. Отношение союзных держав // «Утро России». 30 авг. (12 сент.) 1917. № 211. – С. 2.
23. «Вернувшись домой, я пытался убедить жену и дочь уехать в Финляндию, но они, со свойственным им мужеством, наотрез отказались покинуть меня.» / *Бьюкенен Д.* Моя миссия в России... – С. 340.
24. В частности, 29 августа (11 сент.) матросы крейсера «Аврора» по приказу министра-председателя взяли под охрану Зимний дворец, резиденцию Временного правительства. / *Владимирова В.* Революция 1917 года (хроника событий). Т. 4. Август-сентябрь. – Л.: Государственное издательство, 1924. – С. 115.

25. *Алексеева И.* Мириэль Бьюкенен. Свидетельница великих потрясений. – СПб.: Лики России, 1998. – С. 186.
26. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. [В 3 кн.] Кн. 1, т. 1. – М.: Айрис-пресс, 2006. – С. 300.
27. Александр фон Экеспарре (1884–1918) окончил Николаевское кавалерийское училище, служил в 5-м драгунском полку; в 1914 – штаб-ротмистр 2-го лейб-уланского Курляндского Императора Александра II полка, затем подъесаул в 1-м Аргунском полку Забайкальского казачьего войска, позднее летчик-наблюдатель. После революции состоял в подпольной организации. В ноябре 1918 г. арестован и в декабре (?) расстрелян. Публиковался под псевдонимами: А. Ф. Дубовской, князь Шаховской, гатчинский помещик Никодим Орг, помощник присяжного поверенного Александр Эльц, купец второй гильдии Елизар Платонович Плотников.
28. ГЦМСИР. КП-ГИК 30406/70в. Л. 1.
29. Согласно докладу следственной комиссии, «принимал в мятеже самое активное участие, находясь всё время в ставке мятежников». Дело генерала Л. Г. Корнилова. Август 1917 – июнь 1918. Документы. Т. 1. – С. 333.
30. Адвокат Иосиф Шабловский (1873–1934) возглавлял Чрезвычайную комиссию для расследования дела о бывшем верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Подробнее о ее деятельности см.: Дело генерала Л. Г. Корнилова. Август 1917 – июнь 1918. Документы. Т. 1.
31. *Дубовской А.* Дело ген. Корнилова // «Утро России». 10 (23) октября 1917. № 243. – С. 3. 1 сентября, в день ареста бывшего Главнокомандующего, он взял у Корнилова интервью. Фон Экеспарре отмечал спокойствие своего визави: «...лишь иногда голос генерала повышается и звенит». В интервью Корнилов дал свою версию событий от вступления в должность «тотчас после переворота» командующего войсками Петроградского округа. Рукописная запись разговора с генералом Лавром Корниловым корреспондента А. Ф. Дубовского. 1917 г. Л. 1. Частное собрание.
32. ГЦМСИР. КП-ГИК 30406/70б. Л. 1.
33. При Ставке, в числе прочих, находились: генерал-лейтенант Луи-Дезире-Юбер де Риккель (Бельгия), контр-адмирал Ричард Филмор (Великобритания), генерал-майор Джованни Ромео Лонгена (Италия), генерал Константин Коандэ (Коанда) (Румыния), полковник Бранислав Лонткевич (Лонткевич) (Сербия), дивизионный генерал Морис Жанен (Франция), генерал-майор Масатакэ (Масатака) Накадзима (Япония).
34. Милоков вспоминал, что Временное правительство использовало авторитет союзников в борьбе с Корниловым. Поэтому дистанцирование дипломатов от противоборствующих сторон и их стремление к мирному преодолению конфликта вызвало раздражение у Керенского. Как следствие, декларация была опубликована под давлением американского посла лишь 31 августа (13 сентября), «когда дело Корнилова уже было проиграно». / *Милоков П. Н.* История второй русской революции. – С. 405. Помимо «Утра России» она была опубликована в ряде газет. См.: Сообщение союзных держав // «Речь». 31 августа (13) сентября 1917. № 204. – С. 3.
35. Без даты. Телеграмма послана не ранее 28 августа (10 сентября).

БИБЛИОГРАФИЯ

Кублановский Ю. М. Стихотворения. В 3 кн. — Кн. 1: Родная речь. С последним солнцем. — 360 с.; Кн. 2: Песни венского карантина. Чужбинное. — 224 с.; Кн. 3: В световом году. Долгая переправа. Невидимый перекрёсток. — 448 с. — М.: «Русский путь». 2020.

В начале XXI века Юрий Михайлович Кублановский написал: «Не надо вслед за обновленцами // нам перекрещиваться снова. // Мы остаемся ополченцами // не всеми преданного Слова». Вышедший в конце 2020 года трехтомник является своеобразным подтверждением этого четверостишия.

На обложках всех трех книг поэта – эмблема с рельефа Дмитровского собора во Владимире. Таким образом Юрий Кублановский как составитель сразу настраивает читателя на погружение в пространство христианской русской культуры. Полагаю, давние почитатели этого поэта ничуть не удивятся такой аллюзии. Недаром Джон Глэд, американский славист, изучавший литераторов, эмигрировавших из Советского Союза, поместил интервью Юрия Кублановского в раздел «Эстеты» своей, ставшей хрестоматийной, книги «Беседы в изгнании».

Сам поэт формулирует свое творческое кредо как «религиозное представление о поэзии и культуре». По крайней мере, так он обрисовал мне, корреспонденту журнала «Русский мир», свое мироощущение в мае 2017 года, добавив: «Я всегда вспоминаю это определение одного из русских классиков: ‘Поэзия есть задание, которое следует выполнить как можно лучше’. И понимаю, что это задание свыше. Такое понимание у меня в крови: понимание жизни и творчества как служения».

В этой связи закономерно, что трехтомник поэта вышел в издательстве «Русский путь». Ведь история его возникновения тесно связана с судьбой парижского издательства «YMCA-Press». Оно было основано в 1921 году и сыграло одну из ключевых ролей в сохранении и приумножении свободной русской мысли в эмиграции и в работе по возвращению на родину богатейшего наследия Русского Зарубежья. Это уже четвертая книжная публикация Кублановского в издательстве.

С Никитой Алексеевичем Струве, французским русистом, издателем и переводчиком, публицистом, исследователем проблем русской эмиграции и культуры России; в прошлом – главным редактором «Вестника русского христианского движения», «Le messenger orthodoxe» и «Русского пути», Юрия Михайловича связывало многое. В какой-то степени Струве предопределил судьбу Кублановского, пригласив его в 1982 году из Вены в Париж на поэтические чтения – вечер эмигрантской поэзии в Центре Помпиду. В Вену Кублановский уже не возвратился. С 1985 года Кублановский – член редколлегии «Вестника РХД» (издается в Париже с 1925 года).

Никите Струве посвящено стихотворение «Перед снегом» – одно из лучших у Кублановского. Оно опубликовано в третьей книге этого издания:

В патине инея шиповник красный
и друг его – барбарис гривастый.
А день то пасмурный, то снова ясный,
нам разом близкий и безучастный.

Бывает жемчуг холодный, холодный до серизны,
Бывает палевого оттенка –
и то и то сегодня над нами:
бесшумная маневренность облаков,
приобретающих консистенцию дымки
и перистого тумана,
тусклое жерло солнца, на которое не больно смотреть...

Это ли *небеса*,
где обетовано насытиться правдой?

18 декабря 2012

Здесь и мастерское владение ритмом (от чеканной тоники – к медитативному верлибру), и умение на ходу перенастраивать свою «поэтическую оптику»: яркий пластический пейзаж с шиповником и барбарисом «в патине инея» сменяется настройкой на тончайшие оттенки жемчужного и небесным пейзажем с «бесшумной маневренностью облаков» и «тусклым жерлом солнца»... Вопрос, звучащий в конце стихотворения, напоминает «Куда ж нам плыть?» – открытый финал пушкинской «Осени»... *Небеса*, набранные курсивом, – это уже не просто осеннее небо – это «небеса обетованные», с которыми обретаешь рай и последнее знание («правду»). Если человек долго вглядывается в небо – он невольно начинает ждать оттуда откровений, разгадки каких-то главных загадок, истины (прямо как князь Андрей на Аустерлицком поле). Тема своеобразного метафизического заглядывания в небесное будущее свойственна поэтическому миру Кублановского. Наглядный пример – стихотворение «Переправа», в котором поэт вспоминает встречу с Анной Тимиревой на переправе в городе своего детства – и вопрошает: «Та, уже предзвонная переправа – / Не прообраз ли иной, предстоящей?»

Первый сборник Юрия Кублановского, составленный Иосифом Бродским, вышел на Западе в издательстве «Ардис» (1981). Спустя два года в послесловии к вышедшему в Париже сборнику «С последним солнцем» Бродский охарактеризовал Кублановского-поэта так: «Его техническая оснащенность изумительна, даже избыточна. Кублановский обладает,

пожалуй, самым насыщенным словарем после Пастернака. Одним из его наиболее излюбленных средств является разностопный стих, который под его пером обретает характер эха, доносящего до нашего слуха через полтора столетия самую высокую, самую чистую ноту, когда бы то ни было взятую в русской поэзии».

На стихи Кублановского откликнулся Александр Солженицын, другой нобелевский лауреат-изгнанник, с которым позже он также будет связан многолетней дружбой. Солженицын, в частности, отметил, что поэзии Кублановского «свойственна упругость стиха, смелость метафор, живейшее ощущение русского языка, интимная сродненность с русской историей и не уходящее ощущение Бога над нами». Когда Юрий Михайлович, оказавшись в эмиграции, встретится с Александром Солженицыным, тот скажет: «Через восемь лет вы вернетесь». Это и произошло. Кублановский стал одним из первых эмигрантов, вернувшихся в Россию. Вернее, в распадающийся СССР.

Тут важно отметить, что Юрий Кублановский, вынужденно эмигрировавший из России в 1982 году (власти не могли простить опальному поэту публикации открытого письма «Ко всем нам», посвященного высылке Солженицына, и другие материалы в Тамиздате), сам не причислял себя к третьей волне эмиграции. Об этом он свидетельствует в «Беседах в изгнании» Дж. Глэда: «...у меня другое сознание, чем у ‘третьеволнников’. <...> Моя позиция – это позиция сборника ‘Вехи’, сборника ‘Из глубины’ и как продолжение – сборника, подготовленного Солженицыным, ‘Из-под глыб’. То есть мое сознание пропитано религиозно-христианскими мотивами, не социально-политическими».

Оставлял подруг, поступился славой
и баблом – за ради живого слова.
Целый день один, не звонит мобильник,
не по разу читаны с полок книги.
Но зато не предал свои привычки,
ни когда другие прогнули выи,
ни когда столичные истерички,
без ума от шоковой терапии,
на меня клепали, что чуть не красный.
Выходил в опорках на босу ногу
на крыльцо – и день в ноябре был ясный.
Грешен в том, что слишком нетерпеливо
ожидал поддержки от сил небесных,
но и мысленно от врагов Христовых
не искал я бонусов интересных.

Стихи Кублановского, будь то вышеприведенное исповедально-

христианское, или так называемая чистая лирика, к примеру «Бумеранг», или гражданские стихи (их яркий образец – «Памяти российской Одессы»), столь органичны, что трудно безапелляционно сказать, на что опирается поэт, когда их слагает, – на слово, мысль, звук, образ... Хотя, что ж тут гадать? Сам Юрий Кублановский много лет так определяет свой творческий метод: «новизна в каноне. Но и в каноне очень большое поле свободы. Мы знаем это, например, по несравненному разнообразию русской иконописи».

Как видим, Юрий Михайлович Кублановский не мыслит себя вне канонов русской культуры. Если вы солидарны с ним в этом вопросе, то, безусловно, найдете отраду в чтении прекрасно изданного сборника Юрия Кублановского «Стихотворения в трех книгах».

Юлия Горячева

Игорь Джерри Курас. «Я вас любил...». Стихи. – Бремен: «Крещатик», № 3, 2020; Стихи. – Бостон: «Этажи», июль, 2020; «Ворота в никуда» – «Новый Журнал», № 299, июнь, 2020.

Что делает стихи поэзией, лирикой? На этот вопрос нелегко ответить. Пожалуй, ответ лежит в загадочном неуловимом чем-то, вне зоны перехода и внятного истолкования. Сегодня очень многие пишут стихи, но интерес к стихам растет в обратной пропорции к их количеству. Современный читатель предпочитает вирши на злобу дня, пародии или, еще лучше, стихи в одну-две строки. Стихи, намеренно рассчитанные на «нетленку», редко когда ею становятся. Заумная версификация не работает. Оттого было для меня нечаянной радостью обнаружить подлинного поэта, перелистывая страницы «Нового Журнала», № 299, 2020. Имя Игоря Джерри Кураса оказалось для меня новым, хотя этот автор уже издал четыре поэтических сборника, сказки для взрослых и публиковался в журналах. Книг у него неоправданно немного. Последний сборник с оригинальным названием «Ключ от небоскреба» был издан в 2015 году.

О чем пишет этот поэт? Вечные темы: одиночество, утраты, любовь, бег времени, непреходящая ценность жизни. Но, как известно, в искусстве имеет значение не *что*, а *как*. На это скажу: он пишет небанально, выводя мелодию своей темы в точно подобранном ключе, нередко завершая каждое стихотворение, наподобие рондо, повтором или перепевом того, что было в его начале, но, в то же самое время, выводя на какие-то иные горизонты. В стихах у него много неба и облаков, много ночи и снов – того, что неуловимо и необъяснимо, как настоящая поэзия.

Сокровище мое, мне плохо без тебя.

Ночные города в тоске невыносимой –

Покуда над землей, дурную весть трубя,
Легит за горизонт тяжелый клин гусиный.

И заканчивается этот крик души на той же ноте, с какой начался:

И ветер за окном все ночи напролет
Трубит дурную весть, бьет клены, гнет осины.
Мне плохо без тебя, сокровище мое,
В безвылазных дождях, в тоске невыносимой.

Стихотворение-признание, исповедь блудного сына, запутавшегося в трех соснах – кленах, осинах, – растратившего жизнь, надрывно поет о том, что резонирует с читательской душой. Кто из нас не чувствовал тоску одиночества вдали от любимого человека? Кому не знакомо чувство растраченной жизни по пустыкам, не на то и не на тех? Не претендую на объективность. Что-то «цепляет» одного и оставляет равнодушным другого.

Я не знаю названья деревьев и звезд имена не знаю.
Я с трудом понимаю законы, что движут мою машину.
Если ехать всё время прямо, я знаю – приедешь к краю
океана, где встречный ветер тугую несет парусину.
До сих пор не могу понять, как же ходят они против ветра,
и не знаю, как чайки умеют висеть там, где волны дышат.
Иногда я зову имена живых – только нет ответа.
И тогда я шепчу имена ушедших и что-то слышу.

В этом стихотворении просторно, как на берегу океана, и одиноко. Маленькая фигурка человека на фоне огромных волн, оторванность от мира живых и связь с теми, кто ушел навсегда. Правомерно ли требовать от него знаний законов физики там, где властвует магия слова? В конце каждого стихотворения хочется остановиться и замереть на какое-то время, впитывая мелодию стиха, чтобы последние строки осели в душе весомым аккордом.

И еще. Стихи полны деталями. Они создают картину и даже исподволь подсказывают художественный стиль, отталкиваясь от словесного ряда.

Как сиротливо смотрится пустая,
застеленная наглухо кровать –
и комната, в которой перестали
ворочаться, и кашлять, и вставать.

Боль отсутствия, пустоты, возникающая после смерти близкого человека. Художественная задача решена лаконично, словно картина выведена несколькими линиями: черная гуашь на белом листе.

Но не все стихи И. Дж. Кураса столь четки. Есть в его поэзии недосказанность, загадочность, размытость красок, и эта таинственность не отталивает, но наоборот, притягивает к стихам, заставляет поразмышлять над ними. Вот и подборка в НЖ под названием «Ворота в никуда» вызывает чувства, сходные с замороженностью операторской работой в «Сталкере», когда любая деталь окружающей среды наполнена смыслом, грозя неожиданным открытием какой-то тайны. Начинается стихотворение с открытия:

Я нашел в лесу ворота в никуда:
 никудышние, проржавленные, старые,
 ни дорожки, ни тропинки, ни следа –
 только сосны, то гурьбой, то снова парами,
 а за ними ни болота, ни пруда –
 сосны, сосны: худосочны, сухопарые.

Шесть шестистрочных строф, где у лирического героя идет разговор, наподобие Иова, со Всевышним, и он то смиряется, то вопрошает, то негодует. Заканчивается стихотворение гневным вопросом к самим воротам, зловещему символу – то ли бессмысленности существования, то ли небесной издевки, то ли еще чего:

Что не знаю я о линии судьбы,
 уходящей прямо в небо неевклидово?
 Истуканами застывшие столбы,
 что замыслили вы, два поганых идола?

Мощный символ ворот застревает в памяти и уходит в небо неевклидово – намек на то, что загадка будет решена, но не нами, а где-то там, помимо нас, вверху.

Обращает на себя внимание последняя подборка поэта в «Крещатике» (№ 3, 2020). Воздушно-импрессионистское стихотворение «Я вас любил...», давшее название всей подборке; искусно вылепленное стихотворение «Крик», где одна и та же рифма повторена на протяжении 24 строк, опять же, в постмодернистской манере переключаясь с другой цитатой («ты не будешь больше молодым»), и завершающим аккордом – стихотворение на тему, на которую не удалось поговорить Пастернаку со Сталиным. Позволю себе привести заключительные строки этого стихотворения, уводящего в зазеркалье.

Где линия ручья начерчена,
 но нет ни берега, ни брода –
 где перейду ее доверчиво
 один, вне зоны перехода.

Стихи И.-Дж. Кураса музыкальны. Потому я как-то не удивилась, встретив стихотворение о том, как лирический герой автора играет Массне. Стихотворение называется «Памяти маленького музыканта», и мне сдается, что речь идет о невозвратном прошлом: «Только водишь сиротливым смычком / Будто в прятки водишь в доме пустом». Между прочим, подобная игра смыслов («водишь» и «водишь») встречается и в других стихах Игоря Джерри Кураса («Вот снег и снег, и края нет, края...»). Вспоминается Бродский: «Соловей будет петь нам в полночной чаше. Мы не будем думать о смерти чаше...» Почти в каждом стихотворении мы встречаем рефрен, поновому раскрывающий тему. В стихотворении «Когда человек исчезает куда-то...» вначале речь идет об утрате:

Когда человек исчезает куда-то
и время не лечит (такая утрата),
дожди за окном барабанят полночи
то длинные дробы, то дробы короче.

Под барабанный шум дождя в конце стихотворения возникает тема бесцельности и бренности земного существования, напрасности попыток выразить невыразимое. И подытоживается стихотворение тем же вслушиванием в ритм дождя, в его короткие и длинные дробы.

И кажется ясным, что связь несомненна:
всё тщетно, всё глупо, напрасно и бренно –
слова не умеют, и я не умею
словами раскрыть, что на сердце имею.

Некоторые современные поэты пишут так, как будто автора «Писем римскому другу» не существовало, а некоторые – так, будто кроме него не было никого в поэзии. Игорь Джерри Курас подпал под обаяние поэзии великого современника: взять хотя бы его стихотворение «Я себя выставлял напоказ. Я пытался в строфы...», а также последний стихотворный цикл «Поступь», вышедший в «Этажах» в июле 2020-го. Там мы встречаем привычный для нобелевского лауреата размер и схему рифмовки, восходящие к Кантемиру, а изысканная рифма «пофиг – кофе» наводит на манеру Бродского внезапно разбавлять образность прозаизмами... Однако несомненно, что у И.-Дж. Кураса свой голос – лиричный и музыкальный. Музыкальность эта не только в чуждых аллитерациях («мои движенья станут новыми / там, где зашамкают шмелями / луга обширные, медовые, / и ветры встанут, шепелявя»), в песенного характера повторах, но даже и в отсылках к музыкальным темам и композиторам (то Мессиа́н, то Бритте́н, то колыбельная Ребекки, мифическая и загадочная, будоражащая поэтическое воображение).

У автора не много публикаций в толстых литературных журналах. Писать стихи – одна работа, публиковаться – отдельное занятие, на которое нужно терпение, амбиции и время. Но число публикаций так же не является измерителем таланта, как и число рецензий и презентаций. Верю: подлинное, что создано в искусстве, останется; «Всего прочнее на земле печаль. И долговечней – царственное слово», сказала некогда царственная Ахматова.

Подборка в «Новом Журнале» заканчивается еще одним загадочным стихотворением, о книгочее. Образ книгочеея двоятся или троится. От дружеской разборки («Не пойму я, зачем ты решил, что не брат я, а враг»), мы выходим на образ города – и неясно, когда речь идет о седом книгочее, город ли это или постаревший друг? Затем следует отсылка к Бродскому, названному «великим книгочеем», и заканчивается стихотворение на высокой ноте – золотой иглой Адмиралтейства. И всё же, как в любом произведении искусства, остается ощущение неоднозначности трактовки, и в этом открытость и бесконечное обаяние бостонской музыки с питерским лейтмотивом.

Лиана Алавердова, Нью-Йорк

Владимир Батшев. 1948. Роман. Часть первая. – Франкфурт-на-Майне: Изд-во «Литературный европеец». 2020.

Владимир Батшев – писатель, поэт, публицист и издатель; в 1960-х годах он создает вместе с Леонидом Губановым (1946–1983) андеграудное поэтическое объединение СМОГ (в расшифровке – Смелость, Мысль, Образ, Глубина), но у «Старшего брата» не «забалуеть» – и писатель был на пять лет отправлен в ссылку в село Большой Улуй Красноярского края – «за тунеядство», о чем, выйдя на свободу, написал «Записки тунеядца» (возможно, почтительный кивок-реминисценция в сторону автора «Записок из Мертвого дома»)… В «отдельные хрущевские» годы В. Батшев вступил в НТС, в «перестроечные» времена, с 1989 по 1991 гг., был представителем издательства «Посев» в России. В январе 1995 года писатель эмигрировал в Германию. В числе задуманных им и воплощенных изданий – русскоязычный ежемесячник «Литературный европеец», основанный более 20 лет назад, а с 2004 года выход ежеквартальный журнал «Мосты» (отметим, что издания эти – бумажные, а ведь «бумажная» периодика – редкость, почти реликт в наше виртуальное время!).

У писателя Владимира Батшева на «текущем счету» более 25 книг. В их числе – вышеупомянутые «Записки тунеядца», «Франк-фуртский поток», «Мой французский дядюшка» и другие, а также жизнеописания генерала А. Власова (три тома) и Александра Галича. Из недавних произведений – сборник «Один день Дениса Ивановича» (титул-перевертыш, который, конечно же, немедленно отправляет в сторону летописца ГУЛага).

И вот перед читателем новый роман В. Батшева – и снова с зеркальным

заголовком-перевертышем «1948» – узнаваемым эхом провидческой антиутопии «1984». Обе эти даты окаймляют действие как бы двумя дугами. Первая вогнута в прошлое, вторая прогнулась в будущее. «...А дальше дуги не видно ни зги!».

«1948» – роман исторический. В нем, по закону жанра, на фоне реальных событий и исторических лиц существуют персонажи вымышленные. Это «белый» эмигрант Мишель, ныне – портье в парижской гостинице; русский аристократ Джордж Олонецкий – сержант американской армии; узница концлагеря Берген-Бельзен Рашель, режиссер Московского еврейского театра, а с ними рядом – гэбисты, ставшие гестаповцами, и т. д. Здесь же лица исторические: Сталин, однозначно названный автором «людоедом», сподвижник Тито политик Милован Джилас, израильский полководец Бен-Гурион, Михоэлс, Молотов и многие-многие другие. И тут же – «под дугой» – изгой, народ простой, брошенный войной и судьбой в мир иной, дипийцы. Российский тренд клеймит их как предателей, подавшихся на сторону врага. А они, оказавшиеся во время войны на немецкой стороне, – потерянные, оглушенные – скитаются по чужим послевоенным градам и весям.

...Через послевоенную Австрию и Германию движется старенький возок. Там казак Тимофей Лукич и бывший советский журналист, сотрудничавший в газетах на оккупированной территории, Кирилл Проталин. Их соединила судьба. На родине их, само собой, по головке не погладят, а снесут, наоборот, с плеч долой. Вот и движутся они вникуда, заплутавшись меж двух миров, забыв, кто они, и не ведая, куда идут.

Кого же назначил автор в главные Герои? – *Время*.

А что есть *Время*? И есть ли оно? Настоящего времени нет – оно уходит мгновенно из будущего, которого *еще* нет, – в прошлое, которого *уже* нет... А мир существует между этими двумя временными пропастями, балансируя на несуществующем настоящем. И единственное средство остановить время – Книга.

Как гласит Книга: всему свое время. И есть время эпопей, исторических полотен широкими мазками – а есть время мозаичное, «пазл» из отдельных частиц-сцен, событий, лиц, эпизодов, подобных кинораскадровке (стоит напомнить, что автор – выпускник сценарного факультета ВГИКа). Время в романе нелинейно. Его действие то устремляется вперед галопом, то поворачивает вспять, параллельно разворачивается в разных странах – Германия, Франция, СССР. Пожалуй, персонажи в романе не могут претендовать на трехмерность. Они, что называется, не просматриваются, их не видишь, не слышишь – это просто символы, «матрицы», то белые, то черные.

Что за матрицы? Попробую объяснить. Когда-то мне попала в руки старая газетная фотография. Изображение в газете состояло, если приглядеться, из шестигранных «шайбочек»: одни виднелись яснее, другие же исчезали то в черном, то в светлом. Но были ли «шайбочки» видимы или

нет, они существовали и составляли изображение. И мне вдруг стало ясно: и наш мир сотворен по единой матрице; матрица есть даже там, где ее не видно – включая и кажущуюся пустоту.

Так и в романе «1948» эти матрицы составляют некий гигантский лик – Лик Времени. Писатель Владимир Батшев – летописец прошедшего смутного послевоенного времени, полемист и «антикоммунист в законе». При этом он видит в большевизме еще большее зло, нежели в нацизме.

Его кредо может показаться рискованным. Но его постулаты базируются на уникальных исторических документах, неопровержимых фактах, а факты, как известно, – упрямая вещь. И Владимиру Батшеву важно сознание, что он выполняет свой долг, восстанавливая подлинный лик прошедшего, не ставшего прошлым, – которое сегодня так старается затемнить мировое «Министерство правды».

Кира Сапгир

Павел Глушаков. Мотив – структура – сюжет: Литературные заметки. Москва – Екатеринбург: Кабинетный ученый. 2020. – 288 с.

Филологические труды весьма отличаются от беллетристических произведений – не только сутью своей, адресностью, но и тем, как над ними работают. Филологические книги – особый жанр. С одной стороны, им читатель необходим, ибо только полемическое чтение наполняет текст жизнью; с другой стороны, такие книги часто пишутся словно бы для себя, поскольку автор ведет беседу о прочитанном, увиденном, осознанном, прежде всего, с самими собой. А литературные заметки – наиболее рефлексивный вид письма в этом жанре. И книга П. С. Глушакова, где невидимые сюжетные линии сходятся в калейдоскопичном узоре, выросла из попутных заметок «в записных книжках или просто на разрозненных страницах». Литература – колоссальное полотно с великим замыслом, который еще постигать и постигать – вот что открывает нам этот не слишком-то объемный том.

Книга П. С. Глушакова – это труд филолога не только с острым зрением и большим знанием, но и – да простится мне эта высокопарность – с чуткой душой человека, влюбленного в литературу, что позволяет ему проводить удивительные параллели между произведениями и погружать их в общекультурный контекст, сопоставляя с живописными полотнами и кинопроизведениями, фотографией и архитектурой.

Киновед Н. И. Клейман, написавший предисловие к труду П. С. Глушакова, апеллирует к книге С. М. Эйзенштейна «Монтаж», которую сам автор видит в форме вращающегося шара, «где сектора существуют... разом и где, как бы далеки они друг от друга ни были, всегда возможен непосредственный переход из одного в другой через центр шара». Тогда это была несбы-

точная мечта – создание такой книги. Но сегодня мы уже можем себе ее представить: «Книга, которая у Вас в руках, – проекция на бумажную плоскость именно такой ‘сферической’ композиции, она может перестраиваться и расширяться по Вашей воле – в меру Ваших интересов и Вашего воображения». Это предупреждение, пожалуй, очень важно. Заметки, большая часть которых в последние три года впервые увидели свет на страницах «Нового мира», публикуются в книге так, как они писались, автор намеренно не структурирует их по тематическим разделам, – и книга действительно напоминает шар с параллелями и меридианами, этакую ноуменальную планету.

«Предложение к размышлению» – так понимает автор свои взаимоотношения с читателем, которые ему, безусловно, важны. Этим же объясняется дотошность в приведении ссылок на самые разные труды, которые цитирует или только упоминает Глушаков; подробность указателя имен и произведений. Эта книга – не для развлечения, но для большой умственной работы, для погружения на глубину, на которой, быть может, читатель раньше и не бывал. Что важно – книга П. С. Глушакова адресована как научному сообществу, так и неравнодушному, интеллектуальному широкому читателю. Мне кажется, она была бы особенно полезна школьным учителям литературы, позволяя им отказаться от устаревших стереотипов в трактовке образов и сюжетов классической литературы.

Не странно вовсе, что портрет Победоносцева с полотна «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года» сближается с изображением Вия в одноименной гоголевской повести, а портрет лицеиста Пушкина работы скульптора Г. Д. Гликмана отсылает нас одновременно к житию Сергия Радонежского (через полотно М. В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею») и к стихам Анны Ахматовой «Смуглый отрок бродил по аллеям...» Читать эти заметки – на самом деле большая радость, столько обнаруживаешь удивительного, о чём и не задумывался. Одна из моих любимых заметок – о маленьком рассказе Льва Толстого «Лев и собачка» (его, кстати говоря, проходят в третьем классе средней школы), который Глушаков объясняет библейским сюжетом о воскрешении Лазаря. «Только у Толстого – это *отсутствие* воскрешения, крах надежд на воскрешение», – пишет автор. Вместе с тем, этот рассказ, с подзаголовком «Биль», отсылает нас и «к летописи жизни и творчества писателя. А именно: к последним трагическим страницам смерти Толстого в Астапове. Начало болезни 31 октября – смерть 7 ноября: в этот день в 6 часов 5 минут ‘Лев умер’». Еще одна библейская параллель – «сквозь тесные врата» – находима автором в «Мертвых душах» Гоголя, в эпизоде, где Чичиков и Манилов «стояли уже несколько минут перед дверями гостиной, взаимно упрашивая друг друга пройти вперед». Здесь мы сталкиваемся с очень личным видением автора, неординарным возникновением аллюзий. Читатель приглашается к диалогу именно такими пассажирами – не просто интересными, но, отчасти,

эксцентричными. Автор порой называет свои сопоставления *рискованными сближениями*. Таково, например, сопоставление двух фрагментов – «Египетских ночей» Пушкина («...Кто к торгу страстному приступит? / Свою любовь я продаю; / Скажите: кто меж вами купит / Ценою жизни ночь мою?...») и «Оптимистической трагедии» Вишневого, с пресловутым «Ну, кто еще хочет попробовать комиссарского тела?»

В книге П. С. Глушакова сопоставляются два сельских врача – Франца Кафки и Василия Шукшина, «Дон Кихот» и «Евгений Онегин», «Судьба человека» и «Один день Ивана Денисовича»; сцена, завершающая первое действие «Дней Турбиных», и эпизод из инсценировки Н. Векстерн «Пиквикского клуба» (целующиеся Сэм Уэллер и Мэри в комнате, где уснул «жирный парень»). И «встреча гоголевских героев в Маниловке вполне может быть сопоставлена со встречей Наполеона и Александра Первого на плоту посреди Немана в июне 1807 года (итогом которой стал Тильзитский мир)» – и приводятся пространные цитаты из «Тильзита в 1807 году» Дениса Давыдова. В блоковой поэме «Двенадцать» автор находит, с одной стороны, отзвуки гоголевской «Шинели», с другой – говорит о том, что в ней «отразилось не только вслушивание в стихию революции, но и внимательное чтение будущего ее вождя», приводя красноречивые цитаты из работы Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции».

Список авторов и произведений, о которых говорит П. С. Глушаков, огромен. Ожидаемо, что больше всего автор «Литературных заметок» обращается к Пушкину, Гоголю, Чехову, Блоку и к особенно любимому им среди современных писателей Шукшину. Однако взор Глушакова простирается от детского «Мойдодыра» К. И. Чуковского до классиков совсем не первого ряда, вроде Михаила Исаковского.

Кинематографические работы не проходят мимо внимания автора «Литературных заметок»: кадры из кинофильма «Живет такой парень» сравниваются с кадрами из японского фильма К. Мидзогути «Сказки туманной луны после дождя», образ маршала Конева в исполнении Шукшина в фильме «Освобождение» – случайная аллюзия на образ Фантомаса из комедийного детектива А. Юнебеля; а сцена из кинофильма «Застава Ильича» объясняет для автора решение образа в художественном полотне В. Е. Попкова «Шинель отца» и т. д. Дальнейшее перечисление не имеет смысла: список имен и названий в указателе занимает одиннадцать страниц; но главное – хотелось оставить читателя заинтригованным и предвкушающим встречу с книгой, которую можно читать с любого места, в любом порядке, медленно или в один присест... С книгой, которая не просто отвлечет от унылых, болезненных нынешних дней, но преобразит их до неузнаваемости, ибо где еще укрыться от «скоротечного», как не в возвышающем нас «вечном»: в странстве мировой культуры во всем разнообразии ее форм, стилей, образов.

Марта Шарлай

Русская эмиграция во Франции и средневековая культура Европы: творческая встреча, исследования, переводы. Международная научная конференция. Дом Русского Зарубежья; Страсбургский университет: Французский институт в России / Сост., науч. редакция, пред. Т. В. Викторовой и С. Н. Дубровиной. – М.: ДРЗ. 2020. – 200 с.

Казалось бы, феномен русской эмиграции XX века изучен достаточно, но каждый раз приступая к новому исследованию, поражаешься, насколько бездонна тема этого Исхода. Что лишний раз и подтвердила книга «Русская эмиграция во Франции...».

Сборник содержит доклады российских и европейских ученых на международной конференции в Доме Зарубежья в октябре 2017 года. Форум состоялся в рамках проекта «Русское присутствие в творчестве французских художников русского происхождения. Россия видимая и невидимая». Главными «моторами» книги выступили известные исследователи российского изгнания Светлана Дубровина и Татьяна Викторова.

Русские медиевисты-эмигранты внести значительный вклад в осмысление религиозных и философских проблем европейского Средневековья. Авторы сборника М. Сорокина и М. Горинов рассказывают о жизни историка культуры и политических учений Франции Ивана Михайловича Хераскова, дважды бежавшего из России. Первый раз – в 1908 из сибирской ссылки, куда был отправлен за революционную деятельность, потом – уже в 1921, когда он не принял результаты социального эксперимента, к которому так стремился.

Итальянский исследователь Марко Саббатини предлагает прикоснуться к наследию Евгения Аркадьевича Ананьина, специалиста по итальянскому Возрождению, также долгие годы бывшего близким к марксистским и социал-демократическим учениям.

А. И. Клюев и А. В. Свешников раскрывают биографию Ивана Владимировича Пузино, одного из лучших специалистов в мире по наследию Эразма Роттердамского.

Целый блок в книге отдан изучению истории исследований проблем философии и богословия. Известный славист Анутан Нивьер рассказывает о том, как искал русский эмигрантский историк и церковно-общественный деятель Петр Евграфович Ковалевский восточнохристианские святые в наследии средневековой Франции. Еще один французский историк, Даниэль Бон-Гре, прослеживает творческую эволюцию великого православно-мыслителя Георгия Петровича Федотова. Федотов является также одним из героев статьи Александра Медведева, посвященной исследованиям Федотова и П. М. Бицилли сочинений Франциска Ассизского. Известный деятель эмиграции князь Сергей Сергеевич Оболенский, в последние годы жизни – главный редактор журнала «Возрождение», стал

героем сразу двух статей. В одной реконструкцию его биографии приводит историк из Санкт-Петербурга П. Н. Базанов; автор другой статьи, Светлана Дубровина, пишет об образе Жанны д'Арк в трудах русских эмигрантов, акцентируя внимание на знаменитом труде Дмитрия Мережковского и на книге Оболенского «Жанна – Святая дева».

Думается, большой интерес вызовет и работа Татьяны Викторовой, рассказывающей о влиянии трудов классика европейской медиевистики Евгения Винавера, сына известного политического деятеля, депутата Государственной Думы Максима Моисеевича Винавера, на творчество его племянника Мишеля Винавера (Гринбера), известного драматурга Франции.

В коротком обзоре трудно перечислить все достоинства этого необычайно насыщенного сборника, ставшего прекрасным подарком для медиевистов, историографов, да и всех, кто интересуется наследием Русского Зарубежья.

* * *

Книги русской диаспоры, 1945–1979 / Составитель Давид Аранс. – Москва : Русский путь. 2020. – 728 с.

Имя Давида Аранса хорошо известно всем исследователям необозримой планеты Русского Зарубежья. Выпускник Ленинградского института водного транспорта, эмигрировавший в США в 1975 году, он получил за океаном магистерскую степень по гуманитарным наукам и почти двадцать лет проработал в Библиотеке Конгресса. В 1988 году в Бостоне Аранс выпустил необычайно популярную у историков книгу «Как мы проиграли Гражданскую войну: Библиография мемуаров русской эмиграции о русской революции 1917–1921 г.» В 1990 году, до распада в СССР, он опубликовал в журнале «Советская библиография» фундаментальную статью «Русская библиография за рубежом (Опыт обзора)». Публикация эта имела огромное значение для нарождающегося большого племени отечественных историков. В 2001 году Аранс под эгидой Исторической библиотеки РФ выпустил справочник «Русские книги за рубежом. 1980–1995».

И вот теперь – большой том библиографии «Книги русской диаспоры», роспись книг и журналов второй и третьей волны, 5300 позиций. Разделы справочника строго структурированы по темам: религия и богословие (Православие. Католицизм. Иудаизм. Протестантизм); детская литература, художественная литература, история; военная история, поэзия, искусство, музыка и другие. Огромная россыпь данных о самых разнообразных книгах и журналах, выходивших по всему миру. Причем к каждому изданию дана не только археографическая справка (год и место издания, количество страниц), но также приложена и краткая аннотация.

Здесь и «Воспоминания о чудесах и подвигах праведного отца Иоанна

Кронштадтского», увидевшие свет в Сан-Франциско в 1967, и книга Марка Хиноя «У истоков меньшевизма», вышедшая в Нью-Йорке в 1960, и мемуары Михаила Розанова «Завоеватели белых пятен» (Лимбург: Посев, 1961) об одиннадцати годах, проведенных в сталинских лагерях, и собрание сочинений Осипа Мандельштама, изданное в Вашингтоне в 1964–1969 гг. Книги Александра Солженицына, в том числе «Архипелаг ГУЛАГ» издательства «УМСА-Press», и опубликованные Федором Ушаковым в Париже в 1956 году «Материалы для истории Псковского кадетского корпуса»... Бесчисленные брошюры и книги в защиту диссидентов в СССР и издания памяти Николая II, предпринятые монархическими обществами русских эмигрантов от Аргентины до Африки... Огромное полотно идей и стремлений миллионов русских эмигрантов разворачивается перед нами. Безусловно, эта книга станет настольной для очень многих историков и исследователей.

Виктор Леонидов

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Ираида Легкая

1932–2020

Ираида Легкая родилась в Тартаке, Латвия, 1 июля 1932 года. Ее отец, Иоанн Легкий, был православным священником в русском женском монастыре в Риге. Женский монастырь, где Ираида провела детство, был культурным оазисом дореволюционной России. Она научилась читать в четыре года и пользовалась книгами богатой местной библиотеки.

В 1940 году, когда Советский Союз захватил Латвию, Церковь перешла в ведение экзарха Сергия (Воскресенского), который стал другом семьи о. Иоанна Легкого. Митрополит Виленский и Литовский создал Псковскую духовную миссию для восстановления православия на оккупированных немцами территориях. Среди добровольцев русского духовенства из Прибалтики был о. Иоанн, поехавший служить на российской территории. В 1944 году, при отступлении, немцы эвакуировали духовенство и участников Миссии в Европу, чтобы защитить их от советских репрессий. Протоиерей Иоанн с женой и дочерьми, Ираидой и ее младшей сестрой Галиной, оказались в Судетской области. В мае 1945 года Красная армия пришла в Судеты. Некоторые священники, в их числе о. Иоанн, стали подумывать о возвращении в Прибалтику, но русские солдаты в частном порядке предупреждали их о неизбежных репрессиях в случае возвращения на родину и убедили уехать дальше на запад. Так семья Ираиды Легкой оказалась в лагерях для «перемещенных лиц» в Германии. Ираида начала учиться в старших классах русской гимназии в лагере Шляйсхайм.

Летом 1949 года семья эмигрировала в США. Ираиде исполнилось семнадцать лет на корабле, увозившем ее в Америку. Поселившись в Бронксе, Ираида сразу начала работать, и, одновременно, она изучала английский язык в Колумбийском университете. Работала Ираида сначала на кухне закусочной Schrafts, а закончила этот период трудовой деятельности в фешенебельном магазине Lord & Taylor. Там ей предложили карьеру закупщицы одежды, но не это стало ее стезей. На корабле на пути в Америку Ираида начала писать стихи на русском языке. Впервые они были опубликованы в 1952 году в «Новом Журнале». Она оставалась автором НЖ на протяжении почти семидесяти лет до последних дней своей жизни. Позднее это помогло ей получить работу корреспондента радиовещания «Голос Америки».

В Колумбийском университете Ираида познакомилась с эмигрантом из Испании, Рамоном Ванделлос. Они поженились, и у них родилось двое сыновей, Майкл и Дмитрий. Сыновья Ираиды сейчас работают соответственно в Microsoft и Apple. Брак ее, однако, распался, и в 1963 году Ираида переехала работать в Вашингтон, округ Колумбия. Ираида Ванделлос создала серию радиопередач «Книги и люди», ставшую популярной среди слушателей «Голоса Америки» в Советском Союзе. Особенностью этих интервью с американскими писателями были ее переводы; она также переводила стихи американских поэтов на русский язык. По программе обмена Ираида провела месяц в Москве в 1969 году. Вскоре после этого она переехала на западное побережье и в течение нескольких лет была корреспондентом «Голоса Америки», живя в Санта-Монике.

В 1973 году Ираида вышла замуж за Бориса Пушкарева, видного члена НТС, сына известного историка-эмигранта Сергея Германовича Пушкарева, которого знала еще по Нью-Йорку. В 1974 году они переехали в Нью-Джерси, в квартиру с видом на Манхэттен и реку Гудзон. Эта квартира стала местом многочисленных литературных посиделок. Ираида продолжала работать в нью-йоркской редакции «Голоса Америки», а Борис занимался проектированием городского транспорта в Ассоциации регионального планирования Нью-Йорка.

В 1987 году Ираида вышла в отставку, и ее пенсия позволила ей приобрести дачу в четырех часах езды на север от Нью-Йорка. Это был фермерский дом на десяти акрах земли в лесу, в горах Адирондак. Дом стал ее любимым местом жительства на следующие три десятилетия. Она занималась садом, сбором грибов, вязанием и принимала гостей. В 1990 году, когда советский блок стал разваливаться, Борис Пушкарев оставил сферу урбанистики и уехал работать волонтером в НТС; организация вернулась в Россию с осознанием своей исторической миссии – помочь в установлении демократического строя в стране. В марте 1992 года он переехал в Москву и прожил там до 2010 года, в основном занимаясь изданием прежде запрещенной литературы по истории России. Летом он навещал Ираиду, а она ежегодно приезжала в Москву. По состоянию здоровья Борис вернулся в США через двадцать лет, и они с Ираидой прожили вместе счастливую старость.

После первой публикации Ираиды Легкой в 1952 году в «Новом Журнале» подборки ее стихов появились в журналах «Мосты», «Грани», «Возрождение», «Время и мы» и позднее – «Изящная словесность» и «Связь времен». Она публиковалась в альманахе «Перекрестки» (и была одной из основательниц этого журнала), впло-

следствии переименованном во «Встречи», и в ежегоднике «Побережье», а также в антологиях «На Западе», «Содружество», «America's Russian Poets», а в России – в антологиях «Вернуться в Россию стихами», «Мы жили тогда на планете другой», «Белая лира» и «Освобожденный Улисс». Ираида Легкая опубликовала три сборника стихов: «Попутный ветер» (Вашингтон: Издательство Виктора Камкина, 1968); «Подземная река» (Нью-Йорк: Посев, 1999) и последний сборник «Невидимые нити» (Москва: Посев, 2015). Она также написала книгу воспоминаний о своем отце «Летающий Архиерей» (Москва: Посев, 2014), главы из которой до выхода книги печатались в НЖ.

Ираида скончалась на Успение, 28 августа 2020, и похоронена на русском православном кладбище в Ново-Дивееве, штат Нью-Йорк. Кроме мужа Бориса Пушкирева, у нее остались два сына, трое внуков и две внучки, сестра Галина и ее семья.

Борис Пушкирев

Редакция «Нового Журнала» выражает свои соболезнования Борису Сергеевичу Пушкиреву, другу и автору НЖ, и всем близким и родным Ираиды Иоанновны Легкой. Для новозурнальцев ее уход – невосполнимая потеря. Храни, Господь, ее светлую душу!

Мы предлагаем читателям НЖ несколько неизвестных авторских переводов с английского Ираиды Легкой. Благодарим за предоставленный материал Людмилу Оболенскую-Флам и Марину Темкину.

Elinor Wylie*

ПЕТР И ИОАНН

Двенадцать друзей
Направляют стопы
Связывая стебли
Ячменя в снопы.

Петр и Иоанн
Улеглись на соломе
Воздух был слаще
Сливков и меда

Петр вырос
В соленом холоде

Красные волосы
А глаза золото

Рот Иоанна
Опущенное крыло
Карие глаза
Ровное чело

Петр канул камнем
В омут сна
Самый храбрый
Из их числа

Иоанн медленней
Опустился в сон
Среди двенадцати
Самый светлый он

Иоанн во сне
Вскрикнул от горя
Повернулся заплакал
На золотой соломе

Петр Петр
Руку протяни
Через золото
Урожайной земли

Петр Петр
Знак мне открой
Полон горечи
Был сон мой

Горький сон мой
Иссушил язык
Жизнь моя
На виселице висит

Оказалась острым
В крови мечом
Петр мне снилось
Что я Христос

Петр повернулся
К святому Иоанну
Его тело горело
В огне багряном

В уходящего солнца
Горел он огне
Святой Иоанн похожее
Приснилось мне

Мои кости висели
На дрожащем древе
Колокола пели
Над Галилеей

Серебряные монеты
Закрыли глаза
И трижды петел
Ко мне воззвал

Когда отзвучали
Слова Петра
Был ты Христос во сне
Спросил Иоанн

Нет сказал Петр
Я брат был тот
Которого звали
Искарриот

Публикация – Л. Оболенская-Флам

---

* PETER AND JOHN. Elinor Wylie (1885–1928), американская поэтесса и прозаик, популярная в нач. прошлого века, отразившая изменение сознания американского общества после Первой мировой войны. Перевод не успел войти в последний сборник стихов Ираиды Легкой. Текст предоставила из своего архива Л. С. Оболенская-Флам.

Сальвадор Перез Вальенте*

Я узнал бы эту страну, пропитанную кровью,
деградирующую от крови, с закалкой машин и ножа;
во сне я стрелял рядом с ее охотниками на голубей
и проходя, глядел на кладбища автомашин и сады.

Будто плача надо мной, смиренные сносили терпенье,
хотя, может, это смиренные и поют, а мы не знаем.
От моря и до моря, блестящего,
земли достаточно на тысячи других стран,
пшеничные поля зреют в нетерпенье,
и сталь смягчает свой инстинкт убийцы,
обменивая сахар и кофе на власть.
Епископам больших денег, спекуляторам в машинах смерти
достается величие народа, гордо одинокого среди всех других,
пожирателя своих корней,
убийцы своих самых лучших,
тех, кого выкапывают из могил, чтобы снова убить
всякими несправедливостями, махинациями,
процентами от бырышей.
Гневными словами, плетью насилия
мы напишем историю вашей продажной коррупции,
потому что вы предали тот последний свет,
что сиял для бедных.

Я узнал бы эту страну. Я думаю о ней как о книге,
я лечу над ней стихами, пересеченными грядой гор.
Я пишу, и расстояние между нами в пять часов
превращается в миллионы световых лет в моих мыслях.
Из моего угла мне видно, как смирение и уверенность
сходят на нет,
я знаю, *что* созреет завтра невинно.
Мои мысли обращены к тому, что нужно вам и мне,
чтобы разочароваться и чтобы повезло.
Нечто приближается к нам, но согласно статистике,
мы знаем, что вы едите больше мяса, чем любая другая страна,
что у вас больше верующих в психиатров, чем в Бога,
что у вас больше вставных челюстей
и разновидностей жадности.
Говорят же, что в надкусанном яблоке есть червяк,
что печаль присутствует в отчаянии вашей ненависти.
Вы, хозяйева смерти, разве вы не видите,
что человек есть единственная мера
и что обладание превращает имущество в вашу тюрьму?
Предлагаю вам отречься,
раздать будущее полными горстями,
призываю вас из этой затвердевшей хляби
(передо мной Кастилия),

к заданию, которое сделает вас до кончиков фибр вашей души равными тем, у кого ничего нет, кроме последних молитв.

Ваша страна не свободна:
громadne часы наблюдают ваш смех,
ведь это запрещено быть неравными по цвету и статусу.
Металлический блеск монет и пуль
ослепляет вас, как туристов, которым неведома
острая нужда моих слов.

Когда я говорю Латинская Америка, я слышу
фольклор, притчи, карнавалы и министрелей,
но песня моя скисает, когда я говорю янки,
и даже расстояние, нас разделяющее, становится тьмой.
Что-то отдается стыдом
каждый раз, когда ты сохраняешь десять центов
или бросаешь их в автомат для марихуаны и Бетховена,
в Индии, во Вьетнаме, над Андами,
мы умираем смертью, смертью, которая ваша.
Платите за тяжесть королевского пурпура!
В момент, в два, в любое мгновенье, в секунду,
пальцы как будто уже на спусковом крючке,
нас позовут, и мы ответим.
Только тогда вы поймете, на эшафоте,
в канонических терминах,
что это действительно проявление судьбы – ведь она для всех,
и предстоит еще одно последнее путешествие.
Попробуйте выиграть небеса другими средствами,
иначе они ничего вам хорошего не обещают.
Темная сторона луны не стоит жизни одного ребенка,
не стоит собаки с просящими глазами,
не стоит свежеевыпеченной буханки материнского хлеба.
Вы, множители катастроф и богатств,
не устали ли вы от власти?

Я узнал страну, которая несется вперед
с белокожими людьми по своим делам,
они и завтра вернутся к своим делам,
а черный человек будет гадать, бросая монету вверх,
на которой выгравировано (ошибочно, потому что
наше царствие не от мира сего) «*In God We Trust*».
И вы будете продолжать копать золото,

пока скульптурные монументы не зашатаются
со своими символами,
и, поперхнувшись деньгами, вы увидите,
как столетия откатываются во времени назад.
Но и тогда монеты сверкнут в золе,
это и будет вашим наследием: центы,
которыми вы платили за музыку, и это не был
Бетховен, – теперь я помню, –
это не мог быть Бетховен.

Публикация – Марина Темкина

---

* Ираида Легкая сделала этот перевод для программы «Люди и книги» на «Голосе Америки» 20 ноября 1969. Обнаружив в ее бумагах текст испанского поэта Сальвадора Перез Вальенте из его книги «Киноистории», я поразилась тому, насколько актуально он звучит. Предлагаемый перевод был сделан с английского текста, опубликованного в журнале *Atlas*, переводчик неизвестен. На испанском он был опубликован в *La Estafeta Literaria*.

Salvador Perez Valiente (1919–2005), испанский поэт, радиожурналист, редактор нескольких журналов. В послевоенные годы принадлежал к группе творческой молодежи *garcilasismo*; был популярен, как разностилистический, использующий обычную речь реалист.

Небольсин Аркадий Ростиславович

1932–2020

21 августа 2020 года скончался Аркадий Ростиславович Небольсин, известный американский культуролог, философ, международный эксперт в области экологии культуры и охране памятников культуры, член корпорации «Нового Журнала».

Аркадий Ростиславович родился в 1932 году в Монтрё; он принадлежал к первой волне русской «белой» эмиграции. Он был внуком известного русского контр-адмирала Аркадия Константиновича Небольсина, героя Русско-японской войны. Его мать, Екатерина Лаврентьевна Небольсина (Пушина), была художником-аквалеристом, в эмиграции – известным благотворителем, президентом Общества помощи русским детям; отец, Ростислав Аркадьевич, – инженером-гидрологом.

Жизнь семьи Небольсиных с самого начала эмиграции в Америке принадлежала русской православной диаспоре и ее интеллектуальным кругам. Аркадий, параллельно с обычной школой, окончил приходскую школу в Си-Клифе, городке традиционного проживания русских эмигрантов первой волны. Он учился в Гарвардском университете у проф. М. М. Карповича, гл. редактора НЖ, – и со студенческих лет не прерывал связи с новожурналистами. Среди его наставников были философы Георгий Федотов, Георгий Флоровский, Николай Лосский и др. Он хорошо знал Владимира Набокова, Юрия Иваска, Владимира Вейдле – среди многих других выдающихся представителей русской эмиграции в США. Степень бакалавра Аркадий получил в Оксфордском университете и, после службы в армии, в Колумбийском университете – магистерскую степень, а позднее там же защитил докторскую диссертацию на философскую тему «О пошлости» как феномене современной демократической культуры. Аркадий Ростиславович читал лекции и преподавал в Колумбийском, Йельском, Нью-Йоркском и Питтсбургском университетах; был адъюнкт-профессором Университета Дрю.

С 1970-х годов он активно занимался вопросами сохранения культурных ценностей в Европе и США: участвовал в создании Общества спасения итальянского искусства и ландшафта (Italia Da Salvare), Американского общества по охране русских памятников и культуры, общества «Классический город», общества «На страже искусства»; возглавлял Центр по изучению Португалии при фонде «Дом Мануэля Секундо», был советником Международного комите-

та по памятникам и достопримечательным местам (US ICOMOS); в последние годы жизни – советником Президента ICOMOS по вопросам культурного наследия России.

Обладая огромным запасом знаний и оригинальным острым умом, Аркадий Ростиславович был блестящим аналитиком процессов, происходящих в современной культуре. Он стал одним из создателей концепции «экологии культуры», выросшей из бесед с академиком Д. С. Лихачевым. Его известная книга «Метафизика прекрасного» стала продолжением ранних размышлений об эстетике пошлости в атеистических обществах. Аркадий Ростиславович не только философски осмысливал культурные процессы современности, но и активно противостоял духовной энтропии сегодняшнего мира. За свою общественную деятельность он был удостоен ордена Св. Мигуэля де Ала (Португалия), ордена Св. благоверного князя Даниила Московского и др.

Не создав собственной семьи, он принимал живое участие в воспитании детей сестры, рано ушедшей из жизни, – Анны, Павла, Петра и Михаила Хлебниковых, до конца дней своих опекая и наставляя их. Его высокая гражданская позиция нашла отражение в деятельности Павла Хлебникова, известного американского журналиста, убитого в России в 2004 году. Экологическую деятельность А. Р. Небольсина продолжил другой его племянник – Петр, также журналист.

Трудно переоценить вклад Аркадия Ростиславовича в европейскую и американскую культуры, в сохранение и развитие наследия русской эмиграции. А. Р. Небольсин был членом Дворянского собрания Северной Америки, Конгресса русских американцев, Ассоциации русских американских ученых (США), командором Рыцарского ордена Св. Архангела Михаила «Крыла Архангела Михаила» (Португалия) и командором Русского православного ордена Св. Иоанна Иерусалимского (Нью-Йорк, Москва); был президентом Европейского общества по сохранению классической эстетики (Präsident der Europäischen Gemeinschaft zur Erhaltung der Klassischen Ästhetik) и др. Аркадий Ростиславович был на протяжении десятилетий автором «Нового Журнала», на страницах которого публиковал свои философские эссе и культурологические статьи.

Корпорация «Нового Журнала» понесла тяжелую потерю с его уходом. Мы скорбим и выражаем соболезнования родным покойного. Храни, Господи, его душу!

The New Review Inc.
Редакция «Нового Журнала»

ОБ АВТОРАХ

АНАНИЧ Татьяна (1985, Смоленск). Поэт. В 2008 году окончила Всероссийский финансовый институт; школу актерского мастерства имени Стеллы Адлер в Лос-Анджелесе; в настоящее время учится в магистратуре Университета г. Тель-Авив. Автор сборника стихов «АнтиУтопия». Лауреат Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская Ли́ра» (2017). Публикации в ж. «Слово\Word», «Эмигрантская Ли́ра», «Интерпоэзия», «Вестник Пушкинского общества Америки». Эмигрировала в США в 2012 году .

ВЕДЕНЯПИН Дмитрий (1959, Москва). Поэт. Окончил Московский Институт иностранных языков. Переводил поэзию Александра Поупа, Томаса Харди, Андре Шенье и др. поэтов, а также прозу Исаака Башевиса Зингера, Брюса Чатвина, Майкла Каннингема и др. Публиковался в самиздате. С 1987 печатался в журналах и поэтических антологиях. Автор восьми сборников стихов, среди них «Покров», «Трава и дым», «Что значит луч», «Стакан хохочет, сигарета рыдает», «Птичка», «Папа говорит по телефону» (2020) и др. Лауреат поэтических премий, в том числе «Московский счет» (2010), премии-стипендии Фонда Бродского (2011), премии «Поэзия» (2019).

ГЕЛЬБАХ Игорь (1943, Самарканд). Прозаик. Окончил физический факультет Тбилисского университета. Автор книг прозы «Признания глиняного человека», «Утеранный Блюм», «Показания Цаплина», «Очергания Грузии», «Музейна крыса» (2018), др.; две книги переведены на английский язык. Номинирован на «Русского Букера» в 1994, шорт-лист премии Андрея Белого (2004), лауреат премии им. Марка Алданова за лучшую повесть Русского Зарубежья (2012). Живет в Израиле.

ГРЖОНКО Владимир (1960, Баку). Писатель, сценарист, журналист, переводчик. Автор романов «The House», «Свадьба», «Дверной проем для бабочки», «Странник: американская рулетка», рассказов в сборнике «Городу и миру» (2008). Публиковался в литературных журналах США. Лауреат Литературной премии им. Марка Алданова, первое место (2020). Живет в Нью-Йорке.

ДУБРОВИНА Елена (Ленинград). Поэт, прозаик, переводчик. Автор книг стихов «Прелюдии к дождю» и «За чертой невозвращения», романа «In Search of Van Dyck»; составитель и переводчик антологии «Russian Poetry in Exile. 1917–1975. A Bilingual Anthology». Печаталась в «Гранях», «Континенте», «Встречах», в НРС и др. Гл. редактор ж. «Поэзия: Russian Poetry. Past and Present» и «Зарубежная Россия: Russia Abroad. Past and Present» (США). Стихи вошли в антологию английской поэзии «Liquid Gold». Награждена Национальной премией им. Шекспира за мастерство переводов. В США с конца 1970-х. Живет в Филадельфии.

ЕВГРАФОВ Геннадий (1950, Москва). Литератор, редактор. Окончил филологический фак-т МГПИ. Публиковался в России, Франции, Германии и Австрии. Автор публикаций о литературе Серебряного века. Лауреат премии журнала «Огонек» (1989). Подготовил к печати книги В. Розанова «Литературные странники», З. Гиппиус «Литературный дневник», Е. Шварца «Позвонки минувших дней», Д. Самойлова «Перебирая наши даты», Н. Тэффи «Избранное», А. Седых «Далекие, близкие», собр. соч. С. Есенина в 5 т. Составил и издал «Избранное» Семена Липкина «Очевидец» (совм. с И. Лиснянской).

ЗОЛОТАРЕВ Сергей Феликсович (1973). Поэт. Автор книги поэзии «Книга жалоб и предложений». Публиковался в ж. «Арион», «Новый мир», «Дружба народов», «Новая юность», «Волга», «Prosodia», «Урал» и др. Лауреат премии журнала «Новый мир» (2015). Живет в Литве.

КОЛОДЗЕЙ Наталья. Искусствовед, куратор. Специалист по русскому и восточноевропейскому искусству, исполнительный директор фонда Kolodzei Art Foundation, совладелец (с Т. Калодзей) коллекцией, насчитывающей свыше 7000 произведений русского искусства более 300 авторов XX–XXI. Была куратором более 80 выставок в США, Европе и России. Автор и редактор многочисленных публикаций. Почетный член Российской академии художеств.

КОЛКЕР Юрий (1946, Ленинград). Поэт, журналист. Публиковался в самиздате; один из составителей антологии ленинградской неподцензурной поэзии «Острова» (1982). Выпустил в Париже первое комментированное собрание стихов В. Ходасевича (1983). В эмиграции с 1984 года. Готовил и выпускал в эфир радиожурналы «Парадигма» и «Европа» на Би-Би-Си (1991–2002). Лауреат премии министра абсорбции Израиля (1987). Автор восьми книг стихов и критических работ о Баратынском, Ходасевиче, Бродском, Хлебникове, Коржавине, Д. Самойлове и др. С 1989 года живет в Лондоне.

КУЛЕН Елена (1964, Архангельск). Историк культуры, переводчик. Окончила историко-филологический факультет Северного университета (Архангельск), Институт Восточной Европы при Свободном Университете Берлина (Freie Universität). Работает в качестве историка-слависта в рамках научного исследования о русских ДиПи в послевоенной Баварии.

ЛЕОНИДОВ Виктор Владимирович (1959, Москва). Критик, исследователь истории Русского Зарубежья. Окончил Историко-архивный институт, кандидат исторических наук. Автор-составитель нескольких книг поэтов Русского Зарубежья и многочисленных статей по проблемам наследия русской эмиграции. Один из организаторов Архива-библиотеки Российского ФК.

ЛВБОВ Василий Сергеевич (1989, Москва). Поэт. Защитил диссертацию по русскому формализму (ф-т журналистики МГУ). Преподавал в Columbia University и в Hunter College. Автор научных статей в Америке, России, Англии и Новой Зеландии. Публикации в ж. «Звезда», «Новый мир», «Интерпоэзия», «Gastarbajter»; поэтические переводы в ж. «Inventory» (Принстон) и на ресурсе «National Translation Month». Живет в Нью-Йорке.

МАРТЫНОВ Андрей (1972, Москва). Литературовед, историк культуры. Окончил МПГУ, канд. философских наук. Сфера научных интересов: литература Русского Зарубежья, военная история России 1-й пол. XX века. Автор книг «Литературно-философские проблемы русской эмиграции», «По обе стороны правды. Власовское движение и отечественная коллаборация», а также около 50 научных статей и публикаций.

МУСАЯН Ара (1946). Переводчик, прозаик. Вместе с родителями в 1947 году переехал из Франции в Советскую Армению, с 1948 по 1952 гг. семья жила в Абхазии. В 1964 г. вернулся во Францию, учился на философском факультете Сорбонны. Публиковался в журнале «Орти» в 1979–1984 гг. Пишет по-французски и по-русски. Живет в Париже.

РАДАШКЕВИЧ Александр (1950, Оренбург). Поэт, эссеист, переводчик. Эмигрировал в 1978 г. в США, работал в библиотеке Йельского университета. С 1984 г. живет в Париже. Работал редактором в «Русской мысли». В 1991–1997 гг. был личным секретарем Великого князя Владимира Кирилловича Романова. Автор десяти книг поэзии, прозы и переводов. Член СРП и СП XXI века, представитель Международной Федерации русскоязычных писателей во Франции. Стихи переведены на англ., фр., серб., болг. и араб. языки.

РАЗУВАКИНА Наталья (Хабаровск). Поэт. Работала на городском радио Екатеринбурга. Автор книги «Быстрая синева», публикаций в литературных журналах. Живет в Переславле-Залесском.

САЛИМОН Владимир (1952, Москва). Поэт. Закончил педагогический институт. Автор двух десятков книг стихотворений, среди последних – «Любовь к пересеченной местности», «Право на молчание», «Среди оврагов и холмов» (2018). Главный редактор журнала «Золотой век» (1991–2001). Лауреат многих литературных премий, в том числе Европейской поэтической премии Римской Академии (1995), Новой Пушкинской премии (2012), премии «Венец» (2017). Член русского ПЕНА.

СТАРИКОВСКИЙ Григорий Геннадиевич (1971, Москва). Поэт, переводчик, педагог. Стихи печатались в журналах «Дружба народов», «Волга» «Новая

Юность», «Новый Журнал», «Интерпоэзия» и др. Переводил оды Пиндара («Пифийские оды») любовные элегии Проперция («Третья книга элегий») «Буколики» Вергилия, сатиры Авла Персия, «Одиссею», песни 9-12, а также стихи Патрика Каванаха, Луиса Макниса, Луи Арагона, Дерека Уолкотта, Шеймуса Хини и др. Автор поэтических сборников «Элеутерия», «На углу», «Левиты и певцы», «Автономный источник». Живет в Нью-Йорке.

ФУРМАН Рудольф (1940, С.-Петербург). Поэт. По образованию – врач эпидемиолог, канд. медицинских наук. Автор сборников поэзии «Времена жизни...», «Парижские мотивы», «Два знака жизни», «И этот век не мой...», «Человек дождя», «После перевала». Публикации в ж. «Нева», «Новый Журнал», «Мосты», «Побережье», «Встречи», «Слово/Word», «Интерпоэзия», «Связь времен», «Дни и ночи», «Глагол» и др. В США с 1998 года.

ШЕВЧЕНКО Ганна (г. Енакиево, Украина). Поэт, прозаик. Лауреат международного драматургического конкурса «Свободный театр» (Минск) и премии Gabo Prize Winners (Великобритания) за стихотворные переводы; финалист поэтической премии «Московский счет», лауреат международной премии Фазиля Искандера. Автор книг «Подъемные краны», «Домохозяйкин блюз», «Обитатель перекрестка», «Форточка, ветер» (2017). Живет в Украине.

ЮРКЕВИЧ Анастасия (Москва). Музыкант, поэт, переводчик. Закончила консерваторию г. Детмольда (Германия) и «Моцартеум», позднее международную школу менеджмента в Зальцбурге (Австрия). Восемь лет работала в ООН. Публикуется с 2013 года в журналах «Гвидеон», «Плавучий мост»; финалист конкурса «Поэт года 2014». Автор книги «В обратном порядке» (2017). Лауреат конкурсов «Эмигрантская Лира» (2015), «Наследие» (2017), специальная премия ж. «Интерпоэзия» (2015). В Германии с 1992 года. Живет в Берлине.

УКАЗАТЕЛЬ К №№ 291–300, 2018–2020

ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ ИМ. МАРКА АЛДАНОВА

Маргарита Меклина – Улай в Литве. № 293, 2018;
Итоги конкурса 2019 года № 296, 2019;
Исаак Розовский – Волшебный дар Сандалетова. № 297, 2019;
Илья Прозоров – Ди-трейн. № 298, 2020.

ПРОЗА

Каринэ Арутюнова – Цвет Боннара. Рассказы. № 297, 2019;
Михаил Бараш – Теплое чувство к холоду. Миниатюры. № 292, 2018;
Андрей Белозеров – Тело. Повесть. № 291, 2018; Джекпот, или Портрет художника в силе. Повесть. № 295, 2019;
Евгений Брейдо – Любовь Государыни. Повесть. № 294, 2018;
Полина Брейтер – Октава. Повесть. № 298, 2020;
Игорь Гельбах – Бронгаузер с комментариями. Повесть. № 292, 2018; Возвращение на Юг. Рассказ. № 295, 2019; Опоздавшие. Роман. № 299, 300, 2020;
Сергей Захаров – Безобразный Эдди. Рассказ. № 292, 2018; Волосы Вероники. Рассказ. № 294, 2019;
Андрей Иванов – Синее пламя. Рассказ. № 298, 2020; Гаспаль. Рассказ. № 300, 2020;
Дмитрий Игнатов – Два рассказа. № 299, 2020;
Игорь Михалевич-Каплан – Шестидесятники. Двое в лодке. Рассказы. № 295, 2019;
Асият Каримова – Добрые люди. Повесть. № 291, 2018;
Геннадий Кацов – Метробусы. Стансы к городскому трансю. Цикл новелл. № 296, 2019;
Андрей Красильников – На краю бездны. Роман. № 293, 2018;
Алла Лескова – Рассказы. № 294, 2019;
Елена Литинская – Понять нельзя простить. Bildungsroman. № 299, 2020;
Александр Мотт – Сельский пейзаж с избранными праведниками и грешниками. Повесть. № 293, 2018;
Ара Мусаян – Литература. Миниатюры № 294, 2019; Год 2019. Миниатюры. № 297, 2019;
Ольга Партан. – Соседка. Грузовичок «Форд». Рассказы. № 295, 2019;
Илья Прозоров. – Ди-трейн. Повесть. № 298, 2020;
Леонид Ржевский – Человек, которому было всё равно. Повесть. № 300, 2020;
Э. Старосельский – Приключения Арона Мюнхаузена. Повесть. – № 292, 2018;
Владимир Торчилин – Одна жизнь. Повесть. № 291. 2018; Рассказы. № 298, 2020;
Василий Тюхин – Белый Капедан. Повесть. № 296, 2019;
Елена Улановская – Город, где цвели абрикосы. Повесть. № 297, 2019.

ПОЭЗИЯ

Юз Алешковский – «Осенние стансы после ливня». № 294, 2019; «Сентябрь», «Последний пятак», «Записка Ире соседке по парте на уроке старости», «Вьюга сука достала...», «Весна». № 296, 2019;

Виталий Амурский – «В мороз монета клеилась к стеклу...», «Ах, книги канувшего времени...», «Итальянская фантазия на тему Мандельштама», «Чекистского писаря почерк...», «О, лет военных изможденный лик...», «Тень». № 293, 2018; «Берлинский диптих», «Урок памяти» «Родина – не фильмы про победы...», «Всё, что было, трогать не хочу я...», «Из Пушкинской тетради», «Уж полвека с лишним с той поры...», «Изящный портрет в медальоне...», «С лицейских лет терпеть не мог мундир...». № 298, 2020; «Памяти Владимира Войновича», «Одни и другие», «В Москву. Незнакомому лично», «Карантин 1830 года». № 300, 2020;

Александр Бараш – «Перелет», «Голова в полосе отлива. Воздух сед...». № 291, 2018; В долине великанов. Из цикла «Верхний город», Из цикла «В долине великанов», «Когда мое тело станет...». № 297, 2019;

Полина Барскова – «Срок», «К болезни», «Семья. Бегство в Египет...», «Речевка». № 296, 2019,

Андрей Бауман – «Ленинградская колыбельная...», «В тот год», «умершие приходят в места лишенные мест...», «земля просыпается...», «тело войны...», «однажды наши чужие губы...», «Предверие», «времена вслаиваются в плоть друг друга...», «самое последнее дело...». № 299, 2020

Станислав Бельский – Из цикла «Сквозь тусклое стекло»: «всякий подарок становится...», «все зависит от направления цвета...», «пустить встречный огонь...», «Пожалуй всё:», «Существование в обход...», «невыносимая прозрачность вещей...», «что-то неумолимо меняется память...», «выплеснуть нарратив...». № 295, 2019;

Лена Берсон – «Зря мы елку убрали с ее треногой...», «Рыба ищет, где глубже, где вода холодней...», «Два маленьких – муж, жена, с улыбкой горелки газовой...», «Время госмузыки, бани в отделе колбас...», «Снег пошел за окнами барака...», «Посмотри на меня, мой доуг, Гекльберри Финн...». № 298, 2020;

Дмитрий Бобышев – «Из невошедшего»: «Солдатский треугольник», «Февраль на таврической улице», «Несколько первых цветов», «Со мною девочка идет, Наталья...», «На арест друга», «Польше», «Воспоминание об империи», «Льву Друскину». № 300, 2020;

Валерий Брайнин-Пассек – «Запах свежего белья...», «Погоды тихой баловень и дамб...», «Из детства, из дешевых литографий...», «Карточный домик на тонких бумажных опорах...», «Слова, улетающие в пустоту...», «Фальшивый сваровски лежит на витрине...». № 296, 2019;

Николай Ник. Браун – Путем Гумилева: «Памяти Николая Гумилева», «Гумилевский портсигар», «В клубе лагерном – Гумилева», «Вблизи расстрела Гумилева», «У памятного креста в Бернгардовке», «Путем Гумилева».

- № 295, 2019; «Все матерям российским. Главы из поэмы», № 298, 2020;
Дария Брылевская – «животное...», «ликует дрожью тела...», «Каждому камню свое место...», «боль переросла в крик...», «блудная ночь...». № 299, 2020;
Евгений Бунимович – «пространство элементарных событий». № 291, 2018;
Александр Вейцман – «В ре миноре», «Февральская полночь», «Итальянская зарисовка», «Салазар 1968», «P.S.». № 296, 2019;
Михаил Вирозуб – «Жизнь по соседству», «Стоял июль. Тебе семнадцать лет...», «Сказала женщина...», «Дорога в Киржач», «У женщины долго жила собака...», «Счастье». № 292, 2018;
Иван Волосюк – «Miracle at St. Anna», «Серый Волк не слышит звук шагов...», «Опять Клинских нам что-то про туман...», «Из Андрея Хадановича». № 297, 2019;
Татьяна Вольтская – «Улетают гуси цепочкой рваной...», «Красный месяц заходит по-свойски...», «Вот и первый снег – будто новый век...», «Елки держат снег на вытянутых руках...», «Всего и нужно-то, чтобы жить...», «Жизнь еще поболит и пройдет...». № 297, 2019;
Янислав Вольфсон – «В темноте», «Вот мы и попрощались...», «Ехал в средней линии...», «Вот и стала постепенно пресной...». № 292, 2018;
Лилия Газизова – «Буду осмотрительной маяка...», «Это была бы плохая идея...», «Дай мне время...», «Возлюбленный и мертвый...», «Уточнить отношения...», «Как опрометчиво, Виталик!..», «Ну не в каждом порту...», «Мы будем не поднимать...». № 295, 2019;
Владимир Гандельсман – Надпись на книге: «когда я жил ее любя...», «Идя из школы музыкальной...», «Небо звезд ли, микроны...», «День», «Наизнанку эдем...», «В трех частях», «Надпись на книге», «Яблоня», «Деревья в сговоре, как близкие...», «Она», «Художник в свои 85». № 300, 2020;
Марина Гарбер – Мертвый час: «Это еще не Венеция, это Падуя...», «Здесь нет тебя – и в этом что-то есть...», «Поэт», «Свет еще не зажжен – это брод между светом и светом...», «Гроза закончилась, и нам от грозы...», «Мертвый час», № 297, 2019, «Там, где часами синеустыми...», «Две женщины», «Старое фото», «Темны дела твои, тихи дворы...», «Он еще молчит, и ему неловко...», «В первый день нагрянувшего года...». № 300, 2020;
Александр Григорьев – «Когда глубоководным существом...», «Провинциал и сын провинциала...», «Слышь, малой», «В шести плутать лет двадцать падежах...». № 293, 2018;
Борис Григорин – Невидимка: «Ветвь жасмина в поллитровой банке», «Невидимка», «Так ничего и не увижу...», «Резина», «Большая Ижора». № 292, 2018;
Андрей Грицман – Межсезонье: «Кемерово...», «Не мысль, но жест, полет руки и шопот...», «Как от самых краин – с Украины...», «Мы будем вместе. Я с тобой...», «Межсезонье, – сказала Таня...», «Транзит», «9 мая». № 293, 2018;
Стынет след: «Мы будем вместе. Я с тобой...», «Ivy Hill», «Господи, дышать

так трудно...», «Сколько здесь было всего...», № 298, 2020; «Неважно, куда ты идешь по лабиринтам мозга этого города...», «Долгий бессмысленный дождь...», «История семьи», «Остановка в пустыне на семьдесят лет...», «Потемнело. Наохлохлились птицы...», «Ткань расплзается тнует течет...», «На выставке», «Мы одни в райском саду...», «Гурзуф», «Оставляя оливки прошлого...». № 300, 2020;

Татьяна Данильянц – Люди и вещи: «ХТК», «Ночные берега», «Эрос», № 293, 2018; Согревающий смысл: «Посвящение», «Небокарта», «Эти птицы-мастерицы...», «Золотые стога», «Исповедь цветка». № 298, 2020;

Олег Дозморов – «Пелось в песне: птицы не поют...», «Они давали мне последний шанс...», «И у меня он есть – помощник...», «Ты знаешь Постоногова? – Отнюдь...», «Куда пропало слово ‘маргарин’?». № 296, 2019; *Елена Дубровина* – «Безмолвие», «Я слышала, как звезды пели...», «Бессоница», «Опять грущу о старых парках...». № 292, 2018;

Лена Дудукина – «Мир состоит из джинсов, мужчин и ветра...», «Натуся вспоминает свой первый раз...», «Художница Марья искусно стегает шов...», «Волшебнику тоже нужны забота, покой и отдых...», «Я живу одна...», «Люди в белом...», «Венеция». № 293, 2018;

Марк Зильберштейн – «Автобусы со взглядом исподлобья», «Мария на ослике, Иосиф», «Топографические вариации», «Память, услужливый ластик», «Толстый лед на широкой реке...», «От болотных испарений – струй...», «Любезные друзья! Скажите, вы простили?...». № 292, 2018; «Delonix Regia», «Три стихотворения», «Майская элегия», «Он выронил очки от солнца...». № 295, 2019;

Сергей Золотарёв – «Видящие», «Над небом голубым», «Черный хлеб выпекается ночью...», «В спортивном зале комната охраны...», «И ближний свет машин...», «Зачем все это затевать?...», «Гробокоп», «Старшая жизнь моя младшей глулей...», «Продляю жизнь еще на сутки...». № 293, 2018;

Ольга Иванова – Из цикла «Гость»: «в калейдоскопе крон и кровель...», «интриги записная дребедень...», «притравы и хулы преодолев...», «Наглеющий вороний голосок...». № 293, 2018;

Мария Игнатова – Три жизни: «Шура», «Воронцовский парк», «Гастарбайтер на пасеке». № 298, 2020;

Катя Капович – «Пишет вам Маша, российская школьница...», «Русский скрзбл», «С трудом будет дюжина тут человек...», «Перл Харбор», «Пусть сызнава начнется жизнь моя...», «Как их повесили, так и висят...», «Бушует ветер на земле...», «В снегу тропинка замурована...». № 300: 2020;

Геннадий Кацов – Смена часовых: «посмотришь на пейзаж с балкона...», «Монолог с судьбой», «след птицы в промерзшем стекле...», «опять рассвет, и некому помочь...», «Пустяки разговор. Самому на себя попенять...», «мир январский не сух, оттого сыр и вял...», «с влагой выплеснут липкий комочек, кусочек...», «широты и долготы не знать...». № 299, 2020; «Шабат», «осень,

летит перелетная бабочка...», «стакан наполовину пуст...», «человек сам себя мелет...», «К первому декабря», «фонограммы в пластинке из пластика...». №300, 2020;

Бахыт Кенжеев – «девы молодые гуляют везде...», «Война и мир», «стеклянная осень царица полей...». № 300, 2020;

Евгений Коган – «Хармс», «Две мышцы грызут рогожу...», «Сдается квартира без боя часов...», «На исходе века», «Один счастливый человек». № 300, 2020;

Владимир Козлов – «Неразгаданный полет цапли», «Маска рыбы». № 294, 2019;

Нина Косман – «Что такое смерть...», «Там, где последний шаг...», «Витают надо мною тень твоя...», «Облаченный в вериги своих творений...», «Он не придет, не будет – Судный день...», «Ты искусно забыл...», «Прощание с двойником», «Ах, не пой мне про жизнь...». № 294, 2019;

Семен Крайтман – «...и тогда один вагон говорит вагону другому...», «а я ведь тоже жил в Одессе пыльной...», «я выглянул в окно, под песнь сирен...», «начало дня...», «вода напоминала Шардоне...», «а потом за соседний столик пришла она...», «Рим был свиреп. Из ржавого его...». № 298, 2020;

Игорь Джерри Курас – Ворота в никуда: «Я нашел в лесу ворота в никуда...», «Ты далеко, а здесь повсюду снег...», «Вдруг вспомнится: проснешься на Свечном...», «Хотел бы я на подмосковной даче...», «Так же плохо, как тошно тебе, дорогой книгочей...». № 299, 2020;

Гари Лайт – «Полустанок Forest Glen», «Абсурд воскресных дней, как в марте, до весны...», «Ladispoli IV – предотлетные дни», «На улице Маккейна все те же тополя...», «Улетай поскорее из этих озерных краев...», «Послесловие...». № 296, 2019;

Ираида Легкая – «Ветер что мне...». № 292, 2018; «Тихо-туманная взвесь...», «Таскала тоску...». № 295, 2019;

Елена Литинская – «Память золы», «Я говорила: Не хочу стареть!», «Памяти Н. М. Шульгиной», «Читая дневник отца». № 293, 2018;

Борис Лихтенфельд – «Лимитрофы», «Георг Гейм», «Произвольный монтаж», «Die Schuldfrage», «Два Александра». № 292, 2018;

Ольга Логош – «Что возросло для тебя...», «твой шаманский пирог...», «Если будешь...», «Ты – речной человек...», Святки, Диалог. № 291, 2018;

Василий Львов – Быт и я: «Одноденчество лучше, чем одиночество...», «Инфинитивы», «Стиль», «Перо», «К тебе воззва! Прииди!», «Моросчастье», «Быт и Я». № 295, 2019;

Григорий Марк – «Кинохроника Огненного погребения». № 291, 2018; «В темноте этой книги...», «Чернота, обведенная...», «И не то чтобы так уже выдохся. Нет...», «В туннеле чавкающих...». № 295, 2019; «Прошлой ночью, примерно в четыре, постель...», «Разговор словно мост над бурлящим потоком...», «Глория», «Весь ветер в сосновых иголках...», «Шел в колонне, но сам по себе, много лет...», «Вытаскивал ловко как фокусник из пустоты...», «Раздвигает созвездья...». № 299, 2020;

- Ирина Машинская* – «День, когда привезли роаяль...», «Стихи дочери», «Пьеса», «Печь». № 300, 2020;
- Игорь Метельский* – «Бегономешалка», «Обнуление», «знать бы как оно на самом деле...», «плывет кувыркаясь по шпалам...», «Оттепель 04.02.2019», «люблю весну: прохладный воздух сух...», «Точка росы», «и если так разматывать цепочку...». № 299, 2020;
- Юрий Михайлик* – «В Гамале все погибли, кроме двух сестер Филиппа...». № 291, 2018;
- Джудит Мок* – «В Сибирь. Стихотворение». № 297, 2019;
- Александр Немировский* – «Австрийская открытка», «Следы», «Гавайские открытки», «Мы спорим о птицах...», «Постимпрессионизм», «Шотландская Сюита», «Живопись». № 297, 2019;
- Хельга Ольшванг* – «В дорогах людных, за экраном...», «Сегодня с нами холод разучивает новую вещь...», «Земная кора», «Rumble», «Вместо Ли Бо», «Заново распускает и заново ткёт она...», «Конец декабря...». № 298, 2020;
- Александр Петров* – Эх-на! Родная земля! «Странники», «Двухлунный верблюд», «Девица», «Самец», «Лю-лю-лю блю-блю- блю», «Смерть», «Поэт», «Страна». № 295, 2019;
- Игорь Померанцев* – Аптекарский сад: «Я знаю его неплохо, можно сказать хорошо...», «Вы находитесь здесь...», «В Праге у меня есть любимая аптека...», «Лекарство от птахокардии? Без рецепта?...», «Повезло...», «Аптекарь! Эй, аптекарь?» – кричит Ромео...», «Старая проститутка (diobolaris)...», «Незадолго до ухода...», «Не знаю, можно ли назвать его аптекарем...», «После тяжелой и продолжительной...». № 296, 2019;
- Екатерина Преображенская* – «Жук, пожелавший дружить со мной...», «Мухи, данные мне в назидание...», «Благословен тот, кто дал мне смотреть...», «Видела я тебя на Елизаровской... В ослепительном сиянии...». № 299, 2020;
- Александр Радашкевич* – На меже непроявленной яви: «Записка», «Ушедшим», «Над малым инзером», «Пластинки». № 293, 2018;
- Виталий Рахман* – «Вы помните, как картошкой когда-то...», «Орды Батыя росу приминали с рассветом...», «Памяти Иосифа Бродского», «Исаак», «На окошке герань расцвела...», «Рождество в Нью-Йорке». № 297, 2019;
- Наталья Резник* – «Травиата», «Тоска», «Наш нерожденный ребенок играет в песке...», «В колорадском лесу масленок...», «Независимо и гордо...», «Отец». № 292, 2018;
- Владимр Рибопьер* – «Памяти Александра Меня», Из цикла «Чужая тетрадь», «Памяти Зои Крахмальниковой», «Прощальное», «Москва. 1918», «Памяти всех русских Рибопьеров: «Петроград 1919», «После Рима», «Памяти Альфреда Шнитке». № 295, 2019;
- Владимир Салмон* – На дороге в рай: «Разные у всех дороги в рай...», «Красиво. Снежно...», «Как раз, когда во тьме кромешной...», «Ветер распахнул окно...», «Бог ведь, откуда эти слезы?...», «На столе остались крошки

хлеба...», «Едем, едем, едем не спеша...», «Не осталось в нем воды ни капли...». № 294, 2019;

Валентина Синкевич – Стихи разных лет: Из книги «При свете лампы»: «Соло», «Ноченька», «В Норвичском университете (Вермонт)», «День Святого Валентина на ферме Рова», «7.30 утра», «При свете лампы». № 292, 2018.

Валерий Скобло – «Даже с таким, выживающим из ума...», «Да, мы – утра... мордва и явь, и чужь!..», «Кванты истории», «День отплытия», «Приходить в себя я начал понемногу...». № 291, 2018ж «Знаешь, какой фразой мне хочется завершить...», «Во что шепчет ночная река...», «Крылатою силой Воды и Огня...», «Да, я – часть трудового народа...», «Не терзаюсь всесилием тьмы...», «Не терзаюсь всесилием тьмы...», «Господь, сделай меня Твоей армии рядовым...», «Край света, за которым, не ведаем, тьма ли...». № 296, 2019.

Евгений Сливкин – Пятнадцать лет спустя, «Среди цветов, больных ангиной...», «И осталось от города Питера...», Мурены, Американский мотив, «Термометра прозрачна флейта...». № 291, 2018;

Алексей Ткаченко-Гастев – «...Будто бы мир – огромный...», «Когда я вернулся в Россию...», «Те города в чахоточном дыму...», «Я качусь сквозь Москву на учебном трамвае...», «Я верю и вновь нахожу их...». № 295, 2019;

Борис Фабрикант – «Вдали промчался катер пробкой винной...», «Приехало прошлое с темным налетом от гари...», «По дырявой воде до немойтой дороги...», «У нее счастливая душа...», «И помнится толстый ковровый рисунок заката...», «Судьбе по рельсам путь от тупика до Бога...». № 299, 2020;

Владимир Ханан – Воскрешать перед мысленным взором: «Вот так – хранители ворот...», «Воспоминая в Териоках», «Когда я ночью приходил домой...», «Я видел картину не хуже – однажды, когда...», «Воскрешать перед мысленным взором...», «Опять во сне то Пушкин, то Литва...», «Где застряла моя самоходная печь...». № 291, 2018; «Обухово», «Какая твердая вода!...», «Каляева, б», «Домский собор. Ночь. Рига», «Неспокойные, вечно 'на взводе'», «В том месте снов и тишины...», «На семейном старом фото...». № 300, 2020;

Алексей Цветков – «стекла в стрелках дым в трубу...», «нас ночь разводила и напех совала в метро...», «на секунду в мозгу светло...», «был долгий дом напев простой луны...», «ночью в черную дверь непривычно привинчена ручка...», «кто камни тяжелил и руку правил богу...», «когда-нибудь пришла и встала у окна...». № 300, 2020;

Валерий Черешня – «Все стихи рождены влюбленным...», «Живешь, живешь и обжигаяешься...», «Свет», «Одесса. Бульвар, 60-е», «Черно-белая фотография», «Оттиск», «В холодный, ветренный, весенний день...». № 296, 2019;

Феликс Чечик – «Она ему читает Чехова...», «Что вышний волочек...», «Ах, папа-мама – поскорей...», «Не орел – я поставил на решку...», «Друг, на время февральской стужи...», «Больничка – не больница...». № 295, 2019;

Евгений Чигрин – «Праздник воды», «Мертвецы из лонгплея...», «В окрестностях маяка», «Девушка с татуировкой дракона». № 292, 2018;

Сергей Шабалин – «Еще не кончился сезон...», «Лестница в небо», «Не надо. №291, 2018; «В прибрежном парке больше не звучит...», «Еще раз о странностях любви», «Конец, Возвращение», «Володя уехал в Бильбао», «Скоро тридцать лет как нет железного...». № 295, 2019; «Скоро тридцать лет как нет железного...». № 296, 2019;

Константин Шакарян – «Нет ни времени Тебе...», «Ars Poetica», «Подрастает моё столетье...», «Есть тона и оттенки у чувств...», «Дневников не вел и не веду...», «Лета нынче в разливе снова...», «Я жил до тебя и, возможно, дожил бы до ста...». № 299, 2020;

Вячеслав Шаповалов – Где вера вернее надежды: «Exegi monumentum», «Сумерки», «Встреча», «Чужая жизнь», «Вечерний пейзаж». № 293, 2018;

Ганна Шевченко – «Значит, ему угодно...», «Откуда ни возьмись, вползает дым...», «Ночью небо в черном своем дуришлаге...», «На это глядя, кажется у входа...», «Я не знаю, в чье сердце плачет твоя жилетка...», «Видится труб заводских...», «Март отошел, апрель явился, его коллега...». № 293, 2018;

Клементина Ширизова – «сумерки там, где оконно-малиновый свет...», «зов странствий...», «Реанимация», «в детстве любила средневековые замки...», «сидели в беседке...», «непредвиденно возвращаясь...». № 294, 2019;

Марина Эскина – Сезам откроется: «Отцу», «О панельно-блочный дом пятиэтажный...», «Кто первым, кто последним был, какая разница...», «Раньше ты говорила: где родители, дети – там у меня и дом...», «Навели на город неприкаянный наш...». № 292, 2018; Не о любви: «Пярун», «L'elisir D'Amore», «Новый орфей», «Нет, это я не о любви...», «В понедельник утром она спит непривычно крепко...», «Диалог», «Чуть пригреет и вспомнишь...». № 299, 2020; *Михаил Этельзон* – «Новый Крысолов», «Эдвард Мунк», «Метет», «Ницше», «Турин», 1889, «Заповеди», «Моби Дик», «Китеж, 59». № 294, 2019;

Анастасия Юркевич – «Помнишь какая была гроза...», «Berlin – Warszawa», «непривязываться слишком, не копить вещей...», «Пристальнее – оттого, что смертен...». № 291, 2018;

Сергей Яровой – «Первой 1989 года», «Ты прорастаешь тонким стебельком...», «Сомбатюн», «Ты была чужою золушкой...», «Моей жене». № 298, 2020;

Владимир Ясков – «точно осина дрожь...», «...холодный мигающий ветренный день...», «задержись на детали...», «...а где-то толковые трудятся мышцы...», «послушай, ты, может, жалеешь о чем-нибудь?..», «Прощание. 2», «Берег разлуки», «первым ожегший инеем, ветренный, клочковатый...», «время буксует в теле, как ветер в поле...», Миллениум. № 291, 2018; «Ошибки совести»: «когда наступает расплата», «Просьба», «Холодно», «все книги, да скука...», «Dum Spiго», «Прощание», «Записка». № 296, 2019; Следы соляных столпов: «Сигулда. 1984», «Fis-Moll», «Сквозь сон», «With love and squalor», «Fin», «P.S.». №300, 2020.

Антология «70» К 70-летию государства Израиль. № 291, 2018

Елена Аксельрод – «Возил по местечку тележку с пивом...»;

Владимир Гандельсман – Из псалмов Давида: «На шалых стад...», «Спаси, господь! В чести соблазны...»;

Геннадий Кацов – «Исход», «День отца, Ветхий завет», «Год 5776-й»;

Керен Климовски – «Я ненадолго, но я здесь жила когда-то...»;

Нина Косман – «Как ягнят, их вели на жертву...»;

Марина Меламед – «На восток уходит ветер за пустынный Иудейской».

КНИГА И СУДЬБА

Светлана Алексиевич – «Мы совершенно не готовы к будущему». Интервью Надежде Ажгихиной. № 291, 2018;

Игорь Михалевиц-Каплан – Поэзия перелетных птиц. № 292, 2018;

Наталья Червинская – Записки читателя. Часть вторая. № 293, 2019.

ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

Виталий Амурский – Пространство и ориентиры А. Гинзбурга в годы изгнания. № 293, 2018;

Ирина Анастасьева – «Горьким словом моим посмеюся...». № 293, 2018;

Джемма Бабич – Несколько слов о Павле Бабиче. № 296, 2019;

А. П. Богаевский – 1918. Воспоминания. О деле генералов Сидорина и Кельчевского (Публ. – *Юрий Сандулов*). № 291, 2018;

Воспоминания об архиепископе Феофане Полтавском (Публ. – *Юрий Сандулов*). № 296, 2019;

«Всегда ваша – Валентина Синкевич». Письма В. Синкевич Павлу Бабичу (Публ. – *Д. Бабич, Ю. Сандулов*). № 296, 2019;

Лариса Вульфина – Ф. С. Рожанковский и В. Б. Сосинский. Переписка 1957–1967 гг. № 294, 2019;

Елена Дубровина – «И опять о любви, и опять...» Из наследия Юрия Мандельштама. № 295, 2019; Об альманахе «Встречи». № 296, 2019;

Неопубликованные письма Юрия Мандельштама. № 299, 2020;

Владимир Жиганов – Открытое письмо газете «Голос Родины!». 1976 год. (Публ. – *Ю. Сандулов*). № 298, 2020;

«Золотая книга русской эмиграции» (Публ. – *Ю. Сандулов*). № 294, 2019;

«И нет ничего приятнее, как спать под открытым Небом». Письма Ю. Бобрицкого. № 298, 2020;

Б. П. Каретников – Неизвестные произведения Юрия Фельзена. № 295, 2019, Два фельетона Юрия Фельзина, № 297, 2019;

Дж. Краускопф – Яснополяние летописи (Публ. – *М. Уральский*). № 299, 2020;

О. Ф. Кузнецова – Издательские шуточки и райские звуки. Юрий Иваск о стихах Игоря Чиннова. Стихи из переписки И. Чиннова и Ю. Иваска (Публ. – *О. Ф. Кузнецова*). № 296, 2019;

Юрий Мандельштам – О любви. № 295, 2019; Три статьи. (Публ. – *Елена Дубровина*). № 297, 2019; «О русской литературе. Статьи» (Публ. – *Елена*

- Дубровина*). № 298, 2020; «Обращение к читателю. Письма. (Публ. – Елена Дубровина, Мари Стравинская). № 299, 2020; «Меря жизнь гармонией небесной...». Письма Бориса Чичибабина к Полине Брейтер. № 297, 2019; № 298, 2020;
- Николай Моршан* – Киевские стихи. 1936–1947 (Публ. – В. Агеносов). № 291, 2018;
- А. В. Назарова, М. В. Михайлова* – «Милый Фаньч!». № 300, 2020;
- Письма Е. Н. Чирикова к А. М. Федорову (Публ. – А. Назарова, М. Михайлова). № 300, 2020;
- Ирэн Немировски* – Ида (Публ. – М. Рубинс). № 291, 2018;
- Переписка М. А. Алданова и С. С. Постельникова (Публ. – Станислав Пестерев). № 297, 2019;
- В. П. Павлович* – Митавский «Сфинкс» (Публ. – Ю. Сандулов). № 297, 2019;
- Л. В. Савелов* – Эвакуация (Публ. – А. Любимов). № 291, 2018; Три речи. (Публ. – Андрей Любимов). № 293, 2018;
- Владимир Семин* – От мистицизма до марксизма. Идейные практики юного Николая Гумилева. № 292, 2018;
- А. И. Синченко, Ю. Сандулов* – История Новой Кубани. Интервью. № 292, 2018;
- А. М. Федоров* – Стихи (Публ. – В. Ярмолинец). № 292, 2018;
- Юрий Фельзен* – «И вот, оно, пришло успокоенье». Стихотворение. Воин. Рассказ. № 295, 2019; Два фельетона (Публ. – Б. П. Каретников). № 297, 2019;
- Марк Уральский* – Молодой Алданов. Часть первая. № 292, 2018; Часть вторая. № 293, 2018; Исторический романист русской эмиграции. Часть 3. № 295, 2018; Яснополянские летописи раввина. № 299, 2020;
- «Человек, которому не снились сны». Письма Ивана Елагина Ираиде Легкой (Публ. – Ираида Легкая). № 296, 2019;
- Иван де Шаекк* – Зрелище пути. Великий князь Борис в США (Публ. – Каральби Мальбахов). № 294, 2019;
- Вадим Ярмолинец* – Возвращение на Волгу. Неопубликованные стихи А. М. Федорова. № 292, 2018.

К 150-летию И. А. Бунина

- Современники о присуждении Нобелевской премии И Бунину* (Публ. – Е. Дубровина). № 300, 2020;
- Юрий Мандельштам* – Статьи об Иване Бунине. (Публ. – Елена Дубровина, Мари Стравинская). № 300, 2020.

ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА. ИСТОРИЯ

- Марина Адамович* – 40 лет и вся жизнь. Игорь Чиннов и «Новый Журнал». № 298, 2020;
- Ирина Анастасьева* – «Горьким словом моим посмеюся...» Переписка М. Алданова и Л. Штильмана. Часть 1, № 293, 2018; Часть 2. № 294, 2019;

- П. Н. Базанов* – Издательство «Новый Журнал». № 300, 2020;
- Лев Бердников* – Егор Канкрин. Финансист на все времена. № 292, 2018;
- Т. В. Гордиенко* – Евгений Алексеевич Бунин. № 292, 2018;
- Ренэ Герра* – Апокалипсис Гражданской войны. № 297, 2019; Памяти Екатерины Таубер. № 300, 2020;
- Александр Горянин* – Роковые двенадцать месяцев. № 294, 2019;
- Евгений Деменюк* – Алексей Толстой и Давид Бурлюк. № 295, 2019;
- Елена Дубровина* – «Тайнопись неизреченного». О поэзии первой волны эмиграции». № 291, 2018; «И жизни не было, и смерти нет». № 293, 2018; Русская литературная диаспора во Франции. № 297, 2019;
- Геннадий Евграфов* – Пути и встречи Андрея Седых. № 300, 2020;
- О. Ф. Кузнецова* – Издательские шуточки и райские звуки. Стихи из переписки И. Чиннова и Ю. Иваска. № 296, 2019;
- Геннадий Кацов* – Бах: гений – парадоксов друг. № 291, 2018; Игорь Чиннов: «Нейтронная бомба не тронет меня». № 300, 2020;
- А. Е. Климов* – Солженицын смотрит на Америку. № 293, 2018;
- Ирина Кочергина* – Ю. И. Айхенвальд в берлинской газете «Руль». № 298, 2020;
- О. Ф. Кузнецова* – Юрий Иваск о стихах Игоря Чиннова – в статьях и переписке. К 110-летию Игоря Чиннова. № 296, 2019; Об архиве Игоря Чиннова в Отделе рукописей ИМЛИ РАН. № 298, 2020;
- Елена Кулен* – Толстовский фонд в Германии, № 294, 2019; Судьба русских «перемещенных лиц» в американской зоне оккупации в Баварии. № 295, 2019; Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей. 1945–1950 годы. № 299, 2020; Иван Елагин. Материалы биографии. № 300, 2020;
- Ольга Матич* – Саша Соколов. Три поразительных и очень разных романа. № 300, 2020;
- Юкио Накао* – Русские в Японии. Доклад на международной конференции ASEES. № 298, 2020;
- Валентина Синкевич* – Вспоминая Ирину Ратушинскую. № 291, 2018;
- Марк Уральский* – Марк Алданов. Исторический романист эмиграции. № 294, № 295, 2019;
- Е. Е. Чириков млад.* – Творчество Е. Н. Чирикова в эмиграции. № 295, 2019;
- Игорь Чиннов.* К 110 летию со дня рождения. Материалы конференции. ИМЛИ РАН. Ноябрь 2019. № 298, 2020.
- Сергей Шиндин* – Мария Моравская. Из «теневого окружения» О. Э. Мандельштама. № 299, 2020.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Блок Марины Адамович** – Свободные люди. Диссидентское движение в рассказах участников / Сост. А. Архангельский; Александр Гинзбург: Русский роман / Сост. В. Орлов; *Юрий Щекочихин.* Рабы ГБ. XX век. Религия предательства; *Мария Рубинс.* Русский Монпарнас. Парижская проза 1920–1930

- годов в контексте транснационального модернизма; *Андрей Иванов*. Обитатели потешного кладбища. № 294, 2019;
- Виталий Амурский* – *Манфред Шруба*. Словарь псевдонимов Русского Зарубежья в Европе. № 296, 2019;
- Станислав Айдинян* – *Евгений Чигрин*. Невидимый проводник. Стихотворения. № 294, 2019;
- П. Н. Базанов* – Русское Зарубежье. Великие соотечественники. № 296, 2019;
- Марина Гарбер* – *Марина Темкина*. Ненаглядные пособия. Сборник поэзии. № 299, 2020;
- Блок Игоря Михалевича-Каплана* – *Ирина Панченко*. Эссе о Юрии Олеше и его современниках: статьи, публикации, письма; *Лев Бердников*. – Дерзкая империя (нравы, одежда и быт Петровской эпохи); *Елена Литинская*. Семь дней в Харбине и другие истории. № 294, 2018;
- Вера Калмыкова* – *Молодыхов В. Э.* Тринадцать поэтов: Портреты и публикации. № 294, 2019;
- Геннадий Кацов* – Леонид Слепак. Река Теодора. № 292, 2018;
- Виктор Леонидов* – Ирина Обухова-Зелинская. К. И. Чуковский и Ю. П. Анненков. Из архивных сокровищ; Творчество Мишеля Винавера: между Францией, Америкой и Россией. № 292, 2018; Ежегодник Дома Русского Зарубежья, 2018. № 296, 2019; Солженицынские тетради: материалы и исследования. Вып. 7. № 299, 2020;
- Ирина Муравьева* – Григорий Марк. Четыре времени ветра. № 299, 2020;
- Михаил Сергеев*. *Игорь Михалевич-Каплан*. Русское зарубежье: Антология современной философской мысли. № 294, 2019;
- Ростислав Полчанинов* – Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944). № 294, 2019; *М. И. Близнюк*. Войной навек проведена черта... Вторая мировая война и русские артисты: под оккупацией, в Рейхе, в лагерях Ди Пи. № 294, 2019; *Radovan Pulko*. *Rusko zamejstro v slovenskih dezelah*; *Татьяна Пушкадия-Рыбкина*, *Инна Грубмайр*. Эмигранты из России в Загребе. № 296, 2019;
- Юрий Сандулов* – *Валерий Сергеев*. Евгений Климов. Художник-реалист Русского Зарубежья. № 296, 2019;
- И. Роднянская* – *Вера Зубарева*. Одесский трамвайчик. № 292, 2018;
- Марина Темкина* – *Лилия Газизова*. О летчиках Первой мировой и неконтролируемой нежности. Сборник поэзии. № 299, 2020;
- Барри П. Шерр* – *Марк Уральский*. Горький и евреи, *Марк Уральский*. Бунин и евреи. По дневникам, переписке и воспоминаниям современников. № 299, 2020.

СООБЩЕНИЯ. ЭССЕ. ЗАМЕТКИ. ОЧЕРКИ

- В. Ф. Бандурко* – Последний нью-йоркский кадет. Воспоминания. № 296, 2019;
- Сергей Голлербах* – Вспоминая Р. Б. Гуля. № 300, 2020;
- Павел Глушаков* – Вокруг одного письма Василия Шукшина. № 299, 2020;

Виктор Некрасов и «идеологическая бдительность». Неопубликованное письмо 1947 года. № 300, 2020;

Виктор Есинов – Вспоминая Владимира Войновича. № 296, 2019;

Олег Заславский – От темы к структуре. Об одном стихотворении Б. Чичибабина. № 297, 2019;

А. Е. Климов – История ежегодника «Записки РАГ в США». № 300, 2020;

Виктор Леонидов – Памяти Евгения Витковского (1950–2020). № 300, 2020;

Александр Локишин – Анатолий Якобсон и мой бедный отец. № 294, 2019;

А. Любимов – Св.-Троицкий мужской монастырь в Джорданвилле. Страницы истории. № 300, 2020;

А. Мартынов – Набоков и Пруст. Дополнения к комментариям. № 298, 2020;

Ростислав Полчанинов – Юбилейные даты Русского Зарубежья. № 296, 2019;

В. М. Шукишин – Письмо к В. П. Некрасову (*Публ.*– П. Глушаков). № 299, 2020.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Памяти Андрея Битова (1937–2018). № 293, 2018;

Памяти Владимира Николаевича Войновича (1932–2018). № 292, 2018;

Памяти Наума Коржавина (1925–2018). № 292, 2018;

Памяти Валентины Синкевич (1926–2018). № 292, 2018;

Сергей Голлербах. Памяти Т. О. Раннит (1919–2020). № 298, 2020;

Памяти Ю. А. Сандулова (1953–2020). № 299, 2020;

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адамович, Марина 294, 2019; 298, 2020

Ажгихина, Надежда 291, 2018,

Айдинян, Станислав 294, 2019

Аксельрод, Елена 291, 2018,

Алешковский, Юз 294, 296, 2019

Анастасьева, Ирина 293, 2018; 294, 2019

Амурский, Виталий 293, 2018; 296, 2019; 298, 300, 2020

Арутюнова, Каринэ 292, 2018; 297, 2019

Бабич, Джема 296, 2019

Базанов, П. Н. 296, 2019; 300, 2020

Бандурко, В.Ф. 296, 2019

Батиев, Владимир 292, 2018

Брылевская, Дария 299, 2020

Бараш, Александр 291, 292, 2018; 297, 2019

Барскова, Полина 296, 2019

Бауман, Андрей 299, 2020

Белозеров, Андрей 291, 2018; 295, 2019

Бельский, Станислав 295, 2019

Бердников, Лев 292, 2018; 294, 2019

Берсон, Лена 298, 2020

Бобышев, Дмитрий 300, 2020

Брайнин-Пасек, Валерий 296, 2019

Брейдо, Евгений 294, 2019

Брейтер, Полина 298, 2020

Бунимович, Евгений 291, 2018

Браун, Николай Ник. 295, 2019; 298, 2020

Вейцман, Александр 296, 2019

- Виразуб, Михаил* 292, 2018
Волосюк, Иван 297, 2019
Вольтская, Татьяна 297, 2019
Вольфсон, Янислав 292, 2018
Вульфина, Лариса 294, 2019; 298, 2020
Газизова, Лилия 295, 2019
Гандельсман, Владимир 291, 2018; 300, 2020
Гарбер, Марина 297, 2019; 299, 300 2020
Гельбах, Игорь 292, 2018; 295, 2019; 299, 300 2020
Герра, Ренэ 297, 2019; 300, 2020
Гинзбург, Александр 294, 2019
Глушаков, Павел 299, 300, 2020
Голлербах, Сергей 292, 2018; 298, 300, 2020.
Гордиенко, Т. В. 292, 2018
Горянин, Александр 294, 2019
Григорин, Борис 292, 2018
Григорьев, Александр 293, 2018
Грицман, Андрей 293, 2018; 298, 300 2020
Данильянц, Татьяна 293, 2018; 298, 2020
Деменов, Евгений 295, 2019
Дозморов, Олег 296, 2019
Дубровина, Елена 291, 292, 293 2018; 295, 296, 297, 2019; 298, 299, 300, 2020
Дудукина, Елена 293, 2018
Евграфов, Геннадий 300, 2020
Еситов, Виктор 292, 2018; 296, 2019
Жиганов, Владимир 298, 2020
Заславский, Олег 297, 2019
Захаров, Сергей 292, 2018; 294, 2019
Зильберштейн, Марк 292, 2018; 295, 2019
Золотарев, Сергей 293, 2018
Иванов, Андрей 294, 2019; 298, 300, 2020
Иванова, Ольга 293, 2018
Игнатов, Дмитрий 299, 2020
Игнатьева, Мария 298, 2020
Капович, Катя 300, 2020
Каретников, Б. П. 295, 297, 2019
Каримова, Асият 291, 2018
Кацов, Геннадий 291, 292 2018; 296, 2019; 299, 300, 2020
Кенжеев Бахыт 300, 2020
Климов, А. Е. 293, 2018; 300, 2020
Климовски, Керен 291, 2018
Коган, Евгений 300, 2020
Козлов, Владимир 294, 2019
Косман, Нина 291, 2018; 294, 2019
Кочергина, Ирина 298, 2020
Крайтман, Семен 298, 2020
Красильников, Андрей 293, 2018
Краускопф, Джозеф 299, 2020
Кузнецова, О. Ф. 296, 2019; 298, 2020
Кулен, Елена 294, 295 2019; 299, 300, 2020
Курас, Игорь Джерри 299, 2020
Лайт, Гари 296, 2019
Легкая, Ираида 292, 2018; 296, 2019
Леонидов, Виктор 292, 2018; 296, 2019; 299, 300, 2020
Лескова, Алла 294, 2019
Литинская, Елена 293, 2018; 294, 2019; 299, 2020
Лихтенфельд, Борис 292, 2018
Логош, Ольга 291, 2018
Локишин, Александр 294, 2019
Любимов, Андрей 300, 2020
Львов, Василий 295, 2019
Мальбахов, Каральби 294, 2019
Мандельштам, Юрий 295, 297, 2019; 298, 299, 300, 2020
Марк, Григорий 291, 2018; 295, 2019; 299, 2020
Мартынов, Андрей 298, 2020
Матич, Ольга 300, 2020
Машинская, Ирина 300, 2020
Меклина, Маргарита 293, 2018

- Меламед, Марина* 291, 2018
Метельский, Игорь 299, 2020
Михайлик, Юрий 291, 2018
Михайлова, М. В. 300, 2020
Михалевич-Каплан, Игорь 292, 2018; 294, 295, 2019
Мок, Джудит 297, 2019
Мотт, Александр 293, 2018
Муравьева, Ирина 299, 2020
Мусаян, Ара 294, 297 2019
Назарова, А. В. 300, 2020
Накано, Юкио 298, 2020
Немировский, Александр 297, 2019
Нузов, Владимир 293, 2018
Ольшванг, Хельга 298, 2020
Павлович, В. П. 297, 2019
Пестырев, Станислав 297, 2019
Петров, Александр 295, 2019
Полчаиниов, Ростислав 294, 296, 2019
Померанцев, Игорь 296, 2019
Преображенская, Екатерина 299, 2020
Прозоров, Илья 298, 2020
Рахман, Виталий 297, 2019
Радашкевич, Александр 293, 2018
Резник, Наталья 292, 2018
Ржевский, Леонид 300, 2020
Рибопьер, Владимир 295, 2019
Роднянская, Ирина 292, 2018
Розовский, Исаак 297, 2019
Рубинс, Мария 291, 2018; 294, 2019
Савелов, Л. В. 293, 2018
Салимон, Владимир 294, 2019
Сандулов, Юрий 292, 2018; 294, 296, 2019
Семин, Владимир 292, 2018
Сергеев, Михаил 294, 2019
Симонова-Партан, Ольга 295, 2019
Синкевич, Валентина 291, 2018
Синченко, А. И. 292, 2018
Скобло, Валерий 291, 2018; 296, 2019
Сливкин, Евгений 291, 2018
Старосельский, Эдуард 292, 2018
Темкина, Марина 299, 2020
Ткаченко-Гастев, Алексей 295, 2019
Торчлин, Владимир 298, 2020
Тюхин, Василий 296, 2019
Улановская, Елена 297, 2019
Уральский, Марк 292, 293, 2018; 294, 295, 2019; 299, 2020
Фабрикант, Борис 299, 2020
Федоров, А. М. 292, 2018
Фельзен, Юрий 295, 297, 2019
Фет, Виктор 292, 2018
Ханан, Владимир 291, 2018; 300, 2020
Червинская, Наталья 293, 2018
Черешня, Валерий 296, 2019
Чечик, Феликс 295, 2019
Чигрин, Евгений 292, 2018
Чириков, Е. Е. 295, 2019
Чичибабин, Борис 297, 2019
Шабалин, Сергей 291, 2018; 295, 296, 2019;
Шакарян, Константин 299, 2020
Шаповалов, Вячеслав 293, 2018
Шевченко, Ганна 293, 2018
Шерр, Барри 292, 2018; 299, 2020
Шиндин, Сергей 299, 2020
Шириова, Клементина 294, 2019
Шукишин, В. М. 299, 2020
Юркевич, Анастасия 291, 2018
Эскина, Марина 2012, 2018; 299, 2020
Этельзон, Михаил 294, 2019
Ярмолинец, Вадим 2012, 2018
Яровой, Сергей, 298, 2020
Яськов, Владимир 291, 2018; 296, 2019; 300, 2020

The New Review / Novyi Zhurnal is the oldest continuously published Russian-language literary quarterly

The New Review Inc. gratefully acknowledges the support of our loyal friends:

Patron: The Tcherepnine Society, Mr. P. Tcherepnine; Russian Nobility Association in America;

Benefactor: University of Pittsburg;

Sponsors: American-Russian Aid Association “Otrada”; Mr. S. Hollerbach; Eli & Ludmila Flam Living Trust; Mr. A. Nemirovsky; Mr. Alexander Petrov & Mrs. Krinka Vidakovic-Petrov;

Fellows: Mr. G. Glinka; Mr. A. Moussaïan; Mr. & Mrs. J. Vulfin;

Friends: Mr. & Mrs. M. Averbuch; Mr. & Mrs. G. Golovin; Mr. A. Gritsman, Ms. N. Kossman, Ms. C. Raeff.

It requires the support of loyal friends for year 2021:

Patron – \$ 5,000 and up

Benefactor – \$ 2,000 and up

Sponsor – \$ 1,000 and up

Fellow – \$ 500 and up

Friend – \$ 100 and up

The Internal Revenue Service has determined that The NEW REVIEW, Inc. is a tax-exempt organization and a «public charity» pursuant to the provisions of the Internal Revenue code 501 (c) (3). Contributions to The NEW REVIEW, Inc. are tax-deductible under the provisions of section 170 of the code.

Checks must be made payable to

THE NEW REVIEW
1216 Broadway, 2nd floor
New York, NY 10001

НАШИ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Москва, Россия: Андрей Красильников – 111024 Москва, а/я 61

Санкт-Петербург, Россия: Евгений Голлербах – тел.: 7-921-940-0421

Париж, Франция: Виталий Амурский: vitaly.amoursky@gmail.com

Израиль: Марина Кособок-Полонски: Polonskybooks@gmail.com

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ» МОЖНО КУПИТЬ В МАГАЗИНАХ:

Дом Русского Зарубежья: 109004 Москва, Нижняя Радищевская, д. 2

Магазин «Фаланстер»: Москва, Тверская 17; тел.: 7+495-629-88-21

Магазин «Подписные издания»: Санкт-Петербург, Литейный, д. 57;

тел.: 8+812-273-50-53; 8+800-500-25-09

Librairie du Globe: 67, Bd. Beaumarchais 75003 Paris, France

RBC Video / Bukinist: 269 Brighton Beach Ave, Brooklyn, NY, USA

Polonsky Books: Haifa, Huri Street, 2, Migdal ha Nevi'im, Israel; +972 55 968 24 16
на сайте журнала через PayPal (кнопка: Подписка)

Вы можете оформить электронную подписку на журнал. Подробности на сайте: www.newreviewinc.com (кнопка: Подписка)

STATEMENT OF OWNERSHIP, MANAGEMENT AND CIRCULATION 2020

- 1.Publication title – The New Review
- 2.Publication No. – 596680
- 3.Filing date – [as published]
- 4.Issue frequency – Quarterly
- 5.Number of issues published annually – 4
- 6.Annual subscription price – \$ 76.00
- 7.Complete mailing address of known office of publication – 1216 Broadway Floor 2, New York, NY 10001
- 8.Complete mailing address of headquarters or general business office of the publishers – 1216 Broadway Floor 2, New York, NY 10001
- 9.Names and complete address of publisher, editor, managing editor:
 Publisher – The New Review Inc., 1216 Broadway Floor 2, New York, NY 10001
 Managing Editor – Marina Adamovitch, 1216 Broadway Floor 2, New York, NY 10001
10. Owner – The New Review Inc., 1216 Broadway Floor 2, New York, NY 10001
11. Known bondholders, mortgagees, and other security holders owning or holding 1% or more of total amount of bonds, mortgages, or other securities – None
12. Tax status (For completion by nonprofit organization authorized to mail at nonprofit rates) The purpose, function, nonprofit status of this organization and the exempt status for federal income tax purposes: Has not changed during preceding 12 months
- 13-14. Issue date for circulation data – September 2020
15. Extent and nature of circulation

	Average number of copies each issue during preceding 12 months	Copies of Single issue published nearest to filing date
a) Total number of copies	450	500
b) Paid circulation (by mail and outside)		
(b1) Mailed outside-county paid subscriptions stated on Form 3541	105	95
(b2) mail in-county subscriptions stated on Form 3541	13	11
(b3) sales through dealers and carriers, other non-USPSpaid distribution	186	223
(b4/ other classes mailed through the USPS	73	75
c/ Total paid and/orrequested circulation	377	404
d/ Free distribution by mail		
(d1) outside county (Form 3541)	0	0
(d2) in-county (Form 3541)	0	0
(d3) other classes mailed through the USPS	25	37
e/ Free distribution outside the mail	15	14
f/ Total free distribution	40	51
g/ Total distribution	417	455
h/ Copies not distributed	33	45
i/ Total	450	500
j/ Percent paid and/or	90.4	88.8

I certify that the statements made by me above are correct and complete – (Signature of editor, publisher, business manager or owner) – Marina Adamovitch, Managing Editor

---

Новый Журнал THE NEW REVIEW

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ на 2021

Подписная цена (4 книги, включая пересылку):

для университетов и организаций
в США – \$ 150.00, за границу – \$ 200.00
(10% скидка для подписных агентств)

Индивидуальная подписка

(4 книги, включая пересылку):
в США – \$ 80.00, за границу – \$ 120.00

Цена отдельного номера – \$ 16.00

дополнительно за пересылку:
в США – \$ 7.00, за границу – \$ 25.00

E-access на год – \$ 185.00

Комбинированная подписка на год
(E-access и 4 журнала)

в США – \$ 320.00
за границу – \$ 360.00
(10% скидка для подписных агентств)

Все подробности о подписке на сайте
www.newreviewinc.com (Подписка)

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ В РЕДАКЦИЮ:

The New Review
1216 Broadway, 2nd floor, New York, NY 10001

Телефон и факс редакции: (212) 353-1478
www.newreviewinc.com
newreview@msn.com
newreviewworld@gmail.com
